This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

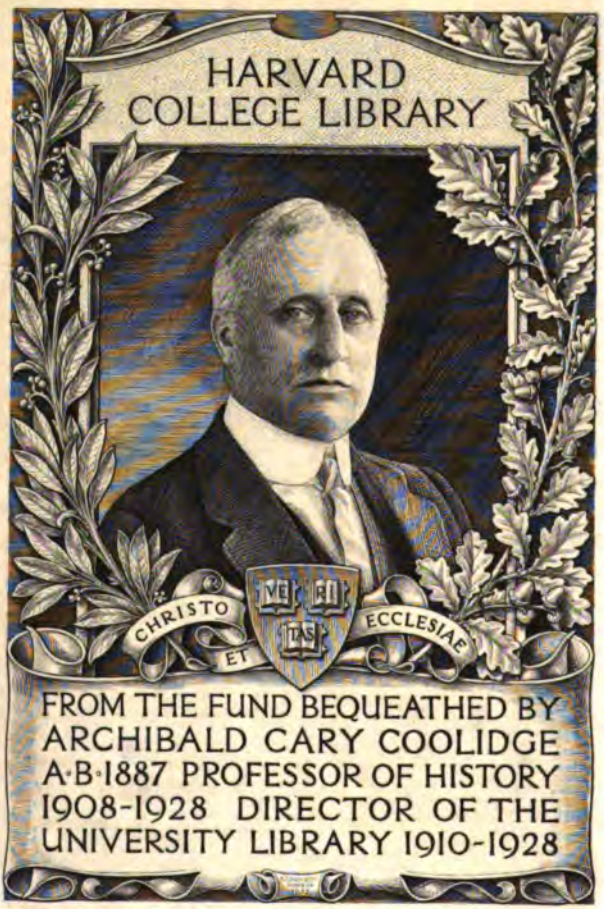
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

P Slav 611.20



Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

275

ТОМЪ ДВѢСТИ СЕМЬДЕСЯТЪ ПЯТЫЙ.

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ СОРОКЪ ШЕСТОЙ.)

ПРИ ДВОРЯНСКОМЪ ДЕПУТАТСКОМЪ СОБРАНІИ. ТУЛЬСКАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛІОТЕКА

1901

СЕНТЯБ

СОДЕРЖАНІЕ:

		Стр.
I.	НАУКА. Очеркъ московской жизни. (Окончаніе). **М. П. Садовскаго.**	1
II.	МАНДАРИНЪ. **С. Литовскаго.**	18
III.	1611 ГОДЪ. Историческая повѣсть. XVIII—XXIII. (Окончаніе). **К. Ц. Яроша.**	23
IV.	ВНѢ РАМКИ. Повѣсть. VI—XVII. (Окончаніе). **Ѳ. Э. Ромера.**	61
V.	СЪ ОТЛИЧІЕМЪ. Разказъ **Маріи Эбнеръ-Эшенбахъ.** Съ нѣмецкаго.	91
VI.	СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ЛИРИКА. (Окончаніе). **В. Ѳ. Саводника.**	127
VII.	ВОЕННО-ПОХОДНЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ. I. Отъ Владивостока до Сен-ю-чэна. II. Отъ Сен-ю-чэна до Коджоу. **И. Е. Иванова.**	140
VIII.	ПСИХОЛОГІЯ НАРОДОВЪ. II. Мимика. Языкъ звуковъ. **А. М.**	157
IX.	НА РОДИНѢ НОРМАНОВЪ. VII. Нёрдаль и Согне-фіордъ. (Продолженіе). **Е. Л. Маркова.**	173
X.	ИСТОРІЯ БѢЛОКРИНИЦКАГО СВЯЩЕНСТВА ПО СМЕРТИ ИНОКА ПАВЛА. XV. **Профессора Н. И. Субботина.**	186
XI.	СМѢСЬ.	196
XII.	БИБЛІОГРАФІЯ.	204
XIII.	НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.	238
XIV.	СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.	271

(См. 4-ю стр. обложки).

ПРИЛОЖЕНІЯ:

XV.	ГРАФИНЯ КЭТЪ. Юмористическіе очерки Адлерсфельдъ-Баллерстремъ. Съ нѣмецкаго. III. Синдетиконъ.	
XVI.	НЕВОЗМОЖНАЯ БАБСЪ. Романъ. Сары Грандъ. Съ англійскаго. Главы XII—XXVI.	

Digitized by Google

Условія подписки на 1901 годъ.

Подписная цѣна на годовое изданіе „**Русскаго Вѣстника**“, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книгъ: безъ доставки въ конторѣ журнала **15** р. **50** к., съ доставкою въ **Москвѣ** и **С.-Петербургѣ 16** р., съ пересылкою во всѣ мѣста Россіи **17** р., а **за границу 19** руб.

Принимается также подписка на сроки: на 6 мѣсяцевъ **8** р. **50** к., на 3 мѣсяца **4** р. **25** к. и на 1 мѣсяцъ **1** р. **50** к. съ пересылкою и доставкою.

Для гг. годовыхъ подпищиковъ допускается разсрочка въ платежѣ денегъ, а именно: при подпискѣ вносится въ контору журнала **9** руб., а остальная сумма уплачивается къ 1-му іюня.

Книжные магазины пользуются уступкою по **50** копѣекъ съ годоваго экземпляра. Подписка на сроки менѣе года отъ книжныхъ магазиновъ не принимается.

Подписка на сроки менѣе года, а также въ разсрочку, принимается исключительно въ конторѣ журнала.

Контора журнала покорнѣйше проситъ гг. подпищиковъ имѣть въ виду слѣдующее:

1 При перемѣнѣ адреса гг. подпищики благоволятъ сообщать конторѣ журнала вмѣстѣ съ новымъ адресомъ, по которому желаютъ получать журналъ, и старый адресъ, или же точно обозначать нумеръ бандероли, подъ которою получаютъ журналъ.

2 Согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе о неполученіи книги журнала допускается не позже полученія слѣдующей книги.

3) Контора журнала не отвѣчаетъ за аккуратную доставку книгъ журнала предъ тѣми лицами, которыя подписались помимо конторы журнала; съ жалобами въ такихъ случаяхъ гг. подпищики благоволятъ обращаться въ тѣ мѣста, гдѣ подписались.

4) За перемѣну адреса уплачивается **40** коп., за исключеніемъ перемѣны адресовъ изъ Москвы и С.-Петербурга въ другія мѣста Россіи, за каковую перемѣну доплачивается **1** руб. **50** коп.

За перемѣну адреса изъ Москвы и С.-Петербурга за границу доплачивается **3** руб. **50** коп., а изъ другихъ мѣстъ Россіи за границу **2** руб. **50** коп.

5) Чтобы ближайшая книжка журнала могла быть отправлена по новому адресу,—заявленіе о перемѣнѣ адреса должно быть получено въ конторѣ журнала не позже 25 числа текущаго мѣсяца.

Адресъ конторы и редакціи: Москва, Малая Дмитровка, 29.

Digitized by Google

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ДВѢСТИ СЕМЬДЕСЯТЪ ПЯТЫЙ.

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ СОРОКЪ ШЕСТОЙ.)

СЕНТЯБРЬ.

1901.

Т-во типо-литографіи **Владиміръ Чичеринъ** въ **Москвѣ**. Марьина роща, соб. д.

1901.

Digitized by Google

Digitized by Google

ПРИ ДВОРЯНСКОМЪ
ТУЛЬСКАЯ
ПУБЛИЧНАЯ БИБЛІОТЕКА
ДЕПУТАТСКОМЪ СОБРАНІИ.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Digitized by Google

Δ
P Slav 611.20
✓

HARVARD COLLEGE LIBRARY
FROM THE
ARCHIBALD CARY COOLIDGE FUND

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ

ДВѢСТИ СЕМЬДЕСЯТЪ ПЯТАГО ТОМА.

Русскій Вѣстникъ.

СЕНТЯБРЬ.

Стр

1. Наука. Очеркъ московской жизни. (Окончаніе). *М. П. Садовскаго.* 1
2. Мандаринъ. *С. Лиговскаго.* 18
3. 1611 годъ. Историческая повѣсть. XVIII—XXIII. (Окончаніе). *К. Н. Яроша.* 23
4. Внѣ рамки. Повѣсть. VI—XVII. (Окончаніе). *Ѳ. Э. Ромера.* 61
5. Съ отличіемъ. Разказъ *Маріи Эбнеръ-Эшенбахъ.* Съ нѣмецкаго. 91
6. Современная русская лирика. (Окончаніе). *В. Ѳ. Саводника.* 127
7. Военно-походныя впечатлѣнія. I. Отъ Владивостока до Сенюю-чэна. II. Отъ Сен-ю-чэна до Коджоу. *И. Е. Иванова.* 140
8. Психологія народовъ. II. Мимика. Языкъ звуковъ *А. М.* . 157
9. На родинѣ Нормановъ. VII. Нёрдаль и Согне-фіордъ. (Продолженіе). *Е. Л. Маркова.* 173
10. Исторія Бѣлокриницкаго священства по смерти инока Павла. XV. *Профессора Н. И. Субботина.* 186
11. Смѣсь. 196

БИБЛІОГРАФІЯ:

1. Дорожное дѣло въ Россіи 204
2. Русскія сельскія хозяйства 208

Digitized by Google

Стр.

3. Лѣса и степь 209
4. „Большой Кулакъ“. 212
5. Изданіе сочиненій Жуковскаго 215
6. Календарь Человѣколюбиваго Общества 216
7. Изъ историческихъ журналовъ 219

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

8. Французскій критикъ о Максимѣ Горькомъ. 238
9. Начало новаго театра во Франціи 245
10. Двѣ новыя книги о Ницше 252
11. Успѣхи военной техники и идея разоруженія. 261
12. Песимизмъ Ибсена 263

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ:

1. Упраздненіе просвѣщенія. 271
2. Древніе класическіе языки въ школѣ. *С. А. Рачинскаго* . 276
3. Конецъ „крестьянскаго царства“. *Н. Н. Емельянова*. . . 280
4. Два кризиса. *Н. Н.* 288
5. Письмо изъ Лондона. Синяя книга о переговорахъ съ Китаемъ. *Странника*. 294
6. Письмо изъ Босно-Герцеговины. *Лашина*. 309
7. Изъ текущей жизни 319
8. Ѳ. Э. Ромеръ. Некрологъ. 329
9. Книги поступившія въ редакцію *Русскаго Вѣстника* въ августѣ. 331

ПРИЛОЖЕНІЯ:

1. **ГРАФИНЯ КЭТЪ**. Юмористическіе очерки Адлерсфельдъ-Баллерстремъ. Съ нѣмецкаго. III. Синдетиконъ.
2. **НЕВОЗМОЖНАЯ БАБСЪ**. Романъ. Сары Грандъ. Съ англійскаго. Главы XII—XXVI.

Digitized by Google

ПРИ ДВОРЯНСКОМЪ
ТУЛЬСКАЯ
ПУБЛИЧНАЯ БИБЛІОТЕКА
ДЕПУТАТСКОМЪ СОБРАНІИ.

НАУКА.

ОЧЕРКЪ МОСКОВСКОЙ ЖИЗНИ *).

Наступило молчаніе нарушаемое щелканіемъ орѣховъ которые очень старательно грызла г-жа Финогенова и съ большой виртуозностію выплевывала скорлупу на средину улицы. За воротами послышались приближающіеся голоса и вскорѣ на тротуарѣ появилась чета Мироновыхъ провожающая своихъ гостей. Первымъ вышелъ самъ хозяинъ одѣтый сверхъ блузы въ клѣтчатый, коричневаго цвѣта пиджакъ; онъ остановился съ краю калитки; за нимъ вышелъ кумъ, съ широкимъ малиновымъ потнымъ лицомъ, съ прилипшими къ щекамъ прямыми, темными волосами, въ картузѣ, въ драповомъ застегнутомъ пальто, въ высокихъ сапогахъ и съ большимъ синимъ коленкоровымъ зонтикомъ въ рукахъ; потомъ выползла кума, сытая женщина, въ желтомъ шерстяномъ платьѣ, въ ватерпруфѣ, съ черной косынкой на головѣ и съ длинными „дульками“ въ ушахъ; въ заключеніе руками Василисы Егоровны была заботливо переставлена подъ мышки черезъ порогъ крестница, весноватая дѣвочка лѣтъ шести съ золотухой подъ носомъ, въ ярко-розовомъ платьицѣ сшитомъ „на ростъ“, изъ-подъ котораго виднѣлись довольно длинные панталоны съ кружевцами, въ туфляхъ съ бантиками, въ соломенной круглой шляпкѣ увѣнчанной цѣлымъ букетомъ какихъ-то красныхъ и синихъ цвѣтовъ, и съ палочкой шоколада въ рукахъ. Когда всѣ оказались на тротуарѣ, началось прощаніе, причемъ почти одновременно произносились слѣдующія фразы:

— Будьте здоровы!

— Оченно вами благодарны!

— Мы завсегда ради!

*) Окончаніе. См. *Русскій Вѣстникъ*, августъ, 1901 г.

Digitized by Google

— За угощеніе!
— Помилуйте, не взыщите!
— Къ намъ милости просимъ!
— Ваши гости!
— Клепочка, поцѣлуй крестную-то!
— Про аменины-то не забудьте!
— Какъ возможно!
— До пріятнаго!
— По конкѣ поѣдете?
— По конкѣ, за три пятачка!

Гости тронулись въ путь; хозяева ихъ сопровождали до угла улицы непрерывно повторяя разныя пожеланія и благодаренія; на углу еще постояли, еще покланялись и медленно возвратились къ воротамъ; Василиса Егоровна ушла во дворъ, а самъ Мироновъ присоединился къ сидѣвшей компаніи. Онъ былъ немного выпивши, глаза у него раскосились и на лицѣ проступили красныя пятна; усѣвшись на край скамейки онъ сейчасъ же досталъ изъ кармана круглую жестянку съ табакомъ и приступилъ къ свертыванію папиросы.

— Этотъ самый вашъ кумъ и есть? съ пріятной улыбкой спросилъ его Финогеновъ.

— Онъ самый, насыпая табакъ съ ладони въ свернутую трубкой бумагу съ легкимъ коснѣніемъ въ языкѣ отвѣтилъ тотъ.—Супруга при немъ и самая эта наша крестница, Клепочка. Ну, какой анделъ ребенокъ, такъ даже... Ну, такая умная, хучь большой такъ въ пору. Мамаша-то, то-есть, которая наша кума, ученая, въ училищѣ курсу кончила и, сталобыть, по этой части съ ей займается... Ахъ, какой анделъ!..

На послѣднемъ словѣ онъ громко икнулъ и сплюнулъ.

— Востренькая дѣвочка? спросила жена Финогенова.

— Ну, вѣрите ли, для большей убѣдительности прижимая руку къ груди отвѣтилъ Мироновъ, — мы просто даже диву дались!.. Молитвы, напримѣръ, всѣ знаетъ... то-есть, вотъ какъ: тра-та-та-та... даже не разберешь... Ну, чистый анделъ!.. И все это барственно такъ, жена даетъ ей конфетину, и сейчасъ она „мерси“... Ну, рѣшительно все!.. Мамаша ей говоритъ: „скажи крестной стишекъ“, и сейчасъ она намъ про птичку и про эту... какъ ее?.. про стрекозу... Ахъ, ты! Наконецъ того, кума полегоньку запѣла, въ ладошки ударять стала, и вдругъ крестница наша подбоченилась, кулачки подъ мышечки, и начала дѣствовать русскую... Ну, до чего же... Ахъ, какой анделъ!..

Digitized by Google

— Обучена, стало-быть, всему этому, замѣтилъ Малышкинъ.—Годовъ-то ей сколько?

— Седьмой годокъ, съ умиленіемъ отвѣтилъ Мироновъ,— всего-на-всего седьмой годокъ!..

— И все понимаетъ, вставилъ Финогеновъ. — Вотъ она наука-то что̀ значитъ!

— А у вашего кума какое занятіе? обратился Бархо̀ткинъ къ Миронову.

Тотъ сразу сдѣлалъ серіозное лицо, насупилъ брови, значительно покрутилъ головой и произнесъ:

— Богачъ!..

— Безъ занятія?

— Какъ можно! У его занятіевъ дай Богъ всякому! Чего хочешь!.. Въ собственномъ своемъ домѣ живетъ, четыре комнаты занимаетъ, да во флигарѣ двѣ квартеры подъ жильцовъ сдаетъ...

— Ишь ты!

— Да, вполнѣ себѣ господинъ, горделиво говорилъ Мироновъ.—Опять за женой взятыя деньги...

— Торговля что ли у его какая? допытывался Бархо̀ткинъ.

— У его, братъ... У его окончательно что̀ хочешь... бормоталъ Мироновъ, — на это глядѣть нечего что онъ въ картузѣ ходитъ... Онъ, братъ, гильдію платитъ...

— Гильдію?

— Безпремѣнно!

Всѣ пріумолкли, кто-то вздохнулъ; Малышкинъ тонкимъ фальцетомъ мурлыкалъ что-то pianissimo; жена Финогенова докушивала послѣднюю горсть орѣховъ; Лобовъ хрипѣлъ своей трубкой; постепенно надвигались сумерки.

— Ахъ, ты, каторжный этакій! Это ты что̀ жь такое надѣлалъ?.. донесся со двора пронзительно-отчаянный голосъ Василисы Егоровны.

— Ваша мадамъ что-то шумитъ, обратился къ Миронову Малышкинъ.

— Полагать надо, опять Трошка что̀ ни на есть спроказилъ, промолвилъ Финогеновъ.

— Безпремѣнно онъ, шельма, прислушиваясь и поводя раскосившимися глазами отвѣтилъ Мироновъ.

— Нѣтъ, врешь, пойдемъ къ хозяину, кричала уже задыхающимся голосомъ Василиса Егоровна,—пущай онъ тебя поучитъ!

Digitized by Google

— Отпустите, ради Христа! слышался молящій, испуганный голосъ Трошки.

— Иди, иди, не упирайся! кричала Василиса Егоровна и черезъ нѣсколько мгновеній явилась въ калиткѣ сама лѣвой рукой крѣпко вцѣпившись въ худую шею Трошки, а въ правой держа обглодокъ вѣсоваго ситника съ изюмомъ.

— Вотъ, разрази меня... съ трясущимися губами, съ отпечаткомъ ужаса на широко раскрытыхъ глазахъ, схватившись за помятую мощной рукой Василисы Егоровны шею, залепеталъ было Трошка, но Василиса Егоровна его перебила:

— Вотъ гляди, Миронычъ! гнѣвно потрясая объѣдкомъ передъ самымъ лицомъ мужа, съ большимъ волненіемъ на всю улицу вопіяла она.—Пришла я со стола убрать опосля гостей, гляжу: цѣльнаго куска колбасы нѣтъ и ситника краюшки нѣтъ... Что, думаю, за оказія?.. А онъ, вшивый, стоитъ у крыльца да изъ ситника-то изюминки выковыриваетъ!..

— Какимъ же это манеромъ осмѣлился ты? откинувшись спиной къ забору и глядя на Трошку нетрезвыми глазами съ достоинствомъ присущимъ только судьѣ спросилъ Мироновъ.

По всему тѣлу Трошки пробѣжала дрожь, изъ глазъ покатились, одна погоняя другую, крупныя какъ горошины слезы, изъ сжатаго спазмами рыданія горла стали выскакивать робкія, несвязныя оправданія:

— Я думалъ... вотъ ей-Богу... я думалъ что не нужно... ѣсть захотѣлось... вотъ отсохни руки-ноги... Господи!.. цѣльный день не ѣмши...

— Да хоть бы ты околѣлъ съ голоду, грозно перебивала его Василиса Егоровна, — не смѣешь ты до хозяйскаго добра касаться.

Съ послѣднимъ словомъ она дала Трошкѣ крѣпкій подзатыльникъ; проходившіе по противоположной сторонѣ двое какихъ-то парней пріостановились, перешли черезъ улицу и стали наблюдать происходившую сцену.

Мироновъ посмотрѣлъ на нихъ, не безъ труда поднялся на ноги и ни къ кому не обращаясь произнесъ:

— Однако передъ публикой намъ себя обозначать нечего, пойдемъ во дворъ, тамъ все дѣло разберемъ.

Василиса Егоровна сильно повернула трепещущаго Трошку, пихнула его въ калитку и пошла за нимъ вслѣдъ вмѣстѣ съ мужемъ.

— Это у васъ что такое? спросилъ одинъ изъ проходившихъ.

Digitized by Google

— Ученикъ, знать, парнишка-то? добавилъ другой.

— Вы проходите, проходите своей дорогой, вмѣсто отвѣта мрачно сказалъ имъ Бархоткинъ.

— Мы пройдемъ, попробовалъ возразить первый,—а только что намъ антиресно...

— Антиресуйтесь въ другихъ мѣстахъ, а не у насъ...

— Почему же такое?.. началъ было второй, но его перебилъ Жоржъ:

— А потому что вамъ самимъ можетъ по шеѣ влетѣть довольно слободно.

Прохожіе вопросительно переглянулись, пожали плечами и отправились дальше; послѣ удаленія незнакомцевъ общество приступило къ обсужденію происходящаго во дворѣ.

— А теперь Трошкѣ опять попадетъ.

— Ужь это безъ сумленія.

— Оголодалъ мальчишка, ну, и сбаловалъ.

— Оставьте пожалуйста! Все одно, учить его слѣдоваетъ...

— Обыкновенно! Не поучи, такъ онъ зачнетъ...

— Ты спервоначалу спроси, можно ли, дескать, а тамъ и ѣшь...

— Ежели ихнему брату спущать, такъ послѣ отъ ихъ житья не будетъ!..

— Нынче ситникъ да колбаса, а тамъ глядишь и до денегъ доберется...

— И очень просто! Мало ли черезъ это въ жулики-то попадаетъ!

— Какъ можно не остерегаться!

— Ой, не буду! раздавалось со двора.

— Нашпариваютъ!

— Пойдемъ, поглядимъ какъ у нихъ это продолжается, сказала одутловатая женщина плосколицей, и обѣ ушли въ калитку.

— Ой, дяденька! доносилось со двора.

— Миронычъ-то выпимши... какъ бы не того... не слышимъ... сказалъ Малышкинъ и пошелъ во дворъ; за нимъ потянулись и другіе кромѣ „купчихи“ и Лобова.

— Скоро фиверки-то будутъ запущать?

— Запущаютъ! набивая себѣ новую трубку и не глядя на нее буркнулъ Лобовъ.

Digitized by Google

Какъ ни былъ привыченъ Трошка къ разнаго рода истязаніямъ, но двѣ трепки полученныя имъ въ Петровъ день, кромѣ рубцовъ, царапинъ и кровоподтековъ, оставили глубокій слѣдъ и въ его нравственномъ мірѣ. Когда-то, хотя и не часто, появлявшаяся на его лицѣ робкая улыбка исчезла совершенно; разсѣянный, дѣтски наивный взглядъ сталъ серіозенъ, кроткіе голубые глаза какъ-то глубже погрузились въ орбиты и часто неподвижно останавливались на одной точкѣ. Эту очень замѣтную перемѣну въ своемъ ученикѣ Мироновъ объяснялъ непокорностью и строптивостью его духа. Хотѣлось бы ему этотъ духъ вышибить, но безъ осязательной причины не поднималась рука. Однако, Василиса Егоровна пользуясь помощію Трошки въ разныхъ хозяйственныхъ дѣлахъ находила возможнымъ по временамъ отпускать ему щипки и подзатыльники. Четѣ Мироновыхъ жилось туго; безработица продолжалась; существованіе приходилось поддерживать закладываніемъ разныхъ предметовъ домашняго обихода; воздыханія и сѣтованія на судьбу происходили при тратѣ каждаго гроша, и на Трошку въ это время бросались непріязненные взгляды какъ на лишній ротъ.

Но судьба всетаки сжалилась надъ впавшей въ унынію четой, богачъ изъ Марьиной рощи нашелъ своему куму изрядную работу которая заключалась въ починкѣ и приведеніи въ надлежащій видъ разныхъ комодовъ, диванновъ, столовъ и проч. изъ меблированныхъ комнатъ содержимыхъ какимъ-то его другомъ.

Наголодавшійся мастеръ воспарилъ духомъ и съ лихорадочной алчностью принялся за работу. Василиса Егоровна повеселѣла и оживленно бесѣдовала со своими сожительницами за воротами; но для Трошки наступили печальные дни.... Въ чаду жажды заработка Мироновъ забывалъ что его ученикъ знаетъ очень немногое, онъ требовалъ отъ него умѣнія настоящаго мастера и потому подвергалъ его ученію сугубому. Трошка молчалъ, сносилъ побои и всѣми силами старался удерживать набѣгавшія слезы. Откуда взялось въ мальчикѣ это стоическое терпѣніе и чего онъ думалъ имъ достигнуть, остается тайной его преждевременно-вымученной души.

Благодаря теплой и ясной погодѣ работа производилась на дворѣ, передъ крыльцомъ флигеля, на виду у всего населенія дома.

— Хорошо ли ученикъ-то вашъ старается? спрашивалъ какой-нибудь сожитель.

Digitized by Google

— Мука только одна съ имъ! раздраженно отвѣчалъ Мироновъ.—Чистое Божеское наказаніе!

— Какъ же это ты, братецъ ты мой? обращался любопытствующій уже къ Трошкѣ, — тебя, напримѣръ, учатъ, а ты не хочешь понимать...

Трошка не отрываясь отъ работы вскидывалъ на непрошеннаго совѣтника своими не по-дѣтски серіозными глазами и ничего не говорилъ.

— Ты заключай такъ, продолжалъ совѣтникъ, — что въ наукѣ и твоя польза состоитъ, и хозяину удовольствіе. Чѣмъ больше ты своего старанія приложишь, тѣмъ ты для хозяина милѣе будешь.

Трошка ужь не поднимая глазъ продолжалъ молчать и стискивалъ въ груди мучительный вздохъ.

— Что вы ему толкуете? Нешто онъ чувствуетъ? рѣзко произносилъ Мироновъ.—Для всякаго хозяина хорошій ученикъ гордость составляетъ, а этотъ... У, идолъ!

Трошка инстинктивно пригибалъ голову и получалъ затрещину.

Уходилъ одинъ совѣтникъ, приходилъ другой, третій и всѣ разговаривали на одну тему съ очень незначительными варіаціями; изъ всѣхъ обитателей нашлось только одно существо оставшееся при особомъ мнѣніи, это была молодая дѣвушка-бѣлошвейка снимавшая съ матерью комнатку у Финогенова; она проходила дворомъ, видѣла какъ Мироновъ ударилъ Трошку и съ волненіемъ въ голосѣ сказала:

— Что вы дѣлаете? Развѣ можно такъ драться?

— Чего-съ? мрачно вызывающимъ тономъ бросилъ ей Мироновъ.

— Я говорю за что вы его все время бьете?.. Онъ маменькій, а вы...

Трошка низко опустилъ голову и сморгнулъ двѣ невольныя благодарныя слезы.

— Вы, мамзель, имѣйте свое направленіе, куда шли, а въ чужія дѣла не встрѣвайтесь! грозно сдвигая брови, грубо, съ азартомъ отвѣтилъ Мироновъ.

Дѣвушка боясь услыхать что-нибудь оскорбительное для себя только пожала плечами и пошла дальше; когда она уже выходила за калитку, Мироновъ ей крикнулъ вслѣдъ:

— Шушера бульварная!..

— Про чего это она, Миронычъ? спросила мужа появившаяся на крыльцѣ съ засученными рукавами Василиса Егоровна.

Digitized by Google

— Зачѣмъ, вишь, парнишку учу! отвѣтилъ Мироновъ.— Сволочь этакая!

— Смотри ты, какая еще фря выискалась! сказала Василиса Егоровна и скрылась.

---

31 іюля, наканунѣ перваго Спаса, ночь была душная, и Мироновъ легъ въ сѣняхъ; широко раскинувшись на подостланномъ войлокѣ и умостивъ голову на блинообразной подушкѣ въ кубовой наволочкѣ онъ спалъ разиня ротъ и слегка похрапывалъ; ему грезилось что онъ сдѣлался богатымъ хозяиномъ, что онъ не прежній ослабшій мастерокъ-одиночка перебивающійся починкой и передѣлкой всякой дряни, но собственникъ большаго магазина, одѣтый въ модный сюртукъ; что онъ гордо ходитъ по своему помѣщенію и для большей важности разговариваетъ съ покупателями на ломаномъ языкѣ...

Жестокая атака великаго множества блохъ на разсвѣтѣ была такъ сильна что заставила его повернуться на бокъ; плѣнительный сонъ исчезъ и смѣнился другой самой прозаической картиной; ему снилось что Василиса Егоровна за неимѣніемъ дровъ растопляетъ печь щепками, сучьями и ножками отъ стульевъ; топливо это трещитъ и безпрестанно стрѣляетъ искрами... Новый укусъ блохъ и новый поворотъ опять на спину, грезы исчезли, а трескъ продолжаетъ ясно слышаться... Мироновъ почувствовалъ пробужденіе, но глазъ не открылъ; онъ обругалъ докучливыхъ насѣкомыхъ, почесалъ укушенныя мѣста и приготовился было опять заснуть, но трескъ всетаки продолжался и сквозь закрытыя вѣки мелькалъ какой-то розоватый свѣтъ; послѣ безполезнаго старанія заснуть онъ, наконецъ, открылъ глаза и ничего не понимая увидалъ что черезъ маленькое окошечко въ боковой стѣнѣ сѣни освѣщены какимъ-то трепетнымъ, то увеличивающимся, то уменьшающимся свѣтомъ, и снова отчетливо услыхалъ сзади себя трескъ... Въ состояніи просонокъ онъ пробылъ нѣсколько секундъ, смутное предчувствіе чего-то недобраго заставило его вскочить на ноги; дрожащей рукой онъ сдернулъ крюкъ съ двери, распахнулъ ее и застылъ въ ужасѣ: уголъ сарая находившагося шагахъ въ пятнадцати отъ флигеля горѣлъ. Топчась на одномъ мѣстѣ онъ отчаянно кричалъ:

— Батюшки!.. Горимъ!.. Караулъ!.. Василиса, пожаръ!.. Эй, помогите!.. Караулъ!.. Горимъ!.. Василиса!..

Первымъ на его отчаянный призывъ откликнулся чутко дремавшій за воротами ночной сторожъ, онъ вбѣжалъ во дворъ,

Digitized by Google

также закричалъ „караулъ“, заметался изъ стороны въ сторону, потомъ принялся разбивая стекла колотить своей палицей въ окна квартиръ нижнихъ этажей и кричалъ во все горло:

— Просыпайтесь!.. Горите!.. Пожаръ у васъ!.. Вставайте!..

Перебивъ достаточное количество стеколъ онъ выскочилъ на улицу и принялся давать непрерывные свистки. А сарай трещалъ и все разгорался. Василиса Егоровна въ одной рубашкѣ со стеганной юбкой въ рукахъ выскочила на крыльцо, всплеснула руками и отчаянно завопила:

— Матушки вы мои!.. Заступница Царица Небесная!..

— Сгоримъ!.. Сею минутую сгоримъ!.. Таскай добро!.. ринувшись внутрь квартиры прокричалъ Мироновъ.

— Родимые вы мои! убѣгая вслѣдъ за нимъ и на ходу надѣвая юбку визжала Василиса Егоровна. — Допрежде всего Божье милосердіе бери!..

Разбуженные сторожемъ жильцы большихъ домовъ заспанные, неодѣтые, лохматые выскакивали, всплескивали руками и опрометью кидались въ свои квартиры за имуществомъ. Сиплые крики мужскихъ сонныхъ голосовъ смѣшивались съ визгами и воплями женщинъ, съ пискомъ ребятъ, съ трескомъ все больше разгоравшагося сарая и съ пронзительными неумолкаемыми трелями полицейскихъ свистковъ. Всѣ спасавшіе свое убогое имущество, объятые паническимъ страхомъ, потеряли всякое самообладаніе и тащили то что̀ первымъ попадалось подъ руку; Василиса Егоровна вмѣсто „Божьяго милосердія“ выволокла одѣяло съ подушкой, корчагу и ухватъ; самъ Мироновъ прежде всего сталъ выкидывать наружу ничего не стоящіе стулья и скамейки; потомъ бережно вынесъ небольшое простѣночное зеркало все засиженное мухами и поставилъ на крыльцѣ; одна изъ обитательницъ держала подъ мышками пѣтуха съ курицей и съ громкимъ плачемъ металась изъ стороны въ сторону; Бархо̀ткинъ въ подолѣ рубашки вынесъ кучу сапожныхъ колодокъ, сложилъ ихъ среди двора и принялся пересчитывать. Вызванный свисткомъ ночнаго сторожа городовой прихвативъ одной рукой шашку, а другой держа около губъ свистокъ, растерянно бѣгалъ по двору и успокоивалъ встрѣчныхъ тѣмъ что въ участокъ о пожарѣ дано знать и что пожарная команда ѣдетъ. А сарай все разгорался и пламя довольно значительнымъ языкомъ стало выбираться изъ-подъ крыши. Жители сосѣднихъ домовъ тоже выбирались и вытаскивали свое имущество на улицу; болѣе отдаленные обитатели присутствовали въ качествѣ простыхъ зрителей и вели такіе разговоры:

Digitized by Google

— Съ чего бы этой самой сараюшкѣ загорѣться?

— Заронили какъ-нибудь, вотъ и все.

— Что̀ вы говорите-то? Кабы днемъ, такъ, а теперь ночь, всѣ спятъ...

— А флигарю этому не устоять!

— Гдѣ устоять? Энъ какъ изъ-подъ крыши-то полыхаетъ!..

— Здо̀рово! Гляди сейчасъ займется!

— Займется; потому вѣтеръ прямо на него.

— Матушка, Царица Небесная!

— Что̀ же это команда-то не ѣдетъ?

— Командѣ-то тоже попасть сюда хитро, потому Харинымъ проулкомъ ѣхать надоть, а тамъ загорожено, мостовую перестилаютъ...

— Ежели бы сейчасъ сюда команду, она вотъ какъ эту сараюшку по бревнышку разнесетъ.

— Намеднись я попалъ на пожаръ въ Новую деревню, такъ какъ они дѣйствовали.... Ахъ!..

— Паровая у нихъ здо̀рово работаетъ.

Подгорѣвшія стропила сарая не выдержали тяжести желѣзной крыши, она рухнула, изъ средины охваченнаго огнемъ зданія вылетѣли большіе клубы чернаго дыма и миріады искръ; обращенная къ горѣвшему сараю стѣна жилища Миронова начинала дымиться.

— Ловко!

— Мироновъ-то выбрался ли?

— Пойдемъ на дворъ, тамъ занятнѣй!

— Глядите, какъ отъ дому паръ-то пошелъ, сейчасъ спыхнетъ.

— Вонъ околоточный бѣжитъ.

— Безъ полиціи нельзя... Ужь это завсегда... И приставъ будетъ али помощникъ...

Околоточный надзиратель, молодой человѣкъ съ бородкой клинышкомъ, въ кителѣ и со свернутой въ трубку портфелью вбѣжалъ во дворъ; онъ быстрымъ взглядомъ окинулъ всю открывшуюся передъ нимъ картину, выругалъ жильцовъ сложившихъ свое имущество на дворѣ и приказалъ имъ тащить все на улицу. Началась новая суматоха; присутствовавшіе во дворѣ добровольцы услыхавъ распоряженіе административной власти для открытія свободнаго пути на улицу миновали почему-то ворота и съ веселымъ гоготаніемъ сломали два звена забора; въ образовавшійся проходъ жертвы огня стали протаскивать свое хоботье; они толкались, бранили

Digitized by Google

другъ друга, кричали, взывали къ Богу, хватались вмѣсто своего за чужое... „Купчиху“ топтавшуюся въ своемъ салопѣ съ чужимъ горшкомъ герани сшибли съ ногъ; отсутствовавшій при началѣ пожара Трошка появился откуда-то и съ большимъ трудомъ волокъ по землѣ за уголъ хозяйскую перину; его безсиліе замѣтили въ публикѣ и два здоровые молодца выскочили изъ толпы къ нему на подмогу.

— Катя! Катя! отчаянно взывалъ чей-то женскій молодой голосъ. — Гдѣ корзина съ котятами? Куды ты котятъ дѣвала?

— У мамаши котята, отвѣчалъ другой такой же голосъ,— и подушки у нея... Она на улицѣ сидитъ!.. Иди сюда, пособи узелъ связать!..

— Ой, батюшки! кричала Василиса Егоровна. — Домъ нашъ займается!.. Въ сараѣ-то вся заказная небель погорѣла!.. Батюшки, которая наша заказная небель!..

Послышался звонъ треснувшихъ стеколъ и тесовая обшивка стѣны жилища Мироновыхъ вспыхнула какъ свѣчка...

— Ну, теперь пойдетъ чесать! говорили на улицѣ.

— Матушка Заступница! Матушка Заступница! со слезами твердила какая-то растрепанная старуха сидя на узлахъ и держа передъ собой икону Николая Чудотворца.—Матушка, не попусти!

— Да будетъ вамъ ныть-то, маменька! задыхаясь крикнулъ на нее выскочившій откуда-то парень въ однѣхъ панталонахъ, безо всякой верхней одежды.—У васъ что ли узелъ съ одежой-то?..

— Охъ, не знаю!.. Охъ, не попусти!.. Ой, всѣ сгоримъ!.. ныла старуха.

— Всѣ сгоримъ! передразнилъ ее парень съ лихорадочной торопливостію перебирая узлы.—Оболдѣли!.. Ноете только, а сами замѣсто Неопалимой Купины Николу угодника держите!..

Какой-то интелектъ съ сѣдыми усами, въ пальто съ талiей и въ котелкѣ, видимо большой любитель и знатокъ пожарнаго дѣла, принялся было объяснять нѣсколькимъ лицамъ Якъ по мастямъ лошадей можно опредѣлить часть Тверскую, ккиманскую и проч., но не успѣлъ онъ кончить какъ послышался топотъ лошадиныхъ копытъ, грохотъ колесъ и звонъ бубенчиковъ.

— Команда! раздалось въ толпѣ.—Прискакала!.. Сичасъ пойдетъ работа... Таперь большіе дома отстоять!.. Да и флигарь-то весь растащутъ!

Digitized by Google

Справа выскочилъ верхомъ вѣстовой въ ярко-вычищенной

каскѣ; онъ мелькомъ взглянулъ на сгорѣвшія строенія, повернулъ лошадь и ускакалъ обратно.

— Сейчасъ работа пойдетъ! говорили въ толпѣ. — Проулокъ-то у насъ тѣсенъ, обозу нельзя въѣхать... Ничего, оттеда будутъ дѣствовать, теперь кишки у ихъ длинныя... Теперь это ничего не состоитъ!.. Ужь и пойдетъ же, сейчасъ помереть, ческа!

Пожарный обозъ остановился не доѣзжая сажень двадцати до воротъ дома Грудкина; высокаго роста брантмейстеръ, въ черныхъ кожаныхъ рукавицахъ, рысью прибѣжалъ къ мѣсту пожара въ сопровожденіи нѣсколькихъ чиновъ своей команды съ топорами и баграми; за ними выдѣлилась другая группа пожарныхъ разматывавшихъ рукавъ. Опытный и искусный въ своемъ дѣлѣ брантмейстеръ безъ лишней суеты отдавалъ короткія, опредѣленныя приказанія, и работа закипѣла. Потерпѣвшіе и зрители были удалены отъ мѣста дѣйствія на почтительное разстояніе, только „купчиха“ крѣпко сжимая въ рукахъ неизвѣстно кому принадлежащую герань продолжала топтаться вблизи огня; такъ какъ просьбы объ удаленіи она не понимала, то брантмейстеръ скомандовалъ:

— Екименко, окати!

Екименко въ мгновеніе ока направилъ свой инструментъ въ спину „купчихи“; съ силой выброшенная большая струя воды толкнула старуху и заставила ее при громкомъ смѣхѣ толпы присоединиться къ прочимъ.

Черезъ какую-нибудь четверть часа отъ сарая остались однѣ догоравшія головешки и дымившаяся половина обгорѣлаго флигеля: толпа стала понемножку расходиться, при чемъ большинство высказывало громкія похвалы удальству пожарныхъ, но было нѣсколько недовольныхъ скорымъ прекращеніемъ пожара и лишенныхъ возможности полюбоваться красивымъ зрѣлищемъ.

Пока выбиравшіеся вновь перетаскивали имущество въ свои жилища, околоточный спросилъ о чемъ-то брантмейстера; получивъ въ отвѣтъ утвердительный кивокъ онъ взялъ изъ вытащенной мебели столъ со стуломъ и помѣстился среди двора составлять дознаніе; привычной рукой, размашистымъ почеркомъ онъ начерталъ обычное традиціонное вступленіе и обратился къ опросу свидѣтелей; о возникновеніи пожара былъ спрошенъ первый очевидецъ Мироновъ. Обтирая рукавомъ рубашки вымокшую голову, тяжело дыша и стараясь придать своему показанію официальную литературность онъ крякнулъ и заговорилъ:

Digitized by Google

— Собственно изъ-за жаркой духоты выбрамши я спать въ сѣни... лежалъ себѣ даже довольно спокойно... Ну, по случаю множества блохъ, потому какъ у насъ стружки, сталъ себѣ чувствовать безпокойство... Наконецъ того, не стерпѣмши я принужденъ былъ проснуться... и вдругъ вижу что всѣ сѣнцы красные, быдто бы въ огнѣ... Проворнымъ манеромъ вскочилъ я на ноги, бросился къ двери... Воже мой!.. Сарай нашъ горитъ, полымя такъ и полыхаетъ!.. Закричалъ я благимъ матомъ... пробудилъ супругу и зачалъ добро вытаскивать... А которое бымшая въ сараѣ, довѣренная мнѣ работа, вся погибла.

Околоточный записалъ и обратился къ Василисѣ Егоровнѣ:

— Что вы скажете?

Та плаксивымъ, приподнятымъ тономъ начала издалека:

— Когда мы это поужинали, убрамши посуду легла я у себя въ покоѣ на перинѣ... тамъ хучь какая духота ни будь, мнѣ все одно, я завсегда на ей... потому какъ перина за мной въ приданое даденная...

Околоточный ее пресѣкъ и пригласилъ разказывать о случившемся; но такъ какъ изъ ея показанія ничего новаго не открывалось, то онъ его и не записывалъ, а только кратко упомянулъ что Василиса Егоровна подтвердила показанія своего мужа. Затѣмъ явился вопросъ о причинѣ возникновенія пожара; и Мироновъ, и его жена, и прочіе жильцы обступившіе плотной массой столъ за которымъ сидѣлъ околоточный отозвались незнаніемъ; околоточный такъ и хотѣлъ было записать, какъ вдругъ за его спиной чей-то голосъ не смѣло, но явственно произнесъ:

— Не Трошкина ли работа?..

— Кто это говоритъ? обернувшись спросилъ околоточный. Лицо высказавшее свое предположеніе не откликнулось, но зато нѣсколько другихъ голосовъ поддержали неизвѣстнаго; до слуха околоточнаго долетѣли отрывочныя фразы:

— И очень просто...

— Сарай не жилой домъ, съ чего ему загорѣться?

— Это именно.

— Ежели наука на умъ не идетъ, такъ тутъ...

— Будетъ вамъ, что зря грѣшить-то?

— Ничего не грѣшить, а такая мнѣнія...

— Обыкновенно, этого говорить никому заказать нельзя...

— Со злобы мало ли что дѣлается!..

Околоточный призвалъ толпу къ порядку; онъ спросилъ

Digitized by Google

спавшаго къ нему ближе другихъ и почему-то внушавшаго ему бо́льшее довѣріе Бархо́ткина:

— Кто такой Трошка?

— А это вотъ ихній ученикъ, указавъ большимъ пальцемъ на Миронова отвѣтилъ Бархо́ткинъ.

— Вы слышите? обратился къ Миронову околоточный.—На вашего ученика высказываютъ подозрѣнія. Что́ вы на это скажете?

Мироновъ развелъ руками, пожалъ плечами и ничего не сказалъ.

— Допускаете ли вы что вашъ ученикъ могъ совершить поджогъ? продолжалъ околоточный смотря на него изподлобья и покусывая конецъ ручки пера.

— Допущать его до такихъ подобныхъ дѣловъ я даже никогда не допущалъ... заговорилъ было по-своему понявшій вопросъ Мироновъ, но околоточный котораго мучила зѣвота и желаніе поскорѣе развязаться съ дознаніемъ раздраженно махнулъ на него рукой и обратился опять къ Бархо́ткину:

— Вы подозрѣваете этого... какъ его?

— Трошку, подсказалъ кто-то сзади.

— Взявши въ разсужденіе, заговорилъ Бархо́ткинъ дѣловымъ тономъ, — какъ вообче при обученіи парнишекъ слѣдуетъ отъ хозяина наказаніе... И господинъ Мироновъ по случаю того что ученикъ его баловалъ...

— Я понимаю, перебилъ начинавшій терять терпѣніе околоточный,—вы хотите сказать что Трошка по злобѣ за наказаніе...

— Намъ безъ этого невозможно-съ... попробовалъ оправдываться Мироновъ, но околоточный опять его пресѣкъ:

— Вы потомъ все объясните кому слѣдуетъ... При началѣ пожара вы видѣли вашего ученика?

— Нѣтъ, не видалъ... До него ли мнѣ до паршиваго было?.. Я за свое добро схватился... Откедова онъ потомъ взялся, я и не знаю...

Околоточный приказалъ привести Трошку; окружающіе стали оглядываться по сторонамъ отыскивая его глазами.

— Энъ онъ кругъ пожарища ходитъ, сказала Василиса Егоровна.—Трошка, поди сюда!

Трошка, босой, замазанный, съ разорванной на плечѣ рубашкой, подошелъ и вопросительно обвелъ всѣхъ глазами.

— Тебя Трошкой зовутъ? спросилъ околоточный.

— Трошкой, не довѣрчиво глядя на вопрошавшаго отвѣтилъ тотъ.

— Трофимъ, то-есть... пояснилъ кто-то изъ толпы.

Digitized by Google

— Гдѣ ты былъ, когда начался пожаръ?

— У себѣ былъ, спалъ... въ этой... въ кухнѣ спалъ... подъ скамейкой...

— Когда же ты проснулся?

— Я не знаю, когда... Услыхалъ я что идетъ шумъ, въ свистокъ свистятъ, хозяинъ съ хозяйкой таскаютъ все... Я всталъ и тоже таскать зачалъ...

Околоточный нѣсколько мгновеній посмотрѣлъ на него въ упоръ, записалъ что-то, потомъ обратился къ Миронову:

— Вы замѣчали въ своемъ ученикѣ злобу противъ себя?

— Это замѣчалъ-съ, нѣсколько пріободрившись отвѣтилъ Мироновъ, — это дѣйствительно .. Мы заказъ работали и ежели случалось внушить ему... то-есть, для обученія-съ... такъ даже эти дни онъ никакого вниманія не бралъ... другой, напримѣръ, заплачетъ, али что̀, а этотъ хучь бы что̀!.. Такъ что даже я всей душой желаю отъ него ослобониться...

Околоточный началъ что-то писать съ особой нетерпѣливой торопливостію и въ это время за своей спиной слышалъ:

— Окромя его некому!..

— Обнаковенно!..

— Въ ёмъ давно злоба сидѣла!..

— Это и толковать нечего!..

Околоточный сложилъ бумагу и сказалъ торчавшему передъ нимъ городовому:

— Зарайкинъ, возьми этого мальчишку въ участокъ.

Трошка не предвидѣвшій ничего подобнаго задрожалъ, испуганно-вопросительными глазами взглянулъ на околоточнаго и проговорилъ:

— За что̀ же меня?..

— Тамъ узнаешь, за что̀. Зарайкинъ, бери!

Зарайкинъ широкой, мозолистой рукой крѣпко защемилъ локоть вдругъ разразившагося слезами Трошки и повелъ; околоточный пригласилъ Миронова, его жену, Барха̀ткина и нѣсколько другихъ слѣдовать за собой.

Послѣ ухода околоточнаго переполошенные обитатели дома Грудкина стали понемногу приходить въ себя; спать, разумѣется, никто не ложился, и раннее солнечное утро застало всѣхъ въ движеніи, всѣ занимались обратной переноской и изборомъ частію сбитаго въ кучи, частію попорченнаго имущества; нѣкоторые, должно быть особенно озадаченные свершившимся событіемъ, продолжали безо всякаго дѣла топтаться около пожарища, одна „купчиха“ мирно спала подъ заборомъ

Digitized by Google

на чьей-то рухляди; жители нижнихъ этажей съ сокрушеніемъ смотрѣли на разбитыя стекла въ окнахъ своихъ жилищъ и ругали ночнаго сторожа за чрезмѣрное усердіе. Толпились на дворѣ нѣсколько постороннихъ лицъ пытавшихся разспрашивать потерпѣвшихъ о случившемся, но тѣ большею частію отмалчивались, а если отвѣчали, то неохотно, нѣкоторые даже прямо отругивались.

Наконецъ, всѣ до извѣстной степени успокоились; при звонѣ къ ранней обѣднѣ изъ участка возвратились всѣ лица приглашенныя околоточнымъ кромѣ Трошки; къ нимъ приступили съ разспросами:

— Затаскаютъ теперь! отчаянно махнувъ рукой мрачно вмѣсто отвѣта произнесъ разстроенный Бархоткинъ и сейчасъ же ушелъ къ себѣ.

Какъ ни былъ Мироновъ удрученъ постигшимъ его бѣдствіемъ, но сожители окружили его плотной массой и настойчиво допрашивали о томъ что происходило въ участкѣ.

— Чего разказывать-то?.. пробовалъ отдѣлаться Мироновъ.—Я почитай всего рѣшился... Какіе отъ меня разговоры?..

Общество съ разныхъ концовъ загалдѣло:

— Тутъ всеобчее несчастіе!.. До всѣхъ касаемо... Липатъ Миронычъ, разказывай!.. Все одно, Божья воля!.. Про чего тамъ дѣло-то шло?..

— Привелъ насъ околоточный въ управленіе, самъ приставъ вышелъ... „Въ чемъ дѣло?..“ Тотъ, стало-быть, лепортуетъ...

— Который? Околоточный, что ли?

— А-то кто жь? Обнаковенно онъ... Такъ и такъ, „случимши въ Грудкиномъ домѣ пожаръ“... и прочее. Бумагу эту что здѣсь писалъ изъ портофеля вынулъ, приставу подалъ; приставъ прочиталъ, потомъ сталъ всему провѣрку дѣлать, такъ ли, то-есть, записано... Пошла прежняя канитель: какъ загорѣлось, кто первый увидалъ, какое подозрѣніе...

— Это, стало-быть, про Трошку? замѣтилъ чей-то голосъ.

— Околоточный что-то ему произнесъ на ухо, онъ сейчасъ за меня: „Какое вы понятіе имѣете объ своемъ ученику? Какое, напримѣръ, ваше съ имъ обхожденіе?..“

— Ишь, какъ допытываетъ!

— Взяли эти слова меня за сердце, говорю ему безо всякаго страху: „Наше обхожденіе которое касаемое до находящихъ въ наукѣ ребятъ у всѣхъ одно; мы обязаны дать образованіе и знаемъ себѣ вполнѣ что безъ остраски настоящаго понятія не бываетъ!..“

Digitized by Google

Послышались одобрительныя восклицанія:

— Ловко!.. Именная правда!.. Ай да Липатъ Миронычъ!.. Отрѣзалъ!.. Засвирбѣло, чай, у его въ затылкѣ-то!..

Польщенный общимъ одобреніемъ Мироновъ съ гордостью ударилъ себя въ грудь и съ азартомъ продолжалъ:

— Говорю ему: „Я по своей добродѣтели... какъ есть я православный христіанинъ... я, говорю, малаго призрилъ отъ нищенки... ему бы вѣкъ съ сумой ходить, ну, я, напротивъ того, всякое стараніе прилагалъ“...

— Вѣрно! твердо и рѣшительно произнесъ чей-то громкій голосъ.

— Опослѣ того, продолжалъ Мироновъ,—позвали Трошку, подъ допросъ поставили...

— Что же онъ? спросило разомъ нѣсколько голосовъ.

— Обнаковенно: знать не знаю, а самъ дрожмя-дрожитъ...

— Ишь, шельма!.. Запирается!

— А потомъ что?

— А потомъ, стало-быть, вотъ ихъ сталъ опрашивать, (онъ указалъ рукой на бывшихъ съ нимъ въ участкѣ) какое, то-есть, у нихъ всеобчее понятіе... Кончимши эту канитель говоритъ мнѣ: „Желаете вашего ученика взять къ себѣ?“ „Нѣтъ, говорю, ваше благородіе, отъ этого вы меня ослобоните... Я, говорю, за свою жисть должонъ остерегаться“...

— Ишь ты, чего захотѣлъ!.. говорили въ толпѣ.—Возьми его! Онъ себя покажетъ!.. Куды же его дѣли?

— Остался тамъ... Да вѣдь ужь начальство знаетъ, куда ни на есть приберетъ!

Всѣ стали расходиться и подбирать остатки своего имущества; рухлядь на которой покоилась „купчиха“ оказалась принадлежащей Малышкину, онъ подошелъ къ ней и окликнулъ нѣсколько разъ; она лежала неподвижно, закутавшись въ свой салопъ; видя что окликами ничего не подѣлаешь Малышкинъ взялъ за уголъ то что̀ служило „купчихѣ“ подстилкой и потянулъ изъ-подъ нея; этотъ маневръ подѣйствовалъ: „купчиха“ проснулась, открыла свои полоумные глаза, торопливо встала и спросила:

— Фиверки-то скоро будутъ пущать?

— Запустили ужь! подбирая свое добро отвѣтилъ Малышкинъ.—Такіе фиверки что лучше быть не надо!

М. Садовскій.

Digitized by Google

МАНДАРИНЪ.

На дняхъ мнѣ приснился страшный сонъ: мнѣ снилось что я мандаринъ; я зналъ что значительная часть Китая занята союзными войсками которыя должны внушить Китайцамъ спасительный страхъ, и мнѣ было страшно, но страшно не за Китайцевъ; странно что сознавая себя Китайцемъ я однако не столько скорбѣлъ за нихъ, сколько томился неопредѣленнымъ чувствомъ уныніа, точно самъ сдѣлалъ что-то очень дурное. Никто не могъ бы заподозрить меня въ сочувствіи Большому Кулаку: я принадлежалъ къ партіи реформъ не крутыхъ, не рѣзкихъ, но постепенныхъ, единственныхъ возможныхъ у насъ въ Китаѣ, и не смотря на это томился предчувствіемъ, точно сейчасъ должно случиться нѣчто ужасное.

Въ эту минуту испуганный, желтый, желтѣе своего халата, вбѣжалъ мой слуга и шопотомъ доложилъ: „мисіонеры“!

Я хотѣлъ было сказать „пусть убираются,“ но вспомнивъ что это было бы несвоевременно спросилъ: „какіе мисіонеры: Французы, Нѣмцы, Американцы?“

Въ отвѣтъ на это онъ пробормоталъ что-то по-китайски, я ничего не понялъ и остался одинъ. А между тѣмъ дверь уже отворилась и вошло нѣсколько человѣкъ.

— Что̀ вамъ угодно? спросилъ я какъ можно вѣжливѣе.

— Намъ ничего; мы хотѣли только познакомить тебя съ лейтенантомъ.

И, отдѣлившись отъ группы, рослый лейтенантъ подошелъ ко мнѣ и такъ пожалъ мнѣ руку что почти оторвалъ два пальца.

Я смутно надѣялся что гости уйдутъ такъ же внезапно, какъ и пришли, но они объ этомъ и не думали.

— Вотъ видишь ли, обратился ко мнѣ одинъ изъ нихъ,—

Digitized by Google

до чего довели васъ безразсудное упорство и фанатизмъ: всѣ вы, хоть и скрывали это, въ сущности уповали на Большой Кулакъ и позабыли что за нами стоятъ большія пушки. Если бы вы сразу повѣрили намъ, мы не только вывели бы васъ изъ тьмы язычества, но надѣлили бы васъ всѣми благами свободной торговли и парламентскаго правленія.

— Простите, сказалъ я;—позвольте мнѣ заступиться за моихъ земляковъ: они не такъ упрямы, какъ вы думаете. Если бы вы только показали имъ тѣ блага, о которыхъ вы говорите, они конечно повѣрили бы вамъ. Кто себѣ врагъ? Но во многомъ вы и между собой несогласны. Вотъ хоть бы относительно свободной торговли: Американцы стоящіе за правило: Америка для Американцевъ, едвали сочувственно отнесутся къ примѣненію этого принципа другими странами при ввозѣ американскихъ товаровъ. Что касается парламентской формы правленія, то я не стану, разумѣется, оспаривать ея совершенства, но въ Китаѣ мы такъ отстали отъ политической жизни что самая одежда наша помѣшала бы намъ принимать въ ней такое энергичное участіе, какое мы привыкли видѣть у народныхъ представителей въ Римѣ, Парижѣ или Вѣнѣ. Что касается большихъ пушекъ, то это аргументъ неотразимый, но и мнѣ и моимъ колегамъ всегда казалось, отчего бы намъ не заручиться ими не отказываясь отъ своей національности? Тѣмъ болѣе что благодаря свободѣ торговли пушки, такъ же какъ и библія и опій, продаются каждому кто желаетъ пріобрѣсти ихъ, а стрѣляютъ онѣ одинаково хорошо и по желтому и по бѣлому племени.

— Вы думаете? запальчиво перебилъ меня лейтенантъ,— но вѣдь онѣ у васъ были, эти пушки! а что́ вы съ ними сдѣлали? Вы не сумѣли справиться и съ горстью европейскаго войска, вы побросали ихъ и удирали съ поля сраженія подобравъ свои юбки и распустивъ по вѣтру косы. Нужна наука! поучительно заключилъ онъ свое замѣчаніе.

— Да, нужна наука, поспѣшилъ я согласиться;—и Шведы когда-то выучили Русскихъ, и сами вы выучили Японцевъ которые бьютъ насъ, а современемъ, можетъ-быть, побьютъ не насъ однихъ.

— Это не страшно, презрительно возразилъ онъ,—надо только поддерживать въ войскахъ духъ и дисциплину, надо не позволять имъ остывать. Какою чудною школой являются для нихъ теперешнія экспедиціи! Какъ раскаленная сталь въ холодной водѣ, такъ солдатъ закаляется въ крови!

Digitized by Google

Онъ говорилъ съ такимъ жаромъ что мнѣ опять стало страшно, а онъ продолжалъ...

— Посмотрите какіе быстрые переходы они дѣлаютъ, какъ упорны и безпощадны въ преслѣдованіи, это такая проба...

„На рѣзвость и на злобу“, мелькнуло у меня въ головѣ; „отчего только Китайцамъ всегда выпадаетъ роль зайца въ этой охотѣ“, но я благоразумно не высказалъ этого, а замѣтилъ только:

— Да, я думаю и теперь уже на одного убитаго европейца придется по десяти Китайцевъ.

Лейтенантъ пожалъ плечами.

— Ихъ такъ много! коротко замѣтилъ онъ.

— Дѣло не въ числѣ, перебилъ его господинъ въ длинномъ сюртукѣ и въ очкахъ.—Когда надо истребить нечестивыхъ, я могу доказать писаніемъ...

— Писаніе тутъ не при чемъ, прервалъ его, — мы представители культуры, а эти варвары нанесли тяжкое оскорбленіе Европѣ: они должны понести примѣрное наказаніе; не въ первый разъ Азія бросаетъ перчатку Европѣ, мы принимаемъ вызовъ и Китай поплатится за свою дерзость, какъ нѣкогда Троя.

— Простите, замѣтилъ я,—я тутъ не вижу аналогіи: Парисъ похитилъ Елену изъ Греціи, а Китайцы смирно сидѣли дома и имъ насильно навязывали европейскіе товары. Къ тому же ни графъ Вальдерзэ не былъ похожъ на Агамемнона, ни принцъ Туанъ на Гектора, да и Китай не Троя, вокругъ стѣнъ которой стоя на колесницѣ можно проволочить тѣло противника.

Господинъ въ очкахъ пытался опять заговорить, но на этотъ разъ его остановилъ человѣкъ неопредѣленныхъ лѣтъ и національности въ золотомъ пенснэ.

— Господа, вы меня удивляете, сказалъ онъ съ легкимъ еврейскимъ акцентомъ.—Даже въ Китаѣ я не ожидалъ услышать такихъ разговоровъ; можно подумать что мы живемъ не въ двадцатомъ, а я ужь не знаю въ какомъ вѣкѣ! Какая-то перчатка, Троянская война, боги Олимпа, что я знаю. Да, все это было хорошо, когда сами боги тузили изъ-за насъ другъ друга и ревѣли не хуже цѣлаго стада... А теперь кому какое дѣло до такихъ сказокъ? Онъ презрительно пожалъ плечами и окинулъ взглядомъ собраніе.— Ясно что если мы всѣ, я говорю не о журналистахъ, не о юнкерахъ и не о пушечномъ мясѣ вообще, а о людяхъ серіоз-

Digitized by Google

ныхъ, если мы всѣ рѣшились явиться сюда, то у насъ должны были быть болѣе вѣскіе мотивы, чѣмъ перенесеніе культуры на Востокъ, возстановленіе поруганной чести и т. д. и т. д.

Онъ на минуту остановился. Большинство его товарищей казалось немного смущенными, только лейтенантъ спросилъ обиженнымъ, но не совсѣмъ рѣшительнымъ тономъ:

— Нельзя ли узнать, кто эти мы, отъ имени которыхъ вы такъ рѣшительно выступаете?

— Кто мы? переспросилъ тотъ, — какъ-будто не знаете? Впрочемъ, если вы спрашиваете про имя или про національность, отвѣтить вамъ довольно трудно: мы и всѣ и никто. Мы и Англичане, и Французы, и Армяне, и Американцы, и Греки, короче, мы сила. Мы заводимъ ту машину, подъ музыку которой вы пляшете. Солдаты идутъ по вашей командѣ, вы сами по командѣ вашего генерала, вашъ генералъ по распоряженію правительства, а само правительство исполняетъ волю народа, не правда ли? онъ иронически взглянулъ на лейтенанта. — Парламентъ прекрасная вещь, продолжалъ онъ, — тѣмъ болѣе прекрасная что позволяетъ настоящимъ актерамъ оставаться за сценой, и если публика вздумаетъ не только шикать, но и бросать чѣмъ попало, она попадетъ только въ маріонетокъ, которыя на это не обижаются. Вамъ это не нравится? Но между нами къ чему церемониться, предоставимъ нашей печати выдумывать благозвучныя фразы для самыхъ простыхъ вещей. Мы сила, но мы знаемъ что тотъ, кто умѣетъ пользоваться обстоятельствами, сильнѣе глупаго силача и чтобы взять примѣръ изъ излюбленной вами эпохи, ни Діомедъ, ни оба Аякса не справились бы съ циклопомъ, а толпа тотъ же циклопъ которому нѣтъ надобности даже выкалывать глаза, потому что при милліонѣ глазъ она видитъ только то что мы хотимъ показать ей. Не боги, не краснорѣчіе и не орудіе рѣшаютъ дѣла въ наше время. Весь міръ признаетъ лишь одну силу и овладѣть ей значитъ овладѣть цѣлымъ міромъ, а мы нашли философскій камень который безъ ретортъ и безъ алхимій позволяетъ превратить въ золото все къ чему мы касаемся. Мы никого не грабимъ, о нѣтъ! мы только выгодно мѣняемся. Единственное что нужно намъ, это всемірный рынокъ и свобода торговли; вамъ этого никогда не понять, презрительно обратился онъ ко мнѣ, — вамъ въ Китаѣ въ голову не приходитъ что купить можно не только пушки, но союзниковъ и враговъ и даже предковъ, вотъ почему вы подлежите не вразумленію, а истребленію.

Digitized by Google

Слушая его я неожиданно почувствовалъ себя китайскимъ патріотомъ, а онъ продолжалъ обращаясь ко мнѣ:

— Ты получишь сейчасъ милостивое разрѣшеніе распороть себѣ животъ, а имѣніе твое будетъ конфисковано въ пользу нашего послѣдняго акціонернаго предпріятія.

Услышавъ это рѣшеніе я не удивился и не опечалился: не лучше ли, въ самомъ дѣлѣ, разомъ покончить съ собою и не видѣть тѣхъ жернововъ, которые перемалываютъ въ золотую пыль самыя различныя національности? Я уже обдумывалъ какъ и когда мнѣ исполнить милостивый указъ, какъ вдругъ услышалъ за собой взрывъ неудержимаго хохота: „ну, это еще мы посмотримъ, кто кого перемелетъ и проглотитъ“!

Я быстро обернулся и увидѣлъ передъ собою громадную китайскую рожу. Въ ужасѣ я мгновенно проснулся и сразу понялъ что я не Китаецъ.

С. Лиговскій.

Digitized by Google

1611 годъ.

Историческая повѣсть *).

XVIII.

Съ быстротою молніи пронеслась ужасная вѣсть по всему лагерю. Особенное уныніе вызвала она въ земской части ополченія. Во дворѣ Ляпунова люди плакали навзрыдъ и вмѣстѣ съ тѣмъ спѣшили убираться вонъ, такъ какъ съ минуты на минуту ожидалось прибытіе казаковъ грозившихъ разграбить и разнести по бревну становище убитаго вождя.

Иванъ ушелъ къ своимъ старымъ пріятелямъ въ отрядъ Матвѣя Плещеева. Свиданіе было далеко не радостное. Андрей бранилъ заплетающимся языкомъ казачью дерзость. Лукьянъ укоризненно качалъ головою, словно надъ какою-то глупо испорченною работой. Мартынъ хмуро молчалъ, не обнаруживая удивленія передъ событіемъ; порицая его, онъ какъ будто ожидалъ что оно должно было случиться. Одинъ Никита отнесся къ факту довольно равнодушно. Сердце его, очевидно, не поглощалось тѣми интересами, среди которыхъ онъ жилъ.

Наступили тревожные дни. Заруцкій захватилъ въ свои руки власть вырванную у Ляпунова. Атаманъ хотѣлъ показать что и онъ не хуже прославленнаго воеводы. Ради этой цѣли онъ обнаружилъ кипучую дѣятельность, не приводившую, однако, къ благимъ результатамъ. Раскачавшееся море казачьей вольницы не хотѣло вернуться въ берега. Не скрывая вражды своей къ служилымъ людямъ, казаки поминутно грозили имъ боемъ и грабежомъ. Среди пьянаго разгула они разнесли дворъ Ляпунова и другіе сосѣдніе станы дворянъ. Дѣти бояр-

*) Окончаніе. См. *Русскій Вѣстникъ*, іюнь, іюль и августъ, 1901 г.

Digitized by Google

скія, дворяне и вообще земская сторона осиротѣвшая со смертію Ляпунова растерялась и упала духомъ. Какъ быть дальше? Какъ защититься отъ гибельнаго междоусобія? Какъ стоять подъ Москвою, когда казачья вольница сбросивъ всякую узду безчинствуетъ и въ лагерѣ, и по дорогамъ?

Нѣсколько дней спустя послѣ убійства Ляпунова ополченію пришлось встрѣчать чудотворную икону Богородицы принесенную изъ Казани. О принесеніи этой иконы хлопоталъ Прокопій Петровичъ, но она уже не застала его въ живыхъ. Угнетенная горемъ земская рать выступила раннимъ утромъ навстрѣчу священной процесіи. Такъ какъ этотъ выходъ былъ дѣломъ благочестія, то воины шли пѣшкомъ и безъ оружія. Пройдя значительное разстояніе по дорогѣ они услышали за собою топотъ коней. То догоняли ихъ казачьи сотни скакавшія встрѣчать икону во всемъ боевомъ снаряженіи. Догнавъ ляпуновцевъ, казаки дерзко требовали чтобы они очистили дорогу, грубо бранились, топтали пѣшихъ конями и нѣкоторыхъ покололи копьями. Заруцкій едва успѣлъ устранить превращеніе богоугоднаго дѣла въ дикое побоище... Съ тою же цѣлью умиротворенія атаманъ на слѣдующій день ударилъ тревогу и приказалъ общій приступъ къ Дѣвичьему монастырю. Но усилія атамана пропадали даромъ. Не ожидая ничего добраго, земскіе люди стали расходиться. Двѣ части ляпуновской рати таяли не по днямъ, а по часамъ. Зашевелились воины и отряда Плещеева.

Иванъ служившій непосредственно при Ляпуновѣ не могъ примириться со злодѣяніемъ и рѣшилъ уйти. Напрасно Андрей старался удержать его.

— Что жь намъ тутъ дѣлать? возражалъ Иванъ. — Что тутъ будетъ безъ воеводы?

— Ну, отвѣчалъ Андрей,—все на свѣтѣ крыто корытомъ. Покрайности попьемъ, погуляемъ...

Уговаривали Ивана остаться и Лукьянъ съ Мартыномъ.

— Додѣлаемъ какъ ни на есть начатое, говорилъ первый.

— Все жь, какъ ни какъ, а не найдешь ты дѣла святѣе, прибавлялъ второй.

Но Иванъ не сдавался, и когда Никита предложилъ ему идти вмѣстѣ въ Ярославль, онъ охотно принялъ предложеніе.

— Пойдемъ къ батюшкѣ, говорилъ Никита.—И мнѣ будетъ способнѣе съ тобою явиться передъ его очи. Ну, а потомъ поглядимъ что дальше дѣлать.

— А грозенъ батюшка-то твой? спросилъ Иванъ.

Digitized by Google

— Не грозенъ онъ, а порядокъ любитъ. Большаго ума человѣкъ, домостроитель...

И вотъ, улучивъ минуту, помолившись на Ивана Великаго, путники отправились въ дорогу. Стараясь не попадаться на глаза начальственнымъ людямъ и казакамъ, они огибали наполовину опустѣвшій станъ ополченія, забирая къ сѣверу. Иванъ все время говорилъ о Ляпуновѣ, о его зоркомъ умѣ, о его добродушіи скрывавшемся подъ громомъ и молніей внѣшней горячности. Этотъ безконечный панегирикъ, очевидно, надоѣлъ Никитѣ.

— Полно тебѣ причитывать, сказалъ онъ.—Извѣстно что̀ минуло, то-то людямъ и вдвое любо. Которая корова пала, та по два удоя давала.

Такое равнодушіе товарища къ покойному герою глубоко оскорбило Ивана и онъ шелъ уже молча.

Не веселъ былъ ихъ путь. Ясные дни и ночи начала августа ласкали ихъ тепломъ, но разстилавшіяся кругомъ поля были не паханы и вытолчены въ пыль. По всѣмъ направленіямъ рыскали мародерствующіе отряды казаковъ и Поляковъ. Иногда на глазахъ нашихъ путниковъ притаившихся гдѣ-нибудь въ лѣсу эти отряды встрѣчались и вступали другъ съ другомъ въ яростную битву. Но чаще шайки мародеровъ нападали на беззащитныхъ проѣзжихъ и на уцѣлѣвшія деревни и поселки. Направо и налѣво отъ дороги пылали и дымились пожарища; ночью небо со всѣхъ сторонъ рдѣло пятнами зарева. На самой дорогѣ и возлѣ нея постоянно попадались трупы, часто съ признаками жестокаго издѣвательства. Надъ ними съ дикимъ карканіемъ чернѣли стаи жадныхъ и сварливыхъ воронъ. Огонь и мечъ ходили по странѣ и она притихла подъ игомъ Божьяго гнѣва. Прохожіе которыхъ встрѣчали наши путники боязливо прокрадывались сторонкой. Какъ-то разъ Иванъ обратился къ одному изъ нихъ:

— Эй, добрый человѣкъ, какой дорогой взять намъ къ Троице-Сергіеву?

Но „добрый человѣкъ“ вмѣсто отвѣта метнулся прочь и спрятался въ кустахъ.

Нигдѣ не слышалось пѣсенъ и веселаго говора. Русская земля изнывала отъ горя, поникла въ благочестивомъ смиреніи молила Господа и Его угодниковъ о спасеніи отъ ужасовъ бывалаго сиротства. Въ уцѣлѣвшихъ церквахъ жалобно звонили въ колокола и наши путники видѣли на папертяхъ фигуры [illegible]ой склоненныя ницъ въ нѣмой молитвѣ...

Digitized by Google

Питаясь кое-чѣмъ, Иванъ съ Никитою изрядно отощали въ дорогѣ. Поэтому они возлагали большую надежду на подкрѣпленіе входя однажды подъ вечеръ въ широко раскинувшееся село Клементьево. Улица села, однако, повѣяла на нихъ унынiемъ и запустѣнiемъ. Нигдѣ не было видно обычныхъ деревенскихъ идилическихъ сценъ. Ни скота возвращающагося съ поля, ни веселыхъ кумушекъ у колодца, ни оживленной группы дѣтей на пыльной дорогѣ. Хижины хмуро насупились подъ шапками соломенныхъ крышъ, а у запертыхъ воротъ изрѣдка мелькали скелеты худыхъ собакъ. Тѣмъ не менѣе мучимый голодомъ Иванъ постучалъ въ окно одной избы.

Изъ калитки выглянулъ сѣдой старикъ и, осмотрѣвъ вооруженныхъ путниковъ, тревожно спросилъ:

— Вамъ кого надо?

— Пусти, дѣдушка, странниковъ передохнуть, отвѣчалъ Иванъ снимая шапку и кланяясь въ поясъ.

Старикъ поглядѣлъ еще, помолчалъ и, наконецъ, проговорилъ:

— Много тутъ лихихъ людей шатается... Ну, входите, гости будете.

Иванъ въ сопровожденіи Никиты переступилъ порогъ избы, помолился на темные квадраты иконъ и, по приглашенію старика, присѣлъ на лавкѣ. Убожествомъ и сиротствомъ поражало жилье.

— Я да вотъ она, только насъ и осталось, сказалъ старикъ указывая на худую женщину съ грудным ребенкомъ на рукахъ.—А какая семья была! Чтò мужиковъ было, чтò бабъ, чтò ребятъ малыхъ! Всѣхъ лихолѣтіе развѣяло.

Старикъ поникъ головою, но потомъ взглянулъ на нашихъ путниковъ и заговорилъ со старой привычкою былаго гостепріимства:

— Чай, добрые молодцы, перекусить съ дорожки не прочь... Ну-ка, Степанидушка, угости чѣмъ Богъ послалъ.

Женщина укачивая на ходу жалобно плакавшаго ребенка поставила на столъ каравай хлѣба, соль и кружку воды. Никита былъ непріятно пораженъ скудостію угощенія и промолвилъ:

— Обѣднялъ народъ-то какъ!.. Неужели жь и обѣда вовсе не варите?

— А видишь ли, милый человѣкъ, отвѣчалъ старикъ,— постимся мы всѣ тутъ.

Digitized by Google

— Какой же постъ такой? недоумѣвалъ Никита проживывая посоленный хлѣбъ.—Успеньевъ кончился.

— А постимся мы, милый человѣкъ, безъ поста чтобъ смиловался Господь надъ грѣшною нашею землею, чтобъ вернулъ царству устроеніе, какъ было при дѣдахъ и прадѣдахъ.

Всѣ примолкли, только ребенокъ не переставая заливался плачемъ.

— Какъ младенецъ-то тоскуетъ, замѣтилъ Иванъ. — Недугъ какой съ нимъ приключился?

— Нѣтъ, возразила Степанида любовно качая ребенка на колѣнахъ,—а не ѣвши онъ второй день... Пускай и онъ попостится-потрудится. Его младенческій голосъ скорѣе дойдетъ до Царицы Небесной чѣмъ молитвы изъ нашихъ-то грѣшныхъ устъ.

Иванъ съ чувствомъ глубокаго душевнаго волненія глядѣлъ на красное, сморщенное личико этого постника и молельщика за спасеніе русскаго царства.

Выйдя на другой день на зарѣ изъ села, Иванъ и Никита повстрѣчали странный обозъ. Медленно двигался длинный рядъ крытыхъ кожами и полотномъ повозокъ. Съ нѣкоторыхъ изъ нихъ слышались тяжкіе стоны. У повозокъ шли люди въ черныхъ монашескихъ одеждахъ. Послѣ взаимныхъ опросовъ объяснилось что это былъ монастырскій обозъ подвигавшійся къ Троице-Сергіеву съ подобранными по дорогѣ трупами и ранеными. Такъ какъ наши путники тоже направлялись къ монастырю, то и пошли вмѣстѣ.

— Давно уже мы ѣздимъ такъ-то, говорилъ имъ старый монахъ шагая рядомъ. — Привеземъ, сложимъ больныхъ, похоронимъ покойниковъ и опять въ дорогу. И конца не видать этой работѣ. Случалось въ этомъ самомъ селѣ Клементьевѣ хоронить въ одинъ день восемь сотенъ тѣлъ. Да въ прочихъ мѣстахъ... Приходится такъ что по десяти, по пятнадцати покойниковъ въ одну яму кладемъ. Страшенъ гнѣвъ Господень! А больныхъ, нагихъ, грабленыхъ свозимъ въ обитель. Тамъ у насъ тоже всѣ трудятся не покладая рукъ, и первый изъ всѣхъ архимандритъ нашъ Діонисій, великой души человѣкъ... Тамъ больницы, тамъ странноприимные дома... Братія и печетъ, и варитъ, и лечитъ. Которые и мірскаго званія люди живутъ, и тѣ въ трудахъ цѣлодневныхъ пребываютъ, не разбирая, бояринъ ли, черный ли человѣкъ. Женскаго пола живущія бѣлье моютъ, одежды шьютъ. Всѣ въ трудахъ... Поработаютъ такъ-то, поработаютъ, да въ храмъ пойдутъ, моле-

Digitized by Google

бенъ отстоятъ о ниспосланіи спасенія русскому царству. А тамъ опять за дѣло...

Среди такихъ разказовъ незамѣтно прошли нѣсколько верстъ и на холмѣ открылись масивныя стѣны обители. Обозъ медленно втянулся въ монастырскія ворота и прибывшіе чернецы, съ помощію другихъ находившихся во дворѣ, начали разгружать подводы, складывая стонущихъ и хрипящихъ раненыхъ рядами на полотняныя подстилки подъ густою тѣнью деревьевъ.

Иванъ не смотря на свою ратную практику никогда не видалъ такой вопіющей картины человѣческихъ страданій. На тѣлахъ по большей части совершенно обнаженныхъ зіяли ужасныя раны. Тутъ были люди испеченные огнемъ, съ обгорѣлыми головами, съ вырѣзанною полосою кожи, съ отсѣченными руками и ногами. Не хотѣлось вѣрить что тяжкія муки причинены страдальцамъ ихъ ближними по человѣчеству, ихъ братьями во Христѣ. Злое дѣло было достойно исчадій ада...

Около сложенныхъ тѣлъ суетились монастырскіе врачи. Тутъ же мелькала хлопотливая фигура стараго монаха небольшаго роста съ сѣдоватой бородкой клиномъ.

— Куда волочешь новую холстину? кричалъ онъ послушнику который несъ подъ мышкой штуку полотна.—Эхъ, народъ неразчетливый! Старая подстилка совсѣмъ еще исправна, а они новую... Потомъ понадобится, а взять негдѣ... И кружечки поразбросали по землѣ, эхъ, право!.. Наступитъ кто, и пропала...

Знакомый монахъ шепнулъ Ивану:

— Это келарь нашъ, Авраамій Палицынъ.

Между тѣмъ распахнулась дверь въ ближайшемъ монастырскомъ зданіи и на порогѣ показался статный монахъ среднихъ лѣтъ, съ тонкимъ, очень красивымъ лицомъ, съ пушистой русской бородой до пояса и съ веселыми, спокойными и добрыми глазами.

— Архимандритъ, архимандритъ! пронеслось въ толпѣ.

Діонисій сошелъ со ступенекъ и приблизился къ раненымъ говоря звучнымъ, пріятнымъ голосомъ:

— Вотъ сколько дорогихъ гостей прислалъ къ намъ нынче Господь!

Затѣмъ нагнувшись къ одному изъ страдальцевъ онъ сказалъ

— Тебѣ, сынъ мой, видно голову починили? Ахъ, ты болѣзный мой... Ну-ка, братія, подайте мнѣ ручникъ, да студеной воды.

Digitized by Google

Онъ присѣлъ, засучилъ рукава и принялся врачевать, разговаривая съ необыкновенной ласкою, простотой, и не безъ добраго юмора. Покончивъ съ однимъ раненымъ, архимандритъ подошелъ къ другому и остановилъ на немъ свои прекрасные глаза съ выраженіемъ глубокаго участія. Исхудавшій, синевато-блѣдный страдалецъ въ свою очередь глядѣлъ на него помутившимся взоромъ.

— Эхъ, бѣдняга, бѣдняга! промолвилъ Діонисій и приступилъ къ причащенію умирающаго.

Такъ проходилъ по рядамъ знаменитый игуменъ расточая вокругъ себя великія богатства своей простой, лишенной способности повелѣвать людьми, но истинно доброй души. За нимъ вслѣдъ тянулись отогрѣтыя сердца и блестящія радостной благодарностію взоры всѣхъ этихъ несчастныхъ, замученныхъ злою судьбою и обиженныхъ людскою жестокостію.

Иванъ также съ благоговѣніемъ слѣдилъ за архимандритомъ. Въ одномъ углу двора Діонисій проявилъ особенное волненіе; онъ склонилъ голову и по щекамъ его текли слезы. Иванъ съ любопытствомъ протискался сквозь толпу и понялъ грусть добраго пастыря. Въ этомъ углу была сложена цѣлая куча мертвыхъ младенцевъ. Въ возрастѣ отъ четырехъ, пяти лѣтъ до груднаго, эти обнаженные трупики лежали съ разбитыми головами, поломанными членами и разрубленными внутренностями; ихъ скорбныя лица обращенныя къ небу какъ будто возносили свои нѣмыя жалобы.

Архимандритъ широкимъ жестомъ благословилъ сцену достойную временъ Ирода и отвернулся стараясь принять снова свой обычный, спокойно-ободряющій видъ. На одну минуту его глаза встрѣтились съ глазами Ивана и онъ спросилъ:

— Откуда ты, сынъ мой?

— Изъ стана покойнаго Прокопія Петровича, владыка, отвѣчалъ съ глубокимъ поклономъ Иванъ,—а нынѣ иду прочь отъ Москвы.

— Натерпѣлся, чай, въ волю, молодецъ? Подкрѣпись нашимъ хлѣбомъ-солью, соберись съ силами, пригодятся онѣ еще въ нашу горькую годину.

Тутъ же онъ обернулся къ присутствовавшимъ монахамъ и воскликнулъ съ веселою бодростію въ чистомъ, звенящемъ голосѣ:

— Кормите всѣхъ, несите все что̀ есть, не жалѣйте... Отъ осады большой Богъ избавилъ насъ, а за лѣность и скупость можетъ и хуже еще смирить... Что̀ ни есть у насъ

Digitized by Google

хлѣба, овощей и квасовъ въ погребахъ, все отдадимъ несчастнымъ.

— Отдать-то не мудрено, на сіе не надо великаго разумѣнія, проворчалъ какой-то худой и хмурый монахъ.

— А раздавши, чѣмъ самимъ питаться? То же вѣдь не птицы небесныя! дерзко подхватилъ другой монахъ съ тучнымъ чревомъ.

Кто-то объяснилъ Ивану что худой монахъ головщикъ, то-есть, управляющій хорами, Логинъ, а тучный уставщикъ Филаретъ.

Архимандритъ оглянулъ съ усмѣшкой полную фигуру уставщика и промолвилъ:

— Сами овсяной хлѣбъ будемъ ѣсть... Не робѣй, братъ Филаретъ, и безъ квасу, съ одной водой, не умремъ.

— Съ такимъ-то хозяйствомъ и воды въ рѣчкѣ не хватитъ! возразилъ уставщикъ.

— И на страннопріимство тоже надо голову имѣть, поддержалъ своего пріятеля Логинъ.

— Ну, довольно, довольно, сказалъ имъ съ кроткой грустью архимандритъ.—Пора идти въ храмъ. Помолимся паки и паки о спасеніи недугующаго отечества.

Статная фигура Діонисія въ скромной черной рясѣ направилась въ церковь. За нимъ полилась большая толпа чернецовъ и мірскихъ людей.

XIX.

Подкрѣпившись на славу монастырской благостыней, Никита съ Иваномъ скоро и безъ приключеній подошли къ Ярославлю. Уже городъ виднѣлся вдалекѣ, когда Никита затѣялъ ночевать въ небольшой придорожной деревенькѣ.

— Не способно въ домъ ломиться на ночь глядя, объяснялъ онъ товарищу.

— Ну и боишься же ты отца своего! воскликнулъ шутя Иванъ.

— Не боюсь я, а надо порядокъ знать, защищался Никита не имѣя однако же силъ скрыть свое волненіе.

Сѣренькое утро только-что освѣтило городъ матовымъ свѣтомъ, когда товарищи подошли по кривой посадской улицѣ къ обширному обнесенному высокимъ заборомъ двору. Изъ ма-

Digitized by Google

ленькой калитки у наглухо запертыхъ воротъ показался высокій худой старикъ съ метлою и сталъ заметать соръ. Никита окликнулъ его:

— Здорово, Семенъ.

Старикъ подозрительно поглядѣлъ на него, но тотчасъ же бросилъ метлу и всплеснувъ руками воскликнулъ:

— Никита Петровичъ?.. Долгонько загостился, батюшка, долгонько.

— Ну, что, какъ у насъ?

— Ничего, все слава Создателю. И батюшка, и матушка, и братецъ... Первое время, точно, Петръ Демьяновичъ гнѣвался. И не показывалъ, а все жь видать было. Ну, потомъ обошелся, ничего. А матушка твоя и понынѣ плачетъ. Какъ останется одна, такъ и разольется рѣкой...

— А что, встали уже поди? прервалъ его Никита съ дрожью въ голосѣ.

— Во-та! У насъ всѣ съ зарею на ногахъ.

Никита перекрестился и рѣшительно ступилъ за калитку. Иванъ за нимъ. Перейдя широкій дворъ, они поднялись по ступенькамъ и вошли въ комнату. Здѣсь пожилой человѣкъ, полноватый, съ лысиною и окладистою бородой, одѣтый въ долгополый кафтанъ изъ сильно поношенной тафты, занимался чисткою иконъ, повернувшись спиной къ двери. Никита едва войдя въ комнату опустился на колѣна, но лысый человѣкъ продолжалъ свое дѣло не оборачиваясь; онъ старательно обметалъ вѣнцы и оклады образовъ крылышкомъ, а лики протиралъ мягкой губкой. Наконецъ, онъ покончилъ свою работу, отвѣсилъ трижды земной поклонъ и повернулся. Увидя молодыхъ людей онъ обнаружилъ сначала сильное удивленіе, но сейчасъ же заговорилъ спокойнымъ голосомъ:

— Никакъ сынъ мой блудный, торговецъ удачливый?

— Прости, батюшка, сказалъ Никита, кланяясь въ землю.

— Ну, что ужь, отвѣчалъ старикъ,—повинную голову и мечъ не сѣчетъ...

— Прости, батюшка, повторилъ Никита.

— Богъ проститъ. Надо бы тебя плеткой постегать, ну, ужь Богъ съ тобой... Гдѣ же тебя носило столько времени? Да ты встань.

Никита поднялся, поцѣловалъ руку отца и отступивъ на шагъ на свое мѣсто началъ разказъ.

— Какъ случилось со мною несчастіе, потерялъ я твой товаръ, взялъ меня страхъ и не дерзнулъ я предъ очи твои

Digitized by Google

предстать. И присталъ я къ полкамъ воинскимъ. А потомъ были мы съ товарищемъ вотъ Иваномъ въ рати рязанскаго воеводы Прокопія Петровича Ляпунова.

— Въ воины значитъ попалъ? замѣтилъ отецъ.—Что жь, и это добро. Коли Богъ не далъ разума на одно дѣло, такъ можетъ Онъ по благости своей къ другому приспособить... Ты вотъ что, сходи къ матери. Она теперь хлопочетъ, чай, по кладовымъ, въ поварнѣ, въ хлѣбнѣ, людишекъ за работу разсаживаетъ. Ну, да ради такого случая можетъ дѣло отложить. Поди.

Когда Никита вышелъ, старикъ обратился къ Ивану.

— Садись, молодецъ, гостемъ будешь... Такъ воевали вы съ моимъ Никитою премудрымъ?

— Воевали, отвѣчалъ Иванъ.—Съ Ляхами бились, стольный градъ отнимали.

— Что жь плохо старались? Ляхи, слыхать, и понынѣ въ Москвѣ.

— Не осилили знать, промолвилъ Иванъ разводя руками.— Въ полѣ извѣстно двѣ воли, чья сильнѣй.

— Не вѣрно, молодецъ, слово молвишь. Въ полѣ двѣ воли: кому Богъ поможетъ. Видно вы съ воеводами своими плохо молились да позабывъ святое дѣло сварились промежъ себя.

— Былъ тотъ грѣхъ.

— Вотъ то-то и есть... Ну, а насчетъ добычи какъ? Слыхивалъ я что многіе ратники не плохо поживились.

— Какъ кому пришлось, уклончиво отвѣтилъ Иванъ.

— Что жь, замѣтилъ Петръ Демьяновичъ поглаживая бороду,—я ихъ не похуляю. Одно дѣло грабежъ да нахальство, за это Господь караетъ, а иное дѣло, коли подбираешь что само въ руки плыветъ. Зачѣмъ добру пропадать? Тутъ ужь не добродѣтель какая, а прямо сказать, растяпство. Разные люди бываютъ: одинъ смотритъ зорко, каждую щепочку и ту подберетъ да спрячетъ, а иной фалалей не найдетъ и въ своей избѣ дверей.

Въ такомъ родѣ шелъ разговоръ, когда въ комнату вошелъ Никита въ сопровожденіи матери худощавой старухи въ скромной одеждѣ изъ крашенины. Никита несъ въ рукахъ свою раскрытую дорожную торбу и съ поклономъ подалъ ее отцу.

— Что тутъ у тебя, воинъ преславный? спросилъ старикъ.

— Не погнушайся, батюшка, отвѣчалъ Никита, — прими въ даръ отъ сына своего блуднаго.

Digitized by Google

— Показывай, показывай что у тебя тамъ, сказалъ Петръ Демьяновичъ и не безъ поспѣшности погрузилъ руку въ торбу.

Къ удивленію Ивана, изъ котомки его товарища начали появляться на свѣтъ Божій серебряные кубки, золоченые ковши, большія запоны съ драгоцѣнными камнями и другія сокровища. Петръ Демьяновичъ разставлялъ на столѣ вещи дрожащими руками, но не могъ удержаться отъ критическихъ замѣчаній.

— Эхъ, кубокъ-то помятъ! говорилъ онъ.—И запоны потерлись, не сумѣлъ уложить какъ надобно...

Никита наклонившись къ Ивану прошепталъ:

— Батюшка, что котъ, не поворча не съѣстъ.

Когда все содержимое котомки было вынуто, старикъ сказалъ:

— Благодаримъ тебя, сынъ любезный, на твоемъ подаркѣ. Маланья, спрячь все это куда слѣдуетъ, а мы съ добрыми молодцами пройдемся по хозяйству.

Спускаясь съ крыльца Петръ Демьяновичъ крикнулъ:

— Семенъ, что жь солома у крыльца старая? Аль мы ужь такъ обѣднѣли?

— Запамятовалъ перемѣнить, батюшка, промолвилъ старикъ подбѣгая безъ шапки.

— Запамятовалъ! Память у тебя коротка стала. Самъ вонъ какой долгій, а память короткая.

Идя медленнымъ шагомъ по двору Петръ Демьяновичъ продолжалъ:

— Какъ соломки положилъ да въ сѣняхъ войлочекъ, ино лѣстница-то и не грязнится. Какъ все причищено, приметено, вотъ и хорошо. Въ добрый домъ устроенный, какъ въ рай войти.

Проходя мимо ряда запертыхъ амбаровъ, Петръ Демьяновичъ потрогалъ каждый замокъ приговаривая:

— Такъ всякое утро надобно дѣлать. Гдѣ съ замкомъ что неладно, войди и по свѣжимъ слѣдамъ вора какъ-разъ сыщешь. Бережливаго и Богъ бережетъ. Пригодится каждая благословенная денежка, а на милостыню къ Богу пріятна. Кто за всякой малостію въ торгъ, а ты въ клѣть... Такъ дѣды насъ учили, а я васъ учу. Слава Богу, всего у меня много. И ничего нѣтъ отъ насилія, отъ грабленія, отъ тяжьбы, лихоимства, ябедничества, криваго суда, корчемнаго прикупа. И тебѣ, Никита, съ братомъ всего въ волю будетъ. Само собою, ежели жить станете по добытку смотря. А ежели учнете на людей глядя жить не по силѣ, займомъ и неправдой, ну, тогда честь

Digitized by Google

эта будетъ съ великимъ безчестіемъ и поношеніемъ. И отъ Бога грѣхъ будетъ и отъ людей посмѣхъ. Такъ ли я говорю?

— Такъ, батюшка, отвѣчалъ Никита.

— Зайдемъ теперь въ работницкую, съ братомъ повидаешься.

Вошли въ большой сарай съ земляным поломъ гдѣ десятка два мастеровъ ладили сѣдла, плели уздечки, точали сапоги и производили разнаго рода кожевенныя издѣлія. Хозяйскій сынъ Гаврила, человѣкъ лѣтъ тридцати, съ русою большою бородою, исполнялъ обязанности главнаго закройщика. Онъ молча поцѣловался съ Никитой и тотчасъ же опять принялся кроить растянутую передъ нимъ конскую кожу.

— Вотъ, Гаврилушка, вернулся братъ твой, началъ старикъ, но сейчасъ же прервалъ себя укоризненнымъ окрикомъ:—Какъ кроишь! Кроишь-то какъ? Долженъ же ты разбирать какая куда кожа требуется. Какая на саадокъ, какая на сѣдло, на аметюхъ, на сумы, на сапоги. А ты что жь это?

Гаврила растерянно опустилъ ножъ. Старикъ тѣмъ временемъ наклонился къ полу и, подобравъ нѣсколько кусковъ кожи, бросилъ ихъ на столъ говоря:

— И обрѣзки разбросалъ, голова! А они пригодятся и на узду, и на морхи, и на лысину... Эхъ ты, это и баба всякая знаетъ, бережетъ обрѣзки паче глаза, потому пригодятся они мало ли на что. Заплатить ветшаное портище, или къ новому пришить, или что починить. Обрѣзокъ всегда выручитъ. Въ лавку-то устанешь бѣгать подбирать, а иной часъ и не приберешь, или втрое цѣною отдашь... Эхъ, ты! Зайди ко мнѣ въ клѣть передъ обѣдомъ.

Старикъ повернулся и пошелъ изъ мастерской. Идя за нимъ Никита шепнулъ Ивану:

— Не миновать брату плетки!

— Гнѣвливъ отецъ твой, также тихо замѣтилъ Иванъ.

— Не гнѣвливъ, а побить побьетъ вѣжливенько. Говоритъ, уму разуму учитъ.

Во дворѣ ожидалъ хозяина посолъ отъ сосѣда съ просьбой одолжить три оловяника.

— Что жь, можно, разрѣшилъ Петръ Демьяновичъ, — я завсегда радъ услужить Егору Мироновичу. Семенъ, принеси-ка сюда оловянички.

Черезъ минуту Семенъ притащилъ посудину.

— Ну, Божій человѣкъ, обратился хозяинъ къ послу,— гляди-ка сюда. Вотъ тебѣ одинъ оловяникъ, видишь, совсѣмъ

Digitized by Google

цѣлый. Вотъ другой, днище чуть погнуто. Вотъ третій, край надломленъ. Цѣною они, какъ ты думаешь? Не грѣхъ три полтины положить на случай утраты?.. Ну вотъ, гляди хорошенько и неси съ Богомъ. А то по грѣхамъ какая притча станется, ибо на обѣ стороны хлопотовъ и остуды нѣтъ, и тому платежъ у кого взято. Брать-то можно, отчего не брать? Да беречь взятое надо паче своего и отнести въ срокъ.

Петръ Демьяновичъ собирался уже уходить въ домъ, когда замѣтилъ какую-то бабу заглядывавшую въ калитку. Это событіе взволновало его и онъ неистово закричалъ:

— Тебѣ чего надо, проклятая? Пошла прочь, вонъ, вонъ!

Баба растаяла какъ видѣніе, а старикъ отдуваясь промолвилъ:

— Охъ, ужь эти бездѣльныя женки, торговки, да гадалки, много отъ нихъ зла бываетъ! Отъ нихъ слугамъ потворъ. Какъ повадятся онѣ во дворъ, тутъ и скажутся слуги крадливые, а потомъ и блудливые... А гдѣ и сама хозяйка, ежели молодая, не уцѣломудрится, горе и самой.

Вошли въ домъ и въ скоромъ времени сѣли обѣдать въ свѣтелкѣ. Кромѣ хозяевъ на краю стола помѣстились старшіе изъ рабочихъ. Передъ обѣдающими постепенно появились щи, каша гречневая и ячная, солонина, полотки, куры верченыя, яблоки и груши въ квасу и въ патокѣ.

— Плохо угощаешь гостей дорогихъ, сказалъ Петръ Демьяновичъ женѣ.

— Припасовъ нѣтъ, батюшка, отвѣчала та робкимъ голосомъ.

— И что̀ скажетъ баба несмысленая! раздосадовался старикъ.—Не припасы надобны, а умѣніе да примыселъ. Ты раскинь-ка мозгами, чего только нельзя сдѣлать изъ какого-нибудь не мудраго баранца! Изъ грудины можно ушное нарядѝть, почки начинить, лопатки изжарить, ножки яичками обложить, печень изсѣчь съ лукомъ, перепонкою обвертѣть да на сковородкѣ изжарить. А легкое съ молочкомъ, съ мукою приболтавъ налить, кишечки яичками набить. Баранью голову, мозжокъ можно отдѣльно подать, съ потрошкомъ уху нарядѝть, рубецъ кашею начинить. Вотъ оно сколько изъ одного барана прохлады! А ты говоришь, припасовъ нѣтъ.

Маланья виновато и молча склонила голову. Хозяинъ выпилъ изъ стоявшаго передъ нимъ кубка и сказалъ:

— Хорошо пивцо мартовское, слова нѣтъ, а все жь для блуднаго сына можно бъ и медку разсытить подложивъ въ

Digitized by Google

него мѣшочекъ съ мушкатцемъ и гвоздикой... Что жь такое, отчего и не выпить? Пить можно для здравія и веселія. Дара Божія не похуляю, а похуляю пьющихъ безъ воздержанія. Что въ Писаніи-то сказано: пейте мало веселія ради, а не пьянства ради. Пьяницы, ну, тѣ Царства Божія не наслѣдятъ, да и на землѣ отъ нихъ одна брань, да свара, бой, кровопролитіе и нищета. Такъ ли я говорю?

— Такъ, батюшка, такъ, Петръ Демьяновичъ! пронеслось надъ столомъ словно благоговѣйный вздохъ.

— Ну, а на войнѣ какъ пили-ѣли? спросилъ послѣ паузы хозяинъ обращаясь съ улыбкой къ молодымъ людямъ.

— Со всячинкой бывало, батюшка, отвѣчалъ Никита.

— Иной разъ, прибавилъ Иванъ, — набьешь брюхо по горло, а то подтянешь поясъ замѣсто обѣда, да и все тутъ.

— У казаковъ, правда, замѣтилъ Никита, — у тѣхъ повсякъ день и поросятина, и гусятина, и все.

— А вы бъ къ намъ въ гости хаживали, робко промолвила Маланья.

— Да не охочи они до гостей, отвѣтилъ ей сынъ.

— Ихъ гостепріимство извѣстно, прибавилъ Иванъ, — хлѣбъ да соль—одоль стой!

Во время разговора молодыхъ воиновъ весь столъ оживился. Многіе громко смѣялись, но это не понравилось хозяину и онъ обратился къ Никитѣ:

— А что жь ты, знать, позабылъ обычай?.. Надобно жь кому изъ хозяевъ выйти, да тѣхъ, что во дворѣ, въ сѣняхъ сидятъ, дозрѣть, добрымъ словомъ привѣтить.

Когда Никита вышелъ изъ свѣтелки, Петръ Демьяновичъ продолжалъ:

— Ѣда великое дѣло. Ѣсть надо съ благоговѣніемъ, съ молчаніемъ, или съ разумною бесѣдою. А какъ пойдутъ крики да смѣхи, такъ тутъ только бѣсы тѣшатся. Такъ ли я говорю?

— Такъ, батюшка, снова вздохнули всѣ.

Никита исполнилъ хозяйскія обязанности, обошелъ обѣдавшихъ по кухнямъ челядинцевъ и вернулся на свое мѣсто.

— Гляжу я на тебя, Никита, ласково сказалъ Петр Демьяновичъ,—и думаю: женить тебя надобно.

— Какъ прикажешь, батюшка.

— Женить, женить!.. Только жену-то надо искать в хорошихъ родовъ, хозяйственныхъ. Первѣе потому что этихъ только родахъ приданое какъ слѣдуетъ припасаю Вѣдь разсудительный отецъ какъ дѣлаетъ? Торгомъ ли с

Digitized by Google

занимается, деревню ли пашетъ, а какъ родится у него дочь, онъ сейчасъ выдѣлитъ ей часть, и отъ той части что̀ Богъ пошлетъ покупаетъ полотно, ширинки, убрусы, рубашки и всякій годъ въ сундукъ кладетъ. Также и платье, монисты, иконы, сосуды мѣдные, оловянные, все въ коробья, прибавляя каждый годъ. Такъ-то растетъ дочка, страху Божію учится и рукодѣлію, и приданое вмѣстѣ прибываетъ. Анъ какъ выдавать замужъ, отецъ съ матерью и безпечальны, потому что далъ Богъ все у нихъ готово. А незаботливые люди, тѣмъ все покупать надо, да дорогою цѣною, и бракъ имъ въ горе... Тоже и о наученіи сказать! У добрыхъ родителей дочь содержится въ строгости, съ прещеніемъ. А ежели слюни распустить, или лѣниться взыскивать, или забавляться ребенкомъ, то и онъ облѣнится, загрубѣетъ, не станетъ разбирать что̀ можно, чего нельзя, и выростетъ на муку родителямъ, на укоризну отъ сосѣдей, на посмѣхъ передъ врагами, да и себѣ не на радость... Я такъ понимаю: жена добрая, страдолюбивая, молчаливая, вѣнецъ мужу. Блаженъ тотъ мужъ и проживетъ жизнь счастливо. Урядливая жена встанетъ раненько и все-то въ рукахъ ея спорится. Всему-то она счетъ знаетъ, все показать можетъ, убогихъ и нищихъ накормитъ. И всѣ-то у нея сыты и одѣты. Пекутъ ли хлѣбъ, пироги, она знаетъ сколько чего выдать, сколько выйдетъ изъ осмины, изъ рѣшета. А какъ пекутъ, она тѣмъ временемъ стирку затѣетъ; анъ вся стряпня вмѣстѣ и дровъ не убыточно. Такъ и во всемъ. Безъ дѣла сидѣть она не станетъ, нѣтъ! Развѣ по немощи, или по мужней волѣ. Все-то у нея сдѣлано и никто не слыхалъ. И къ чужимъ людямъ не надобно бѣгать, все свое. Правду ли я говорю?

— Правду, батюшка, правду! воскликнулъ хоръ домочадцевъ съ такимъ чувствомъ, словно каждый сознавалъ свою какую-то вину.

Послѣ обѣда всѣ разошлись отдыхать. Никита и Иванъ сошли въ отведенную имъ клѣть и разлеглись на широкія лавки на которыя заботливая материнская рука положила полотняные полосатые бумажники и взголовья съ подушками и камковыми одѣялами.

— Ну, что̀ скажешь? спросилъ Никита.—Какъ показался тебѣ батюшка мой?

— Большаго ума человѣкъ! Разумный укладчикъ! отвѣчалъ Иванъ. — Укладъ его хорошій, но только тяжко подъ нимъ какъ-то... Кабы этотъ укладъ да подъ человѣкомъ ле-

Digitized by Google

жалъ, такъ бы сказать подпоркой человѣку былъ, чего бы лучше! А то онъ норовитъ сверху на человѣка налечь, ну, и тяжко...

— Вотъ и разбери тутъ, промолвилъ разсѣянно Никита занятый очевидно другими мыслями. Затѣмъ сразу поднявшись на локтѣ, онъ заговорилъ возбужденнымъ, прерывистымъ тономъ:

— Ну, Иванъ, давно я собирался открыть тебѣ одно дѣло... Теперь приспѣло время... Есть тутъ въ посадѣ у меня пріятель одинъ, боярскій сынъ, человѣкъ молодой, но крѣпко недужный, все-то кашляетъ, да блюетъ. Ну, и разговорились мы какъ-то съ нимъ по душѣ что̀ кому всего дороже на свѣтѣ. Я и говорю: нѣтъ ничего дороже, какъ великое богатство. А онъ посмотрѣлъ на меня такъ-то и говоритъ: „Дуракъ ты, Никита, дуракъ!.. А можно, говоритъ, выше головы обогатиться, надо кладъ достать. И есть тутъ у насъ, говоритъ, такой, я знаю". Какъ услыхалъ я эти слова, такъ и присталъ: скажи, да скажи! Онъ усмѣхнулся и говоритъ: „Не знаешь ты развѣ что богатому сладко ѣстся, да плохо спится?" Я не отстаю. „Ну, ладно, говоритъ, когда-нибудь скажу". А тутъ батюшка меня съ товаромъ въ Тушино собралъ, и пошелъ я путаться на сколько времени... Теперь же самое время дѣло-то обдѣлать.

— Чудакъ ты, сказалъ Иванъ.—Вѣдь вонъ сколько отецъ вамъ понаготовилъ. Все ваше будетъ.

— Ну, Улита ѣдетъ, когда-то доѣдетъ, возразилъ Никита.—Да и какое тутъ богатство! Такъ, скопидомство одно, а тамъ, понимаешь, выше головы!..

Когда часы назначенные для отдыха прошли, молодые люди вернулись въ свѣтелку и застали Петра Демьяновича снова перебирающимъ вещи сыновняго дара.

— Что̀ я думаю, сказалъ старикъ,—пошлю-ка я кубка два боярину Ильѣ Ильичу Шаликову. Онъ мой давній благодѣтель, да и впредь пригодится. Никогда не мѣшаетъ подарить нужнаго человѣка, смотря кто чего достоинъ. Въ дружбѣ живетъ великій прибытокъ... Маланья, принеси-ка ларецъ березовый, да пошли сюда кого изъ людишекъ, кто не занятъ. Хоть Игнашку, что ли.

Скоро два серебреные кубка изъ тѣхъ, что̀ съ маленькимъ изъянцемъ, уложены были акуратно въ шкатулку, а у порога стоялъ Игнашка, юноша довольно расторопнаго вида.

— Молодъ ты посломъ ходить, сказалъ ему Петръ Демья-

Digitized by Google

новичъ, — ну, да не отрывать же отъ работы людей, а тебѣ привыкать надо... Возьми ты ларецъ этотъ и ступай во дворъ боярина Шаликова, Ильи Ильича. Подашь ему ларецъ и скажешь, посылаетъ-молъ тебѣ господинъ мой, Петръ Демьяновичъ, памятку о себѣ. Вернулся-де къ нему молодшій сынъ изъ подмосковнаго ополченія и привезъ воинскій добытокъ, а Петръ Демьяновичъ тебѣ, боярину, посылаетъ въ память давней вѣрной пріязни. Такъ и скажи, да проворно домой ворочайся. Что̀ дома дѣлается, въ людяхъ не сказывай, какъ и того, что̀ въ людяхъ увидишь, домой не приноси. О чемъ посланъ, то помни, а объ иномъ ежели начнутъ спрашивать, отвѣчай: не вѣдаю, не знаю. А-то отъ переносовъ этихъ промежь хозяевъ ссоры и остуда... Ну, иди. Къ воротамъ подойдешь, легонько постучи, по двору кто станетъ спрашивать, за какимъ дѣломъ идешь, отвѣчай: не къ тебѣ посланъ. У сѣней ноги грязныя оботри, носъ высморкай да прокашляйся. Когда впустятъ, войдя иконамъ поклонись и хозяйское приказаніе выложи. А въ ту пору носа перстомъ не трогать, не кашлять, не харкать, не плевать. Если нужно, отойдя въ сторону вѣжливо устроиться, стоять, на сторону не смотрѣть, слушать и отвѣчать о дѣлѣ, да скорѣе домой съ отвѣтомъ. Понялъ?

— Понялъ, Петръ Демьяновичъ.

— А повтори что̀ сказать боярину.

Игнашка съ удивительною точностію повторилъ слова хозяина.

— Ну, такъ, ну, ступай, промолвилъ тотъ видимо довольный.—Помни, въ Писаніи сказано: въ малѣ вѣренъ бѣ, надо мнозимъ поставленъ будеши. Такъ ли я говорю?

„Такъ-то такъ“, думалъ Иванъ. „Всѣ-то слова твои вѣрны, а дурманомъ что-то отдаетъ отъ нихъ, на ногахъ еле устоишь!“

Не-безъ нетерпѣнія дождались молодые люди окончанія дня и спустились въ свою клѣть. Никита тотчасъ же сказалъ товарищу:

— Ты ложись и спи, а я пойду. Надобно за дѣло приняться вплотную.

Иванъ улегся на мягкой постели, вѣки его тяжелѣли и онъ сталъ размышлять. Удивительный человѣкъ этотъ Никита! Жадность словно бѣсъ сидитъ въ немъ и кипятитъ его душу... Положимъ, и Петръ Демьяновичъ на тѣхъ же дрожжахъ замѣшанъ. Стяжатель!.. И не знаютъ они того что дороже злата и серебра вольная волюшка, какъ говорила Дуня. Вѣрныя слова говорила Дуня, ну, а насчетъ того чтобы печень ба-

Digitized by Google

ранью съ лукомъ испечь, да изжарить, гдѣ же ей!.. Вотъ Ульяша, та бы справилась и съ баранцемъ, и съ мушкатнымъ мѣшечкомъ, и съ обрѣзками...

Иванъ уснулъ глубокимъ сномъ.

XX.

— Вставай, будетъ спать, вставай! будилъ Никита товарища.

Иванъ открылъ глаза и не видя ничего въ темнотѣ крикнулъ:

— Кто тутъ? Чего надо?

— Это я, отвѣчалъ Никита,—вставай скорѣе, пора.

— Куда вставать-то, вѣдь еще ночь глухая.

Никита продолжалъ торопить пріятеля помогая ему одѣваться. Ощупью выбрались они изъ клѣти, перешли дворъ при свѣтѣ чуть розовѣвшей зари и отодвинувъ тяжелый засовъ переступили высокій порогъ калитки. Глухо отзывались ихъ шаги среди безлюдія улицы спавшей мертвымъ сномъ. Только собаки за высокими заборами гремѣли цѣпями и нарушали предутреннюю тишину свирѣпымъ, разноголосымъ лаемъ.

Иванъ нѣсколько разъ спрашивалъ своего товарища:

— Куда идемъ-то?

Но тотъ не отвѣчалъ ни слова, и только тогда, когда они вышли за околицу и присѣли отдохнуть на придорожной канавѣ, Никита приступилъ къ объясненію.

— Ну, сказалъ онъ съ нервной дрожью въ голосѣ,— былъ я у своего знакомца, спрашивалъ о дѣлѣ, насчетъ клада-то. Сперва все шутки шутилъ, наконецъ того говоритъ: „Есть недалечко кладъ, точно, богатый кладъ отъ давнихъ временъ, ну, а въ какомъ доподлинномъ мѣстѣ, о томъ я не знаю. Толкнись, говоритъ, къ Липихѣ, она, ежели захочетъ, все тебѣ укажетъ“... Вотъ, значитъ, намъ теперь и надобно изловчиться, развѣдать.

— Да кто Липиха-то эта самая? спросилъ Иванъ.

— А это есть у насъ вѣдунья такая. У-у, она знаетъ она на семь пядей въ землю видитъ... Ежели захочетъ, озолотитъ человѣка. Наговорила она такъ-то у насъ одному торговцу на медъ. Что жь ты думаешь! Отъ роевъ отбою у него не было; у кого какъ, а у него туча-тучей. Богачемъ сталъ

Digitized by Google

Или болѣзни какія, камчюгъ тамъ или френьчюгъ, она какъ рукой сниметъ, потому травы знаетъ, и кукосъ, и одоленъ, и симтаринъ... Вѣдь вотъ растутъ себѣ травки въ полѣ, кажется, всякій рви, да пользуйся, анъ нѣтъ. Собирать надобно умѣючи, въ какой день, гдѣ, какъ... Липиха знаетъ. Только нравомъ она крутенька... Да вотъ увидишь. Повернемъ мы на эту дорожку и скоро приспѣемъ.

Солнце только-что поднялось надъ горизонтомъ, когда товарищи подошли къ опушкѣ лѣса и Никита сказалъ указывая на орѣшникъ:

— За этими кусточками и стоитъ дворъ, гдѣ живетъ Липиха со своимъ старикомъ, съ мужемъ.

Никита въ сопровожденіи Ивана пошелъ осторожно по узкой тропинкѣ. Скоро изъ-за вѣтвей мелькнуло строеніе и пріятели притаившись начали наблюдать.

Среди разгороженнаго двора широко раскинулась большая старая изба. На порогѣ избы стояла въ одной рубахѣ молодая, полная женщина, съ тонкимъ профилемъ лица и большими карими глазами. Она говорила что-то старику который подбиралъ черепки, очевидно, разбитаго имъ кувшина съ молокомъ.

— Вотъ она, Липиха, прошепталъ Никита.

— Н-ну? изумился Иванъ.—Этакая-то славная баба, да вѣдьма?

Никита пожалъ плечами и они стали прислушиваться.

— Скорѣй, лѣшій! кричала Липиха.—Погибели на тебя нѣтъ! Кувшина черезъ дворъ пронести не можетъ! Спотыкается, хромой дьяволъ! А какъ жрать, такъ на это лихъ. Когда только черти возьмутъ твою душу!..

Грубыя и обидныя слова лились изъ устъ Липихи неисчерпаемымъ потокомъ. Ея красивые глаза подъ взлохмаченными прядями непричесанныхъ волосъ заволакивались пеленой злобы, красныя губы покрывались пѣной, а жирное тѣло въ узкой рубахѣ трепетало судорогой неистовства. Старикъ пытался промолвить слово оправданія, но его голосъ пропадалъ въ визгѣ Липихи которая въ концѣ-концовъ швырнула въ мужа лопатой и вошла въ избу громко хлопнувъ дверью.

— Ну что? спросилъ Никита.

— Н-да! отвѣтилъ Иванъ.—Какъ есть вѣдьма вѣдьмой.

— Не въ добрый часъ пришли мы, промолвилъ Никита послѣ долгой паузы. — Ну, будь что будетъ, а все-жь надо попытаться.

Они вышли изъ кустовъ, миновали дворъ и пріотворили

Digitized by Google

дверь избы гдѣ Липиха злобно металась изъ стороны въ сторону гремя кочергой и чугунами. Увидя молодыхъ людей она побагровѣла до корня волосъ и закричала:

— Кто такіе? Какого дьявола надо?

Никита снялъ шапку, низко поклонился и хотя боязливо, но настойчиво началъ излагать свою просьбу. Онъ говорилъ о своемъ рѣшеніи отыскать во что̀ бы то ни стало знаменитый кладъ и просилъ Липиху помочь совѣтомъ и указаніемъ вѣрнаго пути.

— Убирайтесь вонъ! завизжала въ отвѣтъ вѣдунья потрясая кочергой.—Шляются тутъ! Чтобъ духу вашего не было!

Никита молча вынулъ изъ-за пазухи нитку жемчуга и положилъ ее съ поклономъ передъ Липихой. Та оглядѣла косымъ взглядомъ подарокъ и сѣла на лавку. Нѣкоторое время всѣ молчали.

— Что̀-жь стоишь остолопомъ? крикнула Липиха. — Не знаешь порядковъ, что̀ ли? Подай сюда.

И она кивнула головой въ уголъ гдѣ помѣщалась небольшая деревянная кадка съ водой.

Никита проворно метнулся въ указанномъ направленіи и осторожно поставилъ кадку передъ Липихой. Вѣдунья оперлась на нее обоими локтями и наклонилась надъ водой, такъ что спутанныя пряди волосъ закрыли ея лицо. На долгое время она замерла въ неподвижной позѣ. Наконецъ, не поднимая головы она промолвила:

— Вижу я кладъ твой... Крѣпко онъ положенъ. Ну, да ничего... Повторяйте за мной что̀ я буду говорить... А кресты сняли? Ахъ, народъ безпонятный! Снимайте кресты съ шеи.

Никита послѣ минутной нерѣшительности началъ медленно вытаскивать изъ-за ворота мѣдную цѣпочку съ образками, Иванъ же отказался наотрѣзъ слѣдовать примѣру товарища. Напрасно Никита просилъ его ,и уговаривалъ, Иванъ непоколебимо стоялъ на своемъ. Пререканія молодыхъ людей снова привели вѣдунью въ ярость, но Никита поспѣшилъ ее умилостивить.

— Не гнѣвайся, матушка-красавица, говорилъ онъ низко кланяясь,—я одинъ буду дѣло дѣлать, клади, матушка, заклятіе на мою голову.

— Говори за мною, сказала Липиха и начала бормотать:— На морѣ, на окіанѣ, на островѣ Буянѣ стояло древо. На томъ древѣ сидѣло семьдесятъ какъ одна птица. Эти птицы щипали вѣти, эти вѣти бросали наземь, эти вѣти подбирали бѣсы и

Digitized by Google

приносили къ Сатанѣ Сатановичу. Ужь ты худъ бѣсъ, кланяюсь я тебѣ и поклоняюсь, сослужи мнѣ службу и сдѣлай дружбу: укажи дорожку къ кладу богатому.

Переведя духъ Липиха продолжала:

— Встану не благословясь, пойду не перекрестясь въ чистое поле. Въ чистомъ полѣ стоитъ терновъ кустъ, а въ томъ кусту сидитъ баба сатанина угодница. Поклонюсь я тебѣ, бабѣ, сатаниной угодницѣ, и отступлюсь отъ отца съ матерью, отъ роду и племени. Поди, баба, укажи дорогу къ богатому кладу.

Никита, блѣдный какъ полотно, повторялъ эти слова, а Иванъ держа въ рукѣ образки переданные ему товарищемъ отворачивался въ сторону съ видомъ боязливаго омерзенія.

— Ну, довольно, сказала Липиха,—теперь крѣпко. Войдешь въ Лисичій логъ и иди все лѣсомъ, все иди, все иди, пока не подойдешь къ березкѣ, такой красивой какой никогда не видывалъ. И ты ту березку трижды обойди и на верхушку погляди. Куда она укажетъ, туда и поверни. Вотъ и все. А теперь проваливай, некогда мнѣ съ вами возиться, съ шатунами.

— Матушка, поспѣшно взмолился Никита, — а какъ же лѣсомъ-то идти? Куда путь держать?

— У, народъ безтолковый! Иди какъ вода течетъ. Вонъ! Проваливайте.

Липиха вскочила съ лавки и такъ толкнула кадку что вода заплескалась въ ней проливаясь на полъ. Молодые люди поспѣшили выбраться изъ избы.

Съ пріятнымъ чувствомъ облегченія вздохнули они послѣ тяжелыхъ минутъ проведенныхъ у Липихи. Лисичій логъ начинавшійся тутъ же за избой вѣдуньи гостепріимно принялъ ихъ подъ сѣнь своей листвы уже сильно тронутой красками осени. Пріятели бодро пошли по тропинкѣ, Иванъ въ своемъ воинскомъ снаряженіи съ саблею и лукомъ, а Никита съ заступомъ, веревками и мѣшкомъ дорожныхъ припасовъ на спинѣ.

На первомъ же перекресткѣ тропинокъ ихъ взяло сомнѣніе куда идти.

— Какъ вода течетъ, сказала, промолвилъ Никита,—значитъ, надобно сворачивать туда куда спускъ идетъ.

Но вотъ тропинка свела ихъ на дно оврага и путники остановились опять въ недоумѣніи.

— Какъ же быть? размышлялъ Никита. — Вода вверхъ не идетъ. Коли-бъ вода сюда потекла, тутъ бы и стала лужею.

Digitized by Google

Послѣ долгихъ разсужденій Иванъ рѣшилъ:

— Да вода какъ течетъ? Куда ей легче пробиться, туда она и правитъ свое русло. Ну, и мы пойдемъ такъ. Куда легче да способнѣе пройти, туда и будемъ путь держать.

Такое рѣшеніе устранило разъ навсегда сомнѣнія въ выборѣ дороги, и путники зашагали впередъ съ облегченнымъ сердцемъ. Яркое солнце пригрѣвало ихъ сверху, воздухъ былъ насыщенъ пріятнымъ запахомъ земли и дерева, подъ ногами шуршали опадавшіе сухіе листья. Пріятели шли бодро, дѣлали привалы, развязывали богатый содержаніемъ мѣшокъ запасливаго Никиты и снова пускались въ путь. Идя подъ тѣнью сплетающихся вѣтвей, или оглядывая съ пригорка густую чащу уходящую могучими волнами зелени далеко на необозримыя пространства, Иванъ чувствовалъ себя какъ будто дома въ своихъ примокшинскихъ лѣсахъ на охотѣ. И только при мысли о цѣли путешествія его сердце сжималось страхомъ и отвращеніемъ.

Чудный вечеръ смѣнился теплою ночью, и молодые люди выбрали удобное мѣсто для ночлега. Иванъ тотчасъ же захрапѣлъ богатырскимъ сномъ, Никита же ворочался съ бока на бокъ тревожимый ожиданіемъ результатовъ своего предпріятія.

На другой день товарищи шли уже менѣе бодро. Надъ ними сіяло тоже яркое солнце, также свистѣли и щебетали птицы въ желтовато-розовой листвѣ, также носились въ воздухѣ серебряныя паутинки „бабьяго лѣта“, но Иванъ притомился отъ блужданія по лѣсу, часто цѣлиною, и сердито ворчалъ на Никиту:

— Придетъ же блажь человѣку! Какого-то клада захотѣлъ! Развѣ кладъ всякому достается кто пожелаетъ? Это кому счастіе, а счастіе не корова, не выдоишь.

Никита не отвѣчалъ ни слова и съ упорствомъ маніака продолжалъ шагать. Каждая березка встрѣчаемая на дорогѣ подвергалась внимательному обзору нашихъ путниковъ. Они обходили дерево со всѣхъ сторонъ, разсуждали и спорили о немъ, но всякій разъ приходили къ рѣшенію что березка не та. Незамѣтно подползли сумерки и наступила ночь.

Слѣдующее утро съ сѣрыми надвинувшимися облаками, казалось, не предвѣщало искателямъ клада ничего добраго. Они шли въ угрюмомъ молчаніи, какъ вдругъ увидѣли впереди березу и сразу единодушно рѣшили что это и есть давно желанное волшебное дерево. И дѣйствительно, березка пред-

Digitized by Google

ставляла собою нѣчто невиданное по красотѣ и формѣ. Она возвышалась на полянкѣ острымъ правильнымъ конусомъ. Вся пожелтѣвшая листва горѣла золотомъ, а бѣлый стволъ и вѣтви отливали серебромъ. Деревцо казалось чуднымъ произведеніемъ ювелирнаго искусства. Никита трепеща съ головы до ногъ сейчасъ же началъ колдовское обхожденіе. Обойдя березу три раза онъ взглянулъ на ея верхушку. Всѣ вѣтви стройно поднимались кверху и только самая верхняя чуть-чуть склонялась направо. Никита посмотрѣлъ на Ивана искрящимися глазами и ринулся въ сторону указанную вѣткой. Сначала пріятели почти бѣжали бѣгомъ, но усталость скоро умѣрила ихъ порывъ. Окружающая мѣстность не представляла ничего особеннаго, и въ душѣ Ивана начали опять шевелиться скептическія мысли. Шли часа три или четыре безъ отдыха. Солнце поднялось на полдень, и Иванъ сталъ требовать привала.

— Иванушка, милый, просилъ Никита, — пройдемъ еще немного, вотъ хоть пролѣземъ черезъ эти кустики.

Раздирая нервными руками вѣтви орѣшника преграждавшаго путь Никита исчезъ въ чащѣ. Минуту спустя Иванъ услышалъ его крикъ пронесшійся по лѣсу дикимъ воплемъ. Иванъ бросился впередъ и тотчасъ-же выбрался на широкую луговину, посреди которой поднимался зеленый холмикъ въ родѣ большой могилы. Никита стоялъ безъ шапки, съ безумносверкающими глазами, и кричалъ:

— Ну что, Ѳома невѣрный!.. Молодецъ Липиха! Теперь готово, теперь не вывернется изъ моихъ рукъ. Мой кладъ! Сколько годовъ я о немъ думалъ, ночей не спалъ...

И онъ побѣжалъ къ холму сбрасывая съ себя на ходу мѣшокъ и кафтанъ. Съ побѣлѣвшимъ лицомъ, съ растрепанными вихрами волосъ и стиснутыми зубами, онъ вонзилъ заступъ въ зеленую мураву холма. Сначала полетѣли на воздухъ куски земли съ травой, потомъ пошли комки и плиты крѣпкаго чернозема. Никита работалъ безъ устали; по мѣрѣ увеличенія отверстія въ холмѣ онъ опускался въ него и все былъ. Иванъ жалѣя товарища предлагалъ смѣнить его и оработать заступомъ, но Никита внѣ себя кричалъ ему:

— Нѣтъ, братъ, теперь не подступайся! Не хотѣлъ креа снимать, не хотѣлъ поклониться Сатанѣ Сатановичу, ну не лѣзь... Примазаться, видно, хочешь. Нѣтъ, братъ, все е, никому не дамъ ничего. Отходи-ка ты прочь отъ грѣха.

— Не надо мнѣ твоего клада, отвѣчалъ сплевывая съ ращеніемъ Иванъ.

Digitized by Google

Никита продолжалъ свое дѣло. Онъ уже почти скрывался въ вырытой ямѣ, надъ краями которой часто и быстро взлетала подбрасываемая заступомъ земля. Иванъ стоялъ возлѣ съ нѣсколько растерянным и смущеннымъ видомъ.

— О-го-го! закричалъ Никита.—Камень пошелъ!

Съ этими словами онъ откинулъ заступъ и сталъ рыть руками, разбирая кирпичи составлявшіе, очевидно, подземный сводъ. Иванъ крестясь отошелъ въ сторону, какъ вдругъ, въ это самое время, въ ямѣ послышался какой-то шумъ, разрытая земля немного осѣла и посыпалась внизъ. Иванъ кинулся на помощь къ товарищу, но когда заглянулъ въ яму, въ ней уже было пусто: зіяло только черное отверстіе куда продолжали скатываться куски камня и земли отзываясь гдѣ-то далеко глухими ударами паденія. Иванъ всплеснулъ руками и присѣлъ на траву. Что теперь дѣлать? Какъ помочь несчастному Никитѣ? Да и можно-ли ему уже помочь?.. Иванъ нѣсколько разъ кричалъ въ отверстіе:

— Никита, Никитушка! Гдѣ ты? Слышишь-ли меня?

Но изъ ямы не слышалось никакого отвѣта. Зіяющее отверстіе оставалось нѣмо.

Иванъ потрясенный до глубины души всталъ съ рѣшительнымъ видомъ и перекрестившись на востокъ принялся за дѣло. Онъ добылъ деревянный колъ, вбилъ его глубоко въ землю, привязалъ къ нему веревку, опустилъ другой ея конецъ въ яму и снявъ съ себя все лишнее началъ осторожно спускаться внизъ. Сыпавшаяся земля порошила ему голову, потомъ онъ почувствовалъ рѣзкіе края обвалившагося свода, затѣмъ его охватила жуткая темнота. Кружокъ неба наверху все уменьшался, по мѣрѣ того какъ Иванъ спускался книзу. Покачиваясь на веревкѣ, Иванъ съ пламеннымъ чувствомъ призывалъ помощь Николая Угодника. Руки его уже начинали нѣмѣть, когда онъ наконецъ почувствовалъ подъ собою почву и сталъ на ноги. Не двигаясь съ мѣста онъ высѣкъ огня и зажегъ припасенную сухую сосновую вѣтку. При слабомъ свѣтѣ импровизованнаго свѣтильника Иванъ увидѣлъ вокругъ себя довольно обширный погребъ. Побывалъ-ли тутъ какой-нибудь удачникъ, или кладъ забрали сами его владѣльцы, но только погребъ былъ совершенно пустъ... Иванъ наклонилъ горящую вѣтку внизъ и увидѣлъ у самыхъ ногъ своихъ неподвижное тѣло Никиты. Разбитая голова его выдѣлялась свѣтлымъ пятномъ на черной лужѣ крови. Иванъ въ ужасѣ перекрестился, обвязалъ тѣло подъ мышки свободнымъ кон-

Digitized by Google

цомъ веревки и сталъ подниматься наверхъ. Выйдя изъ ямы, онъ тотчасъ-же вытащилъ трупъ, надѣлъ на него снятые у Липихи образки и началъ обряжать могилу. Не одну слезу уронилъ онъ на холмикъ скрывшій навсегда несчастнаго Никиту.

— Вотъ тебѣ и кладъ! думалъ Иванъ, прилаживая крестъ на свѣжей могилѣ.—Вотъ тебѣ и богатство!.. Эхъ, страсти людскія! Ужь ежели какая изъ нихъ захватитъ человѣка вплотную, такъ не выпуститъ. Вѣрно говорится: „повадится кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сложить“...

XXI.

Послѣ печальнаго событія Иванъ не безъ труда выбрался изъ лѣсныхъ дебрей на большую дорогу и сталъ подаваться на юго-западъ. Дорога привела его къ приволжскимъ селамъ и деревнямъ гдѣ Иванъ долгое время находилъ себѣ пріютъ и занятіе. Всѣ были рады молодому привѣтливому человѣку, тѣмъ болѣе что онъ не любилъ лежать на боку. Въ одномъ мѣстѣ онъ охотно помогалъ хозяину молотить хлѣбъ, въ другомъ содѣйствовалъ при постройкахъ. Но болѣе всего Иванъ съ наступленіемъ зимы принималъ участіе въ извозномъ дѣлѣ. Обозчики въ то непокойное время очень цѣнили испытаннаго вооруженнаго воина.

Ходя съ обозами Иванъ много разъ останавливался на ночлегѣ въ большомъ селѣ Коровинѣ, во дворѣ извѣстнаго всей округѣ Тихона-Звяги. Тихонъ съ давнихъ поръ держалъ постоялый дворъ при содѣйствіи жены, Марьи, и дочери Аннушки. Старикъ долго присматривался къ Ивану и наконецъ предложилъ ему поселиться у себя.

— Ты, я вижу, сказалъ онъ, — малый основательный, я же старъ, мнѣ ужь скоро только на печи лежать впору. Поживи у насъ, можетъ, сойдемся-слюбимся.

Иванъ остался, повѣсилъ на крюкъ свои воинскіе доспѣхи и сталъ мирнымъ образомъ отмѣривать овесъ и сѣно проѣзжающимъ обозчикамъ. Онъ былъ доволенъ хозяевами, хозяева были довольны имъ. Въ этой покойной атмосферѣ взаимнаго довольства уже стали молчаливо назрѣвать матримоніальные планы. Аннушка немного рябоватая, но здоровая и сильная дѣвушка, искоса поглядывала съ лаской на Ивана который въ свою очередь ласково относился къ дѣвушкѣ, хотя память

Digitized by Google

объ Ульяшѣ все еще жила въ его сердцѣ потускнѣвшимъ, но не заглохшимъ чувствомъ. Очень можетъ быть что дѣло завершилось бы свадьбой, еслибы не произошло одно событіе.

Стояла уже глухая зима. Однажды, когда Иванъ мирно копошился во дворѣ, прибирая оставленный обозомъ навозъ, въ полуотворенныя ворота въѣхалъ всадникъ и крикнулъ зычнымъ голосомъ:

— Эй, есть ли тутъ живая душа? Нельзя ли раздобыться сѣномъ?

Иванъ взглянулъ на всадника и не смотря на то что усы и брови его были скованы крещенскимъ морозомъ, лицо показалось ему очень знакомо.

Минуту спустя Иванъ кинулъ вилы и устремился съ крикомъ:

— Андрей!

Всадникъ кубаремъ слетѣлъ съ лошади и бросился къ нему.

— Иванушка, старинный другъ! воскликнулъ онъ.—Вотъ ужь именно: гора съ горой не сходится...

— Какъ живешь-можешь? спрашивалъ обрадованый Иванъ.

— Ничего, твоей молитвой какъ клюкой подпираюсь, отвѣчалъ Андрей и, замѣтя что Иванъ оглядываетъ его довольно отрепанный костюмъ, прибавилъ:

— Не осуди въ лаптяхъ, сапоги въ саняхъ.

— Все попрежнему шутки шутишь, улыбнулся Иванъ.— А что жь ты дѣлаешь теперь?

— А вотъ пришелъ со своими людишками раздобыться въ деревнѣ сѣномъ. Есть у меня люди на коняхъ, есть на лыжахъ. Съ полсотни всѣхъ наберется... Шиши мы теперь.

— Какіе такіе шиши?

— А ты не знаешь? Неужели не слыхалъ? Шишами, братъ, зовутъ добрыхъ людей, православныхъ, которые Ляховъ выслѣживаютъ. Кремлевскіе сидѣльцы нонѣ отъ голода пухнутъ и кони ихніе еле ноги волочатъ. Вотъ и стали Ляхи свои отряды разсылать за харчами, да за кормами. Ну, вотъ шиши-то эти самые вокругъ нихъ какъ стрепета кружа— Какъ гдѣ Литва зазѣвается, тутъ ей и карачунъ... Весел братъ, работа, да и дѣло доброе. Не осилили мы тогда Прокофіемъ, съ Ляпуновымъ, Ляховъ въ бою, такъ мож этакъ вразбродъ ихъ перебьемъ. Вотъ и я со своими дишками тружусь, атаманомъ я теперь хожу.

— А Лукьянъ же какъ? спросилъ Иванъ.

Digitized by Google

— Э, Лукьяна давно уже нѣтъ. Покойникъ онъ, Царство ему Небесное.

— Умеръ?

— Убитъ. Когда ты ушелъ, мы съ нимъ остались при казацкомъ войскѣ, Москву сторожили. Хорошо. Подошелъ тутъ вскорости гетманъ Хоткѣвичъ. Мы съ нимъ въ бой вступили. Бились, ни мало ни много, три дня и три ночи, наконецъ того, гетманъ не устоялъ. Совсѣмъ, братъ, все кончилось, видимъ, ляшскіе хоругви на утекъ идутъ. Лукьянъ хозяйственный былъ человѣкъ, слѣзъ съ своего буланаго и сталъ воинскую утварь прибирать, саблю вытираетъ, пищаль продуваетъ. И откуда ни возьмись ляшская пуля, да прямо ему въ лобъ. Ахъ, ты Господи! Такъ и повалился ничкомъ, не охнулъ, только волосики его свѣтленькіе распушились... Такъ-то, братъ... Ну, да будетъ покойниковъ поминать. На то и воинское дѣло. Нынче одинъ упалъ, на утро другой ноги протянулъ. А ты лучше вотъ что: собирайся проворнѣе, да и пойдемъ съ нами. Ты тутъ что? Дворничаешь, что-ли? Пригоже-ли такому воину навозъ ковырять? Пойдемъ живѣе, у насъ добрые товарищи, Власъ, Мартынъ съ Ариной, пойдемъ.

Послѣдствіемъ этого свиданія друзей было то что Иванъ не медля пошелъ прощаться съ хозяевами. Побурѣло лицо стараго Тихона, а Аннушка метнулась изъ избы хлопнувъ за собою дверью.

Въ ватагѣ Андрея было больше новыхъ людей, но оставались кое-кто изъ прежнихъ которые и встрѣтили Ивана съ полнымъ восторгомъ.

— Служишь, дѣдушка? спросилъ Иванъ увидя Мартына.

— Служу, милый, служу, поколь ноги носятъ, отвѣчалъ тотъ ласково улыбаясь.

Больше разговаривать не пришлось, потому что Андрей собралъ людей въ кругъ.

— Молодые удалые, говорилъ онъ, — надобно намъ сбираться да къ Волгѣ скорить...

— Помилосердствуй, атаманъ, морозы стоятъ лютые, отозвались голоса.

— Молчать, собачьи дѣти! Кто пикнетъ хоть слово, того зарублю своею рукой!

Очевидно, атаманство Андрея было въ другомъ вкусѣ чувствительно съ Лукьяновымъ.

Успокоясь немного Андрей продолжалъ:

Digitized by Google

— Дознался я что ляшскій отрядъ пришелъ въ деревню Родню. А деревня та сыздавна капуснымъ дѣломъ славна. Роденцы замѣсто всѣхъ податей поставляли къ царскому двору капусту, кочанную и квашеную, съ анисомъ и кашинцомъ... Такъ вотъ Ляхи нонѣ въ ту деревню забрались, набросились съ голодухи на преславную капусту, ѣдятъ и не наѣдятся. Ежели мы запоздаемъ, полопается Литва отъ той ѣды, а намъ за капусту надо уплату взять. Не пропадать же даромъ христіанскому добру? Садись же, братцы, на коня, бери лыжи. Добрая пожива будетъ.

Молодецкая шутливость и удаль атамана, очевидно, примиряли людей съ его горячностію и жестокостію.

Послѣ долгаго и утомительнаго перехода по глубокому снѣгу и трескучему морозу шайка подошла къ Роднѣ. Былъ ясный холодный день. Лазутчики скрываясь за кустами и сугробами высмотрѣли что польскій отрядъ расположился въ деревнѣ вполнѣ безпечно. Лошади были мирно заперты по дворамъ, люди грѣлись у затопленныхъ печей, нѣкоторые перекатывали по улицѣ кадки со знаменитой капустой. Не долго думая Андрей раздѣлилъ шайку на двѣ части. Лыжники должны были зайти отъ лѣса и скатиться съ горы къ избамъ какъ снѣгъ на голову. Самъ атаманъ съ конными долженъ былъ атаковать съ улицы. Иванъ которому дали лошадь былъ безотлучно при Андреѣ.

Выждавъ время шайка ринулась впередъ. Иванъ скакалъ по улицѣ и налетѣлъ на краснаго отъ мороза и обвязаннаго плащемъ Поляка. Полякъ въ ужасѣ присѣлъ за кадку которую только-что тащилъ. Иванъ взмахнулъ саблею и струя крови брызнула на бѣлое липовое дерево посуды. Впереди по избамъ пронесся вопль испуга. Поляки выскакивали изъ дверей, проворно садились какъ попало на лошадей и безъ сѣделъ, безъ оружія устремлялись въ поле. Многіе изъ нихъ пробивались сквозь цѣпь лыжниковъ и исчезали за снѣжными пригорками, но многіе валились подъ пиками и саблями шишей. Бой продолжался всего нѣсколько минутъ, послѣ чего на улицѣ была собрана толпа связанныхъ польскихъ челядинцевъ и нѣсколько оплошавшихъ рыцарей. Туда же согнали цѣлый табунъ захваченныхъ лошадей. Заглядывая въ избы, Иванъ видѣлъ оставшееся на стѣнахъ польское оружіе. Многія хаты были устланы для теплоты попонами, на которыхъ теперь лежали тѣла воиновъ поплатившихся за свою безпечность. Часто въ хаосѣ вещей, надъ которыми похозяйничала

Digitized by Google

шайка, виднѣлись чашки съ злополучной капустой, кочанной и квашеной съ анисомъ и кашинцемъ.

Стычка при Роднѣ была первымъ партизанскимъ наѣздомъ въ которомъ участвовалъ Иванъ. За этимъ первымъ дѣломъ послѣдовалъ рядъ другихъ. Шайка зорко слѣдила за бродившими польскими отрядами, налетала на нихъ невзначай, рубила и колола рыцарей, завладѣвала ихъ обозами, оружіемъ, лошадьми и исчезала до новаго грознаго появленія. Въ промежутки между подвигами шайка сваливалась куда-нибудь въ глухую деревню и бражничала на свободѣ. Оставивъ ради патріотическаго дѣла родное гнѣздо и семью, ведя жизнь исполненную лишеній и утомленія эти люди искали въ винѣ подкрѣпленія. Нѣкоторые, впрочемъ, пристращались къ чаркѣ и первое мѣсто между ними занималъ атаманъ. Андрей мало-по-малу становился горькимъ пьяницей. Былой молодецкій видъ его исчезъ, усы потеряли прежнюю красоту, а лицо приняло желтовато-блѣдную окраску. При каждой стоянкѣ онъ первый заводилъ бурную гулянку. Напрасно Иванъ или Мартынъ ставили ему на видъ предосудительность его шумнаго поведенія.

— Эхъ вы, отвѣчалъ онъ,—норовъ вашъ телячій! Тишины хотятъ! Да что въ ней, въ тишинѣ-то? И въ болотѣ тихо, да жить тамъ лихо. Ухнемъ-ка лучше такъ чтобы земля задрожала...

Что можно было подѣлать съ такимъ человѣкомъ?

Какъ-то разъ, уже въ мартѣ, развѣдчики сообщили что по дорогѣ къ Москвѣ у Дмитрова идетъ польскій отрядъ съ большимъ обозомъ; у каждаго пахолика по двѣ, по три вьючныхъ лошади, да кромѣ того возы верхомъ груженые. Пропустить мимо рукъ такую добычу было нельзя. Шайка собралась въ кругъ и стала обсуждать предпріятіе. Отъ Дмитрова на Москву шла зимняя дорога шпилемъ, все больше по открытому мѣсту, очень неудобному для внезапнаго нападенія. Но кромѣ этой дороги были и другія. Одна изъ нихъ подаваясь къ Волоку проходила лощинами и перелѣсками, лучше которыхъ и выдумать не могъ бы придорожный грабитель. Задача слѣдовательно заключалась въ томъ чтобы смануть Поляковъ на эту дорогу. Конечно, они не зная мѣстности должны были справляться о пути на каждомъ перекресткѣ. Хорошо бы было кому-нибудь изъ шайки назваться въ проводники и подвести Ляховъ въ удобное мѣсто. Но только кому идти на такое рискованное дѣло? Шайка долго судила и рядила, наконецъ всѣ взоры стали обращаться въ сторону Мартына. Дѣдъ никогда не напрашивался на порученія, но и не отказывался отъ нихъ.

Digitized by Google

— Ладно, послужу по силѣ-мѣрѣ, сказалъ онъ, собрался въ путь, выслушалъ инструкцію и пошелъ. За нимъ, по всегдашнему обычаю, зашагала Арина.

Шайка широкимъ объѣздомъ прибыла на условленное мѣсто и стала ждать. Ждали долго. Ждали цѣлый день, продрогли ночь, такъ какъ боялись разводить огни. На утро всѣ пришли къ убѣжденію что дѣло неладно. Или Мартынъ не встрѣтилъ Поляковъ, или они догадались объ умыслѣ проводника. Съ этой мыслію шайка поднялась и осторожно пошла по Дмитровской дорогѣ. Скоро съ высоты холма изъ-за кустовъ Андрей замѣтилъ дорогу сильно размятую большимъ количествомъ лошадиныхъ ногъ. Очевидно, здѣсь прошли Поляки, но вмѣсто того чтобы двигаться дальше, они повернули назадъ. По глубокому снѣгу ясно былъ виденъ кругъ поворота. Значитъ, тутъ у кустарника Поляковъ взяло сомнѣніе и они вернулись. Но гдѣ же Мартынъ?

Андрей съ товарищами выбрался изъ кустовъ и тотчасъ же остановился. Открывшееся зрѣлище повернуло сердце у всѣхъ людей шайки. Возлѣ высокаго орѣшника на сильно протоптанномъ ложѣ снѣга лежалъ Мартынъ, весь изсѣченный сабельными ударами. Тутъ же прикорнувъ къ его ногамъ лежала и Арина. Она казалась мирно спящею, въ ея головѣ зіяла рана широкаго разруба... Люди сошли съ лошадей и столпились у труповъ. Всѣ молчали, только Иванъ промолвилъ вполголоса:

— Отслужилъ дѣдушка свою службу...

Товарищи глубоко любили смиреннаго Мартына. Эта любовь выразилась въ пламенномъ гнѣвѣ на Поляковъ. Всѣ единодушно рѣшили отомстить имъ за дѣда и напасть на нихъ не выжидая случая, хотя бы въ открытомъ бою. Оставивъ нѣсколько человѣкъ чтобы зарыть дорогихъ покойниковъ шайка тотчасъ же устремилась въ погоню за Ляхами.

Неслись полною рысью, кони храпѣли и фыркали, люди злобно сжимали въ рукахъ оружіе. Дорога пошла чистиною и скоро вдали показалась вереница обоза. Пренебрегая всякими предосторожностями шайка погнала лошадей еще шибч Поляки замѣтивъ погоню зашевелились. Проваливаясь въ гл бокомъ снѣгу они старались сдѣлать воинское построен Шайка скакала впередъ не обращая вниманія на эти грозн приготовленія. Жажда мести обуревала ее. Даже вовсе кровожадный Иванъ кипѣлъ яростію. Отуманеннымъ злоб взоромъ онъ искалъ жертвъ между усатыми и чубатыми

Digitized by Google

тами, и ни съ чѣмъ не могла сравниться сила съ какою онъ началъ наносить удары направо и налѣво. Его сабля поднималась и опускалась съ быстротою молніи, онъ рубилъ безъ разбора, по людямъ, по лошадямъ. Чья-то теплая кровь брызнула ему въ лицо, но онъ ни на что̀ не обращалъ вниманія и присоединялъ свой ожесточенный крикъ къ общимъ дикимъ воплямъ оглашавшимъ поле.

Но вдругъ онъ почувствовалъ толчекъ въ лѣвое плечо. Минуту спустя чувство внезапной слабости охватило его и онъ началъ медленно валиться съ лошади. Затѣмъ онъ потерялъ способность сознавать отчетливо пространство и время. До него доносился какъ будто издалека какой-то шумъ. Сквозь розовую дымку онъ видѣлъ надъ собою лицо Андрея, потомъ онъ почувствовалъ что его какъ будто поднимаютъ. При этомъ все тѣло его охватила жгучая боль, и онъ совсѣмъ потерялъ сознаніе.

XXII.

Бой окончился вничью. Хотя Поляки не выдержали горячаго натиска и подались назадъ, но и шайка понесла такой уронъ что должна была поспѣшно отступить. Андрей поднялъ Ивана, отвезъ его въ попавшуюся на пути лѣсную избушку и отдалъ на попеченіе старику и старухѣ изъявившимъ согласіе принять раненаго. Не смотря на искреннюю привязанность къ товарищу, Андрей не могъ ни оставаться при немъ, ни везти его съ собою. Нужда призывала атамана въ другое мѣсто, и онъ ускакалъ съ остатками шайки.

И вотъ Иванъ очнувшись увидѣлъ себя на печи въ темной закопченой избѣ. Суровый старикъ съ напускными бровями кололъ лучину, а старуха жужжала веретеномъ. Но Ивану было не до окружающихъ. Лѣвое плечо его обвернутое цѣлымъ ворохомъ тряпокъ ныло и сверлило сильно какъ будто ломающею кости болью. Для несчастнаго юноши наступило тяжелое время. Потянулись дни и недѣли исполненные мукъ болѣзни и горькаго одиночества у молчаливыхъ стариковъ, долгія ночи тяжелыхъ кошмаровъ и злыхъ безсонницъ.

Чего только не было передумано и перечувствовано Иваномъ за это ужасное время!

Сильные приступы лихорадки особенно въ первое время туманили его сознаніе, завершаясь полнымъ безпамятствомъ и бредомъ. Приходя въ себя Иванъ часто видѣлъ стоящую

Digitized by Google

возлѣ старуху въ той подгорюнившейся позѣ съ какою бабы причитываютъ надъ покойникомъ. И сердце раненаго сжималось страхомъ смерти. Да думалъ онъ, это смерть. Ему не выдраться изъ ея когтей, она уже скалитъ свои зубы надъ его изголовьемъ. Ну, что дѣлать, надо покориться. И ничего въ томъ нѣтъ особеннаго. Развѣ не всѣ люди умрутъ? Всѣ до единаго. И тѣ что рѣзвятся безпечно малыми ребятами, и лихая молодежь, и эта причитающая старушка. Да, и какіе люди умираютъ! Люди въ славѣ и величіи. Развѣ онъ не видѣлъ трупъ Прокопія Петровича? А какой былъ человѣкъ! Богатырь, воевода преславный. Не чета ему, Ивану. Что потеряетъ сирота бездомный, голь непокрытая? Какія-такія радости видѣлъ онъ въ жизни, какихъ-такихъ великихъ благъ дождался бы онъ, еслибы продолжалъ жить? Можетъ, и лучшіе-то самые часы бывали тѣ когда онъ укроется потеплѣе, да заснетъ крѣпкимъ сномъ. А тутъ тебѣ вѣчный сонъ, никто не потревожитъ, никакое лихо, никакая болѣзнь не впуститъ въ тебя жало.

Но подобныя успокоительныя мысли ушибались объ инстинктивный страхъ смерти. Какъ она наступитъ? Что чувствуетъ человѣкъ въ минуту когда душа разстается съ тѣломъ?.. А дальше что? Какъ душа-то будетъ? Свѣтъ ли райскій или грозное судилище съ вѣчною огненною мукой?

Временами Иванъ чувствовалъ себя лучше и духъ его разцвѣталъ надеждою. Онъ поправится, онъ опять будетъ жить, опять увидитъ зеленыя рощи подъ яркимъ солнцемъ, услышитъ птичій щебетъ. Онъ отыщетъ Андрея, еще повоюетъ или махнетъ на родину. Что-то Ульяша?.. Но въ плечѣ поднималась снова щемящая боль и сразу на розовыя мечты опускался мрачный пологъ. Иванъ начиналъ прислушиваться къ боли. Она ходитъ по всему его тѣлу, то слабѣетъ, какъ будто удаляется, то опять возвращается приступами сверлящей муки. Она играетъ съ нимъ на всей своей волѣ, она властвуетъ надъ нимъ полной госпожею. Гдѣ ужь тутъ справиться съ нею! Пустыя это надежды.

Такъ шли дни и недѣли. Пока Иванъ лежалъ на печи, снѣга стаяли, и въ дверь смрадной избы началъ врываться весенній вѣтерокъ. Наконецъ, могучее здоровіе юноши справилось съ болѣзнію. Рана поджила, лихорадка прекратилась, и Иванъ сталъ подниматься съ одра своихъ страданій. Велика была его радость, когда онъ едва передвигая ноги, опираясь на лавки и стѣны вышелъ въ первый разъ на свѣжій воз-

Digitized by Google

духъ. Зеленая, сочная весна встрѣтила его своими молодыми объятіями. Веселое солнце брызнуло лучами въ его отвыкшіе отъ свѣта глаза. Березы, клены и липы окружавшіе избушку дышали на него ароматомъ, а въ кустахъ слышался неистовый птичій гомонъ. Душа Ивана жадно воспринимала впечатлѣнія, а въ глубинѣ ея слагалась сама собою безхитростная, горячая молитва благодарности.

Съ этого дня Иванъ все чаще и чаще сталъ выходить изъ избы. Онъ сидѣлъ на завалинкѣ, неустанно наслаждаясь Божіимъ міромъ, наблюдая хлопотливую суетню насѣкомыхъ въ травѣ, или глядя на облака проносившіяся мимо, или прислушиваясь къ шуму вѣтра въ лѣсу. Этотъ вѣтеръ, казалось, силился что-то разказать ему, принести издалека какія-то вѣсти... А между тѣмъ силы молодаго человѣка замѣтно возстановлялись. Одинъ разъ онъ взялъ у старика косу и попробовалъ косить, но въ плечѣ еще отзывалась боль.

По мѣрѣ возвращенія здоровія у Ивана пробуждался интересъ къ жизни и онъ пытался вступать въ бесѣду съ молчаливымъ старикомъ.

— Дѣдушка, спрашивалъ онъ,—не видалъ ли ты Андрея, того молодца что привезъ меня?

— Не видалъ я, ворчалъ старикъ.

— Дѣдушка, не слыхалъ ли ты что дѣлается на свѣтѣ?

— Ничего не слыхалъ.

— Неужели Ляхи все еще сидятъ въ Москвѣ?

— А что имъ подѣлается? Сидятъ.

— О, Господи!..

Однажды старикъ вернувшись откуда-то сверхъ обыкновенія заговорилъ самъ:

— Дѣла!.. Иду это я опушкой Райчика, глядь, на бугоркѣ люди лежатъ. Что за врагъ! Подхожу, анъ убитые. Съ десятокъ... Одежа поснята, а видать что Ляхи...

— Ну, такъ! воскликнулъ Иванъ. — Это наша работа. Никто какъ шиши!.. Трудятся, значитъ, православные. Съ кихъ поръ покоя не знаютъ, по-волчьи живутъ, за родную лю стараются!

Прошло много времени, и старикъ опять принесъ новость.

— Былъ въ Колпаковѣ... Народъ говоритъ, новыя рати ликія собираются... Всѣ города спосылались и собрали вимо-невидимо воинскихъ людей... Изъ Нижняго, говорятъ, вгорода поднялись и идутъ на Москву чтобы Литву вовсе бить.

Digitized by Google

Иванъ слушалъ всплеснувъ руками и съ загорѣвшимся взоромъ.

— А кто жь воеводой у нихъ?

— Князь какой-то, Пожарскій, что ли.

— Знаю князя Пожарскаго, слыхалъ о немъ довольно!.. Добрый воинъ, истинный земскій воитель. Лукавства за нимъ никто не видѣлъ. Не изъ тѣхъ онъ чтобъ впередъ заскакивать, да въ трубу о себѣ трубить, ну, и ежели вся земля ему въ руки мечъ вложитъ, онъ его не выпуститъ, онъ постоитъ за міръ.

— И еще говорятъ, продолжалъ старикъ,—что при томъ князѣ въ товарищахъ простой человѣкъ находится, мясникъ, что ли, говорятъ.

— Господи милостивый! воскликнулъ Иванъ.—Вѣдь вотъ великое дѣло и малаго человѣка на высоту поднимаетъ!.. Ну, ужь теперь конецъ лихолѣтію! Выметемъ всю нечисть, встанемъ на ноги. Довольно земля Русская посиротствовала, поплакала горючими слезами. Будетъ!.. А гдѣ рать-то теперь?

Но разговорчивость старика изсякла.

— Не знаю я, проворчалъ онъ уходя.

— Эхъ-ма! промолвилъ Иванъ.—Гдѣ-то силушка моя?

Съ этими словами онъ подошелъ къ молодому кленку, ухватилъ его обѣими руками и понатужившись рванулъ. Деревцо затрещало корнями и отдѣлилось отъ земли. Иванъ въ восторгѣ отъ этой пробы силы вертѣлъ въ воздухѣ кленкомъ какъ трофеемъ, къ изумленію старика остановившагося вдали.

Иванъ тотчасъ же вошелъ въ избу и досталъ изъ угла свою запылившуюся, покрытую паутиной саблю. Онъ взялъ ее въ руки впервые послѣ болѣзни и не безъ труда вытащилъ клинокъ. Все лезвіе оказалось покрытымъ красновато-бурыми пятнами. Иванъ покачалъ головою со смѣшаннымъ чувствомъ какъ бы виноватости и брезгливости и принялся чистить сталь.

Недолго усидѣлъ послѣ того Иванъ въ лѣсной избушкѣ. Дня черезъ два онъ поклонился старикамъ большимъ обычаемъ въ ноги и снабженный немудрымъ продовольствіемъ пустился въ дорогу чтобы примкнуть къ нижегородской рати. Онъ не былъ новичкомъ въ дѣлѣ пѣшаго путешествія, а потому легко преодолѣлъ трудности дороги. Бывала сильная жара, бывали ливни и грозы, но Иванъ неустанно подвигался впередъ. Узнавать надлежащее направленіе пути было нетрудно. Весь народъ по селамъ и городамъ, всѣ встрѣчавшіеся люди были хорошо освѣдомлены о мѣстонахожденіи рати. Очевидно,

Digitized by Google

эта рать представляла собою какъ бы сердце, біеніе котораго отражалось во всей странѣ.

— Въ Ярославлѣ батюшка князь Дмитрій Михайловичъ, въ Ярославлѣ! говорили Ивану тѣ кого онъ спрашивалъ. Этотъ отвѣтъ всегда звучалъ трепетомъ душевнаго оживленія и радостнаго ожиданія. Скоро Ивану стали объявлять важную новость.

— Тронулась рать въ походъ, къ Москвѣ идетъ. Ступай ты, добрый человѣкъ, прямо на Ярославскую дорогу, какъ разъ повстрѣчаешь.

И говорившій обыкновенно смотрѣлъ вслѣдъ Ивану завистливымъ взглядомъ.

Нашъ путникъ вышелъ, наконецъ, на большую дорогу за селомъ Глѣбовскимъ. Съ сердечнымъ волненіемъ смотрѣлъ онъ на широкую ленту дороги извивавшуюся между невысокими холмами. Всѣ съ кѣмъ пришлось разговаривать утверждали что войско приближается и вотъ-вотъ должно подойти. И юноша замеръ въ благоговѣйномъ ожиданіи.

Пока онъ стоялъ жадно устремивъ глаза въ сѣверную сторону, къ нему подошелъ прохожій въ запыленной монашеской одеждѣ. Это былъ согбенный маленькій старичекъ, едва передвигавшій ноги съ помощію посоха. Проходя мимо Ивана монахъ взглянулъ на него и остановился.

— Здравствуй, сынъ мой и благодѣтель, сказалъ онъ.

Иванъ сейчасъ же призналъ въ немъ того игумена вмѣстѣ съ которымъ находился нѣкогда въ плѣну у Поляковъ.

— Батюшка, отецъ святой! радостно воскликнулъ юноша.—Ты живъ? Знать, тебя отпустили тогда Ляхи?

— Отпустили, отпустили. Велика-ль съ меня пожива?

— Гдѣ же ты былъ съ той поры?

— Проживалъ я въ обители, у стараго знакомца, брата Зосимы. А нынѣ чувствую близость смерти и бреду на родину. Хочу сложить кости въ родную землю.

— Чай, намучился, поди? съ сердечнымъ участіемъ спросилъ Иванъ.

— Какія-такія мои муки! возразилъ старецъ.—Что мои муки, ежели ихъ сравнить со всенародными муками! Сколько времени земля какъ челнокъ безъ руля, какъ тѣло безъ головы! Сколько слезъ кровавыхъ пролито всѣмъ народомъ!.. Было царство великое и распалось пепломъ. Былъ славенъ градъ Москва, и въ единъ часъ палъ, огнемъ и мечемъ истребленъ. И праведенъ гнѣвъ Божій. Всѣ мы виновны. Развѣ

Digitized by Google

не молились мы одними устами, безъ сердечнаго покаянія? Развѣ не обижалъ сильный слабаго, а слабый слабѣйшаго? Развѣ не окружали царскій престолъ лестію и обманомъ волостели и стратиги? Развѣ не заслоняли они отъ пресвѣтлыхъ царскихъ очей сироту-народъ? Не налагали на его рабочія руки цѣпей рабства? Ну, вотъ, Господь и отнялъ у насъ царя вовсе. И къ тяжкому воплю простыхъ людей присоединились тяжкія стенанія и тѣхъ кои недавно въ слѣпомъ безуміи пресыщались земными утѣхами. Сбылось на нихъ слово Соломона: „злодѣяніе и беззаконіе ниспровержетъ престолы сильныхъ“... Да, благій совѣтъ, правда и любовь все созидаютъ и воедино совокупляютъ, а неправда и созданное все разоряетъ и сокрушаетъ. Но покаемся и вознесемъ свою слезную молитву. Господь все слышитъ: воистину близъ есть всѣмъ призывающимъ Его.

Слушая игумена Иванъ продолжалъ поглядывать на дорогу на которой вдали вдругъ что-то крупно зачернѣлось.

— Никакъ идутъ! воскликнулъ Иванъ.

— Идетъ, идетъ православная Русь! отвѣчалъ монахъ сразу окрѣпшимъ голосомъ.—И ничто передъ нею не устоитъ! Растаютъ передъ нею враги, какъ воскъ предъ лицомъ огня! Иноземные насильники будутъ изгнаны, земля изберетъ себѣ вновь царя и встанетъ царство къ новой жизни и славѣ.

Между тѣмъ рать приближалась. Полки подвигались съ величавой медленностію. Нигдѣ не слышно было ни громкихъ криковъ, ни пѣнія, ни смѣха. Воины шли молча и подъ тысячами ихъ ногъ земля глухо дрожала. Вѣтеръ шевелилъ хоругви и знамена на высокихъ древкахъ.

— Словно крестный ходъ! промолвилъ Иванъ.

— Да, это и есть крестный ходъ, ибо рать эта идетъ во имя Божіе за правое дѣло... Господи, помоги людямъ симъ, поднявшимся на защиту поруганной матери-родины. Помоги имъ свергнуть иго насилія и царственный престолъ добыть для доблестнаго мужа, въ коемъ мудрость Грознаго сочеталась бы съ чистотою сердца Ѳеодора и умѣлостію Бориса. Много выстрадала земля, потрудилась она до кроваваго пота, всѣ силы совокупила дабы возстановить царство, не достойна ли она доброй мзды? Глаза всѣхъ съ надеждою вперяются на будущаго царя, и онъ не оставитъ втунѣ, съ Твоею всесильною помощію, сію надежду. Онъ простретъ руку слабымъ и сирымъ, онъ защититъ овецъ отъ козлищъ, онъ разрубитъ гидру похоти незваныхъ приспѣшниковъ, онъ раздавитъ наг-

Digitized by Google

лость нечестивцевъ пытающихся кощунственно укрываться подъ священною его порфирою. Онъ изгонитъ ласкателей презрѣнныхъ, шепчущихъ неправедная во ушеса державствующему. Вѣрю, вѣрю, не забудутъ сами сіи нечестивцы безвременіе и наказаніе что̀ Ты надъ ними за ихъ нечестіе сотворилъ и паки на то не подвигнутся.

Игуменъ не столько говорилъ Ивану, сколько молился, поднявъ глаза и руки къ небу.

— Ну, батюшка, сказалъ Иванъ,—благослови, я пойду.

— Обнимаю и благословляю, отвѣчалъ монахъ.—Иди съ мужествомъ и пролей кровь за святое дѣло. Велика сія минута и не забудется она, пока живъ хоть одинъ русскій человѣкъ на землѣ.

Когда Иванъ уже тронулся въ путь, игуменъ остановилъ его, досталъ изъ-за пазухи кожаный мѣшечокъ и протягивая его сказалъ:

— Возьми, сынъ мой и благодѣтель, возьми этотъ кошель. Мнѣ далъ его одинъ благочестивый бояринъ, но мнѣ ничего не нужно. Дни мои сочтены, въ твоихъ же рукахъ, я знаю, деньги не пойдутъ на дурное дѣло. Возьми, возьми, не огорчай отказомъ старика.

Затѣмъ онъ еще разъ благословилъ Ивана и пошелъ своею дорогой сильно налегая на посохъ.

XXIII.

Прошло лѣтъ пять.

Въ одно іюльское утро косые лучи солнца освѣщали поле, на которомъ виднѣлась одинокая фигура пахаря. Исправная лошадка тащила соху которою молодой мужикъ съ темной бородкой и усами легко отворачивалъ здоровенные пласты земли. Мужикъ прошелъ бороздою до дороги и сталъ отбивать сошники, а въ это время на ту же дорогу изъ-за лѣска вышелъ другой человѣкъ. Этотъ человѣкъ также не старый, но худой и блѣдный, тащилъ за собою на цѣпи запыленнаго, тощаго цвѣдя. Такимъ образомъ эти люди встрѣтились лицомъ къ цу и взглянули другъ на друга.

— Иванъ! воскликнулъ одинъ изъ нихъ.

— Андрей! подхватилъ пахавшій мужикъ.—Вотъ ужь не лъ свидѣться съ тобою! Гдѣ жь ты пропадалъ? Какъ жилъ?

— А разно жилъ. Ино летомъ, ино скокомъ, а ино и зкомъ.

Digitized by Google

— Что же ты худой сталъ, красу потерялъ?

— Ничего не подѣлаешь, Иванушка. Это въ добромъ житьѣ кудри вьются, а въ худомъ, братъ, сѣкутся.

— Неужели жь плохо пришлось?

— А ты думаешь хорошее житье съ этакимъ-то вотъ товарищемъ, съ косолапымъ? Всего, братъ, было навѣку. И подвиговъ молодецкихъ, и пьянства кабацкаго, и одежи богатой, и ѣды жирной. Ну, а не сумѣлъ я ни счастіе ухватить за хвостъ, какъ иные прочіе, ни на службу стать къ какому ни на есть доброму дѣлу, какъ училъ когда-то покойный Мартынъ. Вотъ и пришлось положить зубы на полку. Ну, да что тамъ, и почище насъ да слезою умываются. Сказывай лучше о себѣ.

— О чемъ сказывать-то? отвѣчалъ Иванъ искренно огорчаясь участію стараго товарища.—Болѣлъ я долго послѣ того, какъ ты меня тогда изъ сѣчи выхватилъ. А потомъ съ Дмитріемъ Михайловичемъ подъ Москву ходилъ. Ну, ты знаешь, Литву мы выгнали, Господь воздвигъ царя на царство, все вошло въ берега и народъ разошелся кому куда надобно. Будетъ, потрудились. Сдѣлали мы свое дѣло, теперь пускай другіе. Неужели жь не постыдятся, позабудутъ наши натуги сверхсильныя и кровь пролитую? Ну, а я вотъ тутъ пашу. Да, ты не знаешь, вѣдь я женился на Ульяшѣ.

— Что ты! Отдали таки ее за тебя?

— Еще и съ охотой... Подарилъ мнѣ одинъ игуменъ благочестивый денегъ, я и купилъ себѣ у боярскаго сына Василія Семякина землю. Вотъ она, скрозь моя, все какъ надо, и съ нивами, и съ пожнями, и со всѣмъ что къ той землѣ изъ старины потягло, поколѣ Васильевъ серпъ и коса ходили.

— Фу, ты! удивился Андрей.—Въ правду, видно, говорится: кому поживется, у того и пѣтухъ несется.

— Ничего, промолвилъ не безъ самодовольства Иванъ,— благодарить Бога надобно, живу хорошо. У меня уже и дѣтишекъ двое есть... Да ты, вотъ что, заходи ко мнѣ во дворъ, передохнешь, а то и вовсе оставайся.

— Нѣтъ, братъ, я на мѣстѣ не усижу, ужь таковъ я человѣкъ. А зайти зайду, только другимъ разомъ. Теперь поспѣшаю въ Плаксино, тамъ ярмарка и безъ насъ съ товарищемъ никакъ не обойдется. Прощай, пахарь честный, помогай Богъ.

Андрей потянулъ медвѣдя; тотъ угрюмо рявкнулъ и переваливаясь поплелся за своимъ хозяиномъ. Облачко пыли поднялось изъ-подъ ихъ ногъ и застыло въ накалявшемся уже воздухѣ.

К. Ярошъ.

Digitized by Google

ВНѢ РАМКИ.

ПОВѢСТЬ.

VIII *).

Борисъ Александровичъ вышелъ отъ Сѣвецкой совершенно отуманенный неожиданно свалившимся на него очарованіемъ. Но привычка белетриста къ наблюдательности и анализу взяла свое. Онъ еще не успѣлъ выйти изъ рощъ Веселаго Хутора, какъ въ немъ возникла странная увѣренность.

— А вѣдь послѣдній милый дѣтскій смѣхъ этой барыни былъ поддѣлкою! вдругъ сказалъ онъ себѣ такъ убѣжденно, словно его осѣнило какое-нибудь откровеніе. — Не можетъ иначе быть! Такого смѣха не бываетъ ни у женщинъ съ ея наружностію, не ладитъ одно съ другимъ, дисгармонично, ни тѣмъ болѣе у особы съ ея умомъ, взглядами и явной житейской опытностію. У нея можетъ оказаться смѣхъ трагическій, горькій, ядовито-насмѣшливый, даже просто беззаботно-веселый и благодушный, но никакъ не звонкій смѣхъ ребенка или талантливой театральной ingénue. Это дѣланное, дѣланное, ручаюсь чѣмъ угодно. Однако, значитъ, дама-то того, пальца въ ротъ не клади! Любопытно... А... а хороша она, увлекательна, что̀ и говорить. Этакая завертитъ и не опомнишься. Зачѣмъ я ей понадобился? Не для эксперимента ли въ деревенской скукѣ? Если ей и самъ Толстой не очень угодилъ, такъ не влюбилась же она въ самомъ дѣлѣ въ мои писанія. Шалишь, барыня! Я тоже не совсѣмъ простофиля. Посмотримъ. Однако, ухо надо держать востро̀! А то вѣдь осѣдлаютъ, взнуздаютъ и поѣдутъ на рабѣ Божіемъ, самъ не замѣтишь когда и какъ.

*) Окончаніе. См. *Русскій Вѣстникъ*, августъ, 1901 годъ.

Digitized by Google

Задумавшись, Щитовскій шелъ по плохо протоптанной, едва замѣтной тропинкѣ которая представляла собою путь нѣсколько сокращенный, но, главное, избавляла пѣшеходовъ отъ непріятной необходимости мѣсить ногами дорожную пыль. Борисъ Александровичъ теперь достаточно зналъ приглянувшуюся ему рощу Веселаго Хутора для того чтобы съ увѣренностію находить въ ней свою дорогу въ любомъ направленіи. Онъ помнилъ даже удобные толстые пни въ тѣнистыхъ мѣстечкахъ, гдѣ можно было бы посидѣть, отдохнуть, помечтать и, пожалуй, поостыть отъ слишкомъ горячихъ ласкъ лѣтняго солнца. Одинъ изъ такихъ пней находился какъ разъ въ укромномъ уголкѣ подъ березами на самой опушкѣ, гдѣ пролегала уже колесная дорога въ Луготино. Щитовскій рѣшился и теперь присѣсть на немъ прежде чѣмъ выйти на пыльное пекло которымъ приходилось двигаться еще около версты. Но не успѣлъ онъ хорошенько оправиться и приладиться на своемъ нѣсколько первобытномъ стулѣ, какъ услышалъ сначала смутный человѣческій говоръ, а затѣмъ и ясную какъ бы въ нѣкоторой степени приподнятую и возбужденную рѣчь Ольги Сергѣевны Корчавиной.

— ...Какъ это необходимо, говорила она громко.—Дѣло вѣдь идетъ о серіознѣйшемъ интересѣ, даже о добромъ имени. Это не шутка!

— Но вѣдь два года, Оля! Подумай. Какъ ты справишься?

Щитовскій узналъ голосъ Юрія Константиновича.

— Какъ многія другія. Если и не сумѣю чего, пораспущу хозяйство, что̀ дѣлать? Это потеря поправимая. А того не вернешь, и конечно...

Внятная рѣчь опять превратилась въ смутный человѣческій говоръ; голоса удалялись.

Щитовскій вышелъ изъ своей засады.

По дорогѣ къ Луготину шли горячо и серіозно бесѣдуя между собою оба Корчавины, мужъ и жена, да Сергѣй Петровичъ Парнищевъ съ закинутыми на плечо длинными-длинными удилищами. Слѣдомъ за ними шагомъ ѣхала пустая пролетка Корчавиныхъ съ подросткомъ-кучеромъ на козлахъ.

„Что̀-то у нихъ случилось?“ подумалъ Щитовскій.

Разгадку узналъ онъ въ тотъ же день вечеромъ, когда Юрій Константиновичъ уѣхалъ въ губернскій городъ вмѣстѣ съ Парнищевымъ-отцомъ, а Ольга Сергѣевна осталась въ Луготинѣ.

Молодая женщина все время держала себя храбро и спо-

Digitized by Google

койно. Исчезла только ея обычная нѣсколько шаловливая и задорная, но милая шутливость. Однако, подъ вечеръ оставшись на балконѣ одна со своимъ малюткой-сыномъ и его кормилицою, она задумалась такъ горько и глубоко что даже не замѣтила Щитовскаго, который тихо вышелъ изъ своей комнаты и молча простоялъ возлѣ Ольги Сергѣевны нѣсколько минутъ, наблюдая за нею участливымъ взглядомъ.

У Бориса Александровича и въ помышленіи не было чего-либо похожаго на игру въ чувство съ красивой сестрою своего пріятеля, до такой степени не давала она къ тому ни малѣйшаго повода, несмотря на забавныя и соблазнительныя условія ихъ перваго знакомства, а затѣмъ деревенскую свободу и близость отношеній. Но Щитовскій, вообще холодноватый и разборчивый, почему-то проникся рѣдкою для него симпатіей къ этой молодой женщинѣ, дорожилъ ея добрымъ расположеніемъ и любилъ болтать съ нею, какъ ни просты, легковѣсны и безпритязательны были ихъ обычныя бесѣды, иногда шутливыя, иногда благодушно-спокойныя и довѣрчивыя, иногда нѣсколько мечтательныя или отвлеченныя по темѣ, но неизмѣнно самаго будничнаго и домашняго, такъ сказать, характера или типа. Вопросы текущей дѣйствительности всегда заслоняли въ нихъ побѣдоносно любую фантазію, и ради выдачи риса повару прерывалась на полуфразѣ самая оживленная рѣчь. Тѣмъ не менѣе Щитовскій однажды сдѣлалъ про себя такое замѣчаніе: „Вотъ говорятъ что счастливыя жены, влюбленныя матери и усердныя хозяйки вѣютъ на посторонняго непроходимою скукой. А я никогда не чувствую себя такъ по себѣ, пріятно и благодушно, какъ съ Ольгой Сергѣевной. Все въ ней какъ-то въ мѣру: и умъ, и чувство, и шутка, и серіозное настроеніе“...

На этотъ разъ Борису Александровичу пришлось убѣдиться что и у Корчавиной можетъ случиться настроеніе „не въ мѣру“ горькое и унылое. Сердце его вдругъ сжалось острымъ чувствомъ жалости; онъ не выдержалъ.

— Что съ вами? Что съ вами, Ольга Сергѣевна? спросилъ онъ тихо и участливо.

Она вздрогнула, поворачиваясь головкой въ его сторону, стрѣтила тревожный, ласковый, видимо искренній взглядъ и вдругъ по-женски вдругъ залилась слезами.

— Голубушка, Ольга Сергѣевна, простите! испугался Щитовскій.

— Нѣтъ... Ничего... Мнѣ такъ легче.

Digitized by Google

А крупныя слезы продолжали неудержимо катиться изъ глазъ.

— Принести вамъ воды?

— Не надо... Садитесь. Я вамъ разкажу. Ю... Юрій на годъ или, пожалуй, на цѣлые два года уѣдетъ въ Забайкалье и... и мнѣ съ нимъ нельзя.

— Почему?

— На кого оставить хозяйство? А главное, какъ тащить въ такую даль груднаго ребенка? Не дай Богъ, что̀ случится...

— А поѣздка неизбѣжна?

— Да. Юрію приходится тамъ привести въ порядокъ и по возможности ликвидировать дѣло затѣянное еще его покойнымъ отцомъ въ компаніи. Можетъ пострадать даже доброе имя покойнаго... А вѣдь это имя мужа и Юрочки... Видите? Тутъ ужь не до себя, не до своего горя...

— Но какъ же такъ вдругъ? Можетъ-быть, это еще напрасная тревога, все устроится иначе?

— Нѣтъ, даже папа говоритъ что ѣхать необходимо и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. А ужь онъ не ошибается. Воля Божія...

Ольга Сергѣевна вдругъ замолкла опять съ прежнимъ какимъ-то окаменѣлымъ выраженіемъ горя и уныніи на лицѣ, а растерявшійся Щитовскій не зналъ что̀ ей сказать, самъ чувствуя что всякія рѣчи утѣшенія будутъ только праздной глупостію и надоѣдливымъ приставаніемъ.

Выручило его чутье художника-сердцевѣда.

— Бѣдный Юрій Константиновичъ! вздохнулъ онъ потихоньку, какъ бы про себя.

Окаменѣлое лицо вдругъ исчезло и Борисъ Александровичъ награжденъ былъ такимъ ласковымъ, такимъ благодарнымъ взглядомъ, какого онъ еще никогда не видалъ у Ольги Сергѣевны.

— Спасибо вамъ! схватила она его за руку опять разражаясь слезами.—Вы добрый человѣкъ, другъ! Тяжело ему... Ужасно тяжело! Еслибы Богъ далъ мнѣ силы поддержать его. Подло съ моей стороны думать о своемъ горѣ, ему каково?..

Она встала съ внезапной рѣшимостію.

— Пойдемъ, кормилица, Юрочкѣ ванну дѣлать пора.

Digitized by Google

IX.

Посѣщеніе Веселаго Хутора и первая бесѣда съ Идой Алексѣевной Сѣвецкой удивительно яркими чертами врѣзались въ память Щитовскаго. Онъ живо воспроизводилъ въ своемъ воображеніи каждое слово, каждое движеніе или ужимку, даже каждую интонацію голоса этой видимо поразившей его женщины. Сотни разъ останавливался онъ мыслію надъ самыми мелочными подробностями своего новаго знакомства, переворачивая, обсуждая и анализуя ихъ на всѣ лады. Словомъ, онъ самъ понималъ что Сѣвецкая затронула въ немъ что-то сильнѣе чѣмъ какая бы то ни была другая женщина или дѣвушка, съ какими онъ до сихъ поръ встрѣчался. Но что̀ именно затронула? Любопытство, умъ, чувство, чувственные инстинкты, или просто интересъ празднаго наблюдателя, вотъ что̀ рѣшить было совсѣмъ нельзя. Чѣмъ больше думалъ Щитовскій объ Идѣ Алексѣевнѣ, чѣмъ яснѣе представлялъ себѣ ея манеру держаться, говорить, ея улыбку, ея какіе-то внезапные, лучезарные взгляды, тѣмъ менѣе она ему нравилась, тѣмъ подозрительнѣе онъ къ ней относился, тѣмъ искусственнѣе, дѣланнѣе все въ ней ему представлялось; возникло даже непріязненное чувство... И все же что-то неодолимо влекло, тянуло его къ этой женщинѣ. Онъ не въ силахъ былъ оторваться отъ нея мыслію, и еслибы могъ, то-есть, смѣлъ, побѣжалъ бы въ Веселый Хуторъ на слѣдующій же день.

Два дня Щитовскій выдержалъ, а на третій стремительно направился въ Веселый Хуторъ, полный какихъ-то неопредѣленныхъ ожиданій и чувствуя себя немножко въ состояніи школьника наканунѣ радостнаго и давно жданнаго праздника.

Ида Алексѣевна приняла Щитовскаго ласково или даже тепло, какъ добраго знакомаго или, пожалуй, товарища. Не стѣсняясь она при немъ сдѣлала кое-какія хозяйственныя распоряженія и дописала письмо для отсылки на почту. Она явилась очень любезной и веселой хозяйкой, свѣтской женщиной, но ни блестящихъ или глубокихъ мыслей, ни вдохновеннаго чтенія, ни даже вообще разговора о литературѣ теперь не было.

Болтали мирно и подчасъ остроумно о куріозахъ и особенностяхъ нашей общественной жизни, дѣлились заграничными впечатлѣніями, разошлись во вкусахъ и сужденіяхъ по части кулинарнаго искусства (Ида Алексѣевна заставила Щитовскаго раздѣлить свой поздній завтракъ, хотя онъ уже позавтракалъ

Digitized by Google

ранѣе въ Луготинѣ), поспорили и о г. Фигнерѣ. Но несмотря на такую архибудничную бесѣду Борисъ Александровичъ все время чувствовалъ себя въ приподнятомъ и напряженномъ состояніи. Самъ того не замѣчая и не сознавая онъ былъ на сторожѣ, слѣдилъ и за Идой Алексѣевной, и за собою; ему страстно хотѣлось не сдѣлать какого-нибудь промаха, неловкости, не дать повода ни къ недовольству, ни къ насмѣшкѣ надъ собою. Что-то продолжало смущать его въ этой милой, благодушной и непритязательной хозяйкѣ. Вліяла ли на него только ея поразительная внѣшность? Да, онъ не разъ ловилъ себя на томъ что слишкомъ ужь неотступно и необычно пялитъ глаза на Иду Алексѣевну. Однако онъ вовсе не былъ еще увѣренъ, интересуетъ, интригуетъ его исключительная наружность этой женщины, или вмѣстѣ и нравится? Рѣзкія черты лица, глубокіе и загадочные глаза, правда, смягчались иногда необыкновенно пріятной улыбкой или ласковой, почти мечтательной задумчивостью; но Щитовскому какъ-то въ голову не приходило что можно восторженно прижать къ себѣ этотъ изумительно стройный станъ, что можно забыться въ блаженствѣ цѣлуя эти красивыя, гордыя губы. Нѣтъ, отъ нихъ, отъ всей рѣдкой и своеобразной красоты Иды Алексѣевны на него еще вѣяло какимъ-то холодомъ...

Послѣ завтрака онъ сталъ прощаться безъ всякой къ тому охоты, но считая болѣе долгій визитъ неумѣстнымъ.

— Ну, до свиданія! просто и дружески пожала ему руку Сѣвецкая.—Но, послушайте, если вамъ не очень скучно съ такой пустынножительницей какъ я, будьте паинькой, бросьте церемоніи и заходите когда вздумается по вечерамъ. Видите, засмѣялась она,—при дневномъ свѣтѣ я еще умѣю кое-какъ находить себѣ дѣло и развлеченіе, но по вечерамъ иной разъ ужь очень грустно становится. Рояль да книга, книга да рояль, это хорошо, но... мало. Живаго слова хочется, движенія, смѣха. А я по-темну даже гулять далеко одна побаиваюсь. Ждать васъ?

— Еще бы! Но почему вы пустынножительствуете ес— вамъ это грустно? Отчего не знакомитесь съ сосѣдями?

— Съ кѣмъ?

— Да вотъ хотя бы Парнищевы у которыхъ я тепе гощу. Премилые люди во всѣхъ отношеніяхъ.

— Да, но во-первыхъ, нужно знать, кто милъ и кто не мил и кому я сама могу показаться милой или не милой. А р

Digitized by Google

вторыхъ, и личное мое положеніе такого рода что требуетъ съ моей стороны особой осторожности.

Щитовскій не рѣшился высказать какой-либо вопросъ, но вся его фигура невольно явилась этимъ вопросомъ.

Ида Алексѣевна улыбнулась.

— Вижу, вижу, какой вы сдержанный и благовоспитанный джентльменъ, сказала она шутливо. — Но коль скоро я прибѣгаю къ вашему покровительству, то тѣмъ самымъ даю вамъ и нѣкоторыя особыя права. Дѣло въ томъ что я одинока не только здѣсь, но вообще. Я разошлась съ мужемъ, а на это многіе смотрятъ косо и большей частью вполнѣ основательно.

— Я думаю что въ подобныхъ случаяхъ единственными компетентными судьями могутъ быть только сами заинтересованныя стороны.

— Ну, не скажите. Общество и особенно семьи тоже имѣютъ законное право интересоваться такими явленіями. Еслибъ у меня были взрослыя дочери, сознаюсь, я не очень искала бы знакомства съ женщиною завѣдомо ложнаго положенія. Но знаете что̀, такъ какъ вы не дѣвица и я вовсе не имѣю средствъ вліять на васъ въ опасномъ смыслѣ, то не придете ли вы завтра вечеромъ и не учинимъ ли мы какую-нибудь далекую хорошую прогулку, а? Вы любите ходить?

— Очень, особенно въ деревнѣ.

X.

На слѣдующій день, когда заходящее солнце бросало на поля послѣдній снопъ своихъ багровыхъ лучей, а въ рощѣ Веселаго Хутора все уже покрылось тѣнью, кромѣ яркихъ тучекъ заката кое-гдѣ сквозившихъ между деревьями, Борисъ Александровичъ подходилъ къ калиткѣ нарядной усадебки. Онъ уже протянулъ руку къ щеколдѣ и вдругъ замеръ.

Изъ раскрытыхъ оконъ дома послышалась громкая, страстная, мастерски сыгранная на роялѣ прелюдія, а затѣмъ пѣніе. Необычайно сильный, красивый, но вмѣстѣ и мягкій, западающій въ душу голосъ началъ съ драматическаго речитатива, но затѣмъ перешелъ къ широкой дивной кантиленѣ, превосходно поддержанной и гармонизованной акомпаниментомъ рояля. Борисъ Александровичъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ убѣ-

Digitized by Google

дился что онъ еще никогда и нигдѣ не слыхалъ исполняемой піесы. За то какъ любитель и даже знатокъ вокальной музыки, онъ сразу понялъ что поетъ не любительница, а настоящая великая артистка, способная поразить и увлечь самую прихотливую, самую избалованную публику. Помимо высокаго техническаго совершенства въ пѣніи было столько пониманія, столько силы, такая глубина чувства благородно и въ мѣру сдержаннаго что Щитовскій совсѣмъ взволновался и растаялъ.

„Такъ вотъ ты какая"! подумалъ онъ, когда послѣдній звукъ улетѣлъ и замеръ, послышался шумъ отодвинутаго стула и захлопнувшейся крышки рояля. „Можетъ-быть, помятая, даже извращенная жизнью, но въ сущности высокая и свѣтлая душа, сильное и благородное сердце. Великій умъ не вяжется съ пошлой и мелкой натурою".

Борисъ Александровичъ позвонилъ и былъ встрѣченъ даже радостнымъ восклицаніемъ Сѣвецкой.

— А! Ну, вотъ спасибо что сдержали слово. А мнѣ нынче совсѣмъ, совсѣмъ сгрустнулось... Пожалуйста, пойдемъ куда-нибудь; и будьте спутникомъ остроумнымъ, интереснымъ, увлекательнымъ, даже немножко самоотверженнымъ, если умѣете, потому что отъ меня вамъ нынче не только остроумія или интересности, а и простой связной бесѣды не дождаться.

Но вышло не совсѣмъ такъ.

Оттого ли что на Щитовскаго повліяло въ размягчающемъ смыслѣ чудное пѣніе, или сама Ида Алексѣевна оказалась отзывчивѣе и доступнѣе въ своемъ грустномъ настроеніи, или, наконецъ, просто повліялъ на обоихъ чудный лѣтній вечеръ со своимъ мягкимъ сумракомъ, задумчивымъ шорохомъ лѣса, смолистымъ ароматомъ воздуха и вѣчными огнями небесной бездны, какъ-бы то ни было, бесѣда между спутниками незамѣтно приняла окраску открытаго и довѣрчиваго, почти дружескаго между ними общенія.

Щитовскій и самъ не опомнился, какимъ образомъ у него вышло что онъ затронулъ рискованный вопросъ о пустотѣ и безцѣльности одиночества, о его горечи, особливо въ жизни женской, несправедливо ограниченной многими стѣсненіями и условными невозможностями. У него какъ-то нечаянно и неловко сорвалась съ языка фраза, которую Ида Алексѣевна не могла понять иначе какъ въ прямомъ отношеніи къ самой себѣ и къ своему, какъ она назвала его, ложному положенію.

Выпаливъ свою непродуманную и нечаянную безтактность

Digitized by Google

Щитовскій совсѣмъ перепугался и ждалъ ѣдкой или холодно-презрительной отповѣди, готовый принести всяческое покаяніе. Но, къ его удивленію и благодарному восторгу, Ида Алексѣевна приняла сказанное очень спокойно.

— Я думаю, замѣтила она только съ нѣкоторой задумчивостью,—что иные люди совсѣмъ непригодны къ семейной жизни, даже наилучше обставленной. И, пожалуй, я именно принадлежу къ числу такихъ людей.

— Можетъ-быть; но только потому что вамъ трудно найти мужа на котораго вамъ не приходилось бы смотрѣть сверху внизъ. Вѣроятно, вы это уже испытали.

— О, нѣтъ, напротивъ! Мужъ мой прекрасный и вполнѣ достойный человѣкъ, который, кажется, и до сихъ поръ любитъ меня вопреки всякому разуму. Въ нашемъ семейномъ неладу виновата я одна и никто больше: моя личная грубая ошибка.

— Трудно вѣрится...

— Нѣтъ, именно такъ. Нужно вамъ сказать что въ Одессѣ, гдѣ я жила, имя моего мужа и до сихъ поръ извѣстно всякому. Да, пожалуй, оно въ своемъ родѣ даже европейское или міровое имя съ которымъ связано понятіе объ исключительномъ могуществѣ. Это меня и обмануло. Я вообразила себѣ что человѣкъ добившійся этого могущества тоже исключительный, колоссъ по силѣ духа, мысли, стремленій... Словомъ, я принялась обожать собственную мечту; а потомъ... потомъ не сумѣла вынести разочарованія, не выдержала, не помирилась со своей же ошибкой, не смогла честно расплатиться за нее; хотя со мной-то поступали не только честно, справедливо, но даже съ незаслуженной благостью и любовью... Словомъ, вся вина на моей сторонѣ. Я разбила чувство, чужую жизнь, чужое счастье, и все это ради одной только свободы, въ сущности пустопорожней и холодной, какъ вся моя особа.

Щитовскій улыбнулся.

— Вы жалѣете о прошломъ?

— Я бы сейчасъ же могла къ нему вернуться. Я была бы принята даже съ восторгомъ, съ закалываніемъ упитанныхъ тельцовъ... Но я не могу, не въ силахъ! протянула она какой-то жалобной, почти дѣтской ноткою.—Я опять не вынесу. Не по мнѣ это благополучіе жирныхъ пироговъ, будничное, сѣренькое и однообразное. Я не могу блестѣть только бриліантами, цѣнить себя только на рубли, нравиться

и волновать только окружающей меня роскошью. Мнѣ непремѣнно нужно быть чѣмъ-нибудь самой по себѣ. Въ мелкихъ обязанностяхъ семьи, хозяйства или въ пошловатой и безвкусной праздности такъ называемаго общества я одинаково задыхаюсь. Даже моя настоящая пустота лучше этого. Что дѣлать, если природа сдѣлала меня холоднымъ, себялюбивымъ и безполезнымъ созданіемъ?

Щитовскій опять улыбнулся.

— Къ чему вы на себя клевещете?

— Клевещу? Я никогда не была искреннѣе.

— Полноте! Я сегодня слышалъ ваше пѣніе и теперь знаю, кто вы.

— То-есть?

— Во-первыхъ, великая артистка.

— Это не новость. Я пробовала свои силы на очень большой сценѣ и знаю, къ чему способна. А дальше?

— На сценѣ? нѣсколько удивился Щитовскій.

— Да. Не професіонально, но на настоящей сценѣ и передъ строгой, избалованной публикой. Ну-съ, во-вторыхъ?

— Во-вторыхъ, вы человѣкъ съ глубокой и сильной душою, съ благородными и свѣтлыми побужденіями.

— Это вы все почерпнули изъ пѣсенки?

— Да, изъ „пѣсенки“ и знаю что не ошибся.

Ида Алексѣевна только повела плечами.

— Удивительно, сказала она послѣ нѣкотораго раздумья,—какъ поддаются общимъ мѣстамъ и безсмысленнымъ, но традиціоннымъ истинамъ даже самые умные люди.

— Напримѣръ?

— Да вотъ вамъ хоть музыка. Вѣдь ее пресеріозно считаютъ однимъ изъ великихъ искусствъ дѣлающихъ честь человѣческому генію, признаютъ ея значеніе въ развитіи и воспитаніи общества...

— Ну, разумѣется!

— А что такое музыка въ самомъ дѣлѣ? Если и искусство, то самое низкое, даже презрѣнное, вполнѣ равносильное фокусничеству и шулерской ловкости.

— Ида Алексѣевна! Что вы?..

— Говорю съ полнымъ убѣжденіемъ. Подумайте са Литература способна провѣщать великія мысли, учить, вос тывать, просвѣщать и даже до извѣстной степени вліять нравственную природу человѣка. Это дѣйствительно вел сила; хотя Бэконъ всетаки былъ порядочнымъ негодяе

нашъ Лермонтовъ несносным и заносчивымъ фатишкой. Я понимаю благотворную роль и пластическихъ искусствъ. Красота есть всетаки тѣлесное воплощеніе духовной правды и чистоты. Слѣдовательно, и культъ красоты, изученіе ея законовъ, пониманіе и обожаніе высшихъ ея проявленій могутъ воспитывать и поднимать нравственное чувство въ людяхъ, могутъ явиться желанной и благодѣтельной между ними связью. Напримѣръ, цѣлый народъ непремѣнно имѣетъ свои идеалы красоты, какъ имѣетъ свой особенный языкъ и свою господствующую вѣру. Но чему учитъ, что̀ воспитываетъ и кого просвѣщаетъ музыка? Въ чемъ ея идейность или нравственное значеніе? Все дѣло сводится къ чисто-физическому удовольствію слуха да къ убаюкиванью мозга. Музыка въ сущности тотъ же гашишъ, опіумъ или иное ядовитое снадобье, способное только затемнить въ человѣкѣ его здравый смыслъ и чувство нравственнаго приличія. Подъ вліяніемъ какой-нибудь сладкой мелодіи бѣдный труженикъ забываетъ о своихъ голодныхъ дѣтяхъ и ставитъ послѣдній грошъ ребромъ, подъ звуки польки-трамблянъ разумный человѣкъ пускается въ нелѣпое кривлянье, а отуманенный фанфарами военнаго марша онъ восторженно летитъ даже убивать себѣ подобныхъ, либо подставлять собственный лобъ. Словомъ, музыка, не давая ровно ничего ни уму, ни сердцу людей, способствуетъ только извращенію ихъ логики и естественныхъ инстинктовъ. Это какъ-разъ то искусство, съ помощью котораго, говорятъ, умѣлые люди гипнотизуютъ крысъ, выманиваютъ изъ дома цѣлой стаей и завлекаютъ въ какой-нибудь водоемъ на неминучую гибель.

— Что̀ же заставило васъ, Ида Алексѣевна, добиваться самой верхней ступени въ этомъ зловредномъ искусствѣ?

— Стремленіе къ силѣ, къ власти, къ орудіямъ господства. Я вовсе не желаю казаться лучше чѣмъ я есть. Напротивъ, мнѣ именно хотѣлось бы не нуждаться даже въ притворствѣ, быть сухой, черствой, суетной, и всетаки повелѣвать, и всетаки играть людьми какъ пѣшками, быть ненавидимой и обожаемой вмѣстѣ. Я все готова взять, всего мнѣ мало, но ничего не даю взамѣнъ. Вотъ вамъ настоящая моя исповѣдь. Потомъ не говорите, будто не были предупреждены.

Щитовскій на минуту даже онѣмѣлъ отъ изумленія, онъ зналъ что̀ ему думать, но затѣмъ расхохотался.

— Ну, Ида Алексѣевна, мастерица же вы мистифировать и высмѣивать невинныхъ собесѣдниковъ! воскликнулъ

Digitized by Google

онъ.—Вы мнѣ дали очень чувствительный и памятный урокъ. Я, разумѣется, кругомъ виноватъ что, увлекшись вашей любезной снисходительностью, позволилъ себѣ переступить извѣстныя границы и заговорить съ апломбомъ о такихъ вещахъ до которыхъ не имѣлъ права даже коснуться. Но вы отплатили мнѣ хотя зло, очень зло, однако такъ мило и тонко что право же во мнѣ осталось великое искушеніе на новые грѣхи ради дальнѣйшихъ подобныхъ наказаній. Первый разъ въ жизни мнѣ пришлось испытать что иногда пріятно даже въ дуракахъ остаться.

Засмѣялась и Сѣвецкая.

— На будущее время, сказала она протягивая руку,— давайте изучать другъ друга внимательно и подробно, но каждый про себя. А то вѣдь, согласитесь, что мнѣ станетъ прискорбно, если послѣ атестаціи въ глубинѣ и силѣ чувства я вдругъ услышу что старинное кружево или новомодный фасонъ капотовъ приросли къ моему сердцу крѣпче всѣхъ „свѣтлыхъ и благородныхъ побужденій“.

— Пощадите, Ида Алексѣевна! Сдаюсь на милость и гнѣвъ. И въ знакъ покорности, онъ шутя преклонилъ одно колѣно,—цѣлую ручку моего сюзерена-побѣдителя.

— Ну, вотъ такъ немного лучше... хотя можно бы обойтись безъ обряда цѣлованія.

Съ послѣднимъ Щитовскій въ душѣ никакъ не могъ согласиться. Ручка была такая нѣжная, теплая, милая; смѣхъ такъ серебристъ...

Борисъ Александровичъ вернулся въ Луготино далеко не въ спокойномъ и безмятежномъ состояніи духа. Недоумѣвалъ онъ больше чѣмъ когда-нибудь.

— Что это за женщина? ломалъ онъ себѣ голову.—Умна, какъ чортъ, а мила... мила... Такія-то и сводятъ съ ума нашего брата, если не остережешься.

Характернымъ симптомомъ явилось то что Борисъ Александровичъ на этотъ разъ уже не спрашивалъ себя: „Что ей отъ меня нужно?“

XI.

Двѣ недѣли проскочили какъ-то необычайно быстро.

Щитовскій почти ежедневно бывалъ въ Веселомъ Хуторѣ, все болѣе увлекаясь его всегда любезной, всегда очень

Digitized by Google

интересной, но всетаки непонятной хозяйкой. Ида Алексѣевна держала себя съ нимъ совсѣмъ просто и искренно, безъ малѣйшаго поползновенія на столь общепринятый нынѣ пошловатый флёртъ или на болѣе серіозную, но и болѣе опасную игру въ чувство. Тѣмъ не менѣе Щитовскій терялъ голову съ удивительною быстротой. Самъ того не сознавая онъ уже жилъ только мечтами и думами о той минутѣ когда ему опять и опять можно будетъ ускользнуть къ своей очаровательной сосѣдкѣ. Онъ входилъ къ ней съ сильно бьющимся сердцемъ, съ какими-то неясными, но тревожными ожиданіями, выходилъ отуманенный, растаявшій, готовый на безуміе...

При такихъ условіяхъ дни тянутся иной разъ съ томительной медленностію, но недѣли и мѣсяцы мелькаютъ какъ тѣни вспугнутой стаи птицъ.

Быстро пролетѣло время и для всей семьи Парнищевыхъ, а въ особенности для Ольги Сергѣевны. Но въ этомъ случаѣ съ небывалой скоростію проходили дни полные горя, тревоги и заботъ по сборамъ Юрія Константиновича въ дальній путь. Зато когда все кончилось, молодой Корчавинъ въ послѣдній разъ прижалъ къ сердцу свою бодрившуюся, но трепещущую жену, и желѣзнодорожный поѣздъ умчалъ его далеко, далеко на востокъ, то казалось что прошли не недѣли, а цѣлые годы съ того безоблачно-счастливаго времени когда Ольга Сергѣевна шаловливо разказала своимъ близкимъ о романической встрѣчѣ съ Борисомъ Александровичемъ на лѣсной дорогѣ,

Нужно отдать справедливость Щитовскому. Какъ ни былъ онъ опьяненъ очарованіями Веселаго Хутора, молчаливое, храброе, но видимо мучительное горе Ольги Сергѣевны отозвалось почти острой болью и въ его душѣ. Онъ не могъ безъ глубокой жалости видѣть ея поблѣднѣвшее и похудѣвшее личико, ея усиленныя старанія надѣть на себя маску бодрости, выжать изъ себя веселое слово или ласковую улыбку... Боже, какой жалкою выходила иной разъ эта улыбка!

Щитовскій въ эти дни не меньше Павла Сергѣевича старался быть настоящимъ, добрымъ братомъ для огорченной женщины. По цѣлымъ часамъ игралъ онъ съ Юрочкой, забавляя ребенка и отвлекая его отъ утомленной, разстроенной матери. Съ величайшей готовностію вызывался онъ съѣздить за нее въ городъ, переговорить съ земскимъ начальникомъ и т. п. Наконецъ, въ вечерніе часы отдыха и горестнаго раздумія онъ умѣлъ и помолчать во-время, и взглянуть съ теплымъ по-

Digitized by Google

ниманіемъ и сочувствіемъ, и сказать кстати что-нибудь дѣйствительно доброе, умное, успокоивающее.

Чуткое сердце Ольги Сергѣевны даже въ минуты остраго горя не могло не отозваться на честное и доброе сочувствіе.

— Вы поступаете какъ настоящій другъ, какъ братъ! сказала она однажды пожимая ему руку. — Я не благодарю васъ. Но знайте что при случаѣ я тоже умѣю помнить и любить.

На слѣдующій день за семейнымъ обѣдомъ Сергѣй Петровичъ Парнищевъ объявилъ своей дочери новость.

— Оля! сказалъ онъ.—Послѣ-завтра твой крестный отецъ къ намъ пріѣдетъ. Я получилъ телеграму и письмо вмѣстѣ.

— Какъ! Харузи? воскликнула Марья Алексѣевна.

— Онъ самый, Николай Матвѣевичъ.

Ольга Сергѣевна оживилась.

— Я рада. Четыре года съ нимъ не видалась. Вѣдь онъ даже мужа моего не знаетъ.

— Пріѣхалъ бы на свадьбу непремѣнно... Испытанный, вѣрный другъ! Но какъ-разъ въ то время стряслась надъ нимъ эта бѣда Растерялся человѣкъ. Говорятъ, и до сихъ поръ на себя не похожъ: тоскуетъ, мечется, похудѣлъ, постарѣлъ...

— А жена его неизвѣстно гдѣ?

— Я не знаю. Но вѣроятно гдѣ-нибудь въ нашихъ мѣстахъ на сѣверѣ, потому что онъ и ѣдетъ-то собственно говоря къ ней.

— Къ ней?! Значитъ примиреніе?

— Въ томъ-то и дѣло что кажется какъ-разъ наоборотъ. Она рѣшительно требуетъ окончательнаго развода, полной свободы.

— Вѣрно сошлась съ кѣмъ-нибудь.

— Богъ ее вѣдаетъ. Только врядъ ли. Николай Матвѣевичъ судя по письму попрежнему чуть не молится на нее.

— Что у нихъ за странная исторія! Хотѣлось бы мнѣ видѣть эту женщину, задумчиво сказала Марья Алексѣевна — Но судя по всему... врядъ ли стоитъ она обожаній.

— Однако, замѣтила Ольга Сергѣевна, — не каждая шится по собственной доброй волѣ разойтись съ архимили ромъ безъ какихъ-либо другихъ причинъ кромѣ сознанія произошла ошибка, что любви не оказалось.

— Любви-то вѣдь не оказалось только со стороны же такъ куда же она смотрѣла раньше? А что мужъ добры

Digitized by Google

порядочный человѣкъ, все сердце на нее положилъ, что она ему жизнь разбила, это не въ счетъ?

— Да и на что ей богатство мужа? задумчиво добавилъ Сергѣй Петровичъ. — У нея собственное крупное состояніе. А кромѣ того она хорошо знаетъ что, мужъ или не мужъ, Харузи съ восторгомъ приподнесетъ ей цѣлые милiоны, только заикнись она... А можетъ-быть, и приподноситъ уже.

— Всетаки женщина съ такимъ умомъ, съ такими талантами... Трудно судить! стояла на своемъ Ольга Сергѣевна.— Какъ хотите, она сводила съ ума весь Парижъ какъ великая артистка, ее приравнивали къ Нильсонъ, ставили выше m-me Краусъ. Этого ужь деньгами не купишь. Говорятъ, такіе люди какъ Марсель Прево и молодой герцогъ Аостскій готовы были на все ради ея благосклонной улыбки; а она только высмѣяла ихъ съ полнымъ хладнокровіемъ и неуязвимостію. Николай Матвѣевичъ прекрасный человѣкъ, я его люблю и уважаю; но нельзя же не сознаться что такая жена ему не по росту. А затѣмъ ея безупречное поведеніе много говоритъ въ ея пользу, да и самое обожаніе отвергнутаго и оскорбленнаго мужа кое-что доказываетъ.

— Такъ-то такъ... согласился Сергѣй Петровичъ.—Дѣйствительно трудно судить за глаза, не имѣя никакого представленія о томъ кого судишь, только по голымъ фактамъ... Мало ли что чѣмъ и какъ объясняется!

— Какой это Харузи? спросилъ Борисъ Александровичъ.

— Большой Харузи, настоящій одесскій. Одинъ изъ первыхъ богачей въ мірѣ. Вѣроятно слыхали?

— Еще бы! Разумѣется. Онъ крестный отецъ Ольги Сергѣевны?

— Да. И старый вѣрный другъ всей нашей семьи. Милый, добрый человѣкъ, онъ очень скромный и сердечный.

— Кажется, атестація довольно рѣдкая для милiонера.

— А между тѣмъ вполнѣ правдивая. Впрочемъ, вѣдь онъ только умный и трудолюбивый наслѣдникъ великихъ милiоновъ; ведь нимъ путь расчищенный.

XII.

Вечеромъ Борисъ Александровичъ по обыкновенію направился въ Веселый Хуторъ и засталъ Сѣвецкую въ какомъ-то ...бо-задумчивомъ и даже какъ бы тревожномъ настроеніи.

Digitized by Google

Она приняла, впрочемъ, молодаго писателя по-пріятельски или, пожалуй, еще радушнѣе чѣмъ бывало прежде. Въ первый разъ со времени знакомства она повидимому готова была раскрыть передъ нимъ хотя небольшой уголокъ своей интимной жизни, своихъ истинныхъ чувствъ и мыслей.

— Какъ вы кстати! воскликнула она. — Мнѣ почти грустно... Помогите мнѣ забыть о... житейскихъ невзгодахъ. Помогите не думать о себѣ, о своихъ ошибкахъ и разочарованіяхъ. Это невеселая и непрекрасная тема.

— Ваши ошибки и разочарованія!.. Неужто и вы, олимпійская богиня, знакомы съ подобными печалями слабыхъ смертныхъ по личному опыту?

— Къ сожалѣнію, очень знакома. Если я и богиня, то лишь плохой современной выдѣлки, и не съ Олимпа, а съ достаточно пошлыхъ стогновъ международно-еврейской биржи.

— Не кощунствуйте сами надъ собою... Но въ самомъ дѣлѣ, почему вамъ „почти грустно?“ Это совсѣмъ какъ-то несовмѣстимо съ вами.

— Если хотите, есть и причина. Я стою наканунѣ большаго поворота въ собственной жизни. Можетъ-быть, завтра, послѣ-завтра, на-дняхъ, цѣлая полоса ея станетъ безвозвратнымъ прошлымъ; перевернется новая страница... Что-то на ней окажется? Въ такія рѣшающія минуты трудно остаться вполнѣ безучастной и невозмутимой, особливо когда самое-то рѣшеніе является не свыше, не велѣніемъ судьбы, а дѣломъ собственной воли и мысли. А что если дѣлаешь новую ошибку и готовишь себѣ новыя разочарованія? Если этой воли, этой мысли не хватитъ на все задуманное?

— Хватитъ, Ида Алексѣевна.

— Богъ знаетъ... Я вѣдь на маленькомъ, на будничномъ и пошломъ не помирюсь.

— Еще бы! Въ этомъ и безъ вашихъ словъ никто не усумнится, повѣрьте.

— Да... задумчиво и какъ бы про себя молвила Ида Алексѣевна. — Ужь коли прыгать очертя голову въ омутъ, такъ было бы изъ-за чего по крайней мѣрѣ. Ну-съ, вѣрный рыцарь и стражъ моего сельскаго уединенія! воскликнула она вдругъ оживляясь и съ веселымъ уже блескомъ въ глазахъ.— Жребій брошенъ. Значитъ, и раздумывать теперь объ этомъ заднимъ числомъ по меньшей мѣрѣ безполезно. Лучше давайте торжествовать!

— Что именно?

Digitized by Google

— Свободу, Борисъ Александровичъ! Полную, божественную, счастливую свободу! Ужь подѣлюсь съ вами моей радостію. Мой тиранъ и повелитель, то-есть, мой мужъ, въ сущности очень добродушный и порядочный человѣкъ, соглашается дать мнѣ разводъ, на этотъ разъ полный и безусловный, съ соблюденіемъ всѣхъ законныхъ формъ.

— А до сихъ поръ упорствовалъ?

— До сихъ поръ я сама еще колебалась. Мой будущій путь былъ для меня недостаточно ясенъ.

— А что его выяснило?.. Если такой вопросъ не нескроменъ въ высшей степени.

— Конечно, нескроменъ. Но... я вамъ скажу.

Ида Алексѣевна помедлила, обдала Щитовскаго горячимъ, ласковымъ взглядомъ и чуть замѣтно вспыхивая почти прошептала:

— Выяснила все... любовь!

Ида Алексѣевна просіяла въ это мгновеніе такой дивной красотою, до того вся преобразилась, столько въ ней сказалось женственности, ласки, счастія, восторговъ что кровь бурнымъ потокомъ прилила къ сердцу и мозгу Щитовскаго. Онъ даже поблѣднѣлъ и пошатнулся, словно получилъ чисто-физическій толчекъ. Онѣмѣвшій, съ туманомъ страсти въ глазахъ, онъ еще успѣлъ сознать однако что способенъ натворить непоправимыя безумства въ своемъ опьянѣніи, что нужно бѣжать, бѣжать и одуматься.

— Ида Алексѣевна! пролепеталъ онъ совсѣмъ уничтоженный.—Я... я боюсь... Я способенъ оказаться совсѣмъ дуракомъ... До свиданія!

Сѣвецкая не произнесла ни единаго слова, не бросила ни одного взгляда чтобы удержать его; напротивъ, совершенно спокойно повторила его же коротенькую фразу:

— До свиданія!

Но вслѣдъ ему она поглядѣла съ торжествующей улыбкой гордаго удовлетворенія.

„Нѣтъ, сила моя еще не изсякла, не уменьшилась!“ подумала она радостно. „У меня есть съ чѣмъ выйти на великую битву и не слишкомъ опасаться пораженія. Во всякомъ случаѣ, жребій теперь брошенъ и отступать поздно“.

А Борисъ Александровичъ долго-долго просидѣлъ въ душистомъ саду, въ темной алеѣ, кое-гдѣ пронизанной блѣдными лучами мѣсяца, просидѣлъ до вторыхъ пѣтуховъ; да и затѣмъ

Digitized by Google

опять очень долго ворочался безсонный на своей постели утомительно душной.

„Какъ понимать ее?“ спрашивалъ онъ себя въ сотый разъ. „Неужто я любимъ? Или я только тупоумный, отвратительный глупецъ-фатишка? Вѣрно одно, чему я до сихъ поръ не вѣрилъ. Да, есть такія мгновенія которыя разомъ рѣшаютъ судьбу человѣка. Если мнѣ не суждено любить Иду, то, значитъ, я не полюблю, какъ слѣдуетъ, никого и никогда... Должно-быть, такъ и будетъ. Что я такое чтобы она остановила свой выборъ именно на мнѣ? Но, Господи, какое бы это было блаженство!.. Вѣдь любитъ же она, любитъ кого-то!.. Кого?.. Боже, отъ этого можно съ ума сойти, пустить пулю въ лобъ, надѣлать невообразимыя вещи... Бѣжать развѣ отсюда? А, можетъ-быть, и бѣжать ужь поздно? Да и какъ бѣжать, если... Нѣтъ, нѣтъ! Не хочу этого думать, не хочу давать себѣ поблажку: потомъ совсѣмъ пропадешь, измучаешься...

И въ десятый разъ онъ ворочался на своемъ горячемъ, томительномъ ложѣ.

XIII.

Пріѣхалъ Николай Матвѣевичъ Харузи.

На Щитовскаго онъ произвелъ впечатлѣніе человѣка скромнаго, порядочнаго и даже сердечнаго, но совсѣмъ подточеннаго какимъ-то тяжкимъ страданіемъ или печалью.

Парнищевы приняли его чрезвычайно дружески, какъ близкаго роднаго и видимо въ силу давно установившихся отношеній, а Николай Матвѣевичъ Харузи съ живымъ и даже тревожнымъ участіемъ узналъ объ отъѣздѣ Юрія Константиновича въ Сибирь. Онъ тщательно и подробно разспросилъ Ольгу Сергѣевну и ея отца обо всѣхъ обстоятельствахъ дѣла, взволновался слушая о подвигахъ нѣкоего сибирскаго компаніона и вмѣстѣ повѣреннаго въ дѣлахъ, кое-что даже записывалъ себѣ въ книжечку „для памяти“, какъ онъ кратко выразился, „чтобы знать, съ какого сорта людьми приходится иной разъ имѣть дѣло“. Кончилъ же онъ тѣмъ что попенялъ Ольгѣ Сергѣевнѣ, зачѣмъ она ни полусловомъ не извѣстила его о своихъ бѣдахъ и горестяхъ.

— Мало ли у тебя своего... своихъ заботъ, говорила Ольга Сергѣевна. — Притомъ же я, конечно, написала бы,

Digitized by Google

только еще не успѣла собраться. Ахъ, крестный, вдругъ брызнули у нея слезы, — бодрюсь я какъ умѣю, а тяжело мнѣ, очень тяжело.

— Голубка моя, не плачь, полно! обнялъ ее Николай Матвѣевичъ и сталъ цѣловать въ голову какъ маленькую.— Не плачь. Всякое приходится испытать и перенести въ жизни. А твое солнышко еще взойдетъ и росу на глазахъ высушитъ. Безъ иной случайной тучки не проживешь, никому не удается. Да, можетъ-быть, это и къ лучшему... чтобы человѣкъ не зазнавался и помнилъ о чемъ-то повыше и посеріознѣе его собственнаго благополучія.

Въ послѣднихъ словахъ Харузи, очень обыкновенныхъ по смыслу, послышалось столько глубокой скорби и вмѣстѣ покорности, въ его взглядѣ мелькнула Щитовскому такая глубина смиренной безнадежности что сердце молодаго писателя дрогнуло острой жалостію.

„Въ жизни этого счастливца-милiонера“, сказалъ онъ себѣ, „очевидно, существуетъ нѣкая тяжелая трагедія. Выходитъ что и въ самомъ дѣлѣ деньги не все.“

— Ольга Сергѣевна, спросилъ онъ при первомъ же удобномъ случаѣ.—Что̀ за человѣкъ Харузи? Почему онъ кажется такимъ подавленнымъ и печальнымъ? Но, можетъ-быть, мой вопросъ нескроменъ; въ такомъ случаѣ простите и не отвѣчайте.

— Нѣтъ... Почему же... Во-первыхъ, я уже привыкла васъ считать другомъ, а во-вторыхъ, въ исторіи моего крестнаго и нѣтъ никакого секрета. Еслибы вы знали что̀ съ нимъ за это время сдѣлалось, до чего онъ перемѣнился! Вѣдь это же былъ совсѣмъ молодой, жизнерадостный и благодушный человѣкъ, который просто сіялъ веселіемъ и удалью... Собственно говоря, даже ничего особеннаго не случилось; бываютъ сотни обстоятельствъ гораздо худшихъ. Все дѣло въ томъ, какъ это принялъ Николай Матвѣевичъ... Четыре года тому назадъ онъ полюбилъ и женился. О женѣ его, дочери какого-то богатаго южнаго помѣщика, уже умершаго, разказываютъ прямотаки чудеса. Умна она, говорятъ, поразительно, образована, красива... Нѣтъ, даже не очень красива (у меня есть фотографическій портретъ), но обворожительна до послѣдней степени. Однимъ словомъ, вездѣ гдѣ бы она ни появлялась, въ Петербургѣ, въ Парижѣ, въ Лондонѣ, въ Римѣ, она сразу производила чрезвычайную сенсацію. Притомъ же у нея оказался выдающійся талантъ пѣвицы. Но въ то же время она, повидимому,

Digitized by Google

чрезвычайно эксцентричная особа, хотя и не въ предосудительномъ смыслѣ. Напримѣръ, въ одинъ прекрасный день ей вздумалось выступить вмѣстѣ съ професіональными пѣвцами на сценѣ Большой Парижской Оперы и непремѣнно за плату. Она это устроила, свела съ ума всѣхъ парижскихъ знатоковъ музыки и профановъ, нашумѣла на весь міръ, но именно въ то время, когда ее причислили къ первымъ пѣвицамъ вѣка и стали возлагать на нее великія надежды, когда Сенъ-Сансъ задумалъ написать оперу спеціально для нея въ главной роли, она вдругъ закончила свою оперную карьеру двѣнадцатымъ спектаклемъ, разорвала свой контрактъ, выплативъ какую-то неустойку, причитавшуюся ей плату велѣла отослать въ какое-то благотворительное учрежденіе и объявила мужу что возвращается съ нимъ въ Одессу цѣня тихія семейныя радости въ десять разъ болѣе всякихъ свѣтскихъ и театральныхъ успѣховъ. Это было въ февралѣ 1897 г. А въ маѣ она столь же рѣшительно объяснила крестному что ошибалась въ немъ, любить его не можетъ и проситъ выдать ей отдѣльный видъ на жительство. Но Николай Матвѣевичъ былъ уже къ этому времени совершенно порабощенъ своимъ обожаніемъ жены. Онъ умолялъ ее, цѣловалъ ея ноги, плакалъ, просилъ сказать чѣмъ онъ провинился передъ нею... Однако, получилъ лишь очень характерный отвѣтъ: „ничѣмъ ты не виновенъ; никого лучше тебя не знаю; никого другаго не люблю. Но пойми что мнѣ нужна свобода; ты давишь мой духъ сотнями мелочныхъ условностей, житейской прозою, принижаешь меня своей будничностью. Я чувствую потребность расправить крылья. Я хочу летѣть выше, выше... Вообще, нашъ бракъ былъ только ошибкою, и чѣмъ скорѣе она будетъ исправлена, тѣмъ лучше для обоихъ“. — Только не для меня! взмолился крестный. „Нѣтъ, и для тебя. Что же станется хорошаго, если я тебя возненавижу? Пойми что мы не пара. Лучше разстанемся вѣрными друзьями“. Затѣмъ жена полетѣла расправлять свои крылья заграницей, а мужъ слегъ въ постель въ нервной горячкѣ. Отходили его однако...

— А она не пріѣхала къ больному?

— Нѣтъ. Она объяснила что начинать канитель сначала значитъ подвергать его вторичному риску. Лучше оборвать сразу.

— Такъ... А затѣмъ?

— Затѣмъ они изрѣдка переписывались между собою совершенно по-дружески, раза два даже видались. Она вела

Digitized by Google

себя безупречно, жила широко, но не давала никакаго повода къ сплетнямъ. Наконецъ, теперь оказывается, она вдругъ потребовала формальнаго развода, и крестный совсѣмъ убитъ этимъ. Онъ хочетъ еще разъ увидаться съ нею, умолять ее... только и самъ увѣренъ что надежды никакой нѣтъ и быть не можетъ. Она написала что полная свобода нужна ей ради какой-то „высшей цѣли", которая „дастъ ей, наконецъ, если не счастье, то удовлетвореніе". Крестный говоритъ что убѣдившись въ этомъ онъ мѣшать ей не станетъ, чего бы это лично ему ни стоило. Все равно, молъ, онъ человѣкъ уже конченный.

— Однако, эта ваша жаръ-птица порядочная таки эгоистка и, какъ видно, церемониться не привыкла.

— Мнѣ она противна. Но, можетъ-быть, потому что я такъ люблю крестнаго. За-глаза судить трудно.

— Гдѣ же теперь эта цаца обрѣтается?

— Не знаю хорошенько. Но крестный говоритъ что гдѣ-то въ нашихъ краяхъ, на дачѣ. По русской деревнѣ соскучилась.

— Покорнѣйше благодаримъ. Очень лестно!

XIV.

Личность Николая Матвѣевича Харузи и странная судьба его любви въ нѣкоторой степени растревожили любопытство Щитовскаго и отвлекли его отъ горячихъ думъ и мечтаній о собственныхъ его непонятныхъ и странныхъ отношеніяхъ къ Идѣ Алексѣевнѣ, но не надолго... Никакой Харузи, никакая исторія чужой любви не могли, разумѣется, сколько-нибудь прочно и надолго отвлечь вниманіе Бориса Александровича отъ его собственныхъ мятежныхъ волненій.

Онъ не могъ долѣе выдерживать и рѣшилъ отправиться къ Идѣ Алексѣевнѣ ранѣе обыкновеннаго, не дожидаясь вечернихъ сумерекъ. Но его ждало новое открытіе поразившее его истинно громовой неожиданностью и смутившее окончательно.

За обѣдомъ Харузи вдругъ обратился къ Сергѣю Петровичу Парнищеву съ такимъ вопросомъ:

— А не знаешь ли ты, гдѣ у васъ тутъ находится имѣніе нѣкоего Приклонскаго, Веселый Хуторъ? Должно бы ока-

Digitized by Google

заться недалеко, потому что кореспонденція идетъ на ту же станцію желѣзной дороги что̀ и къ тебѣ, на Собково.

— Конечно, знаю, и конечно, близко. Отъ насъ до Веселаго Хутора рукой подать: двухъ верстъ не будетъ. А что̀?

— Да вѣдь тамъ-то и живетъ моя жена, наняла себѣ усадьбу на лѣто.

— Жена твоя?! Ничего подобнаго не предполагалъ... Но какъ же такъ?

Щитовскій не выдержалъ.

— Тамъ живетъ только Ида Алексѣевна Сѣвецкая, у которой я даже имѣлъ честь быть раза два или три. Но она тамъ совершенно одна, да и усадьба-то вся крошечная.

— Ну, да, Ида Алексѣевна Харузи. А Сѣвецкая это ея дѣвичья фамилія.

— Дѣйствительно Сѣвецкая... Но мнѣ даже въ голову не приходило ничто подобное! удивлялся Сергѣй Петровичъ.— А то я, разумѣется, просилъ бы дозволенія представиться.

— Такъ ты, говоришь, нѣтъ и двухъ верстъ? Ладно, я пойду сейчасъ же послѣ обѣда...

Трудно описать смятеніе мыслей и чувство которое овладѣло Щитовскимъ. Одна идея, впрочемъ, заманчивая, неотразимая, всплывала поверхъ всего, упорно возвращалась опять и опять...

„Зачѣмъ Идѣ понадобился разводъ, полная свобода? Понадобился видимо неожиданно для мужа и притомъ именно здѣсь, въ деревенскомъ уединеніи, гдѣ она не видѣлась ни съ кѣмъ, кромѣ...“

Бориса Александровича бросало въ жаръ и въ холодъ при этой мысли. Онъ самъ чувствовалъ что въ ней есть что-то нелѣпое, несуразное, не вяжущееся со множествомъ другихъ признаковъ и обстоятельствъ. Но смѣлая, соблазнительная, съ ума сводящая догадка всетаки вновь и вновь всплывала передъ нимъ...

Это было, наконецъ, даже мучительно, мучительно до такой степени что Щитовскій не находилъ себѣ мѣста. и тревожное состояніе его духа отразилось на самой его ружности.

Насупившись и тяжело работая мыслью, онъ присѣлъ скамью въ самомъ глухомъ и заброшенномъ углу огромн. луготинскаго сада, какъ-то безсознательно для самого с сообразивъ что его здѣсь менѣе всего могутъ потревож

Но вдругъ его окликнулъ ласковый, участливый гол

Digitized by Google

— Борисъ Александровичъ! Что̀ съ вами? Чѣмъ вы такъ разстроены?.. Простите! Если мой вопросъ нескроменъ, я уйду.

Въ трехъ шагахъ отъ него сбоку и видимо не первое уже мгновеніе стояла Ольга Сергѣева всматривавшаяся въ него пристальнымъ, но добрымъ взглядомъ.

Непосредственнымъ побужденіемъ Щитовскаго было спрятаться, увильнуть, обмануть наблюдательность чужаго глаза. Но вдругъ его властно охватило совсѣмъ иное стремленіе.

„Она женщина, и умная, добрая женщина!“ сказалъ онъ себѣ съ рѣшимостью. „Она скорѣе всѣхъ способна понять, оцѣнить и объяснить поступки, мысли, характеръ другой женщины.“

— Присядьте, Ольга Сергѣевна, сказалъ онъ громко. — Выслушайте меня, ради Бога, и скажите мнѣ ваше мнѣніе честно, безъ утайки, какъ бы сказала сестра брату. Я же буду вамъ исповѣдоваться словно на духу. Все дѣло можетъ оказаться игрою моего взбудораженнаго воображенія, но можетъ принять для меня и огромные размѣры... Я, сознаюсь вамъ откровенно, я растерялся и трушу...

— Говорите. Повѣрьте, въ искреннемъ желаніи помочь вамъ, чѣмъ могу, съ моей стороны недостатка не будетъ.

Тогда Щитовскій передалъ Ольгѣ Сергѣевнѣ всю исторію своего знакомства съ Идой Алексѣевною въ возможной подробности и точности, воспроизводя цѣлыя бывшія между ними сцены и бесѣды, а также свои наблюденія, догадки, мысли и чувства. Не утаилъ онъ ничего и изъ сцены послѣдняго свиданія или изъ своихъ настоящихъ соображеній и догадокъ.

— А теперь что̀ вы на все это скажете? закончилъ онъ вопросомъ.

Ольга Сергѣевна нѣсколько смутилась, какъ бы затрудненная нерѣшительностью, но потомъ не выдержала и тихо разсмѣялась.

— Не сердитесь, Борисъ Александровичъ! сказала она [illegible]новато заглядывая ему въ глаза.—Но какъ же вы не видите [illegible]о со стороны этой барыни все было лишь мастерскимъ, [illegible]нко разчитаннымъ кокетствомъ, даже прямо таки ролью, [illegible]ловно въ любой комедіи. Чувства здѣсь нѣтъ и въ поминѣ, [illegible]гъ и слѣдовъ. Да и вы сами, простите, немножко увлекись воображеніемъ, головою, но сердца своего пока не влоли ни единой частицы. Я говорю пока. Что̀ могло бы [illegible]йти дальше, я не знаю; это игра очень опасная... особенно

Digitized by Google

въ рукахъ такой госпожи какъ Ида Алексѣевна. Эта, не безпокойтесь, никакому чувству не позволитъ себя затуманить и разыграетъ все какъ по нотамъ. Иной вопросъ, зачѣмъ такой умницѣ, такому дѣйствительно крупному человѣку понадобилась случайная интрижка, безцѣльное, праздное кокетство? Неужто только для заполненія скуки лѣтняго бездѣлія?

Щитовскій разомъ и безотпорно всѣмъ своимъ внутреннимъ существомъ согласился со справедливостью выводовъ Ольги Сергѣевны. Не жило ли въ немъ самомъ хотя безсознательное, но очень твердое ихъ предчувствіе? Онъ только просилъ нѣсколькихъ разъясненій и безпрекословно, почти радостно соглашался съ ними, приговаривая: „такъ, такъ, вѣрно“!

Болѣе часа просидѣли на своей скамьѣ Ольга Сергѣевна со Щитовскимъ и разобрали всю игру, всѣ уловки и тонкости г-жи Сѣвецкой-Харузи по косточкамъ. Борисъ Александровичъ съ удивленіемъ сознавалъ что вмѣсто огорченія, разочарованія или поэтически-всепрощающей нѣжности въ немъ выростала только ледяная холодность и нѣкоторое мстительное озлобленіе противъ женщины позволившей себѣ такъ безцѣльно, безцеремонно и презрительно играть имъ, словно первымъ попавшимся глупцомъ или мальчишкою. Озлобленіе это выростало въ немъ тѣмъ болѣе острое что въ глубинѣ души онъ признавался себѣ, какъ во-время судьбѣ угодно было остановить его на краю большой, непоправимой и въ высшей степени противной бѣды.

— Что же вы теперь посовѣтуете мнѣ сдѣлать? спросилъ Щитовскій у Ольги Сергѣевны въ концѣ бесѣды.

— Что? Да ничего. Откланяйтесь, то-есть, потихоньку отстаньте съ соблюденіемъ свѣтскихъ приличій и все тутъ. Если же чувствуете себя слишкомъ слабымъ, слишкомъ способнымъ опять поддаться очарованію, лучше уѣзжайте.

— Ну, нѣтъ! Портить себѣ лѣто я не намѣренъ. Да и отставать потихоньку не желаю. Я лучше именно откланяюсь, завтра же, и съ соблюденіемъ всѣхъ свѣтскихъ приличій.

XV.

Щитовскій еще разъ видѣлъ Николая Матвѣевича Харузи, но только мелькомъ. Милліонеръ вернулся изъ Веселаго Хутора довольно позднимъ вечеромъ, повидимому разстроенный

Digitized by Google

и угнетенный до нельзя. На немъ, что̀ называется, лица не было.

— Ну, что̀? торопливо и тревожно спросилъ его Сергѣй Петровичъ.

— Все кончено! отвѣтилъ онъ махнувъ рукою.

Затѣмъ оба тотчасъ же заперлись въ кабинетѣ Парнищева, а ночью уѣхали.

Отчаянный видъ Харузи отнюдь не смягчилъ въ Щитовскомъ его новаго чувства мстительнаго озлобленія противъ Иды Алексѣевны. Напротивъ, чѣмъ болѣе вдумывался онъ во всѣ подробности своего съ нею знакомства, тѣмъ болѣе взвинчивалъ себя на обличительный ладъ. Ему хотѣлось уязвить, разгромить эту „безсовѣстную и холодную какъ ледъ кокетку“, эту „самолюбивую умницу“, доказать ей что понята она и разгадана насквозь, что раскрыто самое дно ея мелкой, сухой и себялюбивой душонки. Борисъ Александровичъ въ десятый разъ съ повымъ удовольствіемъ и съ новыми варіантами воспроизводилъ въ собственномъ воображеніи предстоящую прощальную бесѣду съ Идой Алексѣевной. Онъ былъ холодно сухъ, вѣжливо, но безпощадно ироиченъ, наконецъ нравственно гадливъ и презрителенъ; Сѣвецкая же, разумѣется, оказывается растерянной, пристыженной и униженной въ своемъ открытомъ пораженіи.

Щитовскій такъ подвинтилъ себя собственными нѣсколько мечтательными воспроизведеніями своего грядущаго торжества что съ нетерпѣніемъ дожидался урочнаго часа чтобы пойти въ Веселый Хуторъ. Онъ рѣшилъ быть тамъ ровно въ полдень какъ и въ первое свое посѣщеніе, но встрѣтился съ Идой Алексѣевною еще не дойдя до усадьбы: она гуляла по лѣсу и судя по счастливому, радостному выраженію ея лица была въ отличномъ настроеніи духа.

— А, господинъ поэтъ! воскликнула она въ отвѣтъ на привѣтствіе Щитовскаго. — И вы погнались за веселыми впечатлѣніями, а пожалуй и риѳмами яркаго полудня? Доброе дѣло. Что̀ за день!

Ида Алексѣевна говорила любезно, но настороженная чуткость Щитовскаго подсказала ему что въ тонѣ и манерѣ молодой женщины на этотъ разъ появилась нѣкоторая новая оттка небрежности и легкаго отношенія къ собесѣднику. Это, азумѣется, не повліяло въ умягчительномъ смыслѣ на его увства и намѣренія.

— Я пришелъ къ вамъ проститься, Ида Алексѣевна, ска-

Digitized by Google

залъ онъ,—и поблагодарить васъ за незаслуженное вниманіе къ моей скромной особѣ.

— Вы уѣзжаете? Вотъ какъ! Что такъ неожиданно? спросила она все тѣмъ же веселымъ и небрежнымъ тономъ.

— Позволите вы мнѣ со своей стороны предложить вамъ одинъ вопросъ?

— Пожалуйста.

Но Ида Алексѣевна уже уловила въ голосѣ Щитовскаго что-то необычное, непріязненное и насторожилась.

— Скажите, не обидѣлъ ли я васъ чѣмъ-либо, не огорчилъ ли, не сдѣлалъ ли какой-либо вредъ самъ того не подозрѣвая?

— Кажется, нѣтъ.

— А въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же вамъ угодно было удостоить меня своихъ очарованій? Зачѣмъ понадобилось вывернуть мою душу, разбить и уничтожить жизнь совершенно посторонняго вамъ лица? Я не говорю чтобы это удалось, вовсе нѣтъ, а зачѣмъ понадобилось?

— Говорите попроще, но пояснѣе.

— Извольте. Зачѣмъ не питая ко мнѣ ни тѣни какого-либо чувства, хотя бы самого преходящаго, вамъ угодно было потратить на меня столько тонкаго кокетства, столько лукавыхъ и жестокихъ завлеканій?

— Гм... А скажите, кто вамъ это выяснилъ? Сестра или просто умная женщина-другъ? Вѣдь сами-то вы никакъ бы не догадались, разумѣется.

Хлесткій ударъ попалъ въ самую цѣль. Борисъ Александровичъ покраснѣлъ густо и горячо.

— Кто бы ни объяснилъ, очень пріятно что вы это признаете. Такъ легче договориться...

— А съ какой же стати вы предполагали что я дамъ себѣ трудъ скрываться или оправдываться передъ вами? заявила она высокомѣрно пожимая плечами.—Вовсе не желаю.

— Видите ли, такъ какъ благовоспитанные и добропорядочные люди обыкновенно извиняются даже за каждый случайный, непреднамѣренный толчекъ, то я смиренно предполагалъ что человѣкъ ни съ того ни съ сего покушавшійся чу
ли не растоптать меня вовсе по крайней мѣрѣ удостоитъ с
общить свои мотивы.

— Ну-съ, а какіе у васъ были мотивы сорвать былин
которую вы теперь такъ хладнокровно вертите и мнете
рукахъ безъ малѣйшихъ соображеній о ея благополучіи
неблагополучіи?

Digitized by Google

— Это что же за вопросъ?

— Совершенно тожественнаго характера. Былинку рвутъ отъ бездѣлья, случайно, даже совсѣмъ не думая о ней. Но вы, конечно, считаете свою особу чѣмъ-то несравнимо болѣе высокимъ и нужнымъ въ экономіи природы чѣмъ какая-нибудь былинка? Вы вѣдь извѣстный писатель, умница... Безъ васъ, пожалуй, солнечный свѣтъ померкнетъ и звѣзды собьются съ пути въ своихъ орбитахъ, не правда ли?

Щитовскій нѣсколько растерялся и прежде чѣмъ онъ надумалъ что ему возразить, Ида Алексѣевна послѣ мгновенной паузы произнесла слѣдующее:

— А затѣмъ позвольте вамъ замѣтить, господинъ литераторъ, что въ благовоспитанномъ обществѣ и между порядочными людьми не принято устраивать сцены и объясненія, особливо со стороны мущины и въ отношеніи къ дамѣ ничѣмъ не погрѣшившей противъ общепризнанныхъ правилъ вѣжливости и любезности, а скорѣе какъ-разъ наоборотъ. Очень рада, если это указаніе пригодится вамъ для вашихъ будущихъ повѣстей и романовъ. Но сама я больше не рискую подвергать себя опытамъ вашей рыцарски-неустрашимой... откровенности. Je vous souhaite bien le bonjour, mon petit monsieur.

И Сѣвецкая едва замѣтно кивнувъ головою ушла неторопливо и спокойно поблескивая на солнцѣ своимъ изящнымъ бѣлымъ зонтикомъ съ кружевною оборкой.

Нельзя сказать чтобы вышло все именно такъ какъ заранѣе рисовалъ это себѣ въ воображеніи Борисъ Александровичъ, и онъ вернулся въ Луготино достаточно смущенный, вовсе не чувствуя склонности похвастаться кому-нибудь своей побѣдой надъ Идой Алексѣевною Сѣвецкой-Харузи.

Поэтому онъ не безъ тайной досады встрѣтился съ Ольгой Сергѣевною которая довольно стремительно окликнула его еще издали. Но къ великому его облегченію оказалось что Корчавина спѣшила не выспрашивать его, а напротивъ, сама подѣлиться съ нимъ интересной и неожиданной новостію.

— Папа вернулся, сказала она.—И знаете, зачѣмъ ma-тте Харузи понадобился разводъ? Оказывается что она выдитъ замужъ, разумѣется, морганатически, за наслѣднаго ринца ***, не болѣе не менѣе, и получаетъ титутъ графини льтенбахъ фонъ-Рауфельзенъ. Она и въ деревню нарочно ѣхала чтобы выждать что выйдетъ изъ ея отсутствія при *** ворѣ; сдѣлала видъ что въ угоду придворнымъ сферамъ и и собственной pruderie окончательно порываетъ съ прин-

Digitized by Google

цемъ. Но тотъ до такой степени сталъ безумствовать что вынудилъ своего отца пойти на всевозможныя уступки. И теперь госпожу Харузи *умоляютъ* преложить гнѣвъ на милость. Каково?! Въ самомъ дѣлѣ это какая-то колдунья-очарователь-ница.

XVI.

Борисъ Александровичъ пробылъ въ Луготинѣ еще болѣе мѣсяца и дождался тамъ радостнаго дня, когда получено было извѣстіе о выѣздѣ Юрія Константиновича Корчавина на родину за неожиданно благополучнымъ и скорымъ окончаніемъ всѣхъ дѣлъ и разчетовъ. Оказалось что Харузи имѣвшій крупное значеніе и въ Забайкальѣ употребилъ всѣ зависящія отъ него средства въ пользу мужа своей крестницы, произвелъ гдѣ нужно самое рѣшительное давленіе и поэтому всякія трудности и путаницы разрѣшились передъ молодымъ и неопытнымъ Корчавинымъ словно по волшебству. Послѣдній такъ и не узналъ никогда во что̀ именно обошлась Харузи его великодушная помощь: стоила ли она ему лишь хлопотъ и переписки, или потребовала болѣе существенныхъ и значительныхъ жертвъ деньгами. Юрій Константиновичъ очень подозрѣвалъ именно послѣднее, но не получилъ никакихъ сколько-нибудь опредѣленныхъ на этотъ счетъ свидѣтельствъ, ибо даже о самомъ вмѣшательствѣ Харузи въ его дѣла извѣстился онъ только случайно, благодаря пьяной болтовнѣ одного изъ второстепенныхъ агентовъ Сибирскаго Торговаго Банка. Да и то агентъ протрезвившись очень струсилъ и умолялъ Корчавина не выдавать его. Самъ же Харузи въ отвѣтъ на всѣ горячія изъявленія благодарности написалъ Ольгѣ Сергѣевнѣ очень теплое и сердечное письмо въ которомъ, однако, отрицалъ какое-либо участіе свое въ данномъ дѣлѣ, кромѣ „случайнаго добраго слова“ или „пары писемъ ко вліятельнымъ людямъ“.

„Вообще, моя дорогая Оля“, говорилъ Харузи въ концѣ своего письма, „брось ты всѣ гаданія. Прошлое умерло, счеты завершены, къ чему раскапывать всю эту грязь сызнова? Я знаю что ты умна и, конечно, понимаешь цѣну денегъ. Но въ тебѣ есть и кое-что побольше ума, чѣмъ ты сознаешь что существуютъ вещи еще несравнимо болѣе цѣнныя. Цѣлую твои милые, добрые, честные глазки и молю Бога чтобы они правдой и любовію освѣтили весь жизненный путь

Digitized by Google

твой и твоей семьи. Обо мнѣ не тревожься. Непріятная и тяжелая процедура легальнаго развода, наконецъ, повела къ желательной развязкѣ. Ида свободна и черезъ три недѣли состоится ея свадьба съ принцемъ ***; день уже назначенъ. Такъ для всѣхъ лучше... Можетъ-быть, даже и для меня".

Ида Алексѣевна послѣ объясненія со Щитовскимъ пробыла въ Веселомъ Хуторѣ еще недѣли двѣ, но онъ встрѣтилъ ее только разъ случайно на станціи желѣзной дороги, гдѣ она дожидалась поѣзда вмѣстѣ съ какимъ-то очень элегантнымъ господиномъ не русской внѣшности.

Борисъ Александровичъ поклонился ей издали; она отвѣтила холодно, но вѣжливо. На этотъ разъ она показалась ему не только не красавицей, но даже не симпатичной, и онъ съ недоумѣніемъ спрашивалъ себя, какъ можно увлекаться подобной женщиной до горячечнаго безумія? Что въ ней?..

Въ родной ему Петербургъ прибылъ онъ загорѣвшимъ, поплотнѣвшимъ и жизнерадостнымъ. Пребываніе въ деревнѣ видимо пошло ему въ прокъ. Но литературные друзья и товарищи съ удивленіемъ замѣтили что онъ усвоилъ себѣ нѣкоторыя весьма отсталыя и непреклонныя убѣжденія по такъ называемому женскому вопросу. Ко всѣмъ проповѣдямъ о женскихъ правахъ на общественную дѣятельность, высшее образованіе и т. п. относился онъ крайне холодно, если не прямо враждебно. Когда же товарищи начали при одномъ изъ подобныхъ случаевъ горячо стыдить его, укорять въ дикости, татарщинѣ и пр. и пр., онъ очень категорически заявилъ что не можетъ и не желаетъ сочувствовать ничему что „омущиниваетъ" женщинъ, хотя бы то были и высшія учебныя заведенія.

— Односторонняя культура ума, сказалъ онъ,—и безъ того поставлена у насъ весьма высоко. Нѣтъ никакой надобности форсировать ее еще далѣе пріобщеніемъ къ ней цѣлой половины рода человѣческаго. Я вовсе не противникъ ни женскаго развитія, ни женскихъ университетовъ. Напротивъ, пошли имъ Богъ всякаго процвѣтанія, но подъ непремѣннымъ условіемъ чтобы они были именно женскими, вполнѣ своеобразными, а не сколкомъ съ мужскихъ. Если необходимо культивировать умъ, трезвую, холодную и разчетливую научную мысль, то нужно помнить и о мысли нравственной, идеальной, тоже присущей человѣку, о совѣсти и стремленіяхъ къ высшей правдѣ заложенныхъ въ него самою природой. Истинное одичаніе общества наступитъ именно тогда, когда

Digitized by Google

всѣ вопросы чувства, вѣры и совѣсти будутъ прикидываться на узенькихъ вѣсахъ утилитаризма, примѣриваться къ аршинамъ и вершкамъ сухаго научнаго разчета. Міры Божіи могутъ отражаться „въ малой каплѣ водъ“, но не вмѣститься въ ней. Высшая истина непремѣнно отражается въ человѣческомъ чувствѣ, но, конечно, неспособна умѣститься въ крошечномъ разумѣ. Для сколько-нибудь успѣшной культуры высшихъ благъ человѣчества, то-есть, чувства и совѣсти, до сихъ поръ требовалось крайнее напряженіе всѣхъ силъ и способностей его природы, мужскихъ и женскихъ. Теперь же, во имя успѣховъ ума, то-есть, сравнительно наименьшаго изъ своихъ дарованій, человѣчество добровольно стремится сдѣлаться однобокимъ. Пусть этому сочувствуетъ кто угодно, а я не хочу! заключилъ Борисъ Александровичъ.

— Софизмы, софизмы! Парадоксы! закричали вокругъ него.

— Нѣтъ, въ этомъ есть что-то похожее на правду, есть серіозная мысль, возражали другіе.

Закипѣлъ горячій и долгій споръ. Но Щитовскій не сказалъ больше ни слова, а при первомъ же удобномъ случаѣ незамѣтно скрылся.

XVII.

Въ декабрѣ Борисъ Александровичъ прочелъ въ газетѣ слѣдующее извѣстіе:

„Мы узнали изъ безусловно достовѣрнаго источника что все колосальное состояніе недавно скончавшагося финансиста Н. М. Харузи по завѣщанію переходитъ въ руки извѣстной графини Альтенбахъ фонъ-Рауфельзенъ, морганатической супруги принца *** (а ранѣе г-жи Харузи). Высокопоставленная наслѣдница уже заявила о своемъ намѣреніи пожертвовать пятьсотъ тысячъ рублей на устроеніе въ Одессѣ высшихъ женскихъ курсовъ имени покойнаго Н. М. Харузи“.

Прочитавъ это извѣстіе Щитовскій нѣсколько мгновеній просидѣлъ въ глубокомъ раздумьѣ, затѣмъ вздрогнулъ и вольно прошепталъ:

„Съ нами крестная сила!“

Ѳ. Ромеръ.

Digitized by Google

СЪ ОТЛИЧІЕМЪ.

Разказъ **Маріи Эбнеръ-Эшенбахъ.**

(съ нѣмецкаго).

Мать и сынъ сидѣли другъ противъ друга за рабочимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ обѣденнымъ столомъ, половина котораго уже была накрыта къ ужину. Керосиновая лампа подъ зеленымъ абажуромъ ярко освѣщала сложенные кучкою передъ мальчикомъ учебники необыкновенно чистенькіе, несмотря на слишкомъ полугодовое употребленіе. Былъ конецъ марта и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Георгъ Пфаннеръ долженъ былъ перейти изъ третьяго класса съ отличіемъ, какъ онъ переходилъ изо всѣхъ болѣе раннихъ классовъ приготовительной школы и гимназіи. Онъ *долженъ* былъ! Отъ этого зависѣло семейное благополучіе, покой, по крайней мѣрѣ относительный, его матери, сонъ ея ночей... Когда отцу казалось что прилежаніе его „малаго“ остываетъ, онъ привлекалъ мать къ отвѣтственности. Это дѣйствовало на мальчика гораздо сильнѣе чѣмъ строжайшій выговоръ и наказаніе. Онъ питалъ къ матери пламенную любовь и былъ единственною утѣхою въ безрадостной жизни преждевременно состарѣвшейся женщины. Они оба держались другъ за друга, понимали одинъ другаго безъ словъ и сами себѣ въ томъ не признаваясь заключили между собою оборонительный союзъ противъ третьяго, котораго они про себя всегда считали неправымъ, даже когда онъ бывалъ правъ, потому что въ глубинѣ души они всегда возмущались противъ него. Фрау Агнеса удивилась бы и вѣроятно огорчилась бы, еслибы ей сказали что ея чувства къ мужу уже давно состоятъ только изъ смѣси страха и состраданія. Георгъ скорѣе вызвалъ бы всю школу на смертный бой чѣмъ

Digitized by Google

стерпѣлъ бы непочтительное слово объ отцѣ. Но и матери, и сыну было при немъ не по себѣ. Его присутствіе подавляло, гасило всякое ясное настроеніе при первомъ проблескѣ. А между тѣмъ попеченіе о благѣ ребенка въ настоящемъ и будущемъ составляло единственную цѣль жизни этого человѣка.

Фрау Агнеса опустила работу на колѣна и взглянула на шварцвальдскіе часы которые покачивали жестянымъ маятникомъ на стѣнѣ возлѣ платянаго шкафа. Уже такъ поздно, а мужа все еще нѣтъ изъ конторы. На него наваливаютъ тамъ такую кучу дѣла, а онъ исполняетъ его безъ возраженій и еще беретъ работу на домъ чтобы начальство осталось довольно и вспомнило о немъ при ближайшихъ назначеніяхъ.

Да, мужъ затягивается работою, и легко понять отчего онъ возвращается домой переутомленный и не въ духѣ. И мальчикъ, милый, любимый мальчикъ тоже надрывается. Особенно сегодня. Щеки его разгорѣлись темнымъ румянцемъ, даже кожа на головѣ покраснѣла и лобъ сморщился. Онъ сидѣлъ безъ куртки, опершись локтями на столъ, прижималъ подбородокъ къ стиснутымъ рукамъ и безпомощно смотрѣлъ къ себѣ въ тетрадь. Онъ уже три раза передѣлалъ ариѳметическую задачу каждый разъ получая новый отвѣтъ. Ни одинъ изъ нихъ, онъ отлично видѣлъ, не могъ быть вѣрнымъ.

Мать не рѣшаясь заговорить съ нимъ чтобы не помѣшать ему бросала на него лишь украдкою время отъ времени тревожный взглядъ и снова углублялась въ работу прилежно штопая истертую подкладку куртки которую онъ скинулъ съ себя.

Въ сосѣдней комнатѣ послышался шумъ. Въ замкѣ кухонной двери повернулся ключъ.

— Отецъ идетъ, сказала фрау Агнеса. — Ты кончилъ, Жоржи?

— Задачу далеко еще нѣтъ. Ротъ его искривился и изъ-подъ свѣтлыхъ рѣсницъ вдругъ выступили слезы.

— Ради Бога, Жоржи, не плачь, вѣдь ты знаешь... отецъ...

Тутъ онъ вошелъ, она встала ему навстрѣчу, и онъ отвѣтилъ на ея робкое привѣтствіе необыкновенно дружелюбн

— Ну, здравствуйте.

* * *

Конторщикъ Пфаннеръ былъ немного меньше своей же и необыкновенно сухъ. Платье болталось на его тѣлѣ. Г

Digitized by Google

густые волосы съ просѣдью торчали на темени щеткою, еще сохранившія черный цвѣтъ брови лежали двумя широкими, почти прямыми полосами надъ темными очень умными глазами. Ротъ былъ осѣненъ пышными, тоже еще черными усами, которые Пфаннеръ очень холилъ и которые придавали чиновнику австрійской казенной желѣзной дороги видъ военнаго.

Пфаннеръ несмотря на то что принесъ большую кипу бумагъ оказался въ довольно сносномъ настроеніи. Онъ далъ женѣ снять съ себя пальто и сказалъ ей мягко и спокойно:

— Принеси кушанье и погаси лампу въ кухнѣ. Она горитъ неизвѣстно для чего. А ты учись! приказалъ онъ сыну который обернулся къ нему и смотрѣлъ на него боязливо и нерѣшительно.

— Такъ трудно, пробормоталъ Георгъ.

Отецъ стоялъ теперь за его стуломъ:

— Трудно, лѣнивый мальчишка? Лѣнь преодолѣть вотъ что тебѣ трудно, а больше ничего. Ребенку со способностями ничего не трудно. Ты лѣнишься.

— У меня все готово, заговорилъ Георгъ глухо всхлипывая и глотая слезы, которыя опять выступили было на глаза,—кромѣ задачи... Тутъ голосъ у него сорвался, фраза кончилась визгливымъ, жалобнымъ звукомъ и въ то же время голова мальчика наклонилась ниже. За его признаніемъ должна была послѣдовать кара, онъ съ тупой покорностію ожидалъ неизбѣжнаго, хорошо знакомаго удара маленькой, жесткой руки, которая падала точно молотомъ покрывая ухо и щеку Георга на многіе дни зелеными и синими полосами.

Но сегодня отецъ не сердился. Немного спустя рука его протянулась черезъ плечо мальчика, указательный палецъ направился на одно мѣсто въ вычисленіяхъ, старательно выписанныя цифры которыхъ покрывали страницу тетради.

— Вотъ гдѣ ошибка. Видишь?

Возможно ли было что Георгъ все еще ея не видѣлъ? Что онъ не могъ сообразить даже тогда когда отецъ началъ объяснять? Онъ дѣлалъ это совсѣмъ, совсѣмъ не такъ какъ учитель. Мальчикъ никакъ не могъ взять должнымъ образомъ въ толкъ, несмотря на всѣ напряженія и усилія. Къ тому же страхъ: вотъ-вотъ у отца лопнетъ терпѣніе и онъ ударитъ. Подъ конецъ мальчикъ думалъ только объ ударѣ и желалъ чтобы наказаніе свершилось и не нужно уже было его бояться.

— Будь внимательнѣе, ты невнимателенъ! воскликнулъ Пфаннеръ и направился къ своему мѣсту на верхнемъ концѣ

Digitized by Google

стола, гдѣ было для него накрыто. Мать подала ужинъ: картофель въ мундирѣ, хорошій кусокъ масла, каравай хлѣба, блюдо холоднаго мяса. Послѣднее она нерѣшительно поставила передъ мужемъ и порицаніе не заставило себя ждать.

— Мясо вечеромъ что̀ это значитъ? Пожалуйста безъ нововведеній.

Она стала извиняться. Она солгала. Сосѣдка получила изъ деревни такую отличную говядину и уступила ей за дешевую цѣну эту купленную раньше. „И на завтра осталась“, прибавила она чтобы избѣжать вторичнаго выговора который былъ бы гораздо строже. Впрочемъ, она снесла бы и строжайшій. Начиналась борьба въ которой обыкновенно слабая волею женщина не должна была уступать ни за что̀ на свѣтѣ.

Ужинъ давно кончился, мать давно ушла на покой, а отецъ съ сыномъ все еще сидѣли за работой. Пфаннеръ занимался составленіемъ статистической таблицы, Георгъ не могъ справиться съ задачей. Ни тотъ, ни другой не относился къ занятіямъ съ полнымъ вниманіемъ. Обоимъ имъ сегодня повезло, и воспоминаніе объ этомъ ежеминутно разсѣивало и отвлекало мысли ихъ въ сторону.

Пфаннеръ встрѣтился съ помощникомъ директора который вступилъ съ нимъ въ разговоръ и увѣрялъ его въ расположеніи директора и своемъ собственномъ. По его словамъ, директоръ ждетъ только перваго случая чтобы соотвѣтственнымъ образомъ вознаградить неутомимое прилежаніе и усердіе конторщика къ службѣ.

— Для чрезвычайныхъ заслугъ бываютъ чрезвычайныя отличія. Положитесь на это. Съ такими словами высокій начальникъ покинулъ его, а Пфаннеръ побрелъ дальше, отдавшись головокружительному чувству счастія. На что̀ смѣлъ онъ надѣяться? На повышеніе не въ очередь? На крупную награду? Это было бы ему, пожалуй, всего пріятнѣе. Сберегательная книжка Георга получила бы черезъ то неожиданное приращеніе. Въ послѣдній день каждаго мѣсяца онъ вынималъ ее изъ ящика и вкладывалъ немногіе, съ трудомъ урѣзанные отъ жалованія гульдены чтобы только не потерять понапрасну ни одного гелера процентовъ.

Чиновникъ въ сберегательной кассѣ часто смѣялся надъ нимъ: — Что же вы сегодня принесли, господинъ конторщикъ, полгульдена или цѣлый?

Гордость Пфаннера страдала отъ насмѣшекъ. Теперь онъ представлялъ себѣ, каково у него будетъ на душѣ когда онъ

Digitized by Google

подастъ билетъ въ сто гульденовъ или, чего добраго, въ двѣсти и безпечно скажетъ:

— Пожалуйста, внесите это сегодня на книжку моего малаго!

И вотъ его Георгъ будетъ владѣльцемъ капитала, хотя бы и маленькаго: его любовь къ сыну усиливалась при этой мысли.

Будущій капиталистъ держалъ перо въ рукѣ и думалъ, но не о задачѣ. Мысли уносили его далеко отъ голыхъ стѣнъ скудно обставленной комнаты, въ поле, гдѣ теперь уже начинала шевелиться новая жизнь и сулила свой приходъ весна которая опять будетъ не для него. За весною наступитъ лѣто, школу закроютъ, товарищи уѣдутъ на каникулы, одни въ окрестности Вѣны, другіе счастливцы совсѣмъ въ деревню, въ настоящую деревню, или даже въ горы, въ лѣса, къ сіяющимъ озерамъ и рѣкамъ, къ шумнымъ водопадамъ... Только *онъ* никогда не выходитъ изъ безотрадныхъ улицъ предмѣстья, никогда не избавляется отъ утомительной, скучной, ненавистной мостовой, на которой рвутся башмаки и натираются ноги. А къ тому же отецъ вѣчно твердитъ:

— Учись! Ты кончилъ занятія? Дѣти существуютъ для ученія.

Но мальчику твердилъ внутренній голосъ: нѣ *только* для ученія! Нѣсколько разъ онъ уже собирался съ духомъ и говорилъ:—У другихъ теперь каникулы и они не учатся.

Тутъ отецъ начиналъ сердиться. „Развѣ это ученики имѣющіе отличіе? А если и есть два-три, то они не легкомысленны и не разсѣянны какъ ты, лѣнивый мальчишка. Можетъ-быть у нихъ даже такихъ способностей нѣтъ какъ у тебя, но зато есть прилежаніе, желѣзное прилежаніе. Каникулы... что̀ такое каникулы? Работящему человѣку они не нужны, онъ ихъ не желаетъ. Развѣ у меня бываютъ каникулы?“ Пфаннеръ гордился тѣмъ что ни раза еще не бралъ отпуска.

А между тѣмъ несмотря на всю отцовскую строгость, служившую поистинѣ гасильникомъ для всякаго яснаго веселаго настроенія, было нѣсколько лѣтъ, въ теченіе которыхъ Георгъ наслаждался весенними радостями. И сегодня былъ блаженный день, въ который наконецъ исполнилось его давнишнее горячее желаніе. У него въ карманѣ лежало средство снова разбудить весеннюю радость.

* * *

Digitized by Google

Этажемъ ниже семейства Пфаннеръ, то-есть, въ третьемъ этажѣ противоположнаго дома жилъ сапожникъ у котораго былъ соловей. Когда наступала весна, онъ вывѣшивалъ клѣтку на стѣну возлѣ подоконника. Клѣтка была мала и тѣсна, спицы были толсты, и обитатель ея имѣлъ мало простора и мало свѣта. Но все же онъ дивно пѣлъ въ своемъ грустномъ заточеніи. Сладкія пѣсни звучали не только жалобно и тоскливо, но и звонко и торжественно, какъ бы восторгаясь собственною красотой, упоенныя сознаніемъ собственной неотразимой силы. Звуки вылетавшіе изъ маленькой грудки наполняли переулокъ благозвучіемъ.

Георгъ проводилъ каждое свободное мгновеніе у окна, перевѣшивался наружу и посылалъ соловью сердечный привѣтъ. Легко было замѣтить что сапожникъ не особенно заботился о чудномъ цѣвцѣ. Еслибы онъ былъ собственностію Георга, какъ бы онъ его берегъ и холилъ! Соловей былъ его счастіемъ, его благодѣтелемъ; своими чарами онъ привлекалъ весну въ унылую комнату, и красоту, и поэзію въ его безцвѣтную жизнь. Онъ слушалъ, и сказочно-прелестныя картины выростали передъ нимъ: пейзажи въ яркой зелени новой, молодой жизни, засыпанные цвѣтами, залитые свѣтомъ; все, о чемъ онъ читалъ и слыхалъ, что онъ жаждалъ увидать, что должно было остаться для него вѣчно недостижимымъ.

Такъ продолжалось до Иванова дня, потомъ соловей переставалъ пѣть и сапожникъ убиралъ клѣтку опять въ комнату. Предыдущею весною Георгъ напрасно ожидалъ появленія клѣтки. Можетъ-быть, сапожникъ подарилъ соловья, или же онъ умеръ, и вмѣстѣ съ нимъ умерли всѣ прекрасныя грезы которыя онъ будилъ пѣніемъ, и тихая, сокровенная радость съ которою мальчикъ предавался имъ.

И вотъ нѣсколько недѣль тому назадъ, въ пасмурное, морозное февральское утро, когда Георгъ подходилъ къ школѣ, его встрѣтили звуки соловьиной пѣсни, о которыхъ онъ вспоминалъ съ такою болью. Онъ вскрикнулъ отъ радости, посмотрѣлъ кругомъ, взглянулъ на сосѣдніе дома и нигдѣ не нашелъ птичьей клѣтки, нигдѣ не было раскрытаго окна, откуда могло бы раздаваться пѣніе. Звуки долетали до него то сильнѣе, то слабѣе. Они перемѣщались, приближались, удалялись, и вдругъ Георгъ громко засмѣялся. Такъ дивно пѣвшій соловей прохаживался передъ нимъ, останавливался, разсыпался трелью призывныхъ звуковъ, прошелъ подальше, повернулъ назадъ и теперь подходилъ къ нему. Соловья звали Со-

Digitized by Google

ломонъ Леви, ему было пятнадцать лѣтъ; на немъ были стоптанные башмаки, черный кафтанъ и жесткая, широкополая шляпа. Вдоль ввалившихся щекъ болталась пара блестящихъ, черныхъ какъ смоль пейсовъ.

— Э, Соломонъ! воскликнулъ Георгъ,—что съ тобою случилось? Ты превратился въ соловья?

Его собесѣдникъ носилъ на засаленномъ ремнѣ лотокъ вдвое шире себя и съ ранняго утра до вечера неутомимо ковылялъ взадъ и впередъ по набережной передъ переулкомъ гдѣ стояла школа. Его товары пользовались среди учениковъ репутаціей чрезвычайной прочности и состояли изъ бумажниковъ, кошельковъ, зеркалъ, ножей, часовыхъ цѣпочекъ и тому подобныхъ предметовъ. Юный разнощикъ торговалъ также всевозможными игрушками которыя сильно привлекали Георга. У него никогда не было игрушекъ даже въ раннемъ дѣтствѣ.

— Покупать игрушки, швырять деньги, вздоръ! говорилъ Пфаннеръ.—Ребенку который одаренъ воображеніемъ, такому, какъ мой, игрушекъ не нужно. Полѣно или деревянная лошадь одинаково для него служатъ живою лошадью. Кукла въ шелковомъ платьѣ, или сапожная колодка завернутая въ газетную бумагу, для него и то и другое являются живымъ ребенкомъ.

Каждая вещь выложенная на лоткѣ Соломона имѣла для Георга прелесть запретнаго плода. У него всегда щемило сердце, когда онъ проходилъ мимо, и при всякой возможности вступалъ въ разговоръ съ Леви чтобы на досугѣ разсмотрѣть и даже потрогать всѣ драгоцѣнности которыя онъ предлагалъ.

— Ахъ, Соломонъ, сказалъ онъ ему однажды,—какой ты счастливый! Можешь себѣ расхаживать, въ школу тебѣ больше ходить не нужно; у тебя столько чудесныхъ вещей и ты можешь разсматривать ихъ по цѣлымъ днямъ. Какъ тебѣ должно быть весело!

Они ежедневно вели разговоръ, хотя короткій, такъ какъ Георгъ зналъ что отецъ ждетъ его домой почти съ минутною точностію, съ часами въ рукахъ, и что если онъ запоздаетъ на нѣсколько минутъ, матери достанется.

Какъ ни были мимолетны встрѣчи обоихъ мальчиковъ, онѣ всетаки постепенно установили между ними крѣпкую связь. Каждый изъ нихъ зналъ страданіе, каждый жалѣлъ другаго и завидовалъ ему въ то же время. Они охотно помѣнялись бы жизненной долею, часто говорили объ этомъ и были уже хо-

Digitized by Google

рошо знакомы раньше того февральскаго утра, въ которое ученикъ имѣвшій отличіе крикнулъ разнощику:

— Ты превратился въ соловья?

Восторгъ объялъ его, когда Соломонъ показалъ ему маленькій инструментъ, не больше орѣха, въ которомъ спали всѣ флейто-подобные соловьиные звуки. Для этого стоило только взять его между губами и ловко двигать языкомъ. Георгу хотѣлось броситься на колѣна и умолять Соломона: „Будь добръ, будь великодушенъ, подари мнѣ соловья!“ Но передъ нимъ выросъ образъ отца, онъ услыхалъ слова его: „ты сынъ чиновника, ты не смѣешь принимать подарковъ, ни кусочка карандаша, ни одного пера ни отъ какого товарища, рѣшительно ни отъ кого“.

Поэтому онъ пролепеталъ затаивъ дыханіе:

— Что стоитъ твой соловей?

Соловей стоилъ двадцать гелеровъ; Соломонъ уже продалъ сегодня дюжины двѣ и надѣялся продать еще столько же, а въ скоромъ времени и весь свой запасъ, потому что соловьи расходились нарасхватъ.

Георгъ призадумался.

— Черезъ пять дней ихъ у тебя больше не будетъ?.. Отложи одного для меня, прошу тебя. Если я буду откладывать деньги которыя мнѣ даютъ на завтракъ, то черезъ пять дней у меня наберется двадцать гелеровъ и я заплачу тебѣ за соловья.

Соломонъ отнесся къ этому съ большимъ недовѣріемъ. Георгъ уже неоднократно пробовалъ копить деньги данныя на завтракъ чтобы сдѣлать у него покупку, но никогда не набиралъ свыше восьми, самое большее десяти гелеровъ. Потомъ вдругъ наступалъ день въ который онъ чувствовалъ себя черезчуръ голоднымъ и тратилъ всѣ свои деньги сразу на какой-нибудь особенно соблазнительный крендель. У булочника на углу можно было купить превосходные! Случалось и такъ что онъ дарилъ болѣе бѣднымъ свое маленькое достояніе заключавшееся въ мѣдныхъ монетахъ. Соломонъ имѣлъ вѣскія причины сомнѣваться въ томъ чтобы „молодой баринъ“ что-нибудь отложилъ. Но онъ всетаки исполнилъ его желаніе. Одинъ соловей лучшій остался непроданнымъ. При умѣломъ обращеніи можно было извлекать изъ него особенно богатые звуки.

Сегодня Георгъ пріобрѣлъ его; онъ побѣдоносно предсталъ передъ Соломономъ, отсчиталъ ему въ ладонь десять монетъ по два гелера и вступилъ въ обладаніе соловьемъ.

Digitized by Google

Затѣмъ послѣдовало обученіе. Маленькій инструментъ переходилъ изо рта въ ротъ и Георгъ тотчасъ же съ удивительною быстротою перенялъ у разнощика его искусство.

— Какія способности къ музыкѣ! Я долженъ былъ три дня учиться прежде чѣмъ сталъ играть. А вы сейчасъ уже можете играть лучше меня.

Георгъ блаженно отвѣтилъ что вѣдь это такъ легко. Ахъ, еслибы все было также легко, еслибы онъ также справлялся съ математикой, и исторіей, и греческимъ!

* * *

Было безъ малаго одиннадцать часовъ. По приказанію Пфаннера, фрау Агнеса легла въ постель, но не спала; изъ темноты алькова она слѣдила за мужемъ который разлиновывалъ и разграфлялъ съ неослабнымъ рвеніемъ, и за мальчикомъ который гнулся надъ тетрадью усталый и блѣдный, или поднималъ сонные глаза вверхъ, къ сѣрому пятну постепенно образовавшемуся на потолкѣ отъ ламповой копоти. Онъ все еще не могъ отвѣтить „да“ на сердитый отцовскій вопросъ: „кончилъ?“ Онъ не тѣмъ былъ занятъ. Онъ засунулъ одну руку въ карманъ, обхватилъ пальцами соловья и время отъ времени любовно и нѣжно пожималъ его, какъ-будто онъ былъ чѣмъ-то живымъ и могъ чувствовать.

Дорога домой всегда казавшаяся ему безконечной сегодня была слишкомъ коротка. Онъ почти все время игралъ на своемъ соловьѣ; дѣти и даже взрослые останавливались, слушали и радовались веселой музыкѣ. Онъ былъ бы счастливъ, еслибы могъ выказать передъ матерью свое только-что пріобрѣтенное умѣніе. Но этого нельзя было сдѣлать, мать сейчасъ же сказала бы: ты долженъ показать эту штуку отцу, ты знаешь что онъ не любитъ игрушекъ. И еслибы Георгъ ей отвѣтилъ: это не игрушка, это инструментъ, она всетаки осталась бы при своемъ: потихоньку отъ отца нельзя ничего дѣлать и ничего нельзя имѣть. Этого правила она всегда при-
рживалась... до нынѣшняго дня.

А Георгъ не могъ позабыть что нѣсколько лѣтъ тому на-
ъ младшій сынъ сосѣдки, Карлъ Вальхеръ, далъ ему свою
ейту; онъ даже охотно подарилъ бы ее ему, еслибы не
ртанскій запретъ Пфаннера. Все что Георгу случалось
шать, начиная съ дѣтскихъ пѣсенъ которыя ему напѣвала
ъ и кончая торжественнымъ церковнымъ пѣніемъ, онъ

Digitized by Google

запоминалъ и совершенно правильно воспроизводилъ мелодію на крайне незамысловатомъ инструментѣ. Фрау Вальхеръ съ сыновьями восхищалась имъ и даже отецъ иногда одобрительно замѣчалъ: недурно! Но вскорѣ удовольствіе было ему отравлено.

— Брось глупости, учись! раздалось скоро.

Въ малѣйшемъ упущеніи, въ каждой разсѣянности мальчика оказывалась виновною флейта. Скоро, ужасно скоро отецъ возвратилъ ее владѣльцу. Точно также онъ навѣрно не потерпитъ милаго, чуднаго соловья, и поэтому соловей долженъ оставаться спрятаннымъ.

Когда Георгъ получилъ, наконецъ, разрѣшеніе ложиться спать, соловью было отведено мѣсто у него подъ подушкою. Послѣ полуночи онъ проснулся и поднесъ его къ губамъ, конечно, только затѣмъ чтобы поцѣловать его; не могло же ему придти въ голову играть на немъ... А впрочемъ, родители спали. Между ними и имъ, на выступѣ алькова, громко тикали проворные шварцвальдскіе часы, заглушая всякій слабый звукъ. А всетаки лучше не надо... но пока онъ подумалъ „лучше не надо“, кончикъ его языка уже прикоснулся къ холодной металической пластинкѣ. Помимо его воли, почти безъ его содѣйствія соловей запѣлъ. Онъ плакался, звалъ, изливался въ неутомимой тоскѣ. Его звуки усиливались, росли и внезапно оборвались. Великій Боже... слишкомъ громко, слишкомъ громко! Отецъ такъ чутко спитъ... Въ смертельномъ страхѣ, дрожа всѣми членами Георгъ спрятался съ головою подъ одѣяло. На слѣдующее утро за завтракомъ отецъ разказалъ необыкновенный сонъ видѣнный имъ ночью. Сапожникъ опять досталъ себѣ соловья и Пфаннеру казалось, будто соловей поетъ такъ громко что онъ отъ этого проснулся; а необыкновенно то что ему представилось будто онъ наяву и всетаки его слышитъ. Жена его не могла надивиться: ей тоже приснилось нѣчто подобное и это навѣрно что-нибудь да означаетъ.

Георгъ всталъ и подошелъ къ окну чтобы родители не видали какъ онъ покраснѣлъ.

* * *

У фрау Агнесы тоже была тайна и для сохраненія ея должна была прибѣгать ко всевозможнымъ уловкамъ. За слѣднее время при каждой ѣдѣ столъ бывалъ обильно уст ленъ, а между тѣмъ Пфаннеръ не отпускалъ на хозяйство

Digitized by Google

негъ больше прежняго. Его жена не могла всегда оставаться правдивой, когда онъ ее допрашивалъ. Онъ и безъ того слушалъ съ неудовольствіемъ и чувствовалъ себя униженнымъ, когда она признавалась что сшила нѣсколько платьевъ и продала ихъ подъ рукою черезъ посредничество фрау Вальхеръ. Нельзя было доводить до его свѣдѣнія что она снесла въ ссудную кассу излишнее въ эту пору платье или предметъ обихода, или сбыла какое-нибудь маленькое украшеніе принесенное еще изъ родительскаго дома. Онъ придавалъ большое значеніе этимъ остаткамъ былой зажиточности; ему льстило что онъ взялъ свою когда-то очень красивую жену (къ сожалѣнію, свѣтлыя блондинки такъ скоро отцвѣтаютъ!) изъ почтенной и въ тѣ времена почти богатой семьи. Малѣйшая случайность могла все вывести наружу, и тогда фрау Агнеса закрывала глаза и трепетала при мысли о томъ что тогда произойдетъ. Но это все равно, нужно было во что бы то ни стало питать ребенка лучше чѣмъ до сихъ поръ.

Писарша Вальхеръ еще годъ тому назадъ высказала ей свое мнѣніе объ этомъ вопросѣ, какъ всегда, опредѣленно и откровенно.

— Мнѣ всегда кажется что вашъ Жоржъ не доѣдаетъ, сосѣдка. Такому мальчику надо ѣсть побольше. „Ученіе отнимаетъ силы, а въ маленькую печку нужно чаще подкладывать дровъ чѣмъ въ большую“, говоритъ мой мужъ. Мы съ нимъ часто ложились спать голодные (что вы хотите, писарь съ жалованіемъ въ тысячу гульденовъ), но наши оба мальчика воегда бывали сыты. Вотъ они и круглые какъ кубари. Вашъ Жоржъ тянется въ ростъ,. скоро вашего мужа догонитъ, а мяса все не нагуляетъ.

— Вы находите что у него нехорошій видъ? воскликнула разстроенная фрау Агнеса.

Ну нѣтъ, этого, пожалуй, писарша не могла сказать, а только онъ какой-то чахлый и цвѣтъ лица могъ бы быть получше. Питаніе должно быть достаточнымъ, она съ удовольствіемъ оттѣнила это слово; оно показалось ей такимъ ученымъ.—Достаточнымъ, говоритъ мой мужъ, иначе все ученіе отзовется дѣтямъ на нервы.

Этотъ разговоръ рѣшилъ дѣло; материнская любовь побѣдила отвращеніе честной женщины къ обману и лжи. Убѣдить мужа, попытаться выманить у него малѣйшее увеличеніе крета пришло бы ей такъ же мало въ голову какъ убѣждать камень превратиться въ хлѣбъ. Вообще между нимъ и ею

Digitized by Google

никогда не бывало объясненій. Съ самаго начала ея супружества его властолюбивый и скрытный характеръ исключалъ всякую возможность довѣрчивости и сближенія. Что могъ онъ услыхать отъ женщины? Онъ былъ *онъ*, а кромѣ него былъ долгъ, и этимъ двумъ высшимъ силамъ подчинялся міръ въ его представленіи. Лишь когда у него родился сынъ, явилось второе существо, столь же важное для него какъ онъ самъ, продолженіе его самого, притомъ усовершенствованное продолженіе. Всего что осталось недоступнымъ его честолюбію, чего онъ не добился долженъ былъ достичь сынъ.

Онъ вышелъ изъ бѣдности и низшаго сословія, получилъ лишь скудное школьное образованіе и никогда не надѣялся дойти до болѣе или менѣе виднаго положенія. Ему предстояло жить и умереть маленькимъ чиновникомъ. Но сынъ долженъ былъ кончить гимназію первымъ, получить докторскую степень тоже первымъ, въ самомъ началѣ своей карьеры окруженный лучами богатыхъ надеждъ онъ долженъ былъ переходить отъ успѣха къ успѣху, отъ почета къ почету. У здравомыслящаго конторщика Пфаннера, непогрѣшимаго счетчика, сухаго, разсудочнаго человѣка выростали крылья фантазіи, когда онъ предавался этимъ мыслямъ, и воображеніе неудержимо уносило его за всѣ предѣлы возможнаго. А когда онъ послѣ того опять спускался на землю и случайно видѣлъ что Георгъ ходитъ безъ дѣла, онъ гремѣлъ на него: учись!

Самъ онъ всегда живя въ будущемъ, придавая мало цѣны настоящему и тому что оно давало, все болѣе и болѣе отчуждался отъ товарищей. Онъ выказывалъ имъ предупредительность, исполнялъ работы которыя достались бы имъ, но при этомъ имѣлъ въ виду только собственную выгоду, улучшеніе своего положенія. Онъ по возможности уклонялся отъ общенія съ ними, отъ встрѣчъ въ кофейной или въ ресторанѣ. Онъ рѣдко сходился съ сослуживцами. Въ „Золотомъ Хорькѣ“ гдѣ происходили сборища господъ служащихъ, въ которыхъ также принимали участіе нѣкоторые начальники и знакомые начальниковъ, Пфаннеръ неизбѣжно каждый разъ встрѣчался съ ненавистнымъ ему человѣкомъ, ученымъ слесаремъ Обернбергеромъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ ему оказали большую честь: онъ былъ допущенъ къ участію въ ресторанныхъ собраніяхъ желѣзнодорожныхъ служащихъ. Теперь же точка зрѣнія перемѣстилась. Съ тѣхъ поръ какъ работы изъ мастерской Обернбергера получили на выставкахъ первыя награды, какъ онъ сталъ находить работу въ своихъ мастерскихъ для

Digitized by Google

многихъ сотенъ рабочихъ, поселился въ собственномъ домѣ, пріѣзжалъ въ собственномъ экипажѣ и носилъ въ петлицѣ ленточку ордена Франца-Іосифа, большая часть чиновниковъ выходили встрѣчать его къ двери, а за столомъ его стали сажать по правую руку инспектора.

Все это Пфаннеръ оставилъ бы безъ вниманія и относился бы къ этому равнодушно. Но у слесаря былъ сынъ; сынъ этотъ шелъ въ гимназіи по пятамъ его Георга, могъ догнать его, могъ перегнать, потому что у негоднаго мальчишки были способности, его злѣйшій врагъ долженъ былъ бы съ этимъ согласиться. Способностей на милiонъ, какъ говорилъ Обернбергеръ, но ни на грошъ прилежанія.

* * *

Уроки въ школѣ кончились. Пепи Обернбергеръ и Георгъ Пфаннеръ шли часть пути вмѣстѣ. Ихъ обоихъ вызывалъ учитель греческаго языка, и Пепи отвѣтилъ лучше. Очень присмирѣвшій Георгъ шелъ возлѣ него съ совершенно краснымъ лицомъ. Отецъ никогда не упускалъ случая спросить: „вызывалъ ли тебя учитель и кого еще, и какъ сошло дѣло“.

— Ты всегда все знаешь, говорилъ Георгъ товарищу.— Сегодня ты опять отлично отвѣчалъ. Я былъ бы радъ всегда такъ все знать.

Пепи тотчасъ же принялся хвастать. Провалились бы всѣ они къ чорту! Очень ему нуженъ весь этотъ вздоръ. Неправильныя склоненія, сравнительныя степени прилагательныхъ, ерунда! Когда буквоѣдъ учитель вкладываетъ въ свою шарманку новый валикъ и принимается разыгрывать на ней, ну, тогда онъ еще немножко слушаетъ. Но дома онъ не заглядываетъ ни въ одну книгу, это такая скука.

— Ну, разказывай! недовѣрчиво перебилъ его Георгъ, и тотъ поправился.

— Почти ни въ одну, честное слово. Чортъ ихъ знаетъ, отчего они даютъ мнѣ такія хорошія свидѣтельства. Я злюсь на это, потому что отцу приходитъ изъ-за этого глупая фантазія сдѣлать изъ меня професора. Ну, ужь нѣтъ! Лучше застрѣлиться чѣмъ превратиться въ такого смѣшнаго буквоѣда и отказаться отъ всего хорошаго: не ѣздить ни на велосипедѣ, ни верхомъ, не охотиться, не танцовать, не править, не играть на биліардѣ въ кофейной, не лазить по глетчерамъ. Лучше застрѣлиться!

Digitized by Google

Георгъ внимательно посмотрѣлъ на него, онъ былъ какъ двѣ капли воды похожъ на отца честнаго, веселаго Обернбергера: та же круглая голова, круглое лицо и привѣтливо улыбающіяся губы. И этотъ человѣкъ говоритъ о самоубійствѣ?

— Не говори такъ! воскликнулъ Георгъ: —ты не совершишь смертнаго грѣха, а самоубійство смертный грѣхъ и малодушіе.

— Вздоръ! высокомѣрно выговорилъ Пепи. — Какъ можно быть такимъ осломъ и все повторять съ голоса что̀ намъ говорятъ въ школѣ. Но тебѣ самому никогда ничего не придетъ въ голову. У тебя голова биткомъ набита учебниками. Прощай! Зубрилка! прибавилъ онъ мысленно и завернулъ за уголъ чтобы попасть на ближайшую станцію трамвая.

Георгъ медленно пошелъ дальше и говорилъ себѣ съ неудовольствіемъ что каждый шагъ приближаетъ его къ дому, гдѣ отецъ навѣрно поджидаетъ его съ неизбѣжнымъ вопросомъ, на который онъ отвѣтитъ сегодня крайне нетвердо.

О, унылый домъ, неприглядный и большой, съ длинными коридорами и узкими лѣстницами, и комната въ которой они всегда сидѣли втроемъ и гдѣ никто не могъ спастись отъ другаго. Туда ему предстояло возвращаться сегодня и завтра, каждый день, еще цѣлыхъ пять лѣтъ. Возможно ли дожить до этого времени! А если доживешь, начнется новое ученье, самое трудное. Какъ сѣдая гора которой ему никогда не удастся осилить, вздымалось передъ нимъ будущее; чувство безотрадной пустоты, родственное отчаянію, овладѣло его сердцемъ и напоило его несказанной горечью. Вдругъ на него нашло невѣданное дотолѣ упрямство. Хотя часы на ближайшей колокольнѣ пробили половину седьмаго, хотя онъ отлично зналъ что ему придется отвѣтить: „Да, я задержался дорогою“, онъ сѣлъ на скамью въ маленькомъ скверѣ, у входа въ переулокъ, гдѣ находилась родительская квартира, вынулъ соловья изъ кармана и заигралъ на немъ. Онъ утѣшалъ его, онъ смягчалъ всѣ жесткія чувства. Онъ избавлялъ его отъ тоски и давалъ ясную радость.

Вѣдь въ его душѣ была не только горечь и тоска; въ глубинѣ ея, подъ гнетущими тѣнями красно и тепло горѣлъ огонь молодой жизнерадостности, и невысказанное осужденное на вѣчное молчаніе чувство счастія хотѣло, наконецъ, излиться въ пѣснѣ. Оно переливалось въ тепломъ воздухѣ и летѣло къ свѣтлому весеннему небу вмѣстѣ съ голосомъ соловья.

* * *

Digitized by Google

Георгъ не засталъ отца дома. Отецъ приходилъ, переодѣлся и ушелъ въ ресторанъ на собраніе служащихъ. Мать съ сыномъ не говорили вслухъ о томъ какой праздникъ бывалъ для нихъ, когда они оставались одни. Теперь Георгъ сожалѣлъ о каждой минутѣ которую онъ промѣшкалъ на обратномъ пути. Комната вдругъ показалась ему милой и привѣтливой, воздухъ чище, и лампа свѣтила какъ будто ярче обыкновеннаго. Подъ нею стоялъ въ стаканѣ маленькій букетъ фіалокъ; его принесла фрау Вальхеръ.

Георгъ нагнулся надъ нимъ и вдохнулъ нѣжный ароматъ.

— Какая фрау Вальхеръ добрая, и онъ лукаво улыбнулся матери.—Она получила букетъ тоже изъ деревни какъ намедни зайца?

Фрау Агнеса покраснѣла. Итакъ Жоржи догадался объ ея хитростяхъ? Она уклонилась отъ направленнаго на нее взгляда и не отвѣтила; она сказала только:

— Отецъ велѣлъ передать тебѣ чтобы ты учился.

— Ладно, задорно отвѣтилъ онъ и съ розмаха бросилъ школьную сумку на диванъ, такъ что она отскочила и весело подпрыгнула.

— Георгъ, тебя сегодня точно подмѣнили.

— Да, да, мама!

Онъ бросился обнимать ее. Она сопротивлялась.

— Не дурачься!

— Нѣтъ, сегодня я буду дурачиться. Я тебя люблю и буду цѣловать тебя, твое милое лицо, твои милыя руки, каждый палецъ.

Ну что же! Ахъ, какъ пріятна ей была нѣжность ребенка.—А теперь садись, все простынетъ.

Они сѣли за столъ и стали ѣсть съ удовольствіемъ, болтали, не думали о завтрашнемъ днѣ и были такъ счастливы, какъ бываютъ счастливы бѣдные люди которые живутъ настоящимъ, наслаждаются текущимъ мгновеніемъ и отвращаютъ взоры отъ будущаго, такъ какъ оно не можетъ принести имъ ничего хорошаго.

Послѣ ужина мать сѣла за швейную машину и хотѣла еще часокъ поработать. Старая машинка которая за послѣднее время съ трудомъ дѣйствовала и уже нѣсколько разъ отказывалась отъ службы сегодня скользила, какъ сани на крѣпко замерзшей дорогѣ. Что же съ нею случилось? Вчера еще только мать думала что вѣрная слуга вообще больше не го-

Digitized by Google

дится и что ее даже на фабрикѣ не починятъ. Что же съ нею сдѣлалось? Отецъ разобралъ ее и отлично починилъ.

— Отецъ? Георгъ призадумался. — Развѣ отецъ учился чинить швейныя машины?

— Конечно, нѣтъ. Но вѣдь ты знаешь, отецъ можетъ многое сдѣлать чему онъ не учился: у него ко всему способности.

Не учился, а умѣетъ, потому что у него способности. И такъ умѣть дѣлать что-нибудь, чему не учился, значитъ, имѣть способности. Георгъ глубоко задумался.

— Послушай, мама, вѣдь у меня тоже есть способности.

Она засмѣялась. Казалось, въ его словахъ звучитъ сомнѣніе.

— Мнѣ кажется, ты такъ часто это слышишь что можешь знать, и она ласково схватила его за растрепанный бѣлокурый хохолъ.

— Только бы это была правда, мама, только бы это была правда.

Онъ съ усиліемъ глотнулъ и провелъ языкомъ по пересохшимъ губамъ. Грусть нашедшая на него послѣ разговора съ Пепи опять было зашевелилась въ немъ, но присутствіе матери быстро ее разсѣяло. Сердце его широко раскрылось; ни малѣйшей тайны не осталось въ немъ. Онъ высказалъ все что до сихъ поръ лежало въ немъ нѣмо и молчаливо, и пока онъ говорилъ, для него выяснялось и принимало опредѣленность многое, въ чемъ онъ никогда себѣ не признавался: усилія которыхъ требовало отъ него ученіе, и трудъ съ которымъ онъ запоминалъ наизусть. Другіе учили наизусть гораздо легче и помнили гораздо дольше.

— У тебя не особенно хороша память, сказала мать и подумала что это часто бываетъ у очень даровитыхъ. Она намекнула на это сыну; тотъ пожалъ плечами.

— Ты сама находишь что у кого способности, тотъ умѣетъ дѣлать и то, чему не учился. Можетъ-быть, я вовсе ужь не такъ способенъ къ ученью въ школѣ. Развѣ къ чему другому... Мнѣ такъ весело было пѣть въ начальной школѣ. Тамъ я всегда получалъ лучшую отмѣтку... а еще... помнишь флейту! Ахъ, еслибы мнѣ можно было учиться играть на флейтѣ, или, еще лучше, на скрипкѣ!.. А сейчасъ у меня есть только... сказать тебѣ? сказать? да?... сиди на мѣстѣ... тихо, тихо.

Онъ всталъ, ушелъ въ самый темный уголъ алькова, и

Digitized by Google

соловьиные звуки тихо защелкали оттуда, а мать дивилась, слушала и не замѣтила что кухонная дверь отворилась, а за нею и дверь въ комнату.

— Половина одиннадцатаго, сказалъ Пфаннеръ входя, — а ты еще не легла. И гдѣ малый?

* * *

Онъ былъ не въ духѣ.

Въ собраніи отклонили предложеніе внесенное Пфаннеромъ и нѣкоторыми другими болѣе старыми служащими. Затѣмъ къ общему ужину появился Обернбергеръ съ корзиною бутылокъ въ могучей правой рукѣ и предложилъ бордо и шампанскаго съ такимъ добрымъ, скромнымъ видомъ что даже самъ исправляющій должность директора удостоилъ принять стаканчикъ. Только Пфаннеръ рѣзко отказался. Напитокъ предложенный „слесаремъ“ превратился бы для него въ ядъ. Тотъ опять до отвращенія хвастался своимъ Пепи и съ такою гордостью и удовольствіемъ разказывалъ о продѣлкахъ мальчика что, наконецъ, Пфаннеръ не выдержалъ:

— Еслибы *мой* выкидывалъ такія штуки, я бы ему показалъ себя.

Тутъ конечно посыпались оправданія Пепи и нѣжныя похвалы, потому что онъ отличный малый, несмотря на свою рѣзвость; и какое у него золотое сердце и... какія способности! Учителя уже не сомнѣваются что онъ въ нынѣшнемъ году будетъ первымъ.

Пфаннеръ вдругъ почувствовалъ прегорькій вкусъ во рту и кусокъ сталъ ему поперекъ горла. Его Георгъ былъ только въ первомъ классѣ первымъ ученикомъ, во второмъ онъ былъ вторымъ, а теперь въ третьемъ онъ добьется, повидимому, только четвертаго мѣста, послѣдняго, имѣющаго нумеръ. Онъ получилъ „достаточно“ изъ греческаго и „удовлетворительно“ изъ геометріи. До чего онъ дойдетъ, если онъ съ этихъ поръ уже не будетъ въ первыхъ? Чего онъ вообще достигнетъ, если онъ изъ года въ годъ отстаетъ въ занятіяхъ? Пфаннеру казалось что все уже потеряно, всѣ труды потрачены напрасно, всѣ жертвы тщетны. Въ концѣ концовъ и сынъ будетъ тѣмъ же, чѣмъ былъ отецъ, жалкимъ, маленькимъ чиновникомъ, *его* сынъ которому предложены всѣ вспомогательныя средства, которому стоитъ только протянуть за ними руку. Но ему живется слишкомъ хорошо, онъ избаловался и предается легко-

Digitized by Google

мыслію и лѣни. Полный горечи, намѣреваясь подобрать поводья короче пришелъ Пфаннеръ домой. Тутъ онъ засталъ жену праздно сидящею въ комнатѣ при звукахъ птичьяго пѣнія которому подражалъ его большой мальчикъ, спрятавшись въ альковѣ.

— Какъ тебѣ не стыдно? накинулся онъ на него когда Георгъ вышелъ по его приказанію. — Есть въ тебѣ честь или нѣтъ? Что у тебя въ рукѣ? Покажи руку!

Мальчикъ повиновался. Ему даже не пришло въ голову приводить извиненія. Пфаннеръ все узналъ, и его раздраженіе, его гнѣвъ не знали границъ. Этотъ мальчишка! Вотъ ужь неудачный-то сынъ. Играетъ, чуть не четырнадцатилѣтній, на дудкѣ, или что это тамъ такое? Играетъ день и ночь... да, да, онъ припоминаетъ, даже родителей одурачилъ. Вечеромъ, когда надо учиться, у него глаза слипаются, а играть онъ можетъ до поздней ночи.

— Погоди же... давай сюда дудку!

Безплодное сопротивленіе болѣе слабаго, быстрая побѣда сильнѣйшаго, размахъ руки... Окно было раскрыто, соловей вылетѣлъ вонъ.

Фрау Агнеса содрогнулась. Георгъ стоялъ широко раскрывъ глаза.

— Отецъ, это моя единственная радость! вскрикнулъ онъ и не обращая вниманія ни на грубѣйшія слова, ни на жестокіе побои, онъ принялся плакать и рыдать о своей „единственной радости“, бросился на полъ и забился въ безутѣшномъ отчаяніи. Онъ не слышалъ, какъ бѣсновался и кричалъ отецъ, онъ не видалъ что отецъ связалъ носовой платокъ узломъ, не чувствовалъ что удары сыплются на него градомъ. Онъ зналъ и чувствовалъ только то что онъ несчастный ребенокъ, у котораго всегда отнимаютъ то что ему мило.

— Вставай! Молчать! Сію минуту молчать! гремѣлъ Пфаннеръ и не имѣлъ ни малѣйшаго состраданія къ ребенку, который наконецъ поднялся съ пола и дѣлалъ большія усилія подавить рыданія. Его гнѣвъ требовалъ еще головы на которую онъ могъ бы излиться. Кто былъ виноватъ въ преступномъ легкомыслiи мальчишки, кто еще поддерживалъ его? Мать, постыдно слабая, неразумная мать! Если изъ мальчишки ничего не выйдетъ, если онъ выростетъ въ тягость или даже на позоръ родителямъ (вѣдь праздность мать всѣхъ пороковъ), если онъ постыдно погибнетъ, отвѣтственность

Digitized by Google

падетъ на ея совѣсть, и ей придется современемъ дать въ этомъ отчетъ.

Пфаннеръ умѣлъ нагонять нѣмоту на окружающихъ. Жена его не произнесла ни звука. Въ теченіе своего супружества она до извѣстной степени привыкла къ его безмѣрнымъ преувеличеніямъ, и теперь даже радовалась что упреки сыплются на нее. Такимъ образомъ она по крайней мѣрѣ временно служила мальчику щитомъ.

Мужъ кричалъ и бѣсился: при этомъ онъ снялъ сюртукъ съ жилетомъ и осторожно положилъ ихъ на стулъ. Даже въ ярости на самыхъ близкихъ ему людей онъ бережно обращался съ вещами. Настала пауза, но она была только приготовленіемъ къ новому ужасу, къ вопросу:

— Уроки готовы?

— Я приготовлю ихъ завтра, робко и нерѣшительно отвѣтилъ Георгъ.—Завтра воскресенье...

— Вотъ какъ. Подай сюда уроки! Пфаннеръ просмотрѣлъ ихъ.—Перевести басню съ нѣмецкаго на латинскій. Греческая граматика: неправильныя склоненія. Геометрія: три задачи. Исторія: повторить отъ Крестовыхъ походовъ до Рудольфа Габсбургскаго. И изо всего этого ничего не сдѣлано? Ничего? Все это предстоитъ одолѣть завтра? Онъ произнесъ приговоръ:—Исторію повторить еще сегодня, прочесть внимательно. Когда вечеромъ прочтешь что-нибудь со вниманіемъ, на утро знаешь слово въ слово.

— Тутъ двадцать шесть страницъ, рѣшился возразить Георгъ.

— Двадцать двѣ; четыре страницы заняты картинками. Онъ положилъ книгу передъ нимъ.—Садись и учись.

Мальчикъ сдѣлалъ какъ ему было приказано. Хорошо же, хорошо, онъ сядетъ и будетъ учиться. Что за важность что онъ усталъ и хочетъ спать; не все ли ему равно, онъ будетъ учиться. Еслибы только можно было доучиться до смерти: это было бы ему всего пріятнѣе. Еслибы онъ умеръ, его оставили бы въ покоѣ, и мать его тоже, ей не пришлось сносить брань изъ-за него. Онъ началъ читать: „Съ мыхъ первыхъ вѣковъ благочестіе и горячая вѣра напраяли христіанъ къ святымъ мѣстамъ...“

* * *

По воскресеньямъ въ хорошую погоду Пфаннеръ неизмѣнно предпринималъ послѣ обѣда прогулку, и Георгу было

Digitized by Google

позволено сопровождать его. Мать давно уже добровольно отказалась отъ этого удовольствія, а мальчикъ возвращался домой грустнѣе чѣмъ выходилъ изъ дома. Идти гулять съ отцомъ значило проходить *мимо* всякаго развлеченія, всякой забавы. Тамъ за городомъ на веселомъ Пратерѣ стрѣляли въ цѣль, качались на качеляхъ, катались на каруселяхъ; тамъ были театральныя представленія, выставка восковыхъ фигуръ, женскій хоръ, цыганскій оркестръ. Былъ и акваріумъ, и панорама, и еще много прекрасныхъ вещей, о которыхъ разсказывали товарищи Георга. Когда онъ рѣшался сдѣлать намекъ и предлагалъ вопросъ: „Былъ ли ты когда-нибудь въ балаганѣ? Слыхалъ ты, какъ играютъ цыгане?“ отецъ отвѣчалъ съ полнымъ пренебреженіемъ: То что можно увидать и услыхать въ балаганѣ, „жалкій вздоръ, въ которомъ могутъ находить удовольствіе только необразованные и грубые люди.“ Онъ обходилъ все что могло бы возбудить его собственное любопытство или даже ввести въ искушеніе позабавиться разъ въ годъ... нѣтъ, одинъ разъ за многіе годы. Но онъ *не хотѣлъ!* не хотѣлъ истратить безъ надобности два-три гульдена, которые можно было положить на сберегательную книжку ребенка.

Когда они пришли домой, ихъ встрѣтилъ хорошій сытный ужинъ.

— Вѣдь сегодня воскресенье, оправдывалась Агнеса, такъ какъ за послѣднее время Пфаннеръ упрекалъ ее въ расточительности.

Въ немъ зародилось подозрѣніе, котораго онъ не высказывалъ, но которое его мучило; нужно было или отбросить его, или найти ему основаніе. Онъ недавно навелъ справки относительно цѣнъ на съѣстные припасы, разчиталъ и убѣдился что расходы, постоянно производимые его женою, невозможно покрыть тѣми деньгами, которыя онъ даетъ ей на хозяйство. Она говоритъ, будто заработала недостающую сумму? Смѣшно сказать! Онъ, сынъ бѣдной швеи, зналъ, сколько зарабатывала ежедневно его мать двѣнадцатичасовою прилежною работою. И его жена, ведущая хозяйство безо всякихъ вспомогательныхъ суммъ, станетъ увѣрять его въ глаза, будто она сумѣла пріобрѣсти правильный заработокъ? Такъ чѣмъ же она покрываетъ перевѣсъ расходовъ надъ доходами? Пфаннеръ не долго удовлетворялся уклончивыми отвѣтами, которые она ему давала. Однажды онъ подвергъ ее строгому допросу и она, загнанная въ уголъ, брезгая унизительною необходимостью вѣчно выдумывать новыя отговорки созналась.

Digitized by Google

Ну, да, она продаетъ, она закладываетъ, отдаетъ послѣднее съ тѣмъ чтобы ребенокъ при его постоянномъ духовномъ напряженіи получалъ порядочное питаніе въ годы развитія и самаго сильнаго роста.

Пфаннеръ разсердился, сталъ издѣваться: а что имѣлъ *онъ* въ эти самые годы? Кто спрашивалъ какъ онъ питается? Георгъ растетъ какъ сынъ надворнаго совѣтника сравнительно съ нимъ. А онъ въ четырнадцать лѣтъ долженъ былъ зарабатывать себѣ хлѣбъ, хлѣбъ въ буквальномъ смыслѣ слова, и притомъ даже не свѣжеиспеченный. Лишенія пошли ему на пользу, онъ всегда былъ здоровъ. Почему его малый долженъ быть изъ другаго тѣста, почему съ нимъ надо обращаться какъ съ нѣженкой и завертывать въ вату?

Въ первый разъ за свое долгое супружество Агнеса оказала упорное противодѣйствіе мужу. Мгновеніе котораго она такъ боялась наступило и нашло ее сильнѣе чѣмъ она сама думала. Она спокойно предоставила Пфаннеру изливаться въ жалобахъ и, пока онъ упрекалъ ее въ томъ что она его обманула, она соображала, нѣтъ ли возможности продолжать его обманывать. Это было необходимо ради ребенка.

Отцовское желѣзное здоровье не передалось блѣдному, высоко вытянувшемуся мальчику, который теперь вошелъ со словами: здравствуйте, папа съ мамой! и остановился у двери тяжело переводя духъ, какъ будто грозовая атмосфера стоявшая въ комнатѣ придавила ему грудь.

* * *

Черезъ нѣсколько дней Георгъ праздновалъ свое четырнадцатое рожденіе. Онъ принесъ изъ школы двѣ отличныя отмѣтки. Съ торжественною важностью и съ увѣщаніемъ беречь дорогой подарокъ отецъ вручилъ ему новый лѣтній костюмъ, красивую фуражку и пару прочныхъ башмаковъ. Послѣ обѣда Пфаннеръ дольше обыкновеннаго остался за столомъ и, когда Агнеса вышла изъ комнаты, заговорилъ ь Георгомъ обстоятельнѣе и откровеннѣе чѣмъ когда-либо.

Онъ знаетъ, мать называетъ его жестокимъ и находитъ о онъ требуетъ отъ сына слишкомъ многаго. Еслибы исполіть ея желанія, сыну конечно теперь жилось бы хорошо, кола была бы брошена и онъ дѣлалъ бы только то что ему думается. Но потомъ? Какъ сложится будущее послѣ загубчной молодости? И развѣ будущее не важнѣе всего? Во все-

Digitized by Google

оружіи знанія Георгъ долженъ идти ему навстрѣчу. Конечно, безъ труда нельзя пріобрѣсти знаній. Хочетъ ли онъ быть малодушнымъ который бѣжитъ отъ трудностей, или героемъ который ихъ ищетъ, борется съ ними и преодолѣваетъ ихъ? Безъ этой побѣды не бываетъ дальнѣйшихъ. Безъ нея нельзя достигнуть высокой цѣли.

— А твоя цѣль должна быть высока! воскликнулъ Пфанеръ.—Ты уже не дитя, и я могу тебѣ сказать: цѣль которую ты долженъ себѣ поставить—сдѣлаться государственнымъ мужемъ, такимъ который умственнымъ превосходствомъ и сильною рукою покоряетъ діавола раздора терзающаго наше отечество, передаетъ изъ устъ въ сердца великія слова „равноправіе для всѣхъ", превращаетъ ихъ въ дѣло и даруетъ намъ единеніе, величіе и счастіе. Подумай только: быть человѣкомъ которому это подъ силу! Онъ сдѣлался бы спасителемъ, искупителемъ, кумиромъ своего народа.

Георгъ слушалъ въ полномъ восхищеніи. Онъ безконечно гордился тѣмъ что отецъ говоритъ съ нимъ какъ съ равнымъ. Пошатнувшаяся было вѣра въ самого себя снова проснулась.

— Быть порядочнымъ человѣкомъ уже много, и умѣренно одаренный можетъ этимъ довольствоваться, сказалъ отецъ между прочимъ,—а необыкновенно даровитый обязанъ передъ самимъ собою и другими стать великимъ. Для этого ему нужна только воля, незыблемая рѣшимость...

Въ этотъ вечеръ онъ не могъ заснуть. Картины будущаго набросанныя отцомъ стояли передъ нимъ слишкомъ живо. Онъ не имѣлъ правильнаго представленія о дѣятельности государственнаго человѣка, онъ видѣлъ себя прежде всего на ораторскихъ подмосткахъ, передъ собраніемъ которое встрѣчало его насмѣшливыми возгласами, глаза всѣхъ смотрѣли враждебно, на каждомъ лицѣ было написано: нѣтъ! Онъ начиналъ говорить и возгласы постепенно умолкали, непріязненное выраженіе исчезало съ лицъ, участіе и одобреніе зарождались и находили себѣ выраженіе сначала кое-гдѣ, потомъ все чаще, наконецъ становились единодушными. Онъ увлекъ слушателей силою своего слова. И всѣ съ перваго до послѣдняго видѣли въ немъ вождя, слѣдовали за нимъ добровольно и съ восторгомъ, они знали: то что онъ желаетъ есть добро, мудрость, а путь которымъ онъ ихъ поведетъ есть путь къ ихъ благу.

Въ послѣдующіе дни онъ уже не останавливался возлѣ Соломона по дорогѣ въ школу. Онъ отвѣчалъ лишь краткимъ

Digitized by Google

словомъ привѣта на дружелюбные кивки и поклоны разнощика.

„Мнѣ теперь четырнадцать лѣтъ“ твердилъ онъ себѣ, „и игры уже не пристали. Я долженъ учиться, долженъ стараться чтобы остаться отличнымъ ученикомъ, у меня не можетъ быть другихъ мыслей кромѣ занятій.“

И онъ сталъ исполнять это намѣреніе.

* * *

Бывали дни когда его прилежаніе граничило съ помѣшательствомъ. Они проходили и оставляли за собою страшное истощеніе. Никому, даже матери, онъ не повѣрялъ того что происходило въ немъ въ такое время. „Я помѣшаюсь“, думалъ онъ. „У меня въ головѣ нѣтъ ни крови, ни мозга; у меня въ головѣ бѣло и пусто. Ученіе все съѣло и теперь должно прекратиться, потому что ему больше нечего ѣсть. Это вполнѣ естественно и такъ глупо, и нѣтъ возможности встряхнуться чтобы выйти изъ мучительнаго состоянія...“

Точно въ полуснѣ сидѣлъ онъ за книгами, въ это же самое время Пепи удостоилъ уступить порыву прилежанія и догонялъ его большими скачками. По каждому предмету изъ котораго его вызывали онъ получалъ отличную отмѣтку.

Георгъ опять его спрашивалъ:

— Какъ ты дѣлаешь чтобы всегда знать? Скажи мнѣ, какъ ты это дѣлаешь?

Пепи засунулъ руки въ карманы и принялся дрыгать ногами точно хотѣлъ бросить ихъ прочь:

— Какая скука!.. Дурацкіе вопросы!

Онъ удостоивалъ отвѣчать только отрывистыми словами. Его старикъ пошелъ на уступки, потому что онъ пригрозилъ ему застрѣлиться. Вотъ и онъ хочетъ сдѣлать ему что-нибудь пріятное и больше не налагаетъ узды на свой геній. А теперь я еще обрадую его, буду первымъ ученикомъ.

— Да, да, если удастся!

— Что такое, если удастся?

— Вѣдь это ужь не такъ вѣрно. Еще Ротъ остается и Англеръ.

— Я буду первымъ, повторилъ Пепи съ большимъ чванствомъ.—Все дѣлается и случается такъ какъ я хочу, именно такъ!

— Какъ ты хочешь?

Digitized by Google

— Именно. Ты этого не можешь понять. Гдѣ тебѣ, бѣдный зубрилка. Вѣдь ты только зубрилка, вотъ тебѣ и непонятно. Тебѣ только хочется; а я могу *сдѣлать* то, чего мнѣ хочется.

Георгъ ударилъ себя въ грудь. „И я тоже," хотѣлъ онъ отвѣтить, но голосъ у него сорвался...

Ему казалось что земля разверзлась и между нимъ и богато одареннымъ товарищемъ зіяетъ непроходимая пропасть. По ту сторону среди плодородныхъ нивъ, гдѣ все зеленѣетъ и цвѣтетъ, стоитъ Пепи; куда онъ ступитъ ногою, тамъ начинаетъ бить ключъ, и къ чему прикоснется его рука, то становится прекраснымъ плодомъ. А онъ стоитъ здѣсь, на скудной каменистой почвѣ которая неподатливо и неохотно удѣляетъ отъ себя тѣнистую вѣтвь, питательную былинку.

Зачѣмъ такая вопіющая несправедливость, зачѣмъ другимъ все, а ему такъ нищенски мало?

Пепи слѣдилъ за его безмолвной борьбою и насмѣшливо перекосилъ ротъ.—Зубрилка! сказалъ онъ.—„Зубрилка" происходитъ отъ зубра, а зубръ скотина.

Тутъ дикое бѣшенство овладѣло кроткимъ Георгомъ. Онъ кинулся на Пепи и схватилъ его за горло.

Подвергшійся неожиданному нападенію завопилъ и сталъ отбиваться ногами и руками, вскорѣ обоихъ окружила съ громкими возгласами толпа, почти цѣликомъ принявшая въ дракѣ сторону Георга. Видъ Пепи возбуждавшаго столько зависти и ненависти, а теперь отступавшаго съ полнымъ пораженіемъ, доставлялъ каждому великое наслажденіе. Онъ оставилъ поле битвы въ жалкомъ состояніи, въ разорванномъ платьѣ. Георгъ совершилъ поступокъ противорѣчившій всему его существу, стыдился своего успѣха и съ ужасомъ разсматривалъ новую куртку, на которой оставались слѣды драки. Тутъ онъ пустился бѣжать чтобы придти домой раньше отца. Обливаясь потомъ вошелъ онъ въ кухню, приложилъ ухо къ замку комнатной двери и прислушался. Все было тихо, только швейная машина стучала; мать была одна. О, слава Богу! Онъ торопливо вошелъ и спѣшно разказалъ ей свое послѣднее приключеніе.

— А теперь почини мнѣ куртку, мама, почини куртку!

* * *

Ужинъ былъ съѣденъ молча. Глухое неудовольствіе царило въ домѣ. Пфаннеръ все еще дулся на жену. Онъ взялъ

Digitized by Google

къ себѣ квитанцію отъ заложенныхъ ею вещей чтобы постепенно выкупать ихъ, Богъ знаетъ, съ какою горечью. Каждый гульденъ который онъ относилъ въ ссудную кассу былъ похищенъ у сберегательной книжки сына, у его будущаго состоянія, изъ котораго предстояло заплатить расходы университетскихъ экзаменовъ и того года, когда онъ будетъ служить вольноопредѣляющимся. Бывали минуты когда онъ ненавидѣлъ виновную въ этомъ грабительствѣ. Исправить вину было не въ ея силахъ, но заставить искупить ее страданіями было въ *его* силахъ. День за днемъ онъ повторялъ одну и ту же пытку. День за днемъ требовалъ онъ чтобы она показала кухонный счетъ, просматривалъ каждый расходъ и каждый осуждалъ. Онъ съ утонченнымъ искусствомъ унижалъ мать въ присутствіи ребенка своимъ намѣренно явнымъ недовѣріемъ.

— Кто разъ обманулъ, все равно съ какою цѣлію, тотъ обманетъ снова! Такого человѣка нужно остерегаться.

Георгъ смотрѣлъ на нее съ болію и посылалъ за спиною отца поцѣлуи. Ее унижали изъ-за него, онъ былъ невинною причиною ея мученій. Она же угадывая все происходившее въ немъ крѣпилась, старалась оставаться спокойною и твердою при обидахъ которыя ей наносили. А мужъ считалъ безчувственностію то что было высшимъ геройствомъ и усиливалъ ѣдкость выражая свое пренебреженіе. Какъ всегда, такъ шло и сегодня, и Агнеса едва уже была въ состояніи сохранять самообладаніе, какъ вдругъ ее испугалъ сильный звонокъ. Она вскрикнула, Георгъ тоже испугался. Они совсѣмъ не привыкли къ тому чтобы кто-нибудь желалъ попасть къ нимъ въ это время.

— Нервны какъ наэлектризованныя лягушки, заворчалъ Пфаннеръ. — Вы еще никогда въ жизни не слыхали звонковъ? Посмотри, кто тамъ? приказалъ онъ женѣ.

Она быстро зажгла свѣчку и поспѣшила въ кухню. Тѣмъ временемъ уже позвонили вторично, еще нетерпѣливѣе, еще шибче прежняго. Когда Агнеса отворила, передъ ней очутился рослый, широкоплечій хорошо одѣтый человѣкъ и спросилъ:

— Дома ли конторщикъ Пфаннеръ?

Кто бы это могъ быть? Можетъ-быть, начальникъ, инспекторъ или, чего добраго, главный инспекторъ?

— Да, онъ дома, сказала она, — пожалуйте.

Онъ прошелъ мимо нея не поздоровавшись, очевидно, онъ принялъ ее за служанку, и она была довольна ошибкою. Она

Digitized by Google

не хотѣла бы сойти въ глазахъ начальника за жену чиновника казенной дороги, когда на ней было сѣрое, вылинявшее ситцевое платье и заплатанные башмаки. Она вѣжливо отворила передъ незнакомцемъ дверь въ комнату, отступила назадъ въ кухню и слышала только, какъ мужъ ея сказалъ далеко не почтительнымъ тономъ:

— Господинъ Обернбергеръ? Чему я обязанъ удовольствіемъ?

Оренбергеръ затворилъ за собою дверь чтобы кухарка не слыхала его разговора съ Пфаннеромъ.

— Мое посѣщеніе не доставитъ вамъ удовольствія, раздражительно возразилъ онъ,—я пришелъ съ жалобою.

Ого! начало не сулило ничего пріятнаго. У Пфаннера совѣсть была нечиста. Ужь не довели ли до свѣдѣнія „слесаря" какое-нибудь изъ пренебрежительныхъ выраженій которыя онъ обыкновенно употреблялъ объ Обернбергерѣ? Можетъ-быть это дошло также до одного изъ начальниковъ, среди которыхъ мастеръ пользовался большимъ уваженіемъ? Проклятая исторія! Пфаннеръ скрылъ свое смущеніе за особенно вызывающею осанкою.

— Излагайте, въ чемъ дѣло, не стѣсняйтесь. Меня не удивишь, сказалъ онъ.

Георгъ вскочилъ съ мѣста и подалъ стулъ. Обернбергеръ сѣлъ. Онъ строгимъ испытующимъ взглядомъ посмотрѣлъ на мальчика, который сталъ передъ нимъ опустивъ глаза и судорожно стиснувъ пальцы.

— Господинъ Обернбергеръ! Господинъ Обернбергеръ! выговорилъ Георгъ тихимъ, умоляющимъ голосомъ.

О, еслибы онъ подумалъ объ Обернбергерѣ раньше, онъ не избилъ бы его сына. Обернбергеръ бывалъ всегда такъ ласковъ съ нимъ при встрѣчахъ и на дняхъ, когда онъ пріѣхалъ въ экипажѣ за Пепи въ школу, онъ предложилъ Георгу проѣхаться съ ними. Съ какимъ блаженствомъ онъ принялъ бы предложеніе, но не посмѣлъ. Отецъ навѣрно сказалъ бы: ты позабылъ что не смѣешь принимать милостей?

Чѣмъ дольше не сводилъ Обернбергеръ глазъ съ Георга тѣмъ мягче становилось ихъ выраженіе, наконецъ, онъ заговорилъ съ нимъ:

— Знаете ли что я уже пошелъ было къ директору жаловаться на васъ? Но мнѣ не хочется портить вамъ хорошую отмѣтку изъ поведенія и я удовольствуюсь домашнимъ наказаніемъ которому васъ конечно подвергнетъ отецъ, когда уз

Digitized by Google

шитъ о случившемся. Господинъ Пфаннеръ, обратился онъ къ отцу, — сегодня послѣ уроковъ Георгъ бросился на моего сына и смялъ его; другіе вмѣшались, и мой Пепи пришелъ домой весь оборванный, съ такимъ синякомъ и опухолью подъ правымъ глазомъ что онъ дня два не будетъ въ состояніи читать или писать. И это произошло безъ малѣйшаго повода.

— Безъ малѣйшаго повода? повторилъ Пфаннеръ, приподнялся съ мѣста, и казалось, былъ готовъ ринуться на сына.

— Не безъ повода, скорѣе дохнулъ чѣмъ выговорилъ Георгъ.—Онъ сказалъ мнѣ что я зубрилка. Зубрить происходитъ отъ зубра, а зубръ скотина, сказалъ онъ.

Пфаннеръ промолчалъ и опять выпрямился на стулѣ. Обернбергеръ пришелъ въ недоумѣніе.

— Это правда? спросилъ онъ.

И Георгъ подтвердилъ:

— Правда.

— Пошелъ вонъ! вдругъ крикнулъ на него Пфаннеръ и указалъ вытянутою рукою на кухонную дверь.

За дверью мать стояла у плиты, дрожала всѣми членами и спрашивала себя, какая новая бѣда стряслась надъ ея Георгомъ. Онъ подбѣжалъ къ ней блѣдный, какъ воскъ; зеленоватыя тѣни спускались отъ его носа къ угламъ рта.

— Мама, мама! выговорилъ онъ съ трудомъ,—что-то теперь со мною будетъ?

* * *

Между тѣмъ въ комнатѣ происходило нѣчто неслыханное. Пфаннеръ находилъ для сына извиненія. Малый робокъ отъ природы и даже слишкомъ кротокъ для мальчика. Если же онъ бросился бить, онъ навѣрно былъ жестоко обиженъ. Кромѣ того, онъ вполнѣ правдивъ, увѣрялъ отецъ, никогда еще не уличившій его во лжи.

— Можете ли вы сказать то же самое о вашемъ Пепи? росилъ Пфаннеръ и принялъ извѣстную воинственную осанку торую онъ себѣ усвоилъ послѣ того, какъ его произвели капралы черезъ нѣсколько мѣсяцевъ службы.

Добродушный Обернбергеръ все еще находился подъ тѣмъ чатлѣніемъ которое на него произвелъ смертельный страхъ писанный на лицѣ Георга. Рослый, плотный человѣкъ таялъ присутствіи маленькаго, горячаго Пфаннера, какъ огромная тая баба у кучки раскаленныхъ углей. Онъ не имѣлъ

Digitized by Google

причины полагаться на правдивость своего Пепи и промолчалъ, не желая въ этомъ сознаваться.

— Спросите вашего Пепи по совѣсти, дѣйствительно ли безъ причины прибилъ его мой сынъ, сказалъ Пфаннеръ.— Пусть онъ повторитъ это въ глаза моему малому въ нашемъ присутствіи. Если онъ это сдѣлаетъ, я приглашу васъ на казнь, какой у насъ еще не бывало, хотя не скуплюсь на побои для моего малаго.

На этомъ условіи они остановились. Обернбергеръ пришедшій въ качествѣ судьи оставилъ квартиру конторщика съ чувствомъ понесеннаго пораженія. Онъ не обратилъ вниманія на двоихъ людей которые низко поклонились ему, когда онъ проходилъ черезъ кухню. Георгъ забѣжалъ впередъ, отворилъ дверь со смиренной услужливостію и пробормоталъ:

— Простите меня, господинъ Обернбергеръ, простите меня! Онъ выговорилъ это такимъ тихимъ, сдавленнымъ отъ страха и слезъ голосомъ что поглощенный непріятными мыслями фабрикантъ не слыхалъ его словъ.

Когда Агнеса и Георгъ снова вошли въ комнату, передъ Пфаннеромъ лежалъ большой листъ бумаги исписанный цифрами которыя онъ просматривалъ съ величайшимъ вниманіемъ. Георгъ досталъ тетради и усѣлся за работу. Только черезъ полчаса отецъ заговорилъ съ сыномъ и... о, удивленіе! Онъ заговорилъ отнюдь не враждебнымъ тономъ. Онъ замѣтилъ что Георгъ почти кончилъ уроки.

— Тебя уже вызывали изъ исторіи? спросилъ онъ.

— Нѣтъ еще.

— Странно. Все еще нѣтъ?

— Можетъ-быть, вызовутъ завтра. У насъ завтра исторія.

— Что же, вѣдь ты получишь высшій баллъ?

— Не знаю, можетъ-быть.

— Послушай! крикнулъ на него отецъ. — Знаешь ли ты что это значитъ, если ты не получишь полнаго балла? Знаешь ли, во что тебѣ обойдется „удовлетворительно“?

— Знаю, беззвучно возразилъ Георгъ.

— Ты слетишь съ мѣста, лѣнивый мальчишка!

— Я не лѣнюсь, отецъ.

Несказанно удивленный отецъ поднялъ голову. Его смирный мальчикъ былъ сегодня героемъ драки, а сейчасъ осмѣливался противорѣчить ему. Что же произошло? Не проснулся ли въ маломъ мущина? Пожалуй, онъ еще станетъ такимъ бойкимъ какимъ онъ всегда желалъ его видѣть?

Digitized by Google

Агнеса положила руку на руку сына, когда тотъ возразилъ отцу.

— Ради Бога, Жоржъ!

— Молчи, повелительно сказалъ ей Пфаннеръ, — пусть говоритъ. Я не лѣнюсь, утверждаетъ онъ. Говори, я тебѣ позволяю, приказываю, настаивалъ онъ.

— Я учусь по цѣлымъ днямъ, сказалъ Георгъ. — Я не могу учиться больше чѣмъ теперь, и не знаю что̀ мнѣ сдѣлать чтобы ты былъ доволенъ. Безумная отвага отчаянія овладѣла имъ и онъ рѣшился прибавить:—другіе родители бываютъ довольны, когда ихъ дѣти получаютъ „удовлетворительно“, а я долженъ имѣть только „превосходно“ и „похвально“... Я долженъ лѣзть вонъ изъ кожи... Я долженъ... Онъ не могъ говорить дальше, заломилъ руки, ударился лбомъ объ столъ и заметался въ такой тоскѣ что самъ отецъ испугался. Въ первый разъ въ жизни онъ чувствовалъ себя безпомощнымъ передъ ребенкомъ.

— У меня уже есть „удовлетворительно“ изъ греческаго! воскликнулъ Георгъ свистящимъ, сдавленнымъ тономъ.—Если я получу еще разъ „удовлетворительно“, я лишусь отличія. А я навѣрно получу еще „удовлетворительно“...

Этого было слишкомъ много. Эти слова переполнили чашу долготерпѣнія Пфаннера. Все что̀ какъ-будто начало въ немъ смягчаться застыло снова.

Онъ лишится отличія! Этотъ малый которому способности позволяли занимать мѣсто среди избранныхъ, собирается ползти черезъ школу со всею толпою посредственныхъ? О, негодный мальчишка!

— Ты останешься отличнымъ ученикомъ, или я отдамъ тебя въ ученіе сапожнику.

— Отдай, отецъ, отдай! Но почему же именно къ сапожнику! возразилъ Георгъ внѣ себя.—Ты можешь отдать меня Обернбергеру, и я буду ученымъ слесаремъ... Или я могъ бы зарабатывать хлѣбъ музыкою...

— Георгъ, Георгъ, ради Бога! повторяла мать. Она видѣла какъ ея мужъ пожелтѣлъ отъ злости и сжалъ кулаки.

— Музыкою? Хорошо, хорошо! Я куплю тебѣ шарманку, можешь разыгрывать на ней у домовъ и ждать крейцеровъ которые тебѣ бросятъ въ окно.

Георгъ прижалъ подбородокъ къ груди и уставился въ полъ.

Пфаннеръ подскочилъ къ нему и тяжело ударилъ ребенка по затылку.

Digitized by Google

— Ни слова болѣе! И запомни: не являйся больше домой съ дурною отмѣткою. Только посмѣй!

— Нѣтъ, нѣтъ, пролепеталъ Георгъ. Его страхъ прошелъ совершенно. Тѣмъ лучше, если ему не нужно возвращаться домой. Отецъ не будетъ больше на него сердиться и мучить мать изъ-за него. Ахъ, еслибы онъ вовсе не являлся на свѣтъ, или еслибы его покинуть, еслибы умереть!

На слѣдующее утро отецъ хранилъ страшное, грозное молчаніе. Темные круги подъ покраснѣвшими глазами, вѣрный признакъ проведенной безъ сна ночи, придавали ему видъ больнаго человѣка. Онъ наскоро позавтракалъ, взялъ бумаги подъ мышку, надѣлъ шляпу и вышелъ изъ комнаты, не отвѣтивъ на прощальныя слова жены и сына. Онъ такъ хлопнулъ кухонною дверью что она загудѣла.

Георгъ уложилъ тетради и книги въ сумку, совсѣмъ собрался, потомъ вынулъ ихъ поодиночкѣ и сталъ снова укладывать медленно и съ разстановкою. Мать совѣтовала ему торопиться. Вдругъ онъ все оставилъ, бросился къ ней на шею и она прижала его къ сердцу. Они не говорили, ни одной жалобы не слетѣло съ ихъ губъ, но онѣ жгли огнемъ ихъ сердца. Какъ они оба могли бы быть счастливы, какъ блаженно жилось бы, еслибы не слѣпое неразумное честолюбіе отца который требовалъ отъ яблонки насажденной Господомъ въ его саду могучихъ побѣговъ дуба.

Георгъ уже три раза прощался и все еще не могъ уйти.

— Ты опоздаешь, Жоржъ, сказала Агнеса.—Бѣги теперь, бѣги! И не грусти такъ, прибавила она и погладила его по щекѣ.

— Тебѣ самой грустно, отвѣтилъ онъ.

— Ахъ, это пройдетъ за работой.

— Ну, прощай, сказалъ онъ, рѣшительно направился къ двери и спустился по лѣстницѣ до перваго этажа. Тамъ онъ остановился, подумалъ, вдругъ повернулъ назадъ и опять помчался вверхъ по лѣстницѣ быстрыми шагами. Придя наверхъ онъ увидалъ что мать стоитъ передъ дверью въ квартиру, на томъ самомъ мѣстѣ до котораго она его проводила.

— Что случилось? спросила она какъ бы очнувшись о сна; она откинула голову назадъ и попыталась принять строі видъ.—Ты что-нибудь забылъ?

— Вѣдь я съ тобою не простился какъ слѣдуетъ, и он кинулся ей на шею и принялся цѣловать ее съ бурною нѣ ностію.

* * *

Digitized by Google

Онъ опоздалъ въ школу. Отъ перваго урока прошло уже четверть часа когда онъ вошелъ и сѣлъ на свое мѣсто.

— Гдѣ ты пропадалъ? прошипѣлъ ему сосѣдъ. — Тебя вызывали, а тебя не было.

— Бѣда, бѣда, пробормоталъ Георгъ и сталъ дѣлать всевозможныя усилія чтобы внимательно слушать. Въ его головѣ происходило нѣчто странное. Въ ней жужжало и стучало, а голосъ раздававшійся съ каѳедры, обыкновенно громкій и полный, сегодня не имѣлъ звучности. Слова которыя онъ произносилъ были нечленораздѣльны, сливались одно съ другимъ, какъ волны... Новая странность! Широкая зала вытягивалась до безконечности. То была уже не зала, а длинный коридоръ, залитый удивительнымъ холоднымъ бѣлымъ свѣтомъ; далеко-далеко на концѣ стояла на подставкѣ черная полоска. Георгъ долженъ былъ съ усиліемъ напрячь мыслительныя способности чтобы объяснить себѣ: это учитель который даетъ урокъ.

Онъ закрылъ глаза, откинулся назадъ и подумалъ: сегодня я не буду въ состояніи учиться. Однако, спустя нѣкоторое время ему стало лучше и удалось стряхнуть съ себя нашедшую на него тяжелую сонливость. Начался второй урокъ. Говорившій теперь былъ очень любимый, уважаемый всею школою учитель исторіи. Онъ вызвалъ ученика обыкновенно едва посредственнаго; и тотъ выдержалъ съ честью. Настала очередь Георга. Ахъ, еслибы и ему такъ повезло, какъ его предшественнику. Казалось что такъ и будетъ. Учитель спросилъ изъ того что̀ Георгъ недавно повторялъ, и сказалъ:

— Хорошо, кромѣ двухъ годовъ. Вы получите „похвально“. Но мнѣ бы хотѣлось поставить вамъ „превосходно“ и я поэтому задамъ еще нѣсколько вопросовъ. Назовите мнѣ всѣхъ германскихъ императоровъ до Рудольфа Перваго.

Вопросъ былъ нетруденъ. Онъ съ увѣренностію началъ отвѣчать и благополучно дошелъ до Оттона III. Тутъ память ему измѣнила, онъ далъ ученому и набожному императору преклонный возрастъ.

Учитель сочувственно пожалъ плечами и перебилъ его:

— Не годится, что-нибудь другое! Разкажите мнѣ о Конрадинѣ.

О, это-то онъ зналъ! Онъ разказывалъ о Конрадинѣ матери, и такъ трогательно что она при этомъ плакала. Конрадинъ былъ... ну, да... былъ король Энціо... Ахъ, нѣтъ... да, конечно... Энціо былъ Конрадинъ...

Послышалось почти не сдерживаемое злобное хихиканіе!

Digitized by Google

Пепи высмѣивалъ его. Учитель не спускалъ глазъ съ Георга. Онъ понималъ что эти добрые, ласковые глаза тревожно спрашиваютъ: вы твердо знаете?

Ему хотѣлось крикнуть: нѣтъ! я совсѣмъ запутался и сбился!

— Мнѣ жаль васъ, сказалъ учитель,—но... скажите сами, какую отмѣтку вы заслужили?

Георгъ прошепталъ нѣчто совсѣмъ непонятное. Учителю показалось будто тотъ поблагодарилъ его. Мальчикъ сегодня ничего не зналъ, но угадывалъ многое, онъ угадалъ искреннее состраданіе которое внушалъ своему учителю.

Передъ началомъ третьяго урока онъ вышелъ изъ школы и медленно направился по улицѣ. Былъ весенній день съ лѣтнимъ солнцемъ, на небѣ не было ни облачка, въ воздухѣ еще не носилось пыли и испареній. Широко раскрывъ неподвижные глаза Георгъ шагалъ между людьми толкавшимися по главной улицѣ предмѣстья. Двоимъ, троимъ бросился въ глаза его растерянный видъ. Ни у кого не было охоты и времени разспрашивать что̀ съ нимъ. Только подмастерье столяра катившій ручную телѣжку на которую Георгъ наткнулся крикнулъ ему:

— Эй! Гдѣ у тебя голова? Потерялъ вмѣстѣ съ фуражкой?

Георгъ невольно схватился за голову. Она была непокрыта, онъ оставилъ фуражку въ школѣ вмѣстѣ съ учебными принадлежностями. Но въ этомъ не было важности. Его никто о нихъ не спроситъ. Вѣдь онъ не можетъ вернуться домой. „Не являйся домой съ дурною отмѣткой!“ Эти слова безпрерывно звучали у него въ ушахъ. Теперь онъ навѣрно получитъ дурную отмѣтку, первую дѣйствительно дурную. Что̀ теперь сдѣлаетъ съ нимъ отецъ? И какъ огорчилась бы мама... Нѣтъ, нѣтъ, и отецъ и мать, онъ не посмѣетъ, онъ не вернется, онъ отправится въ Дунай. И чѣмъ дольше стояла передъ нимъ эта мысль какъ нѣчто неотразимое и единственное, тѣмъ болѣе онъ сживался съ нею. Вокругъ темнаго ядра этой мысли стоялъ ослѣпительный ореолъ распространяя яркій свѣ— Теперь она приняла такую форму: Я *долженъ* броситься Дунай, но я сдѣлаю это охотно, даже очень охотно. К хорошо умереть и не слышать больше: учись! Какъ хоро что между родителями не будетъ больше разлада. Но вѣд совершу самоубійство, вдругъ промелькнуло у него, а са убійство смертный грѣхъ. По немъ пробѣжала дрожь.—Б всемилостивый! простоналъ онъ и поднялъ съ мольбою г

Digitized by Google

къ небу.—Не поставь мнѣ мою смерть во грѣхъ! Я не хочу совершать грѣха, я хочу умереть ради мира моихъ родителей. Моя смерть жертвоприношеніе.

Жертвоприношеніе! Онъ уцѣпился за это слово; оно утѣшало его. Оно превращало отчаянный поступокъ въ геройскій подвигъ и тяжелый грѣхъ въ мученичество. Оно взошло передъ бѣднымъ, заблудшимъ, ищущимъ ребенкомъ какъ звѣзда въ ночи. Онъ не могъ больше взвѣшивать, обдумывать, сомнѣваться; онъ утратилъ всякую способность представить себѣ нѣчто иное, осталась только жгучая, непреодолимая жажда получить и принести искупленіе.

* * *

Онъ дошелъ до конца улицы и повернулъ въ боковой переулокъ выходившій на набережную. Усталость свинцомъ давила ему члены, голова горѣла и болѣла до потери сознанія. Дунай, прохладная и мягкая постель, тамъ онъ найдетъ покой и отраду. Только бы дойти, только бы добраться до него. Тупой страхъ: „они не дадутъ мнѣ избавленія, они гонятся за мною по пятамъ“, гналъ его впередъ. Онъ пустился бѣжать, но и тутъ ему казалось что онъ не двигается съ мѣста. Ужасно было еще разъ вступать въ тяжелую борьбу съ непреодолимымъ.

— Куда? Отчего такой спѣхъ? обратился къ нему хорошо знакомый голосъ. Передъ нимъ стоялъ разнощикъ.

— Это ты? сказалъ онъ.—Это ты, Соломонъ?

Онъ пожертвовалъ нѣсколько минутъ на прощаніе съ бѣднякомъ. Трудно жилось и ему. Онъ былъ вынужденъ ходить взадъ и впередъ съ ранняго утра до поздней ночи по пыли подъ палящимъ солнцемъ; его тощая, болѣзненнаго вида фигура уже совсѣмъ перекосилась отъ тяжелаго ящика съ товаромъ. Да, да, на кого навалено слишкомъ тяжелое бремя, тотъ искалѣченъ. Бѣдный Соломонъ! Городовой спугиваетъ его и грозитъ донести, когда тотъ совершенно истощенный соберется отдохнуть нѣсколько мгновеній на скамейкѣ. Нужно все ходить, ходить на усталыхъ ногахъ въ стоптанныхъ, поопавшихся сапогахъ... Взглядъ Георга скользнулъ по нимъ и вдругъ онъ нагнулся, быстро скинулъ новые башмаки и положилъ ихъ на лотокъ.

— Возьми ихъ, мнѣ ихъ больше не нужно, сказалъ онъ засмѣялся.

Да, дѣйствительно, Соломонъ послѣ клялся что онъ за-

Digitized by Google

смѣялся; лишь послѣ, когда все кончилось, понялъ Соломонъ, какая невыразимая боль звучала въ этомъ смѣхѣ. Въ радостномъ недоумѣніи онъ не могъ оторвать глазъ отъ отличныхъ, прочныхъ башмаковъ свалившихся къ нему какъ бы изъ рога изобилія. Когда онъ сообразилъ что Георгъ не имѣетъ права дарить свои башмаки и вѣрно только пошутилъ надъ нимъ, онъ оглянулся и сталъ звать:

— Молодой баринъ, молодой баринъ!

Но тутъ до него уже долетѣли громкіе многоголосные крики: „Бросился въ воду! Помогите! Помогите!“ Со всѣхъ сторонъ мчались люди, бѣжали, сползали по крутому откосу, стояли вытянувъ шеи съ ужасомъ и тупоумнымъ или отвратительнымъ любопытствомъ на лицахъ и указывали: „Вонъ, вонъ тамъ! Видишь ты его?“

Были сдѣланы попытки къ спасенію, но тщетно. Быстрина подхватила плывущее тѣло и ударила его головою о сваю моста.

* * *

Пфаннеръ принялъ трудное рѣшеніе и исполнилъ его. Онъ пошелъ къ директору гимназіи просить у него снисхожденія къ Георгу. Всего нѣсколько дней тому назадъ онъ нашелъ бы такой шагъ невозможнымъ и счелъ бы его унизительнымъ для себя и Георга.

Со всею теплотою и обходительностію, какими онъ могъ располагать, онъ высказалъ просьбу чтобы къ его сыну отнеслись снисходительно, хотя малый за послѣднее время нѣсколько ослабилъ прилежаніе. Отецъ ручался за то что теперь дѣло пойдетъ лучше.

— Ослабилъ прилежаніе? Это было ново для директора. Насколько ему извѣстно, никто изъ учителей не жаловался на недостатокъ прилежанія у Георга. Я былъ бы радъ, сказалъ онъ,—еслибы могъ давать всѣмъ родителямъ такой же хорошій отзывъ объ ихъ сыновьяхъ, какъ вамъ о Георгѣ. Онъ на отличномъ счету у всѣхъ учителей, очень добросовѣстенъ и отнюдь не лишенъ способностей...

— О, еще бы! надменно вставилъ Пфаннеръ.

— Отнюдь не лишенъ способностей, холодно повтори директоръ, — но при этомъ онѣ не выходятъ изъ ряда вон Боюсь что вы требуете отъ него слишкомъ многаго и пр полагаете въ немъ больше задатковъ чѣмъ онъ имѣетъ. Е вы заставите его надорвать силы, вы его погубите.

Digitized by Google

Конторщикъ пришелъ на службу совершенно удрученный. Итакъ, онъ требуетъ отъ малаго слишкомъ многаго, онъ его губитъ, Георгъ одаренъ лишь посредственно. Онъ этому не вѣрилъ. Школьное начальство такъ часто ошибается. Какъ много людей, о которыхъ учителя были невысокаго мнѣнія, прославились! Онъ взялся за работу, зарылся въ нее, ища въ ней спасенія отъ тяжелаго камня лежавшаго на сердцѣ.

Около полудня служитель доложилъ ему что его желаютъ видѣть. Въ коридорѣ его ждала фрау Вальхеръ въ страшномъ волненіи.

— Случилось нѣчто ужасное, проговорила она заикаясь,— самое худшее что̀ только можно вообразить. Онъ долженъ сейчасъ же идти съ нею.

— Что̀ значитъ самое худшее? крикнулъ онъ на нее.— Что̀ случилось съ моимъ малымъ?

Она отвѣтила ему жестомъ отчаянія.

* * *

Любимцу гимназіи были устроены торжественныя похороны. Всѣ учителя, всѣ товарищи присутствовали на нихъ. Мастеръ Обернбергеръ слѣдовалъ за шествіемъ плача какъ дитя, а его̀ Пепи сбросилъ на сей разъ все высокомѣріе.

Отецъ твердою поступью шагалъ за гробомъ. Каждое слово сказанное у могилы въ похвалу его сыну, казалось, служило ему утѣшеніемъ, между тѣмъ какъ мать уходила въ себя все глубже.

— Лучше всего было бы для нея, сказала мужу глубоко-огорченная фрау Вальхеръ,—еслибы можно было похоронить и ее съ нимъ вмѣстѣ.

Обѣ супружескія четы отправились домой въ общей каретѣ. Пфаннеръ и жена его не обмѣнялись ни словомъ. Каждый изъ нихъ пугливо избѣгалъ взгляда другаго. По пріѣздѣ домой фрау Агнеса уступила настоятельнымъ просьбамъ подруги и зашла сначала къ ней.

„Она проведетъ хотя бы два часа спокойно“, думала вѣр-ı подруга.

Когда насталъ вечеръ и обычныя обязанности потребовали присутствія, Агнеса машинально занялась приготовленіемъ ина. Она вошла въ комнату чтобы зажечь лампу. Но ›аннеръ уже зажегъ ее самъ. Лампа горѣла на столѣ; тутъ лежали книги и фуражка которыя принесъ школьный сто-

Digitized by Google

рожъ. Передъ Пфаннеромъ лежала раскрытая тоненькая книжка, состояніе мальчика накопленное по гульденамъ. Удрученная фигура сидящаго который разсматривалъ всѣ эти предметы выражала безграничное отчаяніе. Что происходило теперь въ этой душѣ?

Агнеса тихо подошла.

Женщина которую онъ угнеталъ, топталъ и унизилъ до состоянія служебной машины чувствовала себя въ эту минуту крупнѣе и сильнѣе его и сравнительно съ нимъ счастливѣе. Она могла вспоминать о ребенкѣ безъ упрековъ себѣ, онъ простился съ нею нѣжно и любовно.

— Пфаннеръ, выговорила она.

Онъ встрепенулся и въ ужасѣ уставился на нее. Не хочетъ ли она требовать съ него отчета? Его губы дергались и вздрагивали, онъ не могъ произнести ни звука. Въ его искаженныхъ чертахъ лежало нѣчто старческое.

Тогда ненависть улеглась, всякій упрекъ умолкъ. Она медленно приблизилась и сказала:

— Ты хотѣлъ только его блага.

Пораженный неожиданностію, со смиренной благодарностію взялъ онъ ее за обѣ руки, положилъ на нихъ лицо и зарыдалъ.

Digitized by Google

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ЛИРИКА *).

Литературная репутація г-жи Лохвицкой и г. Бальмонта достаточно установилась среди читающей публики; этого нельзя, однако, сказать относительно г. Брюсова къ которому мы теперь переходимъ. Нигдѣ ярлыки и клички не имѣютъ такого громаднаго значенія какъ у насъ; это происходитъ оттого что мы гораздо охотнѣе повторяемъ чужія мнѣнія, чѣмъ вырабатываемъ собственныя, а готовый ярлыкъ или банальное опредѣленіе освобождаютъ насъ отъ этого труда. Такъ напримѣръ, за г. Брюсовымъ давно уже установилось наименованіе „символиста“ и „декадента“, хотя лица употребляющія эту истасканную кличку очень часто вовсе не отдаютъ себѣ яснаго отчета въ томъ что̀ они называютъ *декадентствомъ*, ни въ томъ насколько названіе это опредѣляетъ характеръ творчества поэта. Правда, самъ г. Брюсовъ далъ нѣкоторый поводъ для зачисленія его въ ряды декадентовъ выступивъ шесть лѣтъ тому назадъ въ сборникѣ „Русскіе символисты“. Но съ тѣхъ поръ достаточно выяснилось что никакого декадентства, въ смыслѣ *школы*, у насъ нѣтъ, что каждый изъ молодыхъ поэтовъ и стихотворцевъ дѣйствуетъ на свой образецъ, да и самъ г. Брюсовъ успѣлъ уже значительно отстать отъ своихъ юношескихъ увлеченій и крайностей. А между тѣмъ старая кличка по-прежнему остается при немъ, по-прежнему повторяется это избитое и ничего не выражающее опредѣленіе мѣшающее безпристрастному отношенію къ произведеніямъ поэта.

Между тѣмъ покойный Вл. С. Соловьевъ, весьма чуткій къ инной поэзіи и весьма неблагосклонно относившійся къ декаденту, уже въ первыхъ опытахъ г. Брюсова увидѣлъ проблески тоящаго таланта. Съ тѣхъ поръ г. Брюсовъ выпустилъ нѣсколько жекъ стихотвореній по которымъ наглядно можно судить о ходѣ

*) Окончаніе. См. *Русскій Вѣстникъ*, августъ, 1901 г.

Digitized by Google

его развитія: много въ нихъ было незрѣлаго, страннаго и уродливаго, непріятно дѣйствовало иногда стремленіе автора быть во что бы то ни стало „оригинальнымъ“, сказать непремѣнно „новое слово“, но за то были здѣсь и стихотворенія обличавшія несомнѣнную даровитость автора. Наконецъ, въ послѣднемъ своемъ сборникѣ: *Tertia vigilia* (зачѣмъ только такое претенціозное и надуманное заглавіе?) г. Брюсовъ достигъ той свободы творчества которая даетъ возможность судить о размѣрахъ таланта автора и о характерныхъ особенностяхъ его поэзіи. Конечно, и въ этомъ сборникѣ далеко не все одинаково удачно: напротивъ того, мы впередъ оговоримся что многое здѣсь слабо по формѣ и странно по содержанію, но наряду съ этими неудачными вещами встрѣчаются здѣсь и другія отмѣченныя талантомъ и оригинальностью. Думаемъ поэтому что г. Брюсовъ заслуживаетъ бо̀льшаго вниманія и болѣе справедливой оцѣнки, чѣмъ та которую онъ почти вездѣ встрѣчалъ до сихъ поръ.

Мы начнемъ характеристику поэтическаго творчества г. Брюсова съ одной черты рѣзко отличающей его отъ многихъ собратьевъ по Аполлону. *Природа* и *любовь* издавна были наиболѣе могущественными вдохновительницами поэтовъ. Раскройте любой сборникъ стихотвореній и вы почти навѣрное натолкнетесь на одинъ изъ этихъ мотивовъ. Но просматривая сборникъ г. Брюсова вы, къ своему удивленію, замѣтите почти полное отсутствіе этихъ обычныхъ сюжетовъ: природа и любовь только въ рѣдкихъ случаяхъ служили источникомъ вдохновенія для поэта. Стихотворенія г. Брюсова это грезы и думы съ закрытыми глазами и спокойнымъ сердцемъ. *Пейзажъ* играющій теперь такую значительную роль на нашихъ картинныхъ выставкахъ и въ лирическихъ сборникахъ почти не привлекаетъ къ себѣ вниманія нашего поэта; онъ какъ-будто глухъ и слѣпъ для внѣшней природы. Правда, въ его книгѣ есть цѣлый отдѣлъ *Картинки Крыма* посвященный изображенію природы, но эти мелкія стихотворенія, среди которыхъ есть очень удачныя, представляютъ собой лишь маленькія моментальныя фотографіи безъ того внутренняго освѣщенія которое называется *настроеніемъ* и которое существенно необходимо для того чтобы вышла живая картина, а не мертвый механическій снимокъ. Авторъ смотритъ на природу любознательнымъ взоромъ туриста заносящаго въ свою записную книжку всякую мелочь случайно бросившуюся ему въ глаза, но онъ не живетъ съ нею, не проникается ея настроеніемъ, остается равнодушнымъ къ ея жизни.

Точно также напрасно стали бы мы искать въ стихотвореніяхъ г. Брюсова какихъ-либо отзвуковъ сердечной жизни, которыми такъ

Digitized by Google

богата поэзія г-жи Лохвицкой. Впрочемъ, объ этомъ едва ли слѣдуетъ сожалѣть, такъ какъ до сихъ поръ поэты слишкомъ часто злоупотребляли своимъ правомъ на откровенность обнажая свое сердце передъ чужими взорами. Г. Брюсовъ въ этомъ отношеніи гораздо сдержаннѣе... и, быть-можетъ, искреннѣе. Онъ знаетъ что кромѣ любви есть еще цѣлыя области другихъ человѣческихъ чувствъ доступныхъ поэзіи, вплоть до тѣхъ высокихъ *метафизическихъ* чувствъ которыя находятъ свое выраженіе въ вѣчной жаждѣ истины, добра и красоты и въ религіозномъ экстазѣ. Всего вѣроятнѣе, однако, что эта похвальная сдержанность происходитъ у г. Брюсова отъ особенностей его душевнаго склада, отъ преобладанія въ немъ интелектуальныхъ элементовъ и слабаго развитія элементовъ чувства. И дѣйствительно, самъ поэтъ признается:

Давно ушелъ я въ міръ гдѣ думы,
Страстямъ въ душѣ отвѣта нѣтъ.

Поэтому въ произведеніяхъ г. Брюсова замѣчается явное преобладаніе *мысли*. Въ основѣ всѣхъ его стихотвореній лежитъ какая-либо идея, иногда глубокая, иногда парадоксальная. Г. Брюсовъ поэтъ рефлективный, но рефлексія его выражается не въ сухихъ разсужденіяхъ или сентенціяхъ, но облекается въ образную форму, хотя ясно чувствуется что главную роль въ его поэзіи играетъ не красота этихъ художественныхъ образовъ, а скрытая въ нихъ идея, ихъ внутренній смыслъ. По характеру творчества онъ изъ русскихъ поэтовъ ближе всего напоминаетъ Баратынскаго, хотя и совершенно отличается отъ него по содержанію своего творчества.

Сборникъ г. Брюсова начинается отдѣломъ: *Любимцы вѣковъ*. Здѣсь въ цѣломъ рядѣ небольшихъ стихотвореній проходятъ передъ нами тѣни давно минувшихъ временъ, величественныя, могучія, иногда страшныя тѣни, вызванныя поэтомъ изъ тьмы прошедшаго. Кажется, будто образы давняго былаго занимаютъ поэта гораздо болѣе чѣмъ окружающая дѣйствительность, будто они съ таинственной силой привлекаютъ къ себѣ его фантазію. Взоръ его безучастно скользящій по картинамъ внѣшняго міра все снова и снова устремляется въ туманную область доступную только мысли и воображенію, какъ будто поэтомъ всецѣло владѣетъ то странное и могучее чувство, которое одинъ французскій критикъ назвалъ *nostalgie du passé*. Древняя Греція, таинственный Востокъ, суровый скандинавскій Сѣверъ, даже загадочная глубь до-исторической жизни одинаково привлекаютъ къ себѣ его вниманіе. Но что хочетъ поэтъ сказать образами давно минувшаго? Чего ищетъ онъ и что привлекаетъ его

Digitized by Google

въ туманной дали вѣковъ? Если мы присмотримся къ образамъ на которыхъ останавливается поэтъ, то безъ труда отвѣтимъ на поставленный вопросъ: мы увидимъ что всѣ эти образы являются воплощеніемъ, олицетвореніемъ *силы*, будь это стихійная сила жизни, какъ въ дикихъ Скиѳахъ въ которыхъ поэтъ, вопреки наукѣ, признаетъ своихъ отдаленныхъ предковъ, либо могущество ничѣмъ не ограниченной власти, какъ у Асаргадона и Александра Македонскаго, или же наконецъ непобѣдимая сила воли, стремленіе къ подвигу, какъ у могучихъ скандинавскихъ викинговъ („Царь сѣвернаго полюса"). *Упоеніе силы*, могущества, гордости, вотъ чего ищетъ поэтъ въ дали минувшаго, вотъ отчего преклоняется съ благоговѣніемъ передъ величественными образами царей и героевъ.

Я вождь земныхъ царей и царь Асаргадонъ.
Владыки и вожди, вамъ говорю я: горе!
Едва я принялъ власть, на насъ возсталъ Сидонъ:
Сидонъ я ниспровергъ и камни бросилъ въ море.
Египту рѣчь моя звучала какъ законъ,
Эламъ читалъ судьбу въ моемъ единомъ взорѣ,
Я на костяхъ враговъ воздвигъ свой мощный тронъ.
Владыки и вожди, вамъ говорю я: горе!
Кто превзойдетъ меня? Кто будетъ равенъ мнѣ?
Дѣянья всѣхъ людей какъ тѣнь въ безумномъ снѣ,
Мечта о подвигахъ какъ дѣтская забава.
Я исчерпалъ тебя до дна, земная слава!
И вотъ стою одинъ, величьемъ упоенъ,
Я вождь земныхъ царей и царь Асаргадонъ.

Но поэтъ способенъ понимать также и величіе иной духовной силы, величіе духовнаго подвига, величіе смиренія. Объ этомъ свидѣтельствуетъ его прекрасное „Сказаніе о разбойникѣ", сюжетъ котораго заимствованъ имъ изъ *Пролога*. „Сказаніе" написано размѣромъ русскаго народнаго стиха; съ трогательной простотой въ немъ разказывается чудо духовнаго перерожденія лиходѣя-разбойника явившагося въ женскій монастырь съ цѣлію предать его товарищамъ на разграбленіе, но обезоруженнаго и побѣжденнаго кротостію и смиреніемъ монахинь и ставшаго схимникомъ подъ впечатлѣніемъ совершившагося съ нимъ самимъ чуда. Тонъ и содержаніе стихотворенія вполнѣ гармонируютъ другъ съ другомъ и прекрасно выдержаны поэтомъ, такъ что все „сказаніе" производитъ цѣльное художественное впечатлѣніе. Въ немъ нашло себѣ выраженіе присущее г. Брюсову тяготѣніе ко всему чудесному, необычному, таинственному, заставляющее его постоянно обращать мыслію къ области сверхъ-чувственнаго и сверхъ-естественнаго

Digitized by Google

Эта же черта его личности отразилась и въ небольшой поэмѣ изъ древне-финикійской жизни: *Аганатисъ*, написанной строгими терцинами. Аганатисъ финикійская дѣвушка, женихъ которой безвѣстно исчезъ въ морѣ и которая въ отчаяніи обрекла себя общественному служенію богинѣ любви, стала гетэрой, „а плату за любовь несла во храмъ", какъ это и было въ обычаѣ у нѣкоторыхъ семитическихъ народовъ. Но черезъ пятнадцать лѣтъ женихъ ея долго томившійся въ плѣну возвращается наконецъ въ Сидонъ. Тяжелое предчувствіе томитъ его отравляя ему радость возвращенія. Онъ не узнаетъ роднаго города: все то „что̀ воспоминанья нетлѣннымъ проносили сквозь года" измѣнилось и обновилось. На пристани встрѣчаетъ его Аганатисъ и уводитъ съ собой

Въ свой тѣсный домъ на башенку похожій,
Гдѣ въ нижней комнатѣ царила мгла
И возвышалось каменное ложе.

Онъ безвольно слѣдуетъ за гетэрой. Они не узнаютъ другъ друга и Аганатисъ замѣтивъ его печаль старается развеселить его. Онъ разспрашиваетъ ее и, наконецъ, она называетъ свое имя, Аганатисъ, „и вздрогнулъ онъ отпрянувши въ испугѣ..." Но богиня любви, Ашера свѣтлая, сжалилась надъ несчастными любовниками: по ея велѣнію колесо времени повернулось назадъ.

И въ тотъ же мигъ разсѣялись года,
Вернулись къ солнцу спавшіе въ могилѣ,
Все стало вновь какъ прежде, какъ *тогда*.
Всѣ о недавнемъ какъ о снѣ забыли.
Аганатисъ и съ ней ея женихъ
Опять въ лѣсу за городомъ бродили,
И длинный споръ какъ прежде былъ у нихъ.
До свадьбы онъ хотѣлъ пуститься въ море
Искать богатства въ городахъ чужихъ,
А ей была разлука эта горе.
„Не уѣзжай! на что̀ богатство намъ!"
И наконецъ онъ уступилъ ей въ спорѣ.
И въ день, когда отдавшись парусамъ
Его корабль ушелъ по глади синей,
Они торжественно пошли во храмъ
Свои обѣты повторить богинѣ.

Изъ древняго Сидона, съ пламеннаго юга, фантазія поэта переносится на суровый скандинавскій Сѣверъ. Въ символической поэмѣ „Царь сѣвернаго полюса" онъ рисуетъ намъ могучіе образы угрюмыхъ, полныхъ неодолимой силы богатырей-викинговъ, мрачныхъ даже на пирахъ, страшныхъ въ битвѣ. Въ нихъ какъ бы воплотилась стихійная сила взлелѣявшаго ихъ угрюмаго сѣвернаго моря.

Digitized by Google

Оттого-то отъ ихъ образовъ вѣетъ такою же стихійной, непреклонной силой почти не сознающей себя въ своемъ дикомъ стремленіи.

Любитъ безвѣстности Эрикъ, далью захваченъ варягъ.
Гдѣ-нибудь выглянетъ берегъ, гдѣ-нибудь встрѣтится врагъ.
Знаетъ онъ всѣ побережья, всюду рубиться онъ радъ:
Съ Русью ходилъ въ Обонежье, плавалъ по рѣкамъ въ Царь-градъ,
Грабилъ соборы Севильи, видѣлъ останки Аѳинъ...
Парусъ, развейся какъ крылья! Челнъ, полети какъ дельфинъ!
Анундъ, скиталецъ угрюмый, смотритъ на зыби зыбей.
Вольно ширяется дума въ волнахъ какъ птица морей.
Истинный викингъ ни ночи въ хижинѣ дымной не спитъ,
Истинный викингъ не хочетъ на ночь повѣсить свой щитъ.
Пѣнистый рогъ не веселье пить среди женщинъ и дѣвъ.
Въ челнахъ всегда новоселье, въ волнахъ не молкнетъ напѣвъ.

Сорокъ могучихъ и славныхъ викинговъ плывутъ въ дерзкой ладьѣ по бурному морю. Ихъ ведетъ Свенъ Краснозубый для котораго не страшны ни холодъ, ни бури, ни полночная мгла. Со взоромъ устремленнымъ неизмѣнно на полярную звѣзду, словно зачарованный ею, правитъ онъ крѣпкимъ рулемъ не измѣняя направленія. Все далѣе на сѣверъ плывутъ могучіе викинги, къ неизвѣданнымъ запретнымъ областямъ царя сѣвернаго полюса, гдѣ ихъ ждетъ вѣрная смерть. Свенъ знаетъ это, но онъ не можетъ не стремиться туда, куда влечетъ его завѣтная мечта. Пусть погибнутъ всѣ его спутники, пусть погибнетъ онъ самъ, но онъ хочетъ даже цѣною смерти пробить себѣ путь въ заколдованное царство, хочетъ узнать то чего никто изъ людей еще не видѣлъ. Въ этомъ заключается настоящій смыслъ поэмы: Свенъ не простой викингъ, онъ искатель истины, а истина, по убѣжденію поэта, дается только сильному и безстрашному. Много нужно мужества чтобы безтрепетно взглянуть ей въ лицо, но кѣмъ всецѣло владѣетъ „воля къ истинѣ“, тотъ уже ничѣмъ другимъ не удовлетворится: онъ купитъ познаніе ея даже цѣною собственнаго существованія, такъ какъ уже въ самомъ познаніи заключается безцѣнная награда. „О, великая сладость узнавъ утаить отъ вселенной!“ Свену не нужно ни славы, ни людскаго сочувствія: ему достаточно узнать истину, удовлетворить своему стремленію, и онъ умираетъ счастливый сознаніемъ что ему одному открылось то что остается невѣдомымъ другимъ людямъ.

Но даже еслибы Свенъ захотѣлъ подѣлиться добытой истиной другими, просвѣтить ихъ въ ихъ незнаніи, какъ трудно было бы это сдѣлать! Какъ упорно пришлось бы ему бороться съ косностью толпы и съ ея высокомѣріемъ! И быть-можетъ, онъ погибъ бы непонятый и поруганный. Эту тему поэтъ затрогиваетъ въ другомъ стихотвореніи: „Къ сѣверу“. Онъ разказываетъ о томъ, какъ

Digitized by Google

моряка возвращались на свою сѣверную родину въ страну фіордовъ изъ волшебнаго царства садовъ и дворцовъ, гдѣ въ добычу досталась имъ „семья сиренъ“. Они плывутъ мимо береговъ; на пристани толпятся люди и съ изумленіемъ глядятъ на невиданное зрѣлище, не узнавая ни моряковъ, ни ихъ корабля кажущагося имъ корзиной наполненной „золотыми живыми цвѣтами“ и незнакомыми плодами.

И пѣли сирены
Привязаны къ мачтѣ
И лиры сжимая въ ослабшихъ рукахъ:
„Мы дочери пѣны!
„О, плачьте, о, плачьте
„О югѣ далекомъ, о радостныхъ дняхъ!“
Такъ пѣли сирены
Привязаны къ мачтѣ.
Какъ пламя сверкали ихъ юныя груди.
Но пѣсни сиренъ не слыхали на пристани бывшіе люди,
Молчаливые косные люди!
И мимо прошелъ торжествующій сонъ
На мигъ озаривъ ихъ родной небосклонъ.
Для тысячей нѣмъ,
Не понятъ никѣмъ,
Ибо слишкомъ онъ былъ непохожъ
На скучную ложь,
На разказы учителей мѣстныхъ...
И никто не вкусилъ отъ плодовъ неизвѣстныхъ.

Моряки въ этомъ стихотвореніи это тоже безстрашные „искатели истинъ“, тѣхъ обольстительныхъ, но и опасныхъ истинъ, олицетвореніемъ которыхъ являются здѣсь „сирены“. И быть-можетъ, толпа права оставаясь равнодушной къ пѣснямъ этихъ сиренъ и продолжая прислушиваться къ „разказамъ учителей мѣстныхъ“; быть-можетъ, въ такъ называемой косности ея сказывается благоразуміе жизненаго инстинкта запрещающаго прикасаться къ нѣкоторымъ плодамъ на древѣ познанія. Толпа продолжаетъ свою мирную жизнь родныхъ, знакомыхъ горизонтовъ, между тѣмъ какъ отважные моряки плывутъ все дальше на сѣверъ для того чтобы погибнуть среди необозримыхъ мертвыхъ снѣговъ.

Мы видимъ что г. Брюсова болѣе всего привлекаетъ обаяніе силы, ободы могучей воли. „Неустанное стремленье отъ судьбы къ иной удьбѣ“, вотъ его девизъ, вотъ его идеалъ свободной и полной изни. Повидимому, современная дѣйствительность не удовлетворяетъ эта, кажется ему мелкой, безсильной и скучной, вотъ отчего ращается онъ мечтами къ отдаленнымъ вѣкамъ и грезитъ о полуазочныхъ богатыряхъ и властителяхъ съ ихъ могучими подвигами. ачно, здѣсь сказывается весьма обычная ошибка перспективы

Digitized by Google

издавна заставлявшая людей искать золотаго вѣка далеко позади себя и чувствовать себя неудовлетворенными настоящимъ. Нашъ поэтъ также ищетъ своихъ идеаловъ въ далекомъ полу-миѳическомъ прошломъ, ему кажется что онъ самъ могъ бы зажить тою же широкой, свободной, полусознательной жизнью, съ вѣчными битвами и подвигами, которая грезится ему въ дали вѣковъ. Но всетаки онъ связанъ съ настоящимъ гораздо тѣснѣе чѣмъ, быть-можетъ, онъ самъ предполагаетъ. Насъ обыкновенно болѣе всего привлекаетъ то чего намъ самимъ недостаетъ: вотъ отчего съ такимъ восхищеніемъ взираетъ г. Брюсовъ на могучіе образы „любимцевъ вѣковъ" полныхъ непреклонной силы, чуждыхъ всякаго внутренняго раздвоенія, сомнѣній и анализа.

Когда опускаются шторы
И ласковый ламповый свѣтъ
Умиряетъ усталые взоры,
Мнѣ чудится счастья привѣтъ.
Мнѣ не нужно яркаго блеска,
Красоты и величья небесъ:
Опустись, опустись, занавѣска!
Весь міръ отошелъ и исчезъ.
Со мною любимыя книги,
Мнѣ поетъ любимый размѣръ.
—Да, я знаю какъ сладки вериги
Въ глубинѣ безысходныхъ пещеръ!

Эти тяжелыя, хотя и незамѣтныя для глаза вериги будничной дѣйствительности, привычекъ и условностей воспитанныхъ въ насъ жизнью прекрасно знакомы поэту. Мечта о свободѣ, о подвигахъ, о широкомъ размахѣ воли остается навсегда недостижимой для его созерцательной и рефлектирующей натуры. Поэтому въ нѣкоторыхъ наиболѣе субъективныхъ стихотвореніяхъ г. Брюсова явственно звучитъ нота грустнаго сознанія своего безсилія и покорности судьбѣ. „Не вѣрю я въ увѣренность и въ силу нашихъ силъ!" восклицаетъ онъ въ минуту такого настроенія чувствуя себя безсильнымъ орудіемъ судьбы, ея безвольнымъ рабомъ.

Но куда же ведетъ насъ эта судьба по волѣ которой слагается наша жизнь? Что ожидаетъ насъ, что ожидаетъ все человѣчество въ будущемъ? Г. Брюсовъ, очевидно, неоднократно задумывался надъ этими вопросами, искалъ на нихъ отвѣта. Въ отдѣлѣ „Городъ" представляющемъ рядъ набросковъ внушенныхъ современной городской жизнью находимъ мы и отвѣтъ на этотъ вопросъ: ближайшее будущее человѣчества представляется поэту въ видѣ громаднаго безконечно разросшагося „города", съ уходящими въ высь домами, с безконечными улицами, съ кишащею въ нихъ суетливой толпой.

Digitized by Google

всѣми ухищреніями грядущей цивилизаціи. *Городъ* это торжество холоднаго разума, торжество науки, торжество порядка и мѣры во всѣхъ областяхъ жизни. Въ этой грядущей новой жизни все будетъ размѣрено, предусмотрѣно, приведено въ систему. Въ закономѣрномъ однообразіи будетъ проходить существованіе довольныхъ, спокойныхъ, уравновѣшенныхъ поколѣній, съ обезвреженными страстями, съ ограниченными желаніями. Сравняются горы, исчезнутъ степи и пустыни, на гранитныхъ берегахъ рѣкъ воздвигнется необъятный, во всѣ стороны уходящій „городъ“ который поэтъ называетъ „будущимъ царемъ вселенной“. Жизнь въ немъ будетъ спокойная и довольная, безъ тревогъ, борьбы и волненій, но поэтъ съ тайнымъ ужасомъ думаетъ объ этой жизни, какъ о какомъ-то тяжеломъ кошмарѣ... Но кошмаръ этотъ будетъ продолжаться не вѣчно. Дряхлое человѣчество создавшее „городъ“ сойдетъ со сцены, погибнетъ вмѣстѣ со своей гордой цивилизаціей, придутъ новыя племена, начнется новая юная жизнь полная дикой кипучей силы и стихійной свободы.

Борьба какъ ярый вихрь промчится по вселенной
И въ бѣшенствѣ смететъ какъ травы города,
И будутъ волки выть надъ опустѣлой Сеной,
И стѣны Тауэра исчезнутъ безъ слѣда.
И все что насъ гнететъ снесетъ и свѣтъ время,
Всѣ чувства давнія, всю власть завѣтныхъ сновъ,
И по землѣ взойдетъ невѣдомое племя,
И будетъ снова міръ таинственъ и новъ.
Въ руинахъ звавшихся парламентской палатой
Какъ будетъ радостенъ дѣтей свободныхъ крикъ,
Какъ будетъ весело дробить останки статуй
И складывать костры изъ безконечныхъ книгъ!
Освобожденіе, восторгъ великой воли,
Привѣтствую тебя и славлю изъ цѣпей!
Я узникъ, рабъ въ тюрьмѣ, но вижу поле, поле...
О, солнце! о, просторъ! о, высота степей!

Такимъ образомъ господство „города“ будетъ только временное, а въ болѣе далекомъ будущемъ снова восторжествуютъ сила и свобода и начнется новая жизнь, кипучая, безпокойная, полная юной свѣжести, борьбы и могучихъ подвиговъ. На этомъ чаяніи грядущаго обновленія мы разстанемся теперь съ нашимъ поэтомъ. Въ своей статьѣ мы подробно разсмотрѣли идейное содержаніе поэзіи . Брюсова и, надѣемся, достаточно доказали несправедливость обычнаго взгляда на него какъ на поэта съ чисто-формальнымъ дарованіемъ. Послѣдній его сборникъ по сравненію съ предыдущими ляется большимъ шагомъ впередъ, и можно надѣяться что поэтъ

Digitized by Google

не остановится на достигнутой степени, а пойдетъ еще дальше въ своемъ развитіи. Его поэзія чисто идейная: въ этомъ ея главный интересъ и ея сила, но въ этомъ же заключается и источникъ слабости: она холодна, лишена теплоты живаго чувства и потому неспособна „заражать“ читателя. Стихъ его за рѣдкими исключеніями хорошъ и плавенъ, но въ немъ нѣтъ такой пѣвучей музыкальности которой дышетъ поэзія Бальмонта. Но всѣ эти недочеты нисколько не мѣшаютъ г. Брюсову быть весьма талантливымъ поэтомъ который рано или поздно добьется всеобщаго признанія.

Во многихъ отношеніяхъ полную противоположность поэзіи Брюсова и Бальмонта представляетъ собой дѣятельность другаго молодаго современнаго поэта, г. Бунина. Въ то время какъ у перваго изъ названныхъ поэтовъ почти не встрѣчается стихотвореній навѣянныхъ созерцаніемъ природы, въ поэзіи г. Бунина эти мотивы играютъ преобладающую роль выдѣляясь среди прочихъ его произведеній не только количественно, но и качественно. Г. Бунина по справедливости можно назвать *поэтомъ природы*, и при томъ природы *русской*. Эта послѣдняя характерная черта особенно бросается въ глаза если сравнить его стихотворенія съ соотвѣтственными стихотвореніями, напримѣръ, г. Бальмонта. Когда г. Бальмонтъ рисуетъ намъ картины внѣшняго міра, то онъ дѣлаетъ это всегда въ самыхъ общихъ и неясныхъ чертахъ: лазурное или бушующее море, далекія горы, зеленыя долины, зеркальныя озера, угрюмыя скалы, вотъ обычныя черты въ его изображеніяхъ природы; пейзажъ получается такимъ образомъ довольно неопредѣленный, но во всякомъ случаѣ не русскій, да и вообще во всемъ творчествѣ г. Бальмонта есть что-то экзотическое, чуждое національной окраски. Напротивъ того, вся поэзія г. Бунина проникнута русскимъ народнымъ духомъ и насыщена глубокою любовью ко всему родному. Въ произведеніяхъ его сквозитъ мягкая женственная славянская душа склонная къ тихой грусти и мечтательной задумчивости. При этомъ поэтъ нигдѣ не говоритъ о своихъ русскихъ чувствахъ, не поддѣлывается подъ народный стихъ, не употребляетъ старинныхъ словъ и оборотовъ, и тѣмъ не менѣе національныя черты ясно отпечатлѣваются на всемъ его творчествѣ.

Поэтъ глубоко любитъ свою родину, но онъ любитъ ее не отвлеченною, мозговою любовью, не изъ чувства долга, а со всею теплотою сердечной привязанности. Подобно тому какъ всѣ черты и морщинки роднаго лица знакомы и дороги намъ, такъ знакомы и дороги поэту мельчайшія подробности роднаго пейзажа по которымъ равнодушно скользитъ взоръ случайнаго посѣтителя. Оттого его картины природы отличаются обиліемъ конкретныхъ чертъ въ которыхъ легко можно узнать мѣстныя особенности края описываемаго поэтомъ.

Digitized by Google

южная черноземная полоса средней Россіи съ ея безконечными полями переходящими въ степь, съ рѣдкими дубовыми рощами, съ глубокими оврагами и извилистыми рѣчками, съ селами и одинокими хуторами, съ тихими дворянскими гнѣздами доживающими свой вѣкъ въ глубинѣ дѣдовскихъ парковъ. Вся мирная жизнь этого края со всей ея замѣтной только для любящаго глаза красотой и поэзіей отразилась въ задумчивыхъ мелодіяхъ нашего поэта. По его стихотвореніямъ можно прослѣдить весь годовой кругооборотъ этой жизни. Чаще всего его вдохновляетъ весна, чудная русская весна съ ея особенной, ей одной свойственной нѣжной прелестью. Особенно обаятельно дѣйствуетъ на поэта начало весны, когда земля еще только пробуждается къ новой жизни, когда рощи оглашаются крикомъ прилетѣвшихъ грачей и первые жаворонки запѣваютъ свои радостныя трели надъ просторомъ оживающихъ полей, когда „стыдливо бѣлая береза зеленѣетъ“ и „проходятъ облака все выше и нѣжнѣй“, когда въ ясныя апрѣльскія зори

По лощинамъ звѣзды отражая
Ямы свѣтятъ тихою водой,
Журавли другъ друга окликая
Осторожной тянутся гурьбой...

Поэтъ умѣетъ подмѣчать въ картинѣ пробужденія весны такія черты и подробности которыя придаютъ его описаніямъ особенную жизненность; поэтому въ описаніяхъ этихъ чувствуется рука настоящаго художника, способнаго однимъ удачнымъ штрихомъ оживить всю картину.

Бушуетъ полая вода,
Шумитъ и глухо и протяжно.
Грачей пролетныя стада
Кричатъ и весело и важно.
Дымятся черные бугры,
И утромъ въ воздухѣ нагрѣтомъ
Густые бѣлые пары
Напоены тепломъ и свѣтомъ.
А въ полдень *лужи у крыльца*
Такъ разливаются и блещутъ
Что въ нашей дѣтской безъ конца
По стѣнамъ зайчики трепещутъ.
Межъ *круглыхъ рыхлыхъ облаковъ*
Невинно небо голубѣетъ,
И солнце ласковѣе грѣетъ
Въ затишьѣ гуменъ и дворовъ.
Весна, весна! И все ей радо;
Какъ въ забытьѣ какомъ стоишь
И слышишь свѣжій запахъ сада
И теплый запахъ талыхъ крышъ.

Digitized by Google

Такимъ образомъ изъ ничтожныхъ и, повидимому, прозаичныхъ подробностей поэтъ создаетъ цѣльную художественную картину. Тонкая наблюдательность позволяетъ г. Бунину отыскивать въ родной природѣ такія подробности, которыя до сихъ поръ ускользали отъ вниманія другихъ поэтовъ, и придаетъ его описаніямъ впечатлѣніе жизненной правды. Оттого его стихотворенія вызываютъ въ воображеніи читателя ясные и отчетливые образы, невольно дополняемые памятью и такимъ образомъ создающіе живую и законченную картину. Вотъ какъ, напримѣръ, г. Бунинъ рисуетъ весеннюю грозу, въ стихотвореніи: *Соловьи*:

То разрастаясь, то слабѣя
Громъ за усадьбой грохоталъ,
Шумѣла тополей алея,
На стекла сумракъ набѣгалъ.
Все ниже тучи наплывали;
Все ощутительнѣй, свѣжѣй
Порывы вѣтра обвѣвали
Дождемъ и запахомъ полей.
. . . . . .
Но вотъ по тополямъ и кленамъ
Холодный вихорь пролетѣлъ...
Сухой бурьянъ зашелестѣлъ,
Окно захлопнулось со звономъ,
Блеснула молнія огнемъ...
И вдругъ надъ самой крышей дома
Раздался трескъ короткій грома
И тяжкій грохотъ... Все кругомъ
Затихло сразу и глубоко.
Садъ потемнѣвшій примолкъ,
И благодатно и широко
Весенній ливень зашумѣлъ.

Обыкновенно въ картины весенней природы у г. Бунина какъ-то невольно вплетаются воспоминанія дѣтства и ранней юности, той незабвенной поры, когда чувствовалось полнѣе и чище, когда міръ казался свѣтлѣе и радостнѣе. Сожалѣніе объ этомъ золотомъ времени жизни придаетъ многимъ стихотвореніямъ элегическій отпечатокъ. Однако, жизненныя разочарованія и неоправданныя надежды не озлобили сердца поэта, а только наполнили его тихой мечтательной грустью которая составляетъ господствующій тонъ его произведеній. Любовь къ природѣ цѣлительно дѣйствуетъ на настроеніе поэта не позволяя ему впасть въ малодушное уныніе, заставляя его прозрѣвать за нашей ничтожной, будничной человѣческой жизнью, съ ея мелкими цѣлями, борьбою, волненіями и страданіями, молчаливую и величавую жизнь природы полную красоты и поэзіи.

Digitized by Google

Могилы, вѣтряки, дороги и курганы
Все смерклось, отошло и скрылося изъ глазъ.
За дальней ихъ чертой погасъ закатъ румяный,
Но точно ждетъ чего вечерній тихій часъ.
И вотъ идетъ она, степная ночь, съ востока...
За нею синій мракъ надъ нивами встаетъ.
На меркнущій закатъ, грустна и одинока,
Она задумчиво среди хлѣбовъ идетъ.
И медлитъ на межахъ, и слушаетъ молчанье...
Глядитъ во слѣдъ зари, гдѣ въ призрачной дали
Еще мерещутся колосьевъ очертанья
И слабо брезжитъ свѣтъ надъ сумракомъ земли.
И полонъ взоръ ея загадочно-унылый
Великой кротости и думы вѣковой
О томъ что вѣдаютъ лишь темныя могилы,
Степь молчаливая да звѣздъ узоръ живой.

Не менѣе чѣмъ весеннее пробужденіе природы останавливаетъ на себѣ взоръ поэта и пора ея увяданія. „Унылая краса“ осеннихъ и зимнихъ русскихъ пейзажей знакома и понятна его русской душѣ. Осени посвящены наиболѣе значительныя по размѣрамъ стихотворенія г. Бунина: *Листопадъ* и *Въ степи*. Здѣсь мы находимъ ту же тонкую наблюдательность, то же любовное отношеніе къ предмету своего изображенія, ту же способность олицетворять природу въ живыхъ образахъ. Не такъ охотно, но не менѣе удачно рисуетъ г. Бунинъ и русскую зиму съ ея ледянымъ мертвящимъ дыханіемъ, когда родная земля спитъ глубокимъ сномъ подъ саваномъ снѣга и когда

Одинъ туманъ молочно-синій,
Какъ чья-то кроткая печаль,
Надъ этой снѣжною пустыней
Смягчаетъ сумрачную даль.

Гораздо менѣе отразилась въ поэзіи г. Бунина его интимная сердечная жизнь; что же касается до стихотвореній съ отвлеченнымъ, идейнымъ содержаніемъ которымъ такъ богата поэзія г. Брюсова, то ихъ почти вовсе нѣтъ у нашего поэта за исключеніемъ прекраснаго стихотворенія: *Ночная вьюга*. Во всякомъ случаѣ въ качествѣ поэта русской природы съ рѣдкимъ искусствомъ рисующаго ея скромныя, но милыя нашему сердцу картины г. Бунинъ заслуживаетъ почетное мѣста среди современныхъ русскихъ лириковъ, наряду съ ранными нами выше поэтами, дѣятельность которыхъ ясно показываетъ что время поэзіи еще не миновало на Руси, что настоящій ант всегда будетъ находить себѣ новые сюжеты и мотивы и что имистическія жалобы на вырожденіе у насъ лирическаго творства являются во всякомъ случаѣ преждевременными.

В. Саводникъ.

С-цо Лукино, Богородск. у.
Іюль 1901

Digitized by Google

ВОЕННО-ПОХОДНЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ.

I.

Отъ Владивостока до Сен-ю-чэна.

Мобилизованный 1-й Восточно-Сибирскій стрѣлковый Его Величества полкъ прибывъ 26-го іюня изъ мѣста своей постоянной стоянки, поста Раздольнаго, сѣлъ 28-го іюня во Владивостокѣ на пароходъ для слѣдованія тогда мы еще не знали куда: въ Артуръ или въ Таку.

Служили уже панихиды по убитымъ, цѣлыми сотнями насчитывались раненые въ Печилійскомъ отрядѣ...

Очевидно шли на войну... Насъ, говорю собственно объ офицерахъ (у нижнихъ чиновъ въ краѣ родныхъ почти нѣтъ) провожали жены, дѣти, дорогіе знакомые и провожали, быть-можетъ, навсегда. Но посторонній свидѣтель удивился бы не видя удрученныхъ горемъ разлуки мужей и отцовъ: офицеры заботливо распоряжались, кто нагрузкой лошадей, кто посадкой людей.

— Ахъ, Боже мой!.. Артельщикъ забылъ купить уксусной эсенціи... говоритъ одинъ ротный командиръ.

— А мой болванъ не купилъ машинку для стрижки волосъ и зелени, жалуется другой.

— Сколько разъ говорилъ я, ворчитъ третій обращаясь къ фельдфебелю:—нельзя отпускать такихъ въ городъ! Вотъ напьются и опоздаютъ, что̀ тогда?

Младшіе офицеры наблюдаютъ за нагрузкой повозокъ. Пообѣдали послѣдній разъ въ кругу своихъ близкихъ; до отхода остался какой-нибудь часъ, нагрузка и посадка почти окончены, хотѣлось бы дать волю чувствамъ, побесѣдовать съ провожающими, не тутъ-то было! Нашъ милѣйшій и добрѣйшій фотографъ-любитель Вл. Ал. Д-скій устраиваетъ группу для фотографированія.

Не могу удержаться чтобы не сказать нѣсколько словъ о фотографахъ-любителяхъ... Вы только-что закусили, выпили, у васъ,

Digitized by Google

что называется, душа на распашку... „Господа“, говоритъ любитель, „позвольте одну минуточку“... Всѣ пріосаниваются. Вы уѣзжаете, васъ окружаютъ растроганныя лица... „Господа! на минуточку!“ слышится голосъ фотографа. Молебенъ; напутствуетъ священникъ въ предстоящій походъ; вы крестясь невольно почему-то озираетесь и замѣчаете что на ваше религіозное чувство точно такъ же, какъ въ другихъ случаяхъ на дружеское или родственное, наведено дуло апарата любителя-фотографа...

Возвращаюсь къ пароходу. Предпослѣдній гудокъ, публика мало-по-малу очищаетъ палубу; проходитъ еще добрыхъ полчаса, и пароходъ двинулся унося насъ навстрѣчу новымъ впечатлѣніямъ.

Идемъ день, другой...

Плаваніе однообразно, по временамъ кое-гдѣ бьютъ фонтаны воды выбрасываемой кашалотами: вотъ одинъ вынырнулъ саженяхъ въ 5-ти отъ парохода подставляя свою сѣроватую спину подъ выстрѣлы любителей „пострѣлять“...

1-го іюля съ утра густой туманъ. Поминутно раздавались сигнальные гудки; къ полдню прояснѣло, гудки прекратились. Къ 5-ти часамъ туманъ снова надвинулся: въ 10-ти саженяхъ ничего не видно. Какъ-будто бы послышался свистокъ съ идущаго навстрѣчу парохода; на нашъ отвѣтный свистковъ болѣе не слышно.

Вахтенный начальникъ насторожился. Мы, офицеры, собрались на мостикѣ около капитанской рубки. Вдругъ впереди саженяхъ въ 10—20-ти обрисовался силуэтъ шедшаго на всѣхъ парахъ прямо на насъ парохода.

Глаза помимо воли устремились въ одну точку впередъ, руки крѣпче ухватились за поручни, всѣ затаили дыханіе. Казалось, столкновеніе неизбѣжно. Прошло нѣсколько томительныхъ мгновеній... раздался трескъ... и „японецъ“ шаркнувъ кормой по носу нашего парохода пронесся мимо.

Капитанъ объяснилъ послѣ что при такомъ относительномъ положеніи, въ какомъ были бы столкнувшіеся пароходы, гибель одного неминуема... Избѣгли опасности благодаря находчивости и присутствію духа обоихъ капитановъ: въ моментъ встрѣчи обмѣнявшись мгновенно свистками нашъ взявъ влѣво далъ полный ходъ назадъ; онскій капитанъ, въ свою очередь, повернувъ влѣво далъ полный ъ впередъ...

Если не считать описаннаго случая, плаваніе можно назвать гополучнымъ. Погода благопріятствовала. Администрація парохода илія“ относилась къ намъ радушно и предупредительно.

Въ день посадки капитанъ (онъ же частью и собственникъ) хода Ѳ. Ѳ. Богемскій далъ на свой счетъ каждому нижнему

Digitized by Google

чину по чаркѣ водки и по фунту бѣлаго хлѣба; офицерамъ былъ предложенъ завтракъ.

Въ пути служащими парохода доставлялись возможныя удобства очень тѣсно размѣщеннымъ какъ офицерамъ, такъ и стрѣлкамъ. На „Лилію“ предполагали сначала посадить только 4 роты и весь обозъ, а посадили 7 ротъ и весь обозъ ввиду крайней необходимости въ войскахъ на Квантунѣ и Таку—Тянь-Цзинъ. На тѣсноту полкъ не жаловался по пословицѣ: „не красна изба углами, а красна пирогами“...

4-го іюля раннимъ утромъ „Лилія“ пришла на внѣшній рейдъ Портъ-Артура; наше „ура“ разбудило команду на стоявшемъ тамъ „Сисоѣ Великомъ“; быстро выбѣгали матросы на палубу махая фуражками; подъ звуки полковаго марша входили мы въ гавань. Команды военныхъ судовъ привѣтствуя насъ ползли по вантамъ. Отовсюду навстрѣчу неслось „ура“... Чувствовалась приподнятость духа...

„Лилія“ медленно приближалась. На берегу морякъ-офицеръ махая фуражкой кричалъ „ура! Побѣда!“... Черезъ минуту любезный морякъ прислалъ намъ съ нарочнымъ телеграму о взятіи 30-го іюня одного изъ фортовъ подъ Тянь-Цзиномъ.

Пристали. Прибылъ начальникъ 1-й восточно-сибирской стрѣлковой бригады генералъ-маіоръ Флейшеръ поздравившій полкъ съ прибытіемъ и побѣдой нашихъ войскъ подъ Тянь-Цзиномъ... Высадившись составили ружья въ „козлы“ въ ожиданіи прибытія командира сибирскаго корпуса генералъ-лейтенанта Линевича.

9 часовъ утра. Солнце печетъ невыносимо... Скалистыя, лишённыя растительности угрюмыя горы окружаютъ городъ; сѣрыя черепичныя кровли, стѣны изъ темнаго китайскаго кирпича разбросанныхъ построекъ придаютъ ему скучный видъ; нѣкоторое движеніе замѣтно только на набережной... Пріѣхалъ генералъ Линевичъ и поздоровавшись съ полкомъ прошелъ на пароходъ прибывшій съ ранеными 30-го іюня подъ Тянь-Цзиномъ. Раненыхъ 89 человѣкъ, большинство 12-го Восточно-Сибирскаго Стрѣлковаго полка. Генералъ Линевичъ ласково бесѣдуя ходитъ между ними. Молодцы держатся бодро и оживленно разказываютъ о дѣлѣ сопровождающимъ генерала офицерамъ.

Полкъ всталъ лагеремъ за городомъ, а команды работали весь день и всю ночь по разгрузкѣ, да и надо было спѣшить.

На другой день, въ 4 часа по полудни 1-й эшалонъ полка (1-я и 2-я роты) былъ двинутъ по желѣзной дорогѣ на сѣверъ къ ст. Ташичао. Въ Вафандіанѣ, 5-я или 6-я станція отъ Артура (здѣсь угольныя копи и въ верстѣ отъ станціи желѣзнодорожная больница),

Digitized by Google

три дня тому назадъ Китайцы стрѣляли по больницѣ, служащіе въ переполохѣ, машинистъ отказывается ѣхать ночью. Положимъ, и состояніе пути не располагаетъ къ ночному движенію: въ вагонахъ трясетъ какъ въ телѣгѣ по дурно вымощенной мостовой.

На разсвѣтѣ двинулись дальше. Покрытыя жидкою растительностію горы раздвигаются образуя широкую долину сплошь засѣянную гаоляномъ (видъ проса), чумизой (другой видъ проса) и китайскими бобами; луговъ такъ оживляющихъ окрестности нашихъ деревень нѣтъ, скота не замѣтно кромѣ бродящихъ во множествѣ свиней; лѣсовъ также нѣтъ, кое-гдѣ рощицы, зелени вообще мало, часто встрѣчающіяся деревни окружены ветлами, иногда тополями; да сосна, любимое буддистами дерево, осѣняетъ на кладбищахъ могилы предковъ. Крестьяне въ синихъ рубахахъ, остроконечныхъ камышевыхъ шляпахъ мирно работаютъ на поляхъ или сидятъ у дверей своихъ хижинъ съ любопытствомъ глядя на нашъ поѣздъ.

Особенное вниманіе ихъ привлекаютъ стоящія на платформахъ двуколки которыя они вѣроятно принимаютъ за пушки.

Голыя дѣтишки опоясанныя около пупка и пониже платками (платки въ видѣ косоугольнаго четыреугольника съ какими-то надписями фигурами) бѣгутъ взапуски за поѣздомъ ловя выбрасываемыя солдатами пустыя бутылки.

Получается двойственное впечатлѣніе. Съ одной стороны своеобразная природа, чуждый намъ по духу и крови народъ живущій цѣлыя тысячелѣтія самобытною жизнію. Мы въ 70-ти верстахъ отъ границы „арендуемой“ нами Квантунской области и ежесекундно уносимся все дальше и дальше вглубь южной Манчжуріи... Съ другой, поѣздъ мчится по русской желѣзной дорогѣ дѣлая по 30 верстъ въ часъ, ни впереди, ни съ боковъ насъ никто не охраняетъ за исключеніемъ небольшаго количества солдатъ разбросанныхъ на большомъ разстояніи по станціямъ. Не вѣрится слухамъ о непріязненности Китайцевъ: ѣдемъ какъ по Саратовской губерніи...

Въ городѣ Сен-ю-чэнѣ (около 200 верстъ отъ Артура) начальникъ эшалона получилъ отъ генерала Линевича телеграму съ предупрежденіемъ о враждебномъ настроеніи жителей Сен-ю-чэна и съ приказаніемъ остановиться до прибытія другихъ частей отряда.

Для охраны желѣзно-дорожной линіи, въ виду скопленія значительнаго числа китайскихъ войскъ въ близь лежащихъ крѣпостяхъ: Сен-ю-чэнъ и Коджоу, оставленъ отрядъ изъ нашего полка, 4 батареи 1-й Восточно-Сибирской артилерійской бригады и 4 сотни казаковъ Верхнеудинскаго полка подъ начальствомъ нашего командира полка полковника Хоруженкова.

Отряду предписано двигаться по желѣзной дорогѣ къ станціи

Digitized by Google

Ташичао на соединеніе со стоявшимъ тамъ отрядомъ полковника Домбровскаго.

Къ станціи Сен-ю-чэнъ поѣздъ подошелъ подъ вечеръ. Стали разгружаться. Станціонные служащіе говорили что на стѣнѣ города вывѣшена голова стрѣлка 7-го полка убитаго на-дняхъ во время ничѣмъ не вызваннаго вторженія въ крѣпость корнета полуроты охранявшей станцію. Командовавшій этой полуротой вздумалъ испортить китайскій телеграфъ; у стѣнъ крѣпости онъ перерѣзалъ проволоку и не удовольствовавшись этимъ съ 20-ю человѣками стрѣлковъ и нижнихъ чиновъ охранной стражи вошелъ черезъ открытыя наружныя ворота на площадку между внутренними и наружными воротами, несмотря на просьбы Китайцевъ уговаривавшихъ его не входить съ отрядомъ. Подойдя къ внутреннимъ, уже запертымъ воротамъ, онъ приказалъ ихъ рубить... Китайцы начали стрѣлять и маленькому отряду пришлось отступить съ потерей: одинъ охранникъ раненъ, одинъ стрѣлокъ убитъ... Съ понятнымъ любопытствомъ разсматривали мы освѣщенныя косыми лучами заходящаго солнца зубчатыя стѣны города въ какой-нибудь верстѣ отъ станціи, напрасно стараясь увидѣть въ бинокль голову убитаго стрѣлка.

Смеркалось; люди разбивали палатки, задымились походныя кухни, самовары. Со времени прибытія поѣзда прошелъ слишкомъ часъ; вдругъ со стѣнъ крѣпости залпъ; пули просвистали далеко мимо. Ждемъ что будетъ дальше... молчаніе... стемнѣло, проиграли зарю; пропѣли стрѣлки съ особеннымъ чувствомъ молитву и выставивъ усиленное охраненіе легли одѣтыми спать. Ночь прошла спокойно. На другой день 7-го іюля собрался весь отрядъ.

Отрядъ расположился бивуакомъ близъ станціонныхъ построекъ прикрываясь отчасти полотномъ дороги. Правѣе всталъ 1-й баталіонъ полка, въ серединѣ 8 орудій обращенныхъ дулами къ крѣпости, лѣвѣе 2-й баталіонъ, сзади обозъ и казаки.

Дни стояли жаркіе, доходило до 30° R. въ тѣни, духота, пыль... Бивуакомъ стояли на пескѣ не желая портить сплошь засѣянныя хлѣбомъ поля чтобы не возбуждать неудовольствіе окрестныхъ жителей; лошадей кормили привезеннымъ изъ Владивостока сѣномъ.

Понемногу крестьяне ближнихъ деревень начали ходить на бі акъ, продавали куръ, утокъ, фрукты. Только крѣпость молч никто изъ города не являлся и, какъ намъ было извѣстно, дост туда даже одиночнымъ Русскимъ былъ воспрещенъ подъ страх смерти. Офицеры знакомились съ крѣпостью, ѣздили чуть ли в самыхъ стѣнъ. Нашъ полковой фотографъ В. А. Добржанскій мандующій 6-ю ротою) дѣлалъ снимки крѣпости съ разстоянія 6

Digitized by Google

800 шаговъ. Крѣпость притаилась... Мнѣ кажется, такого издѣвательства надъ собой не позволило бы никакое другое укрѣпленіе кромѣ китайскаго. Мы, офицеры, пріуныли... брать крѣпость не приказано, пока она сама не обнаружитъ непріязненныхъ дѣйствій; впередъ двигаться отрядъ тоже не могъ: нельзя оставить въ тылу... городъ съ враждебно-настроеннымъ къ намъ гарнизономъ.

Приходилось сидѣть у моря и ждать погоды. Между тѣмъ въ штабѣ составляли письмо на китайскомъ языкѣ къ коменданту крѣпости съ предложеніемъ войти съ нами въ переговоры.

11-го іюля начальникъ штаба отряда полковника Домбровскаго телеграфировалъ изъ Ташичао (60 верстъ къ сѣверу отъ Сен-ю-чэна) въ нашъ отрядъ: „Китайцы наступаютъ, ихъ гранаты ложатся на бивуакъ". Вскорѣ сообщеніе съ Ташичао прекратилось: Китайцы испортили телеграфъ... Вслѣдъ за тѣмъ узнали о нападеніи на станцію Коджоу (въ 30-ти верстахъ сѣвернѣе Сен-ю-чэна). Немедленно отправленная въ Коджоу по желѣзной дорогѣ рота возвратилась вечеромъ назадъ; она не могла доѣхать: мостъ на рѣкѣ Нан-до-хѣ (въ $^1/_2$ версты отъ станціи) былъ разрушенъ и сама станція Коджоу въ огнѣ. Вечеромъ и ночью надъ городомъ и на окрестныхъ горахъ появлялись ярко-красные сигнальные огни (сигнализація у Китайцевъ вообще развита).

12-го іюля передъ обѣдомъ офицеры собрались въ столовой (въ одномъ изъ бараковъ находящихся на каждой станціи на случай появленія чумы) для слушанія телеграмы Государя Императора только что полученной въ отвѣтъ на телеграму, которую полкъ передъ выступленіемъ въ походъ послалъ своему Державному Шефу.

Привожу текстъ телеграмы Государя Императора: „Сенъ-ю-чэнъ, командиру 1-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка. Передайте Моимъ сибирскимъ стрѣлкамъ Мое благословеніе! Увѣренъ что каждый поддержитъ доблесть и славу русскаго солдата." Едва смолкло „ура" офицеровъ вызванное чтеніемъ Высочайшей телеграмы, какъ раздались выстрѣлы непріятеля на нашемъ лѣвомъ флангѣ... Опрометью бросились всѣ по мѣстамъ, заиграли тревогу, люди строились на ходу надѣвая амуницію...

Изъ деревни въ 1000 съ чѣмъ-то шагахъ отъ бивуака неслись полковыя и артилерійскія лошади бывшія на водопоѣ: на нихъ противникъ сдѣлалъ нападеніе; за лошадьми показались желтые флаги боксёровъ... Пули засвистали по бивуаку высоко разсѣкая воздухъ... Боксёры быстро приближались, за ними на окрестныхъ возвышенностяхъ выстраивались сдѣлавшія очевидно вылазку изъ крѣпости войска; со стѣнъ также открылась пальба... Не прошло 2-хъ, 3-хъ минутъ, роты 2-го баталіона (командиръ баталіона под-

Digitized by Google

полковникъ Королевъ) развернулись и на безпорядочную стрѣльбу Китайцевъ отвѣтили дружными залпами.

Честь первыхъ боевыхъ залповъ полка принадлежитъ 6-й ротѣ поручика Добржанскаго. Зарвавшіеся впередъ боксёры числомъ до 200 полегли почти всѣ; трупы ихъ валялись шагахъ въ 70—100 передъ ротами.

1-й баталіонъ стоялъ сначала въ колоннѣ близъ вагоновъ, чаще и чаще пролетали надъ нашими головами пули иногда ударяясь въ поѣздъ. Нашъ молодой необстрѣленный полкъ первый разъ въ дѣлѣ за исключеніемъ командира полка, стараго кавказца, да нѣсколькихъ старшихъ офицеровъ; никто изъ насъ, какъ говорится, „пороха не нюхалъ."

Провѣряя свои ощущенія, я всматриваюсь въ лица товарищей офицеровъ и стрѣлковъ. Немногіе поблѣднѣли. Вообще же лица сдѣлались серіознѣе, сосредоточеннѣе... Кое-кто изъ солдатиковъ кланяется близко пролетѣвшей пулѣ.

„Аль знакомая что кланяешься!?" слышится насмѣшливое замѣчаніе изъ рядовъ, и „поклонникъ" пуль конфузливо старается держать голову прямѣе, она у него какъ-то сама собой дергается. Офицеры равняютъ ряды... Вотъ командиръ роты Его Величества волнуется, почему полковой адъютантъ не несетъ знамя?..

Адъютантъ ускакалъ вмѣстѣ съ командиромъ полка въ передовую линію... Наконецъ... несутъ знамя. Командиръ баталіона командуетъ: „Подъ знамя, слушай на к'раулъ!" Тишина, только слышно какъ иногда щелкнетъ пуля въ штыкъ...

„Къ ногѣ, стоять вольно!" командуетъ командиръ баталіона.

Офицеры вышли изъ строя впередъ. Жарко. Кто-то кричитъ: „Н-овъ, дай чаю"... Вѣстовые несутъ чайники, стаканы... Торопливо глотаютъ офицеры желтовато-мутную жидкость...

„N-ой ротѣ занять канаву и открыть огонь по крѣпости!.." передается команда. Рота уходитъ. „Начальникъ отряда приказалъ меньше тратить патроны," предупреждаетъ начальникъ штаба подполковникъ Колюжный...

Тратить патроны и такъ не пришлось.

Высланная къ крѣпости рота дѣлаетъ первый залпъ съ прицѣломъ на 1400 шаговъ цѣлясь по кумирнѣ, откуда противникъ стрѣляетъ по бивуаку изъ крѣпостныхъ ружей.

— Хорошо! говоритъ младшій офицеръ роты наблюдающій боку за паденіемъ пуль,—только много недолетовъ.

— 1500!.. звучитъ команда...

— Не срывать залпы! Какая тамъ шельма стрѣляетъ безъ коман, Взводный унтеръ-офицеръ! Замѣть и поставь на два часа „подъ ру за невниманіе въ строю! кричитъ ротный командиръ.

Digitized by Google

Послѣ втораго залпа крѣпостныя ружья Китайцевъ замолкли, затихло и на лѣвомъ флангѣ. Непріятель отступилъ усѣявъ трупами преимущественно боксёровъ поля гаоляна.

Около четырехъ часовъ пополудни батарея открыла огонь по городу и затѣмъ полкъ пошелъ на штурмъ стѣнъ Сен-ю-чэна...

Передъ самымъ штурмомъ въ N-ую роту явился желѣзнодорожный служащій.

— Ваше благородіе!.. Позвольте съ вашею ротою идти на крѣпость! Вотъ у меня и ружье...

Добровольцу оказавшемуся запаснымъ стрѣлкомъ по фамиліи Стрѣлковымъ разрѣшено встать въ строй.

Молодецъ Стрѣлковъ участвовалъ съ ротою во всѣхъ дѣлахъ до взятія крѣпости Коджоу включительно. Подъ Сен-ю-чэномъ же зная мѣстность подвелъ роту въ томъ мѣстѣ, гдѣ люди по отсыпи легко взобрались наверхъ безъ помощи штурмовыхъ лѣстницъ (хотя лѣстницы своевременно принесены подъ наблюденіемъ завѣдывающаго хозяйствомъ и командира нестроевой роты).

Когда рота была шагахъ въ 1200 отъ стѣнъ, подскакалъ полковой адъютантъ поручикъ Хабаловъ съ приказаніемъ командира полка остановить роту для выслушанія телеграмы Государя Императора.

Одушевленнымъ „ура“ встрѣтили стрѣлки слова Государя и черезъ четверть часа были на крѣпостныхъ стѣнахъ...

Остатки противника поспѣшно скрывались преслѣдуемые посланными въ погоню второю ротою и, частію, ротой Его Величества.

Своему Державному Шефу Государю Императору полкъ пользуясь правомъ шефской части удостоился послать слѣдующую телеграму:

„Петербургъ.

„Его Императорскому Величеству.

„Сегодня ввѣренный мнѣ полкъ былъ осчастливленъ полученіемъ телеграмы и благословенія Вашего Величества. Беззавѣтно преданные престолу и отечеству сибирскіе имени Вашего Величества стрѣлки подносятъ къ стопамъ своего обожаемаго Шефа мятежную китайскую крѣпость Сен-ю-чэнъ взятую сего числа штурмомъ.

„Военныя дѣйствія начаты мятежниками вылазкой изъ крѣпости. Съ нашей стороны ранены 5 нижнихъ чиновъ, потери Китайцевъ около 300 человѣкъ. Большую помощь полку оказали 2-я легкая батарея 1-й Восточно-Сибирской артилерійской бригады и полусотня казаковъ 1-го Верхнеудинскаго полка.

„Забайкальскаго казачьяго войска полковникъ Хорунженковъ“.

Digitized by Google

II.

Отъ Сен-ю-чэна до Коджоу.

Утромъ 14-го іюля начальникъ отряда получилъ увѣдомленіе о начавшемся разрушеніи китайскими мятежниками полотна дороги между станціями Сен-ю-чэнъ и Коджоу (станція Коджоу близъ крѣпости того же имени, въ 30-ти верстахъ къ сѣверу отъ Сен-ю-чэна). Небольшой отрядъ изъ 2-й роты 1-го полка и полуроты 7-го полка съ телеграфистами и желѣзнодорожными рабочими былъ отправленъ немедленно на поѣздѣ подъ командой подполковника Дубельта для отогнанія разрушавшихъ дорогу Китайцевъ и возможнаго ея исправленія.

На 15-й верстѣ отъ Сен-ю-чэна показались толпы зажигавшія мосты, все полотно къ сѣверу дымилось... Поѣздъ пошелъ медленно по временамъ останавливаясь; рота залпами отгоняла поджигателей быстро скрывавшихся въ горы...

Приходилось удивляться энергіи и знанію дѣла техника дороги Н. Н. Прикащикова: въ какія-нибудь четверть часа изъ бывшихъ на поѣздѣ шпалъ возстановлялся сожженный мостикъ, и поѣздъ шелъ дальше...

Пройдя такимъ образомъ верстъ восемь поѣздъ подошелъ къ большому мосту; порча была значительная, потребовалось бы много времени на исправленіе; поѣздъ возвратился въ Сен-ю-чэнъ, потому что начинало смеркаться; рота же осталась ночевать у моста.

Наступила ночь... Пошелъ проливной дождь... Въ 7-ми верстахъ крѣпость Коджоу [1])...

На другой день подошелъ весь отрядъ частью пѣшкомъ, частью на поѣздѣ; отойдя версты двѣ остановились обѣдать; поѣздъ съ 6-ю ротою смѣнившей 2-ю продвинулся съ версту впередъ .. Только что пообѣдали, какъ загудѣлъ тревожно свистокъ паровоза... Раздались залпы 6-й роты (подъ командой поручика Добржанскаго)... Начальникъ отряда скомандовалъ: „2-я рота впередъ!“ Поровнявшись съ поѣздомъ я увидѣлъ вдали, шагахъ въ 2000, толпу человѣкъ въ 300—400 Китайцевъ стрѣлявшихъ и кричавшихъ, какіе-то люди махали впереди желтыми флагами. Толпа отступала... и скоро скрылась.

Къ вечеру отрядъ подошелъ къ полуразрушенному желѣзнодорожному мосту черезъ рѣку Нан-до-хе у станціи Коджоу. Прямо передъ нами за рѣкой виднѣлись обгорѣвшія станціонныя постройки, а вправо вверхъ по рѣкѣ въ 1½ верстахъ на зелени окрестныхъ по-

[1]) Иначе Чай-пинъ.

Digitized by Google

лей обрисовывались сѣроватыя стѣны крѣпости Коджоу, откуда не замедлили открыть по насъ частый орудійный огонь, какъ оказалось впослѣдствіи, изъ гладкостѣнныхъ орудій. Снаряды шлепаясь въ воду не долетали. Небольшой китайскій отрядъ выйдя изъ крѣпости водрузилъ на горѣ два большіе флага... Первымъ же нашимъ пушечнымъ выстрѣломъ одинъ изъ флаговъ былъ сбитъ... Китайцы спустились за горы; горы эти бывшія на пути нашего дальнѣйшаго наступленія были заняты противникомъ который желалъ преградить намъ доступъ въ Ташичао, слѣдующую станцію, гдѣ находился другой русскій отрядъ... Смеркалось... Люди разбивали палатки, варили ужинъ, чай... Вдругъ раздались крики и выстрѣлы Китайцевъ приближавшихся, повидимому, къ флангу и тылу бивуака... Опять командиръ полка скомандовалъ: „2-я рота впередъ!“ Быстро разобравъ ружья рота двинулась на выстрѣлы...

— Ни на шагъ не отходите отъ линіи, идите прямо къ поѣзду! напутствовалъ насъ командиръ полка боявшійся за участь его...

Засвистали надъ головами пули, прошипѣла граната, Китайцы открыли огонь изъ нарѣзныхъ орудій... Пройдя съ полверсты я замѣтилъ въ полутьмѣ сгущавшихся сумерекъ шагахъ въ 400-хъ передъ собой значительную колонну (приблизительно человѣкъ въ 500) отходившую отъ полотна дороги по направленію къ крѣпости съ какимъ-то особенно пронзительнымъ китайскимъ визгомъ... Послѣ трехъ нашихъ залповъ колонна поспѣшно скрылась въ густой гаолянъ. Рота и присоединившаяся охотничья команда ускореннымъ шагомъ пошли вдоль полотна...

— Ваше благородіе! Ваше благородіе! Вонъ они... слышу я полушопотъ солдатъ...

Дѣйствительно, съ трудомъ различаю среди наступившей уже темноты силуеты большой непріятельской партіи засѣвшей подъ желѣзнодорожнымъ мостомъ: боксёры молча выжидали насъ. „2-й и 4-й взводы *ура*“, командую я. Крикъ „ура“, и часть боксёровъ осталась на мѣстѣ проколотая штыками...

Ефрейторъ Струковъ заколовъ при этомъ предводителя партіи отнялъ у него значекъ...

Вдали замелькали огоньки поѣзда...

Сопровождавшіе добровольно роту подполковникъ генеральнаго штаба Колюжный, завѣдывающій хозяйствомъ капитанъ Плѣшковъ полковой адъютантъ поручикъ Хабаловъ (послѣдній принималъ участіе въ дѣлѣ вызвавшись, за неимѣніемъ младшихъ офицеровъ въ ротѣ, командовать взводомъ) поѣхали впередъ узнать, не было ли нападенія на поѣздъ.

На этотъ разъ непріятель на поѣздъ не нападалъ, но сторо-

Digitized by Google

жевой взводъ 6-й роты (6-я рота продожала прикрывать поѣздъ) услыхавъ сначала пальбу, потомъ топотъ лошадей приближавшихся офицеровъ, началъ уже заряжать ружья чтобы встрѣтить залпомъ предположеннаго противника... Офицеровъ спасло отъ такой неожиданной встрѣчи то что командующій ротою поручикъ Добржанскій вслушивавшійся и всматривавшійся въ темноту чтобы лучше опредѣлить „точку прицѣливанія“, услыхалъ: „не стрѣляйте: свои“.

Возвратившись назадъ рота прикрывала артилерію. Отрядъ провелъ ночь возбужденно... Рано утромъ Китайцы сдѣлали изъ крѣпости вылазку и напали на посты бывшей въ сторожевой цѣпи 4-й роты; непріятель занялъ деревню и стрѣлялъ оттуда по бивуаку... Снова команда начальника отряда: „2-я рота впередъ!“ Сняли шапки, перекрестились; полурота въ цѣпи, полурота въ резервѣ, охотничья команда съ праваго фланга. Двинулись... Упала граната, другая... Съ горъ съ того берега посыпались пули, правда, издалека...

Прикрываясь густымъ гаоляномъ рота безъ выстрѣла обхватывала сбоку и сзади деревню среди которой на площади расположились китайскіе пѣхотинцы стрѣлявшіе изъ крѣпостныхъ ружей... Съ крикомъ „ура“ бросились стрѣлки на ошеломленныхъ неожиданнымъ нашимъ появленіемъ Китайцевъ; къ счастію для нихъ, прилегавшій вплотную къ деревнѣ гаолянъ далъ возможность многимъ спастись... остальные устлали своими трупами площадь и часть деревни гдѣ застава 4-й роты предводимая командиромъ роты, капитаномъ Котюжинскимъ (одинъ изъ шипкинскихъ героевъ, еще будучи тогда портупей-юнкеромъ получилъ солдатскій „Георгій“), также произвела атаку одновременно со 2-ю ротою.

Во время схватки стрѣлокъ 2-й роты Сруль Герштейнъ (Еврей) кинулся на двухъ пѣхотинцевъ и заколовъ одного отнялъ у нихъ крѣпостное ружье (фальконетъ). Всего ротою захвачено два фальконета и 10 маузеровскихъ ружей.

Сдѣлавъ нѣсколько залповъ вслѣдъ убѣжавшимъ въ гаолянъ Китайцамъ я выслалъ туда секретъ шаговъ на сорокъ впередъ. Слышу раздирающій душу визгъ, секретъ изъ трехъ человѣкъ наткнулся на восемь человѣкъ китайскихъ солдатъ: одного закололи, 7 убѣжало.

Картина мгновенно измѣнилась: началось избіеніе свиней, з дахтали куры въ рукахъ запасливыхъ солдатиковъ, деревня запыл

„Ваше благородіе, не угодно ли арбузика, поручикъ Бодиско і слали (начальникъ охотничьей команды), у насъ тамъ много“, до дываетъ молодецъ-охотникъ. Идетъ самъ Бодиско, расцѣловал „Ну, что,“ говорю, „цѣлы?!“ „Цѣлъ!“ „Убитыхъ и раненыхъ

Digitized by Google

„Нѣтъ!“ „У меня тоже нѣтъ“. Рота счастливо отдѣлалась и наканунѣ ни одного убитаго ни раненаго. Деревню заняла пришедшая на смѣну 7-я рота, 2-я отошла на бивуакъ провожаемая орудійнымъ и ружейнымъ огнемъ съ крѣпости и того берега.

Только-что мы съ баталіоннымъ командиромъ (подполковникомъ Дубельтомъ) сѣли въ моей палаткѣ пить чай, смотрю, пуля пробила палатку надъ кроватью. Становилось жарко, пошли допивать чай въ тѣнь, къ полотну желѣзной дороги около батареи; слышу, кричатъ: „носилки!“ Ранило стрѣлка моей роты лежавшаго въ палаткѣ и ѣвшаго арбузъ, въ колѣно, къ счастію, легко.

Гранаты ложатся на бивуакъ. Китайцы видимо пристрѣлялись. Вотъ одна упала въ 20 шагахъ отъ праваго фланга палатокъ 2-й роты, но зарылась и не разорвалась, другая ударила въ обозъ.

Всѣ чувствуютъ себя неловко. Мы въ положеніи разстрѣливаемыхъ. Въ атаку идти легче: тамъ солдатъ развлекается хотя бы тѣмъ что двигаясь обходитъ кусты, деревья, переходитъ черезъ канавы, рѣчки, вообще преодолѣваетъ неровности почвы; равняется съ товарищами, исполняетъ команды, наконецъ, и самое важное, видитъ впереди цѣль: врага до котораго стремится скорѣе добраться чтобы избавиться отъ этого непрестаннаго гудѣнія, шипѣнія и свиста гранатъ, шрапнели и пуль, а здѣсь на бивуакѣ стоя на мѣстѣ все вниманіе невольно сосредоточивается только на опасности. „А ну-ка, сейчасъ меня хватитъ въ ногу, въ животъ“, думаетъ потихоньку каждый про себя. „Ихъ сила, видимо-невидимо“, говорятъ стрѣлки. „Помилуйте, всѣ вершины усѣяны войсками, а какъ такіе-сякіе пристрѣлялись!“ разсуждаютъ офицеры. Сказать откровенно, быстрая и мѣткая пристрѣлка китайскихъ артилеристовъ насъ поразила: судя по недавнему прошлому японско-китайской войны мы относились къ китайскимъ войскамъ пренебрежительно. Слышатся голоса за отступленіе къ Сен-ю-Чэну. „Что вы, господа! Передъ Китайцами отступать!“ возражаютъ другіе.

Китайцы начинаютъ спускаться съ горъ расположенныхъ полукругомъ между станціей и городомъ Коджоу. Пули ихъ чаще и чаще ударяются съ глухимъ стукомъ около насъ; ударится пуля въ сухую землю, поднимется клубочекъ пыли, какъ это бываетъ когда на пыльную, сухую землю падаютъ рѣдкія, крупныя капли дождя или гда идетъ крупный градъ. Глаза невольно косятся на такіе клучки пыли.

Командиръ полка (онъ же начальникъ отряда) отдаетъ приказаз запречь обозъ и отойти къ деревнѣ версты на три назадъ (чтобы ти изъ-подъ выстрѣловъ изъ крѣпости), а ротамъ сняться съ уака и встать покамѣстъ вдоль насыпи (такимъ образомъ роты и прикрывались отъ пуль и отчасти отъ орудійнаго огня).

Digitized by Google

Одна изъ ротъ забравъ подъ мышки вещевые мѣшки, амуницію и оставивъ палатки не снятыми отошла къ насыпи. „Капитанъ такой-то! Что это у васъ дѣлается въ ротѣ? Потрудитесь немедленно забрать палатки!“ приказываетъ сердитымъ голосомъ полковникъ выдѣляясь своей крупною фигурой на насыпи, гдѣ онъ стоитъ совершенно открыто. Наступилъ такой психологическій моментъ (какъ при всякомъ отступленіи, хотя мы собственно не отступали, мы только мѣняли мѣсто бивуака отходя назадъ), когда инстинктъ самосохраненія легко можетъ взять верхъ надъ другими чувствами.

Старый полковникъ по своему боевому опыту понимаетъ насколько важны малообстрѣленной части первыя впечатлѣнія на войнѣ и потому не сходя съ насыпи зорко слѣдилъ за порядкомъ въ которомъ роты отходили подъ прикрытіе полотна дороги.

Не успѣлъ принявшій командованіе 8-ою ротою младшій офицеръ объяснить взводнымъ унтеръ-офицерамъ о порядкѣ отвода ротъ, какъ въ середину ея попадаетъ граната, раздается трескъ взрыва и... четверо раненыхъ... Ближайшіе къ мѣсту взрыва люди разсыпались въ стороны. Кричатъ: „носилки“; принявшій командованіе бросается къ раненымъ, взводные унтеръ-офицеры ведутъ взводы не туда, куда слѣдуетъ. Командиръ полка посылаетъ баталіоннаго командира возстановить порядокъ.

Въ одной изъ ротъ нижніе чины торопясь къ насыпи разбираютъ ружья безъ команды.

„Кто вамъ приказалъ разбирать ружья, а? Развѣ была команда „въ ружье?“ Поставить ружья на мѣсто и дожидаться команды!“ кричитъ ротный командиръ. „А ты куда, шельма, идешь?“ обращается онъ къ своему каптенармусу. Каптенармусъ надѣлъ на себя кое-какъ амуницію, скомкалъ полотнище палатки, схватилъ ружье и согнувшись пробирается къ насыпи. „Такъ что, ваше благородіе, командиръ полка сказалъ чтобъ уходили въ канаву“, докладываетъ онъ ротному командиру.

Съ шумомъ проносится граната, каптенармусъ присѣдаетъ почти до земли. Ударъ по мягкому... пониже спины плашмя шашкой ротнаго командира заставляетъ его выпрямиться.

„Я вотъ тебѣ дамъ, въ канаву! Да развѣ командиръ полка отдалъ приказаніе, онъ приказалъ мнѣ отводить роту, а я еще не командовалъ въ ружье!“

Другая граната гудитъ, каптенармусъ опять присѣлъ, снова ударъ шашкою по мягкому... Въ рядахъ роты слышенъ хохотъ. „Пошелъ, шельма эдакая, на мѣсто!“

Отрядъ отошелъ версты три назадъ и всталъ бивуакомъ у деревни недалеко отъ поѣзда (въ головѣ укладки возстановляемаго пути).

Digitized by Google

Нашъ отрядъ [2]) имѣлъ своей задачей охранять возстановляемый желѣзнодорожный путь и по мѣрѣ исправленія его двигаться къ Ташичао (станція въ 30-ти верстахъ къ сѣверу отъ Коджоу) на соединеніе съ стоявшимъ тамъ такой же приблизительно силы какъ нашъ отрядомъ полковника Домбровскаго (командиръ 11-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка). Прежде чѣмъ двигаться впередъ необходимо было взять крѣпость Коджоу для того чтобы обезпечить себѣ тылъ и чтобы ее „примѣрно наказать", согласно телеграмы командира Сибирскаго армейскаго корпуса генералъ-лейтенанта Линевича, за сожженіе желѣзнодорожной станціи Коджоу.

Нашъ маленькій отрядъ насчитывалъ съ небольшимъ 1000 человѣкъ, правда при 8 орудіяхъ, но за то при самомъ незначительномъ числѣ кавалеріи (десятка три, четыре казаковъ) столь необходимой для развѣдочной службы, тѣмъ болѣе, позади насъ, за исключеніемъ двухъ ротъ (роты Его Величества и 5-й) оставленныхъ гарнизономъ во взятомъ нашимъ отрядомъ 12-го іюля Сен-ючанѣ вплоть до Кинджоу [3]), то-есть, на 100 слишкомъ верстъ стояли по станціямъ дороги кучки человѣкъ 10—15 отъ 7-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка. Слѣдовательно на скорую помощь изъ Артура не могли разчитывать: намъ хорошо было извѣстно, тамъ находилось такъ мало войскъ (если не ошибаюсь, одинъ баталіонъ 3-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка и, кажется, баталіонъ 10-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка) что едва хватало на обыкновенную гарнизонную службу (о частяхъ назначенныхъ въ Китай изъ Европейской Россіи еще не было ни слуху ни духу).

Что касается китайскихъ войскъ, то они свободно двигались по Ляодунскому полуострову къ востоку и западу отъ насъ; по сторонамъ дороги и въ тылу оставались цѣлые города (Фуджоу, напримѣръ) съ китайскими гарнизонами.

Мы занимали изъ всего полуострова лишь тонкую линію полосы желѣзной дороги которую непріятель ежечасно могъ перерѣзать, и такимъ образомъ нашъ маленькій отрядъ былъ бы окруженъ противникомъ и окруженъ не толпами бунтующей черни, а обученной европейскому строю пѣхотой съ превосходной артилеріей при значительномъ числѣ поклявшихся въ своей ненависти къ иностранцамъ боксёровъ которые съ безумной отвагой бросались на штыки нашихъ солдатъ.

---

[2]) Шесть ротъ 1-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго Его Величества полка, 2-я батарея (8 орудій) 1-й Восточно-Сибирской артилерійской бригады и $^1/_2$ сотни казаковъ Верхнеудинскаго полка Забайкальскаго казачьяго войска.

[3]) Кинджоу городъ въ 100 верстахъ отъ Артура, у границы Квантунской области; узкій перешеекъ Квантунскаго полуострова составлявшій границу былъ тогда сильно занятъ артилеріей и слабо пѣхотой

Digitized by Google

По свѣдѣніямъ, въ Коджоу сосредоточилось 3000 регулярной пѣхоты, 500 боксеровъ и много орудій.

Само собою понятно, хотя бы 4000 китайскій отрядъ не являлся для насъ непреодолимой силой днемъ, но ночью изъ осторожности приходилось высылать въ сторожевую цѣпь чуть ли не половину наличнаго состава роты, что крайне утомляло людей. Ночные бои опасны тѣмъ для обороняющихся что темнота лишаетъ начальниковъ возможности уяснить обстановку, мѣшаетъ имъ руководить людьми и, главное, совершенно устраняетъ стрѣльбу на дальнія разстоянія и препятствуетъ мѣткости на ближнія (про артилерію и говорить нечего, она по тѣмъ же причинамъ въ ночномъ бою вовсе бездѣйствуетъ). Не понимая вполнѣ значеніе ночнаго боя или, вѣрнѣе, не рѣшаясь на него, Китайцы ограничивались высылкой мелкихъ партій тревожившихъ насъ по ночамъ.

Заберется такая партія человѣкъ 20—40 въ густой гаолянъ окружавшій расположеніе отряда со всѣхъ сторонъ, засядетъ гдѣнибудь шагахъ въ пятистахъ отъ бивуака и стрѣляетъ оттуда наудачу. По всей сторожевой цѣпи открывается безтолковая стрѣльба, поднимается тревога, одѣваются, становятся „въ ружье“ и такъ каждую ночь.

Большихъ усилій стоило офицерамъ пріучить людей спокойно спать или, по крайней мѣрѣ, не вставать и не одѣваться при первомъ выстрѣлѣ.

— Почему вы спите одѣтыми? спрашиваютъ, бывало, стрѣлковъ.

— Такъ что, ваше благороліе, можетъ быть тревога.

— Такъ что же изъ этого что тревога? На войнѣ каждую ночь можетъ быть тревога, такъ и не спать?! Вы вѣдь знаете что есть дежурная часть! [4]).

Отъ постоянныхъ ночныхъ тревогъ нервное напряженіе людей достигло до такой степени что однажды ночью, когда особенно сильно разгорѣлась стрѣльба въ цѣпи и тревога распространилась по всему лагерю, стрѣлки стоявшей позади роты напяливъ наскоро, съ грѣхомъ пополамъ, амуницію съ ружьями на перевѣсъ бросились прямо на палатки передней роты... истоптали ихъ, причемъ досталось и людямъ бывшимъ въ палаткахъ и не успѣвшимъ вовремя выскочить.

Одинъ изъ истоптанныхъ такимъ образомъ разказывалъ по „Проснулся я, ваше благородіе, и слышу что по мнѣ сверхъ пала

[4]) Кромѣ сторожевыхъ постовъ и заставъ удаленныхъ, примѣрно, версту отъ бивуака и обязанныхъ не спать, на самомъ бивуакѣ назна ются взводъ, полурота или рота и болѣе, въ зависимости отъ силы отр въ дежурную часть которая должна быть готова во всякую минуту встрѣчи противника.

Digitized by Google

люди бѣгаютъ... Ну, думаю, „манзы“ ворвались въ лагерь... Я и давай кричать „ура“...“.

Въ другомъ случаѣ кончилось не смѣхомъ, выскочилъ изъ палатки солдатъ въ *синей* рубахѣ и получилъ шесть штыковыхъ ранъ отъ набѣжавшихъ сзади товарищей которые приняли его за Китайца [5]). Раны нанесенныя впопыхахъ оказались по счастію легкими.

Не легко и не простымъ рядовымъ солдатамъ относиться сдержанно къ звукамъ ночной стрѣльбы: много тревожнаго и захватывающаго въ нихъ... Представьте себѣ, бивуакъ вблизи непріятеля... На бивуакѣ обыкновенно тихо... Внезапно въ глухую ночь выстрѣлъ, другой... и все замерло...

Чтобы прекратить безтолковую стрѣльбу съ нашей стороны, приказано въ сторожевой цѣпи не отвѣчать на выстрѣлы непріятеля; стрѣлять только при явномъ нападеніи, да и то когда нападаютъ въ большомъ числѣ, отъ малыхъ же партій отдѣлываться штыками... Разумѣется, легко сказать, поступать такъ или иначе, но какому-нибудь калужскому или томскому безусому парню называемому солдатомъ лишь потому что годъ тому назадъ, положимъ, его взяли въ военную службу трудно было понять, почему нельзя стрѣлять, когда ему страшно, когда въ темную ночь шумитъ кругомъ густой высокій гаолянъ, шелестъ котораго похожъ на шорохъ подкрадывающихся враговъ... Они только-что стрѣляли и теперь вотъ-вотъ выскочатъ на него...

Къ довершенію всего шли почти непрерывно проливные тропическіе дожди, постоянное явленіе въ южной Манчжуріи лѣтомъ, въ часъ, два затоплявшіе всю мѣстность. Вода не впитываясь въ глинистую почву скатывалась въ низины, образуя въ котловинахъ цѣлыя озера и превращая канавы и ручьи въ бурливыя, непроходимыя въ бродъ рѣчки.

Помню, разъ будучи начальникомъ передовыхъ постовъ я разставлялъ въ сторожевую цѣпь свою и 3-ю роты; дождь хлесталъ какъ изъ ведра; часовыхъ пришлось ставить прямо по щиколдки въ воду [6]), поля гаоляна походили на прибрежный тростникъ между которымъ постоянно струится вода.

Когда я разставилъ своихъ и повелъ вмѣстѣ съ штабсъ-капитаномъ рудзинскимъ (командиромъ 3-й роты) 3-ю роту въ другую сторону,) судя потому что люди на дорогѣ брели по колѣно въ водѣ (кстати азать, полотно грунтовыхъ дорогъ въ южной Манчжуріи часто ниже верхности окрестныхъ полей; дороги въ дождливую пору обраща-

[5]) Китайцы вообще ходятъ въ синемъ и у пѣхотныхъ солдатъ ихъ тки синія съ краснымъ.

[6]) Примѣняясь къ правиламъ сторожевой службы, посты ставились на крестахъ дорогъ и въ низинахъ (ночью виднѣе снизу вверхъ).

Digitized by Google

ются въ канавы куда стекаетъ вода съ полей), а нѣкоторыя канавы сдѣлались буквально непроходимыми въ бродъ, я не счелъ возможнымъ оставить своихъ людей на прежнихъ мѣстахъ и послалъ фельдфебеля съ приказаніемъ, отведя посты 2-й роты, поставить ихъ на насыпь полотна желѣзной дороги, то-есть, очень близко къ бивуаку, но что было дѣлать? По словамъ фельдфебеля исполнявшаго мое приказаніе, вода на нашемъ бывшемъ сторожевомъ участкѣ во многихъ мѣстахъ доходила уже стрѣлкамъ до колѣнъ.

Наскоро починенную и еще не вполнѣ оконченную желѣзную дорогу дождями размыло, и мы очутились отрѣзанными отъ Портъ-Артура.

Ночныя нападенія боксёровъ не прекращались.

Кромѣ того Китайцы каждую ночь открывали безполезную по дальности разстоянія стрѣльбу съ горъ, вѣроятно изъ желанія показать намъ свою бдительность.

Обыкновенно въ полночь всѣ вершины горъ лежавшихъ на пути нашего наступленія къ Ташичао опоясывались огненными линіями ружейныхъ выстрѣловъ... Китайцы дѣйствовали въ данномъ случаѣ вопреки здраваго смысла (тактики): они такой стрѣльбой обнаруживая свое расположеніе указывали намъ, какія именно мѣста ими не заняты, чѣмъ и воспользовался поручикъ Масальскій проскользнувшій между китайскими сторожевыми заставами въ Ташичао, куда онъ былъ посланъ въ сопровожденіи пяти казаковъ отъ нашего начальника отряда къ полковнику Домбровскому съ просьбой поддержать нашу атаку на Коджоу двумя ротами при двухъ орудіяхъ со стороны Ташичао.

Наконецъ, начальникъ отряда (полковникъ Хорунженковъ) получилъ увѣдомленіе отъ начальника 1-й Восточно-Сибирской стрѣлковой бригады генералъ-маіора Флейшера [7]) прибывшаго изъ Артура въ Инкоу (Новый-Нью-Чуанъ) съ частями 3-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка что самъ генералъ идетъ къ намъ на помощь съ баталіономъ пѣхоты, двумя орудіями и двумя конными (Донской и Кубанской) сотнями охранной стражи. Получены были также отъ начальника бригады соотвѣтственныя приказанія относительно совмѣстной атаки отрядами (нашимъ и вспомогательнымъ) крѣпости Коджоу; атаку предполагалось сдѣлать 19 іюля.

(*До слѣдующей книги*).

И. Ивановъ.

---

7) Генералъ-маіоръ Флейшеръ будучи назначенъ въ серединѣ іюля г чальникомъ Южно-Манчжурскаго отряда (въ который вошли полки: нач полковника Домбровскаго и полковника Мищенка) въ 20-хъ числахъ іі взялъ съ боя Инкоу (Новый-Нью-Чуанъ), самый важный торговый пс южной Манчжуріи съ многомиліонными торговыми оборотами.

Digitized by Google

ПСИХОЛОГІЯ НАРОДОВЪ.

II *)

Мимика. Языкъ звуковъ.

Согласно общепринятому взгляду мимика занимаетъ среднее мѣсто между языкомъ словеснымъ и письменнымъ: здѣсь, какъ и въ письменномъ языкѣ, понятія выражаются при помощи знаковъ, но подобно звукамъ и словамъ эти знаки суть явленія быстро преходящія.

Относительно времени и условій возникновенія мимики существуютъ два противоположныя мнѣнія. На основаніи того что всякій письменный языкъ естественно является *позднѣе* устнаго, родилось предположеніе что мимика есть не что иное какъ замѣна устнаго языка и что желаніе создать такую замѣну и послужило главнымъ поводомъ къ ея возникновенію. Потому-то мимика какъ продуктъ произвольнаго и болѣе цѣлесообразнаго изобрѣтенія находится въ болѣе понятномъ отношеніи съ тѣми предметами, которые она означаетъ. Съ другой стороны, словесный языкъ обладаетъ множествомъ разнообразныхъ формъ, изъ которыхъ каждая должна быть особымъ предметомъ изученія въ практическихъ цѣляхъ взаимнаго общенія, тогда какъ мимика еще по опредѣленію Квинтиліана есть „omnium hominum communis sermo", то-есть, въ нѣкоторомъ родѣ языкъ всемірный: различныя формы его развитія соотвѣтствуя „діалектамъ" словеснаго языка не представляютъ никакой трудности для пониманія; такое свойство очевидно обусловленное отношеніемъ существующимъ между мимическими знаками и предметами, для которыхъ эти знаки служатъ наглядным выраженіемъ, придаетъ мимикѣ характеръ естественности и первобытности. Если сверхъ того принять вниманіе то обстоятельство что нѣкоторыя движенія животныхъ одны съ мимическими движеніями людей и потому ихъ значеніе я насъ само собою понятно, то, пожалуй, легко можно придти къ ключенію что мимика существовала *раньше* словеснаго языка,) она-то и есть языкъ первоначальный.

*) Продолженіе. См. *Русскій Вѣстникъ*, іюль 1901 г.

Digitized by Google

Такая противоположность воззрѣній наводитъ на мысль что мимика не есть нѣчто цѣльное, возникшее за одинъ разъ, что въ дѣйствительности она представляетъ различныя отрасли сообразно различнымъ условіямъ своего возникновенія и потому при ея изученіи необходимо имѣть въ виду многообразныя формы ея развитія.

Въ послѣднее время главнымъ образомъ привлекала къ себѣ вниманіе мимика глухонѣмыхъ. На ея развитіе большое вліяніе оказываетъ, во-первыхъ, степень глухоты и время ея появленія, во-вторыхъ, та среда въ которой растетъ глухонѣмой: дома ли, въ обществѣ людей одаренныхъ слухомъ, или въ заведеніи среди себѣ подобныхъ; и наконецъ система по которой онъ обучается.

Для самостоятельнаго развитія мимики, разумѣется, наименѣе благопріятна бываетъ жизнь отдѣльнаго глухонѣмаго среди людей не лишенныхъ слуха. Первый способъ, который употребляютъ взрослые при объясненіи съ глухонѣмымъ ребенкомъ, состоитъ обыкновенно въ указательныхъ движеніяхъ; затѣмъ по мѣрѣ умственнаго развитія ребенка устное слово начинаетъ замѣняться письменнымъ, причемъ письменное начертаніе буквъ замѣняется ихъ изображеніемъ при помощи пальцевъ; такимъ образомъ возникаетъ вполнѣ *искусственная* мимика. Этими условіями развитія объясняется то обстоятельство что первая попытка создать систему мимическаго языка въ видахъ обученія глухонѣмыхъ выразилась въ составленіи *ручнаго алфавита* (этотъ алфавитъ былъ изобрѣтенъ въ Испаніи, откуда распространился и въ остальныя страны образованнаго міра). Такая система встрѣтила одобреніе преимущественно со стороны тѣхъ учителей, которые стремились добиться отъ своихъ глухонѣмыхъ учениковъ членораздѣльныхъ звуковъ.

Совершенно обратное явленіе замѣчается тогда, когда глухонѣмые или съ ранняго возраста живутъ по нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ, или когда окружающіе ихъ здоровые люди стараются примѣняться къ ихъ потребностямъ.

Возникающую въ такомъ случаѣ систему знаковъ справедливо можно назвать *естественной* мимикой. Впрочемъ, и здѣсь, разумѣется, не обходится безъ своего рода преданій. Два явленія характеризуютъ подобныя системы: во-первыхъ, въ нихъ замѣчается частое появленіе новыхъ мимическихъ знаковъ, и во-вторыхъ, системы раз ленныя пространствомъ и возникшія совершенно независимо др отъ друга бываютъ такъ сходны въ своихъ составныхъ част что люди употребляющіе ихъ легко могутъ понимать другъ др на этомъ-то и основывается универсальность мимики. Впроч универсальность простирается лишь на понятія всеобщія, к какъ: я, ты, этотъ, тотъ, небо, земля и т. п. Предметы, пр

Digitized by Google

и воспоминанія связанныя съ особыми условіями времени и мѣста естественно должны и выражаться посредствомъ особыхъ специфическихъ знаковъ, которые бываютъ различны по мѣстамъ, поколѣніямъ, мѣняются иногда изъ года въ годъ. Если эти новые мимическіе знаки удачно выражаютъ соотвѣтствующія имъ понятія, то они становятся всеобщимъ достояніемъ. Такимъ способомъ пополняется бѣдность мимическаго языка ощутительная не столько для самихъ глухонѣмыхъ, сколько для окружающихъ ихъ здоровыхъ людей, которымъ всегда бываетъ затруднительно передавать свои мысли при посредствѣ мимики. Оттого-то въ мимику нерѣдко проникаютъ и такіе элементы, которые возможны лишь въ языкѣ устномъ, а именно: искусственно изобрѣтенные символы.

Существенное отличіе отъ мимики глухонѣмыхъ представляетъ форма развитія мимическаго языка у дикихъ народовъ. Два взаимодѣйствующія условія лежатъ въ основаніи возникновенія этого послѣдняго: прежде всего мимика входитъ въ употребленіе среди членовъ одного и того же клана, потому ли что для взаимнаго пониманія здѣсь достаточно бываетъ однихъ мимическихъ знаковъ безъ словъ, или потому что по той или другой причинѣ отдается предпочтеніе нѣмому общенію. На дальнѣйшее развитіе возникающей такимъ образомъ мимики оказываетъ сильное вліяніе второе условіе: такъ какъ языкъ дикихъ народовъ за отсутствіемъ литературы и продолжительнаго общенія расчленяется на множество самыхъ разнообразныхъ діалектовъ, то часто устный языкъ не можетъ быть удобопонятнымъ средствомъ для обмѣна мыслей даже между различными ордами одного и того же племени; поневолѣ приходится прибѣгать въ такихъ случаяхъ къ помощи существующей въ каждой отдѣльной группѣ мимики, что въ свою очередь благопріятно отзывается на количествѣ и характерѣ мимическихъ движеній. Такъ, особеннымъ богатствомъ своего развитія отличается мимика охотничьихъ и воинственныхъ индійскихъ племенъ Сѣверной Америки: очевидно, она была выработана многими поколѣніями, хранитъ, быть-можетъ, традиціи нѣсколькихъ вѣковъ и передается отъ предковъ потомкамъ какъ вполнѣ законченная система знаковъ. Доказательствомъ этого служитъ то что нѣкоторыя изъ такихъ мимическихъ движеній совер-
-вно условны и въ отношеніи существующемъ между символомъ
-го значеніемъ уже невозможно отдать себѣ яснаго отчета. По-
-мо всего вышеуказаннаго многое и другое существенно отличаетъ
мику первобытныхъ народовъ отъ мимики глухонѣмыхъ: мимика
-арей не только богаче символами, но притомъ богаче такими,
-орые могутъ быть понятны лишь для посвященныхъ.

Сравненно болѣе сходства съ мимикой дикихъ народовъ пред-

Digitized by Google

ставляетъ третья форма развитія мимическаго языка встрѣчающаяся у южно-европейскихъ народовъ, преимущественно у южныхъ Италіянцевъ. Наиболѣе удобный матеріалъ для изученія представляетъ въ этомъ отношеніи мимика неаполитанцевъ; она отличается особеннымъ богатствомъ и устойчивостію съ которой сохранялась въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ: безчисленное количество символовъ существующихъ нынѣ у Италіянцевъ встрѣчается еще на античныхъ памятникахъ или упоминается древними писателями. Поэтому такіе символы въ большинствѣ случаевъ условны, ихъ первоначальное значеніе поблѣднѣло. Здѣсь обнаруживается между прочимъ несправедливость того предположенія, будто рѣшающее вліяніе на возникновеніе мимики оказываетъ степень образованности; въ дѣйствительности все зависитъ отъ степени афекта или продолжительности возбужденнаго состоянія, отъ темперамента. Древніе несомнѣнно находили больше удовольствія чѣмъ мы въ употребленіи мимическихъ знаковъ, прибѣгали къ нимъ даже въ обычномъ разговорѣ, но не потому что ихъ культура была ниже нашей, а потому что она была иная. Тонко и художественно развитая античная мимика составляетъ нынѣ наслѣдіе не однихъ Италіянцевъ, она встрѣчается и на другихъ концахъ нашей земли, особенно на Востокѣ: у Арабовъ, Китайцевъ, Японцевъ и другихъ.

Четвертая форма развитія мимики, болѣе чѣмъ какая-либо другая произвольная и условная, возникаетъ тогда когда общество людей одаренныхъ слухомъ умышленно отказывается отъ употребленія словеснаго языка. Молчаніе съ давнихъ временъ входитъ въ составъ религіознаго аскетизма. Всѣ такія системы не богаты мимическими знаками, такъ какъ общеніе между монахами ограничивается самымъ необходимымъ, и по своему характеру онѣ имѣютъ болѣе общаго съ мимикой глухонѣмыхъ, чѣмъ съ мимикой Индійцевъ и Неаполитанцевъ основанной на многолѣтнихъ традиціяхъ.

Итакъ, разсмотрѣвъ всѣ существующіе виды мимики приходится заключить что всѣ мимическія системы въ одно и то же время и естественны и искусственны. Главное отличіе этихъ системъ другъ отъ друга, какъ и выдающіяся особенности каждой изъ нихъ, зависятъ главнымъ образомъ отъ разницы во времени ихъ возникновенія и въ традиціяхъ, почему хирологія и можетъ быть раздѣлена на хирологію древнюю и хирологію новѣйшую, какъ продуктъ болѣе поздней формаціи.

Если перейти теперь къ изученію самаго характера мимическихъ знаковъ, то легко будетъ замѣтить что они дѣлятся на двѣ главныя группы: на мимику *указательную* и на мимику *подражательную*, или вѣрнѣе, *изобразительную*. Вторая группа имѣетъ кромѣ того три подраздѣленія, о которыхъ будетъ сказано ниже.

Digitized by Google

Указательная мимика самая простая по своему характеру и самая ранняя по происхожденію. Въ своемъ первоначальномъ значеніи она относится къ предметамъ находящимся налицо; но такъ какъ всякій предметъ можетъ также быть скрытъ отъ нашихъ взоровъ, то вслѣдъ за указательной мимикой вскорѣ для большинства предметовъ внѣшняго міра создаются особые знаки, копирующіе или означающіе ихъ независимо отъ мѣста ихъ нахожденія. Только два разряда понятій передаются непосредственно указательными знаками, такъ какъ предметы входящіе въ эти области никогда не могутъ отсутствовать: это, во-первыхъ, *лица* между которыми ведется разговоръ (я, ты, иногда также третье или третьи лица); во-вторыхъ, *пространственныя* отношенія (внизу, вверху, направо... и т. п.), причемъ тѣло самого говорящаго служитъ центральнымъ пунктомъ для всякаго направленія въ пространствѣ. Къ этому послѣднему разряду мимическихъ движеній примыкаютъ далѣе такія, которыя не могутъ считаться указательными въ собственномъ смыслѣ слова. Такъ, сюда принадлежатъ, во-первыхъ, тѣ которыя обозначаютъ величину; во-вторыхъ, тѣ которыми лицо говорящее указываетъ на части своего собственнаго тѣла для того чтобы обозначить или самыя эти части, или извѣстныя ихъ свойства и отправленія; въ-третьихъ, наконецъ, такія движенія которыя придаютъ пространственнымъ отношеніямъ значеніе временное (то-есть, когда „здѣсь“, „сзади“, „впереди“=„теперь“, „прежде“, „впослѣдствіи“). Эти три формы развитія встрѣчаются во всякой системѣ мимики и потому ихъ можно признать естественными, хотя онѣ имѣютъ характеръ переходной ступени между примитивной формой указательныхъ движеній и различными видами изобразительной мимики.

Изобразительная мимика, какъ было сказано выше, распадается на три различныхъ вида. Первообразная ея форма, изобразительная въ собственномъ смыслѣ этого слова, обозначаетъ вещи двоякимъ способомъ: или очертаніе даннаго предмета рисуется въ воздухѣ при помощи указательнаго пальца, или внѣшняя форма предмета изображается посредствомъ кистей рукъ, поэтому первый изъ этихъ способовъ называется мимикой очертательной, второй пластической; бываютъ случаи когда обѣ эти формы сочетаются другъ съ другомъ. Такъ напримѣръ, для обозначенія слова „дымъ“ указательнымъ пальцемъ выводится въ воздухѣ спиральная линія напоминающая очертанія клубовъ дыма; чтобы показать что дымъ выходитъ изъ какого-нибудь строенія, вышеописанное движеніе соединяется съ мимическимъ знакомъ замѣняющимъ слово „крыша“; если разумѣется дымъ подымающійся отъ пламени, то для означенія пламени дуютъ на указательный палецъ; оба эти мимическіе знака, изображающіе

Digitized by Google

и дымъ и пламя, употребленные одновременно означаютъ вообще „огонь“. Изъ множества самыхъ разнообразныхъ пластическихъ формъ мимики для примѣра можно указать хотя бы на ту, которая изображаетъ голову какого-либо рогатаго животнаго: вытянутые указательный палецъ и мизинецъ изображаютъ два рога, другіе пальцы пригибаются къ ладони и такимъ образомъ остальная часть изображаетъ голову. Кромѣ рукъ также и мимическая мускулатура лица можетъ принимать участіе въ образованіи пластической мимики, но при этомъ лицо можетъ выражать лишь чувства и афекты или извѣстное состояніе нашего сознанія, какъ „сонъ“, „смерть“, „напряженное вниманіе“ и т. п. Для обозначенія „сна“ обыкновенно закрываютъ глаза и кладутъ голову на правую руку; если при этомъ указательный палецъ устремленъ къ землѣ, то такими движеніями обозначается „смерть“, какъ „сонъ подземный“.

Ко второму разряду изобразительной мимики принадлежатъ тѣ мимическіе знаки, которыми означается не весь предметъ, а лишь одно какое-нибудь его свойство или произвольно схваченное отличіе. Такъ напримѣръ, для обозначенія „ребенка“ глухонѣмой укачиваетъ лѣвой рукой локоть правой руки желая такимъ образомъ изобразить нѣчто такое что̀ обыкновенно носятъ на рукахъ и убаюкиваютъ. Бернардинскіе монахи выражаютъ то же понятіе прикладывая ко рту указательный палецъ (тотъ же знакъ встрѣчается у Индійцевъ и въ іероглифахъ); въ сущности такимъ жестомъ обозначается безсловесность ребенка. Подобное мимическое движеніе существуетъ также у Японцевъ и означаетъ „старуху“, но при этомъ указательный палецъ прикладывается къ зубамъ или къ отверстіямъ между губами, чѣмъ очевидно выражается понятіе „беззубый“. Этотъ родъ мимики, какъ и предыдущій, можетъ имѣть двоякую форму: быстро преходящую и болѣе устойчивую, пластическую, причемъ въ послѣднемъ случаѣ одновременно дѣйствуютъ и руки и лицо. Таковъ, напримѣръ, пластическій знакъ изображающій „голодъ“ или въ переносномъ смыслѣ всякій вообще „недостатокъ“: ротъ жадно раскрытъ, между тѣмъ какъ остальная мимическая мускулатура лица выражаетъ непріятное ощущеніе голоднаго человѣка; правая рука дѣлаетъ при этомъ передъ ртомъ такой жестъ, какой употребляется человѣкомъ для того чтобы схватить какой-нибудь кусокъ. Какъ въ этомъ, такъ и во многихъ другихъ случаяхъ эта форма мимики является какъ бы переходомъ къ третьей, самой важной формѣ въ развитіи изобразительной мимики, *формѣ символической*.

Знаки символической мимики могутъ быть названы *косвенно*-изобразительными въ отличіе отъ всѣхъ остальныхъ, *непосредственно* изобразительныхъ. Такъ, кисть руки согнутая на подобіе черпа

Digitized by Google

по непосредственной асоціаціи представленій служитъ въ мимическомъ языкѣ для обозначенія сосуда; но у индусовъ тотъ же знакъ означаетъ „воду“ очевидно въ силу косвенной асоціаціи: знакъ вызываетъ представленіе о сосудѣ, а этотъ послѣдній о своемъ содержимомъ. Символическіе знаки дѣлятся на двѣ большія группы смотря по тому, образуются ли они изъ другихъ формъ мимическихъ движеній, или же съ самаго начала появляются съ символическимъ значеніемъ.

Между символической и непосредственно-изобразительной мимикой существуетъ тѣсная связь которая обнаруживается въ томъ что и въ символическихъ движеніяхъ различаются два класса: движенія очертательныя, преходящія, и движенія пластическія. Примѣромъ первыхъ можетъ служить мимическій знакъ встрѣчающійся у Индусовъ и состоящій въ движеніи указательнаго пальца отъ глаза лица говорящаго къ глазу собесѣдника, или отъ сердца къ сердцу, для выраженія согласія во взглядахъ или чувствахъ. Что̀ касается пластической символической мимики, то въ большинствѣ случаевъ она является чисто условною и потому часто бываетъ лишена той удобопонятности, которая свойственна вообще мимикѣ. Этотъ видъ мимики дѣлится на двѣ группы: 1) на ту въ которой совмѣстно дѣйствуютъ руки и лицо и 2) на ту гдѣ дѣйствуютъ исключительно руки. Любопытнымъ примѣромъ символической мимики можетъ служить мимическій знакъ встрѣчающійся у Неаполитанцевъ для обозначенія „недовѣрія“; знакъ этотъ употребляется также и въ томъ случаѣ, когда желаютъ кого-либо предостеречь: лѣвая рука оттягиваетъ внизъ нижнюю рѣсницу, чѣмъ какъ бы желаютъ сказать что тотъ, на кого направленъ взоръ говорящаго, долженъ держать глаза открытыми, то-есть, зорко смотрѣть, не зѣвать; такое впечатлѣніе усиливается еще благодаря тому что лицо въ это время выражаетъ напряженное вниманіе, а указательный палецъ правой руки бываетъ поднятъ вверхъ; тонкая усмѣшка играющая на губахъ присоединяетъ сюда выраженіе лукавства.

Наряду съ этими символическими знаками получившими широкое распространеніе существуютъ и другіе болѣе спеціальные, которые являются продуктомъ особаго міросозерцанія, какъ напримѣръ, обозначеніе „справедливости“ у неаполитанцевъ состоящее въ томъ что пальцамъ правой руки придаютъ такое положеніе, какое они обыкновенно принимаютъ у человѣка держащаго вѣсы и не желающаго мѣшать свободному движенію вѣсоваго коромысла. Это мимическое движеніе очевидно есть не что̀ иное, какъ подражаніе символическому изображенію справедливости въ образовательныхъ искусствахъ.

Ни одна изъ формъ мимики не обладаетъ никакими особыми признаками, по которымъ можно было бы различать въ ней, какъ

Digitized by Google

въ словесномъ языкѣ, граматическія категоріи существительныхъ, прилагательныхъ или глаголовъ. Впрочемъ, формальное различіе между этими этимологическими группами не всегда встрѣчается и въ устномъ языкѣ; отсутствіе двусмысленности здѣсь часто зависитъ отъ общей связи рѣчи; въ такомъ случаѣ выступаютъ впередъ *логическія* категоріи, между тѣмъ какъ самыя слова не имѣютъ тѣхъ особенностей, по которымъ опредѣляется ихъ принадлежность къ той или другой группѣ. Точно также указанные выше три вида понятій (предметы, свойства и состоянія) вообще не различаются посредствомъ мимическихъ знаковъ какъ таковыхъ, но между ними существуетъ вполнѣ опредѣленное *логическое* различіе. Иногда впрочемъ такое различіе болѣе ярко указывается при помощи *вспомогательныхъ* мимическихъ движеній присоединяющихся къ главному мимическому знаку. Такъ напримѣръ, въ мимикѣ глухонѣмыхъ прикосновеніе указательнаго пальца къ зубамъ можетъ выражать четыре различныхъ понятія: оно можетъ означать самый „зубъ“, или одно изъ его свойствъ: „бѣлый“, „твердый“, или, наконецъ, вообще напоминать о какомъ-либо твердомъ предметѣ, напримѣръ, „камнѣ“. Однако, способъ какимъ выполняется этотъ мимическій знакъ или какимъ онъ сочетается со вспомогательными мимическими движеніями позволяетъ легко опредѣлить въ каждомъ данномъ случаѣ настоящее значеніе: для обозначенія „зуба“ достаточно бываетъ одного легкаго къ нему прикосновенія; если движеніе должно выражать понятіе „бѣлый“, то обыкновенно указывается на весь рядъ зубовъ и въ то же время глаза широко раскрываются и принимаютъ сіяющее выраженіе, чѣмъ передается впечатлѣніе производимое яркимъ бѣлымъ цвѣтомъ; понятіе „твердый“ выражается тѣмъ что стучатъ указательнымъ пальцемъ по рѣзцамъ; если наконецъ разумѣется „камень“, то къ предыдущему движенію присоединяется еще мимическій знакъ обозначающій дѣйствіе бросанія.

Въ большинствѣ случаевъ разнообразіе значеній одного и того же мимическаго знака зависитъ отъ того что дѣйствіе и связанное съ нимъ явленіе или предметъ не различаются другъ отъ друга; такъ, мимическій знакъ состоящій въ томъ что кисть руки сгибается на подобіе чаши означаетъ не только дѣйствіе „питья“, но также и „напитокъ“ и именно самый обыкновенный изъ нихъ, во— Когда мимическій знакъ составленъ изъ нѣсколькихъ мимически движеній, то богатство его значеній еще увеличивается: если, нап мѣръ, глухонѣмой дѣлаетъ видъ что онъ мелетъ на воображае находящейся у него на груди кофейной мельницѣ и затѣмъ при диняетъ сюда мимическое движеніе означающее „пить“, то п. этимъ можетъ разумѣться или „приготовленіе кофе“, или —

Digitized by Google

кофе", или наконецъ самый „кофе". Въ общемъ, очертательная мимика есть преимущественно та область, въ которой изображаются дѣйствія обозначаемыя глаголами, пластическая та, которая служитъ для изображенія предметовъ; такое различіе объясняется природой той и другой мимической формы. Всѣхъ менѣе богата значеніями мимика непосредственно изобразительная: такъ, очертаніе дома можетъ означать только домъ, мимическое выраженіе гнѣва только гнѣвное душевное движеніе, подражательное движеніе ходьбы лишь это одно дѣйствіе. Бо́льшее разнообразіе въ значеніяхъ возможно при тѣхъ мимическихъ знакахъ, которыми передаются отдѣльныя свойства предметовъ: напримѣръ, движеніе выражающее понятіе „нюхать" и состоящее въ томъ что большой и указательный пальцы складываются около носа такъ какъ-будто они держатъ стебель цвѣтка можетъ означать „цвѣтокъ", „запахъ", „нюхательный табакъ" или наконецъ непосредственное дѣйствіе „нюханія". Всѣхъ богаче значеніями мимика символическая, что̀ объясняется тѣмъ что этого рода знаки могутъ употребляться и въ своемъ первоначальномъ, несимволическомъ значеніи, тѣмъ что одно и то же мимическое движеніе иногда при самомъ своемъ возникновеніи получаетъ различныя символическія примѣненія; наконецъ тѣмъ что изъ одного опредѣленнаго символическаго значенія могутъ развиваться другія. Когда, напримѣръ, символъ двухъ положенныхъ другъ на друга указательныхъ пальцевъ означаетъ „мужа и жену", „двухъ товарищей", „двухъ братьевъ или сестеръ" и наконецъ „два какіе-либо предмета", то по всей вѣроятности всѣ эти значенія явились одновременно; напротивъ, когда указанный выше символъ „справедливости" употребляется въ смыслѣ „наказаніе", то очевидно второе значеніе его обусловлено существованіемъ перваго, такъ какъ изображеніе вѣсовъ наводитъ прямо на представленіе о правосудіи, атрибутомъ котораго и служатъ вѣсы, и лишь косвенно, именно черезъ посредствующее понятіе о правосудіи, приводятъ къ понятію о наказаніи.

Въ естественной мимикѣ замѣчается еще одно особенное свойство, а именно то что ея содержаніе ограничивается тремя главными логическими категоріями: предметовъ, свойствъ и состояній.

Въ какомъ логическомъ, пространственномъ или временномъ отношеніи стоятъ другъ къ другу эти понятія, мимика не указываетъ. Отсюда отчасти зависитъ и живость свойственная мимическому языку, и говорящій и слушающій какъ бы переживаютъ все то что̀ выражается при помощи мимическихъ знаковъ. Индійцы въ нѣкоторыхъ случахъ обозначаютъ обыкновенно посредствомъ особыхъ мимическихъ движеній число дней, мѣсяцевъ или годовъ, которые

протекли со времи какого-либо событія или должны истечь до его начала; глухонѣмые въ свою очередь разказывая о какомъ-либо дѣйствіи не довольствуются указаніемъ на то что дѣйствіе происходило, но обыкновенно рисуютъ и тотъ способъ которымъ оно совершалось: изображая, напримѣръ, дѣйствіе „ходьбы“ посредствомъ движеній указательнаго и средняго пальца правой руки по поверхности лѣвой они производятъ это движеніе иногда быстро, иногда медленно, то повторяя его по нѣскольку разъ, то совершая его взадъ и впередъ или по различнымъ направленіямъ. Подобный наглядный способъ изображенія употребляется въ мимикѣ для передачи и тѣхъ элементовъ мысли, которые выражаются посредствомъ нашихъ отвлеченныхъ частицъ (предлоговъ, союзовъ и т. д.).

Разсмотрѣвъ этимологію мимики перейдемъ теперь къ синтаксису. Обыкновенно говорятъ что въ мимическомъ языкѣ не существуетъ предложеній: когда глухонѣмой для того чтобы сказать „отецъ далъ мнѣ яблоко“ дѣлаетъ послѣдовательно мимическіе знаки означающіе „яблоко“, „отецъ“, „я“, пропуская понятіе „давать“, то здѣсь будто бы предложенія не существуетъ, такъ какъ нѣтъ на лицо самой существенной его части, сказуемаго. Но такой пропускъ вовсе не составляетъ всеобщаго правила и зависитъ главнымъ образомъ отъ того что въ мимикѣ весьма распространенъ lex parsimoniae въ силу котораго опускается все то что̀ само-собою понятно. Кромѣ того и въ приведенномъ выше примѣрѣ не всегда можетъ быть пропущенъ глаголъ. Если онъ содержитъ просьбу, то она можетъ заключаться въ мимическомъ выраженіи сопровождающемъ слово „я“, такимъ образомъ предложенія „отецъ далъ мнѣ яблоко“ и „отецъ, дай мнѣ яблоко“ и на мимическомъ языкѣ будутъ передаваться различно. Если же могло бы возникнуть какое-либо сомнѣніе насчетъ понятія выражаемаго глаголомъ, то глухонѣмой, разумѣется, не замедлилъ бы передать понятіе „давать“ посредствомъ соотвѣтствующаго мимическаго знака. Что касается другой особенности, на основаніи которой также можно было бы отрицать въ мимикѣ существованіе синтаксиса, отсутствіе въ немъ этимологическихъ категорій, то, какъ было доказано выше, явленіе это вовсе не безусловно, такъ какъ извѣстный порядокъ расположенія знаковъ можетъ его уничтожить. Итакъ, приходится заключить что мимическій языкъ заключаетъ въ себѣ только отдѣльные знаки, но и цѣлыя предложенія; эти послѣд играютъ даже бо̀льшую роль, такъ какъ они-то и придаютъ знак ихъ этимологическое значеніе.

Относительно расположенія словъ въ предложеніяхъ надо за тить слѣдующее: по общему правилу первое мѣсто занимаетъ лежащее, опредѣленіе всегда ставится позади опредѣляемаго, д

неніе, напротивъ, впереди того глагола, отъ котораго зависитъ, какъ и въ латинскомъ языкѣ; такимъ образомъ глухонѣмой не скажетъ: „учитель хвалитъ мальчика“, но „учитель мальчика хвалитъ“, подобно тому какъ по-латыни говорится: „magister puerum laudat“. Надо, однако, замѣтить что всѣ эти законы нарушаются тѣмъ что болѣе важные мимическіе знаки, на которыхъ желаютъ особенно остановить вниманіе собесѣдника, предшествуютъ остальнымъ. Благодаря частому употребленію мимическаго языка всѣ его особенности (описанія, отсутствіе флексій и т. п.) такъ укореняются въ сознаніи глухонѣмаго что онъ долгое время примѣняетъ ихъ и къ словесному языку, когда переходитъ къ его изученію. Такъ напримѣръ, вмѣсто фразы: „дождь оплодотворяетъ землю“, одинъ глухонѣмой написалъ: „дождь падаетъ, появляются растенія“, другой выразилъ мысль „я долженъ любить и уважать своего учителя“ такимъ способомъ: „я не бью, не обманываю, не браню учителя, я люблю и уважаю“. Всѣ такія явленія указываютъ что мимика, какъ и всякая другая форма рѣчи, не служитъ только внѣшней оболочкой для мысли, но сама оказываетъ на мысль такое сильное вліяніе что подчиняетъ себѣ всякую вновь пріобрѣтаемую форму словеснаго общенія.

Если наконецъ разсматривать мимику съ психологической точки зрѣнія, то окажется что она есть естественный продуктъ развитія тѣхъ движеній, которыми обыкновенно обнаруживаются чувства, и притомъ явленіе свойственное исключительно человѣку. Правда, высшія породы животныхъ обнаруживаютъ нѣкоторыя характерныя движенія родственныя съ движеніями людей, но при этомъ не можетъ быть и рѣчи о томъ что сообщаетъ человѣческой мимикѣ свойства истиннаго языка: о развитіи различныхъ формъ мимики, о переносѣ значеній, объ опредѣленныхъ синтаксическихъ правилахъ и т. п. Это доказывается тѣмъ что мимическія движенія, которыя у людей повсюду считаются основными и сами собою появляются съ ранняго дѣтскаго возраста, а именно движенія *указательныя*, почти совсѣмъ не существуютъ у животныхъ, не исключая и обезьяны обладающей совершенно особымъ отъ другихъ звѣрей строеніемъ рукъ. То же можно сказать и о движеніяхъ *изобразительныхъ*: способность подражать любому объективному дѣйствію свойственна только человѣку.

Здѣсь кстати будетъ указать на то, какая тѣсная связь существуетъ между различными формами подражательныхъ мимическихъ наковъ и зачатками образовательныхъ искусствъ, между очертательной мимикой и рисованіемъ, съ одной стороны, и между пластической мимикой и пластикой, съ другой. Въ сущности, очертательная мимика есть не что иное какъ примѣненіе рисовальнаго искусства, но на какомъ-либо прочномъ матеріалѣ, а исключительно при по-

Digitized by Google

мощи очертаній производимыхъ движеніемъ пальцевъ въ воздухѣ, причемъ эти очертанія лишь напоминаютъ о предметѣ рисуя передъ зрителемъ его мимолетный образъ. Пластическая мимика ближе подходитъ къ пластикѣ по своей большой устойчивости, но дальше отъ нея по несовершенному изображенію предметовъ, матеріаломъ для котораго служатъ то одна, то обѣ руки. Можетъ-быть, это свойство обусловливаетъ, между прочимъ, легкость перехода пластической мимики въ символическую.

Развитіемъ или приложеніемъ рисовальнаго искусства является языкъ іероглифовъ. Впрочемъ, эти явленія такъ тѣсно связаны другъ съ другомъ что здѣсь едва ли можно говорить о какой-либо временной послѣдовательности. Люди, безъ сомнѣнія, стали дѣлать рисунки на камняхъ и на древесной корѣ не раньше чѣмъ начали жить цѣлыми ордами которыя могли находиться въ сношеніи съ другими ордами, почему и явилась необходимость въ сообщеніи съ отсутствующими; рисунокъ изображавшій то или другое понятіе и представленіе былъ лучшимъ для этого средствомъ. Скоро, разумѣется, человѣкъ переступилъ границы простаго подражанія: способъ обмѣна мыслей при помощи рисунковъ потребовалъ особыхъ указаній, которыя бы выяснили соотношенія между представленіями и понятіями передаваемыми посредствомъ образовъ. Такимъ образомъ проникли въ этотъ языкъ символическіе знаки, которые мало-по-малу совершенно вытѣснили изображенія. Здѣсь находится та точка, гдѣ языкъ мимики и языкъ іероглифовъ соприкасаются другъ съ другомъ, такъ что трудно, во многихъ случаяхъ даже невозможно бываетъ опредѣлить, представляетъ ли данный іероглифъ увѣковѣченный мимическій знакъ или, наоборотъ, извѣстное мимическое движеніе является мимолетнымъ подражаніемъ іероглифа. Поэтому неизбѣжно придти къ тому заключенію что мимика и іероглифы два такія явленія въ области общенія людей другъ съ другомъ, которыя съ самаго начала шли бокъ-о-бокъ въ своемъ развитіи и находились въ постоянномъ взаимодѣйствіи.

Изъ сдѣланнаго здѣсь краткаго обзора мимики видно что мимическій языкъ можетъ служить обращикомъ такой формы развитія человѣческой рѣчи которая отличается наибольшей простотой удобопонятностью. Тѣмъ не менѣе люди лишь въ крайнихъ слу яхъ прибѣгаютъ къ этому способу общенія; по большей части мѣнъ мыслей совершается при помощи звуковъ, причемъ отноше существующее между разнообразными положеніями и движенія языка и различными звуками нашей рѣчи съ давнихъ поръ об тили на себя вниманіе, такъ что у многихъ народовъ самое „языкъ“ стало употребляться въ значеніи „рѣчь“ (lingua, γλῶσσ

Google

Зачатки рѣчи встрѣчаются уже среди животныхъ. Въ этомъ смыслѣ можно разсматривать всѣ тѣ звуковыя явленія которыя производятся, какъ и у людей, посредствомъ дыхательныхъ органовъ и имѣютъ точно такое же значеніе средствъ для проявленія чувствъ. Поэтому сюда могутъ быть причислены звуки издаваемые лягушками, жабами, черепахами и въ особенности птицами и млекопитающими, тогда какъ другіе, производимые, напримѣръ, различными насѣкомыми при помощи крыльевъ и т. п., ни съ физіологической, ни съ психологической точки зрѣнія не могутъ разсматриваться какъ элементы рѣчи. По крайней мѣрѣ сомнительно чтобы они были прямыми симптомами чувствъ: по всей вѣроятности они являются лишь случайными ихъ спутниками, тогда какъ звуки перваго разряда несомнѣнно обладаютъ двумя свойствами: во-первыхъ, они въ сильной мѣрѣ способствуютъ освобожденію отъ чувства, его облегченію, во-вторыхъ, пробуждаютъ такія же чувства въ другихъ животныхъ той же породы.

Коренной звукъ служащій для выраженія чувства въ позднѣйшемъ своемъ развитіи является въ двухъ формахъ: въ формѣ *зова* и въ формѣ *приманки, чаръ*. Въ первоначальномъ же своемъ видѣ онъ вызывается при самыхъ сильныхъ болѣзненныхъ ощущеніяхъ. У животныхъ находящихся въ дикомъ состояніи здѣсь на первый планъ выступаютъ звуки сопровождающіе мучительныя ощущенія голода, въ силу естественной асоціаціи къ нимъ присоединяются тѣ звуки которые сопровождаютъ преслѣдованіе и захватъ добычи, а также борьбу изъ-за нея; такимъ образомъ *крикъ боли* и *крикъ ярости* оказываются и основными, и наиболѣе распространенными звуками; качество и интенсивность этихъ звуковъ бываютъ подвержены лишь очень незначительнымъ измѣненіямъ въ зависимости отъ размѣровъ голосовыхъ органовъ и силы афектовъ. При ослабленіи афектовъ слабѣе становятся и ихъ проявленія; вмѣстѣ съ тѣмъ звуки обнаруживаютъ болѣе тонкіе оттѣнки и сопровождаютъ болѣе разнообразныя ощущенія пріятнаго и непріятнаго (преобладаніе того или другаго изъ этихъ ощущеній вполнѣ зависитъ отъ темперамента животнаго). Такъ какъ при этомъ отверстіе рта мало рас-ывается, то высокіе дисонирующіе тоны значительно ослабляются, въ то же время въ голосовыхъ органахъ могутъ появиться по-ные звуки которые измѣняютъ качество первоначальнаго; примѣръ тому можетъ служить блеяніе овецъ, кудахтанье куръ и т. д. ерхъ того, такъ какъ слабые афекты носятъ скорѣе характеръ одолжительныхъ настроеній нежели внезапныхъ порывовъ, то и ковыя ихъ проявленія занимаютъ собою извѣстный промежутокъ ени: они обыкновенно состоятъ изъ нѣсколькихъ ритмически

Digitized by Google

повторяемыхъ звуковъ, въ темпѣ которыхъ отражается темпераментъ животныхъ: стоитъ только сравнить безпокойное, торопливое кудахтанье курицы съ флегматическимъ блеяніемъ овцы чтобы сразу замѣтить это свойство.

Указанные здѣсь обоего рода звуки (при сильныхъ и при слабыхъ афектахъ) должны быть отнесены къ разряду криковъ и суть явленія первобытныя и постоянныя, такъ какъ съ очень незначительными измѣненіями встрѣчаются почти у всѣхъ породъ животныхъ. Но кромѣ этихъ двухъ формъ звука существуетъ еще третья, которая можетъ быть названа *музыкальной*; звуки эти отличаются болѣе тонкимъ развитіемъ и разнятся другъ отъ друга не только смотря по породамъ, но и по индивидуумамъ и даже по афектамъ. Въ свою очередь и они проявляются въ двухъ видахъ: въ формѣ модуляціи и въ формѣ членораздѣльныхъ звуковъ; хотя эти формы и различны, но никоимъ образомъ не исключаютъ другъ друга; при этомъ модуляція представляетъ низшую ступень развитія, членораздѣльность высшую.

Модуляція нерѣдко проявляется въ звукахъ издаваемыхъ наиболѣе развитыми домашними животными, какъ напримѣръ, въ лаѣ собаки, то гнѣвномъ, то радостномъ, переходящемъ то въ взвизгиванія, то въ ревъ, то въ мелодичный вой подъ звуки играющей музыки; то же замѣчается и у нѣкоторыхъ породъ обезьянъ и, какъ говорятъ, у летучихъ мышей. Но всѣ эти явленія отступаютъ на задній планъ передъ тѣми которыя наблюдаются среди пѣвчихъ птицъ, что по всей вѣроятности обусловлено особымъ, болѣе совершеннымъ устройствомъ ихъ горла. При этомъ птицы надѣлены очевидно и болѣе тонко развитыми органами слуха, такъ какъ многія изъ нихъ бываютъ склонны перенимать чужіе звуки. Подражаніе здѣсь является въ двоякой формѣ: въ видѣ подражанія модуляціямъ въ пѣніи другихъ птицъ и въ видѣ перениманія членораздѣльныхъ звуковъ преимущественно изъ человѣческой рѣчи. Нѣкоторыя птицы обладаютъ и тѣмъ и другимъ подражательнымъ талантомъ.

Въ общемъ, наиболѣе ясно передаются членораздѣльные звуки тѣми птицами которыя *кричатъ*, а не поютъ, вѣроятно потому что ихъ языкъ отличается большей подвижностью.

Музыкальныя способности птицъ обнаруживаются главнымъ образомъ въ томъ что ихъ пѣнію присуща гармоническая послѣдовательность звуковъ. Въ этомъ отношеніи разница между естественнымъ пѣніемъ птицъ и искусственнымъ пѣніемъ людей состоитъ лишь въ томъ что птицы имѣютъ въ своемъ распоряженіи очень незначительное число звуковъ которые притомъ же повторяются въ самыхъ однообразныхъ сочетаніяхъ; кромѣ того членораздѣльность въ боль-

Digitized by Google

шинствѣ случаевъ гораздо менѣе ясна нежели у людей, почему и трудно бываетъ передать звуки птичьихъ пѣсенъ при помощи звуковъ человѣческой рѣчи.

Точно также когда настоящія пѣвчія птицы, какъ напримѣръ, дрозды или канарейки, учатся говорить, то онѣ подражаютъ не столько членораздѣльности, сколько модуляціямъ человѣческаго голоса, даже у попугаевъ эта сторона подражанія играетъ большую роль. Что касается модуляціи звуковъ въ собственномъ пѣніи птицъ, то она отличается несравненно бо́льшею опредѣленностью: терціи и квинты, иногда даже октавы нерѣдко являются здѣсь въ правильной послѣдовательности, хотя наряду съ ними встрѣчаются безъ сомнѣнія и рѣжущія ухо отступленія. Менѣе развитъ ритмъ. Нельзя сказать чтобы онъ совсѣмъ отсутствовалъ, но его надо искать не въ ритмическихъ мелодіяхъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, а въ повтореніяхъ одного и того же звука въ однообразной послѣдовательности трелей или цѣлаго ряда звуковъ.

Модуляція звуковъ можетъ, разумѣется, подвергаться различнымъ измѣненіямъ. Наиболѣе любопытными являются тѣ перемѣны которыя обусловлены разнообразіемъ душевныхъ настроеній у одного и того же индивидуума. Особено удобно наблюдать подобныя явленія у птицъ заключенныхъ въ клѣтки: лишь только настроеніе духа падаетъ ниже извѣстнаго уровня, птица совершенно замолкаетъ. Замѣчаемыя въ этомъ направленіи колебанія совпадаютъ главнымъ образомъ съ бо́льшей или меньшей степенью душевнаго возбужденія и напряженія, напримѣръ, съ чувствомъ любопытства, къ которому очень склонны нѣкоторыя птицы. При переходѣ веселаго настроенія въ грустное перемѣна выражается обыкновенно посредствомъ замедленія темпа, ослабленія звука и пониженія тона; но при чувствѣ испуга, гнѣва, боязни и другихъ т. п. пѣніе неизбѣжно переходитъ въ крикъ, причемъ происходитъ соотвѣтственное измѣненіе и въ членораздѣльности звуковъ.

Человѣческое пѣніе представляетъ единственный вполнѣ опредѣленный случай, гдѣ членораздѣльность и модуляціи звуковъ достигаютъ одновременно своего полнаго развитія. Въ этомъ не можетъ съ нимъ сравниться даже человѣческая рѣчь. Несмотря на необычайное разнообразіе членораздѣльныхъ звуковъ человѣческаго голоса, модуляціи его лишены музыкальности. Въ самую раннюю пору своей жизни ребенокъ совершенно самостоятельно начинаетъ создавать членораздѣльные ничего не значущіе звуки, но мелодическому сочетанію этихъ звуковъ онъ научается гораздо позднѣе благодаря подражанію пропѣтой передъ нимъ мелодіи, приблизительно около того же времени когда онъ начинаетъ учиться соединять другъ съ другомъ членораздѣльные звуки въ подражаніе опредѣленнымъ словамъ.

Digitized by Google

Какимъ же образомъ впервые возникла человѣческая пѣснь? Благодаря какимъ внѣшнимъ условіямъ человѣческая рѣчь пріобрѣла музыкальность и ритмъ? По всей вѣроятности главное значеніе имѣлъ здѣсь *трудъ*, и *трудовая пѣсня* представляетъ первый обращикъ поэзіи и музыки. Въ своемъ первоначальномъ видѣ она часто состоитъ изъ однихъ безсмысленныхъ членораздѣльныхъ звуковъ, которые однако раздаются подъ тактъ производящейся работы; остатки такихъ звуковыхъ произведеній встрѣчаются нерѣдко въ припѣвахъ нашихъ пѣсенъ. Затѣмъ мало-по-малу вмѣсто звуковъ или между ними начинаютъ вставляться слова. При сравнительно покойной работѣ наиболѣе талантливый пѣвецъ выступаетъ изъ среды остальныхъ: онъ поетъ текстъ пѣсни, другіе его повторяютъ или дополняютъ припѣвомъ. Ритмическое чутье развивается у человѣка на основаніи естественнаго ритма движеній ходьбы, съ которыми сообразуются соотвѣтственно правильныя движенія рукъ. Движенія равномѣрныя выполняются съ меньшимъ трудомъ; въ этомъ-то вѣроятно и кроется корень того эстетическаго удовольствія, которое мы находимъ въ ритмѣ. Когда общая работа направлена на одинъ и тотъ же предметъ, какъ напримѣръ, при греблѣ или при подъемѣ тяжестей, то ритмическіе звуки сами по себѣ являются вспомогательнымъ средствомъ, такъ какъ обусловливаютъ одновременное приложеніе къ дѣлу всѣхъ единичныхъ силъ.

Первоначальная трудовая пѣснь развивается по двумъ направленіямъ: съ одной стороны, она входитъ въ составъ религіознаго культа, съ другой стороны, такъ какъ ритмическія движенія переносятся на борьбу, а также на игры и пляски, то возникаютъ пѣсни боевыя и пѣсни восхваляющія подвиги героевъ.

Итакъ, главная особенность человѣческой пѣсни состоитъ въ преобладаніи ритмическаго элемента. Между тѣмъ какъ въ самомъ совершенномъ пѣніи птицъ можетъ не быть и признаковъ ритма, трудовая пѣсня самаго дикаго изъ народовъ дѣлится на правильные такты и музыкальные періоды.

(До слѣдующей книги).

А. М.

Digitized by Google

НА РОДИНѢ НОРМАНОВЪ.

VII *).

Нёрдаль и Согне-фіордъ.

Выѣздъ изъ Бергена очень веселый. Мы отправились по желѣзной дорогѣ до Восвангена чтобы тамъ нанять лошадей и оттуда проѣхать уже въ коляскѣ одною изъ самыхъ поразительныхъ по красотѣ долинъ Норвегіи, Нёрдаль, черезъ Стальгеймъ въ Гудвангенъ, на берегу Согне фіорда, соперничающаго своими живописными видами съ Гардангеръ-фіордомъ, и такъ же какъ онъ привлекающаго къ себѣ съ каждымъ годомъ все больше и больше европейскихъ туристовъ.

Долго нашъ поѣздъ бѣжалъ по излучистымъ берегамъ Согне-фіорда, одного изъ тѣхъ безчисленныхъ внутреннихъ рукавовъ многовѣтвистаго Гардангеръ-фіорда, что̀ какъ змѣи вьются и пропалзываютъ между горныхъ кряжей и лѣсистыхъ холмовъ далеко вглубь материка, переплетаясь другъ съ другомъ, сливаясь съ рѣчками, протоками, озерами и прокладывая такимъ образомъ всѣмъ открытыя водныя дороги въ самую недоступную глушь норвежскихъ горъ и ущелій.

Противъ насъ черезъ водную гладь залива развиваются какъ свитокъ безконечной панорамы оживленные берега обширнаго острова Остерё съ его веселыми деревеньками, фермами, лугами, холмами, сами, съ заманчивыми перспективами его заливчиковъ и проливковъ, уходящихъ въ синія ущелія горъ. Но вотъ мы вдругъ какъ-разомъ очутились въ мрачной и дикой тѣснинѣ рѣки Даль-эльфа рванной въ черныхъ скалахъ гранита. Отвѣсныя стѣны поднимались прямо надъ головою, а внизу кипитъ и шумитъ бурный потокъ.

---

*) Продолженіе. См. *Русскій Вѣстникъ*, августъ, 1901 г.

Digitized by Google

Природа словно дразнитъ или забавляетъ насъ какъ дѣтей. Послѣ суроваго Даль-эльфа опять прелестная водная ширь озера Больстадъ-вандъ вся окруженная зелеными холмами, долинами, живописными далями горъ. Тунели тутъ на каждомъ шагу по всей дорогѣ, такъ что свѣчи не тушатся въ фонаряхъ вагоновъ. До Восвангена ихъ цѣлыхъ пятьдесятъ два. Они очень кстати прерываютъ однообразіе видовъ перенося насъ отъ одной воды къ другой, изъ одной котловины въ другую; такъ что кажется, будто передъ нами задвигаются черныя доски огромной камеръ-обскуры чтобы быстро перемѣнить новую картину и поразить насъ новыми впечатлѣніями.

За Больстадъ-вандомъ рѣка Воссе и озеро Воссевандъ уже менѣе интересныя. За то милое мѣстечко Восвангенъ, гдѣ окончился желѣзнодорожный путь и гдѣ мы должны остановиться, полно интереса. Тутъ нѣсколько хорошихъ гостиницъ, потому что туристы начинаютъ отсюда свои пѣшеходныя и экипажныя путешествія въ знаменитую Неродальскую долину и вслѣдствіе этого мѣстечко постоянно кишитъ иностранцами. Мы заказали себѣ завтракъ, а въ ожиданіи его отправились пѣшкомъ осмотрѣть мѣстныя достопримѣчательности. Старинная деревянная церковь мѣстечка построена еще въ XIV столѣтіи; вся она въ масивныхъ тесовыхъ главкахъ, со множествомъ грифельныхъ крышечекъ, настроенныхъ одна надъ другою и одна въ другую оригинальными крытыми шатрами; страннымъ образомъ она напомнила мнѣ своею наивно-дѣтскою архитектурою нѣкоторыя старинныя деревянныя церкви нашихъ сѣверныхъ погостовъ. Но еще любопытнѣе этой церкви (археологическій уникумъ своего рода, подобнаго которому уже нельзя найти нигдѣ въ другомъ мѣстѣ) такъ называемой здѣсь „fineloftet“, самый древній деревянный домъ во всей Норвегіи, изумительнымъ образомъ сохранившійся въ своемъ первобытномъ видѣ съ 1300 года, то-есть, въ теченіе почти 600 лѣтъ! Годъ его основанія вырѣзанъ на деревянной доскѣ крупными старинными буквами надъ входомъ дома, какъ всегда дѣлали въ старину норвержскіе хозяева. Въ домѣ ничего не измѣнено, не исправлено. Стоитъ онъ нѣсколько поодаль отъ деревенской улицы въ началѣ поселка. Мы не брали провожатаго изъ гостиницы, и насъ провела къ нему встрѣтившаяся намъ по дорогѣ старая баба.

Домъ довольно просторный, принадлежавшій очевидно зажиточному хозяину. Это огромный деревянный грибъ своего рода: онъ весь съ головы до ногъ черно-коричневый какъ старый грибъ отъ протекшихъ столѣтій и отъ пропитавшей его смолы, и какъ грибъ пріосѣняетъ широкою шляпкою своей крутой грифельной крыши болѣе узкій срубъ дома. Въ срубѣ этомъ опять-таки верхній ярусъ

Digitized by Google

много шире нижняго, такъ что тотъ поддерживаетъ его какъ ножка гриба свою шляпку... Эта странная форма постройки вызвана постоянною влажностію почвы, которая невольно заставляетъ человѣка поднимать свои жилища повыше въ воздухъ и поменьше прикасаться къ землѣ. Домъ этотъ хоть и неладно скроенъ да за то крѣпко сшитъ: фронтонъ его крыши увѣнчанъ перекрещивающимися концами масивныхъ стропилъ и характернымъ конькомъ съ пастью дракона, какъ всѣ вообще старинныя норманскія постройки. Сложенъ онъ изъ толстѣйшихъ вѣковыхъ сосенъ, срубленныхъ на самыхъ высокихъ горныхъ вершинахъ, гдѣ дерево растетъ гораздо туже и медленнѣе, чѣмъ на сырыхъ и низменныхъ, и потому пріобрѣтаетъ особенную плотность; и срублено оно, конечно, въ самое подходящее время, потому что старинные люди жившіе въ постоянномъ тѣсномъ общеніи съ природою тонко знали ея малѣйшіе особенности и хорошо примѣтили, въ новолуніе или въ полнолуніе бываетъ суше срубленное дерево, беретъ ли легче его червякъ, если оно снято въ маѣ, а не въ сентябрѣ. Притомъ старинные хозяева рубили дерево не сразу и никогда не клали его свѣжимъ въ постройку, а сначала очищали его отъ коры, отъ луба, отъ бѣлка и давали хорошенько высохнуть на корню одной только твердой древесинѣ, которая послѣ этого дѣлалась крѣпкою какъ кость.

Все это объяснилъ мнѣ довольно ветхій деньми старикъ неожиданно явившійся къ намъ въ роли стража археологическаго дома и путеводителя по немъ. Но кромѣ умѣлаго выбора дерева, каждое бревно положенное въ постройку, по старому обычаю этихъ вѣчно сырыхъ и дождливыхъ странъ, быстро гноющихъ все что только можетъ прѣть и гноиться, предварительно пропитывалось варомъ изъ смолы и дегтя надежно предохранявшимъ его отъ гноенія... Этимъ только и можно себѣ объяснить почти невѣроятное долголѣтіе здѣшнихъ старинныхъ деревянныхъ домовъ постоянно переходившихъ безъ поправокъ и передѣлокъ отъ прадѣдовъ къ внукамъ.

Въ верхнемъ ярусѣ дома жилыя помѣщенія, въ нижнемъ полутемные амбары и кладовыя, еще ниже въ фундаментѣ изъ глыбъ дикаго гранита подвалы для скота...

Все это грубо, несокрушимо, скорѣе напоминаетъ какую-нибудь пещеру въ скалѣ, чѣмъ современное жилище.

Шестисотлѣтній домъ норвежскаго крестьянина очень умно обращенъ въ деревенскій археологическій музей своего рода. Въ комнатахъ и галереяхъ его разставлены, разложены, развѣшаны всѣ принадлежности стариннаго крестьянскаго хозяйства, словно еще до сихъ поръ въ немъ продолжаютъ жить и работать его давніе хозяева: тутъ и грубо выточенная, грубо раскрашенная деревянная по-

Digitized by Google

суда и мебель старинныхъ временъ, и огромныя мѣдныя ендовы, жбаны странныхъ формъ съ ручками въ видѣ корабельной кормы, домодѣльные ковры и юбки изъ шерсти, о которую можно занозить руку, неумѣлыхъ, но оригинальныхъ узоровъ, и старинная конская сбруя, и старинное громоздкое неудобное оружіе, топоры на длиннѣйшихъ рукояткахъ, копья разныхъ ухищренныхъ фигуръ, тяжелые двухаршинные палаши съ рукоятками въ видѣ цѣлаго забрала, все то что́ когда-то было необходимо даже скромному землепашцу нисколько не менѣе и не рѣже, чѣмъ его плугъ и коса.

Возвратясь въ гостиницу, мы нашли ее залитою какъ наводненіемъ внезапнымъ нашествіемъ цѣлаго легіона германскихъ морскихъ кадетовъ совершающихъ со своими воспитателями поучительное путешествіе по Норвегіи. Они заняли въ огромной столовой своими опрятными синими мундирчиками цѣлый длиннѣйшій столъ и держали себя, надо отдать имъ справедливость, съ большимъ приличіемъ. Хозяинъ съ безмолвнымъ довольствомъ созерцавшій полные публики столы не преминулъ сообщить намъ что съ часа-на-часъ ожидаетъ еще 92 человѣка англійскихъ туристовъ, которые должны прибыть съ поѣздомъ изъ Бергена.

Мы заказали еще раньше четырехмѣстную коляску для поѣздки черезъ Нёрдаль и послѣ сытнаго завтрака бодро двинулись въ путь.

Насъ все время провожаетъ слѣва живописная многоглавая гора Lönehorje усыпанная снѣгами по всѣмъ своимъ главамъ. Снѣгъ, оказывается, и сегодня еще выпалъ на горахъ въ порядочномъ обиліи, оттого-то такъ холодно намъ ѣхать сквозь эти зеленыя долины со всѣхъ сторонъ огороженныя лѣсными холмами. Толстое осеннее пальто совсѣмъ не согрѣваетъ меня и приходится прибѣгнуть еще къ пледу, несмотря на развалъ лѣта и глубоко-синее небо, то и дѣло впрочемъ захватываемое дождевыми тучами.

Кучеръ нашъ прожилъ 9 лѣтъ въ Америкѣ, „вино давилъ въ Калифорніи“, какъ объяснилъ онъ намъ, и потому свободно говоритъ поанглійски.

Онъ родомъ изъ этихъ именно мѣстъ, изъ сосѣдней долины осѣняемой снѣгами Lönehorje; по дорогѣ онъ намъ показалъ вдали и свою родную деревню. Фрукты тутъ не выспѣваютъ, огородовъ тоже нѣтъ, хлѣба сѣять нельзя, жизнь деревенскаго человѣка здѣсь очень тяжела. Пробавляются только охотою за звѣремъ, рубкою дровъ да ломкою камня. Здѣшнія горы почти сплошь изъ сѣро-бѣлаго лабрадора, который очень цѣнится для большихъ хорошихъ построекъ. Ломаютъ и грифель, которымъ здѣсь кроютъ крыши. Мы даже встрѣтили по дорогѣ нѣсколько повозокъ полныхъ еще необдѣланныхъ

Digitized by Google

грифельныхъ плитъ изъ которыхъ иныя были до аршина величины. Словоохотливый возница объяснилъ намъ при этомъ что земляныя крыши, которыми чаще всего покрыты здѣсь деревенскіе дома, устраиваются единственно ради дешевизны, а вовсе не для теплоты; сначала кладутъ бересту чтобы стропила и латвины не гнили отъ сырой земли, а на бересту уже сыпятъ землю. Грифельная же черепица много удобнѣе, хотя и дороже.

За придорожною гостиницею Твинде проѣхали мы хорошенькій водопадъ Твинде-фоссъ, не очень высокій, но за то очень живописный. Дорога за Твинде долго идетъ глубокою лѣсною долиною, потомъ вступаетъ въ узкую тѣснину Мёркадаль-эльфа съ отвѣсными стѣнами скалъ, съ ревущимъ внизу, какъ сметана бѣлымъ, потокомъ.

Когда ущелье это выпустило насъ на свѣтъ Божій, среди синяго неба и свѣжей зелени лѣсныхъ горъ опять ярко вырѣзалась сверкающая бѣлоголовая Lönehorje заслонившая своею колосальною ширмою половину горизонта.

Въ Винье мы остановились на полчаса въ довольно приличной гостиницѣ покормить лошадей и напиться чаю чтобы отдохнувъ опять лѣзть вверхъ по тѣсному лѣсному ущелью съ милыми горными лугами по сторонамъ сплошь пестрѣвшими знакомыми русскими травами и цвѣтами. Вотъ мы на берегу большаго озера съ широкою горною панорамою. Снѣговые хребты кольцомъ окружаютъ вдали прилегающіе къ водѣ зеленые луга. Озеро это Огнеймъ-вандъ. По берегамъ его разбросаны деревеньки и одинокія гостиницы. Мы проѣзжаемъ сначала Фрамнекъ-отель, потомъ черезъ версту Онгеймъ-отель; и та и другая полны путешественниковъ. Вездѣ новые хорошіе дома выскочившіе въ послѣднее время какъ грибы послѣ теплаго дождика по всѣмъ дорогамъ Норвегіи, по которымъ двигаются сыплющіе золото европейскіе туристы.

Здѣшняя труженическая бѣднота придавленная суровою матерью природою стала теперь не на шутку зарабатывать отъ странствующаго праздная люда Англіи, Америки, Германіи, кто кучерствомъ, кто каретами, кто гостиницею, кто поставкою разныхъ нужныхъ припасовъ.

Навстрѣчу намъ, впереди насъ, слѣдомъ за нами, все время ѣдутъ по той же дорогѣ десятки парныхъ колясокъ и одиночныхъ каріолокъ, биткомъ набитыя туристами разныхъ странъ; за ними не рѣдко поторапливаются и повозки нагруженныя чемоданами и сакъ-вояжами.

Признаюсь только что при здѣшней погодѣ мѣняющейся двадцать разъ на день, то и дѣло вспрыскивающей васъ какъ изъ лейки

Digitized by Google

дождемъ сейчасъ же послѣ ярко-синяго неба, многодневныя поѣздки въ открытыхъ тѣсныхъ кабріолетахъ на 2-хъ колесахъ въ одну лошадку кажутся мнѣ не особенно привлекательными даже и при самой восторженной впечатлительности къ красотамъ природы...

Скатились мы сквозь густой лѣсъ въ новую долину и вдругъ очутились у подножія скалы на которой эфектно высится увѣнчанный флагами великолѣпное зданіе Hôtel Stallheim...

Это огромная первокласная гостиница построенная въ древнесканскомъ стилѣ, но приноровленная всѣми внутренними распорядками своими къ требовательнымъ вкусамъ Англичанъ. „Просвѣщенные мореплаватели“ кишмя кишатъ здѣсь, занявъ своими безцеремонными компаніями всѣ многочисленные нумера, столовыя, салоны, галереи, балконы, наполняя своею неблагозвучною непоколебимосамоувѣренною рѣчью всѣ три этажа отеля и всѣ окружающія его прогулки.

Величественный домъ гостиницы стоитъ на самомъ выступѣ обрывистой скалы, надъ чудною головокружительною пропастью Нёрдальскаго ущелья провалившагося у ногъ этой колосальной каменной стѣны. Видъ на Нёрдальское ущелье съ высоты Стольгейма одинъ изъ самыхъ поразительныхъ и самыхъ знаменитыхъ видовъ во всей богатой чудными видами Норвегіи. Не видать Стольгейма и Нёрдальской долины для норвежскаго туриста уголовное преступленіе, смертельный грѣхъ. Недаромъ императоръ Вильгельмъ II, этотъ завзятый туристъ изъ туристовъ, самъ два раза пріѣзжалъ сюда любоваться ни съ чѣмъ несравнимою картиною Нёрдаля и даже привозилъ въ Стальгеймъ свою супругу.

Намъ пришлось покинуть Стальгеймъ въ ясный и тихій послѣобѣденный часъ. Подъѣхали къ краю пропасти чтобы начать спускъ и остановились очарованные. Подъ нами распахивалась какая-то волшебная бездна полная свѣта, тѣней, тумановъ дали, уходившая куда-то въ таинственную глубину... Исполинскіе куполы сѣро-бѣлаго лабрадора грозными рядами надвинулись съ обѣихъ сторонъ на узкую тѣснину ручья, что̀ роется робкою змѣйкою на днѣ колосальнаго провалья. Далеко назади задвинула всю эту поразительную картину широкая декорація снѣжной горы, съ которой скатываются разсыпаясь въ пыль до бѣла вспѣненные каскады Киле-фосса. Бѣленькая жилка шосе извивается тамъ внизу невѣроятно крутыми и частыми петлями, будто размотавшійся мотокъ нитокъ, по безчисленнымъ уступамъ и заворотамъ скалъ, и сверху жутко смотрѣть на нее въ ожиданіи что сейчасъ придется и намъ пересчитывать своею грузною коляскою всѣ эти головоломныя ступени безконечной винтовой лѣстницы спускающейся въ подземное царство.

Digitized by Google

При боковомъ освѣщеніи перевалившаго за полдень солнца неописуемо красивы свѣтовые эфекты этой грозной пропасти, сѣробѣлыя громады которой то выступаютъ облитыя яркими лучами дня, то сурово хмурятся въ темныхъ тѣняхъ вечера.

Ближе всѣхъ къ намъ колосальный Іордальнутъ выныриваетъ изъ неясныхъ тумановъ бездны своею круглою сахарною головою, какъ мраморъ бѣлою и обточенною какъ мраморная кегля, сѣдовласый титанъ стоящій грознымъ стражемъ у воротъ подземнаго царства...

Я смотрю на чуть видную тропку процарапанную на огромной высотѣ вокругъ вершины этого мраморнаго великана и не смѣю вѣрить что мнѣ самому приходилось столько разъ ходить и ѣздить верхомъ по такимъ головоломнымъ козьимъ слѣдамъ.

Снѣга лежатъ пока на вершинахъ всѣхъ видныхъ намъ горъ кромѣ лысаго и круглаго какъ колѣно черепа Іордальнута на которомъ ничто не въ силахъ задержаться...

Мы спускаемся по крутымъ заворотамъ шосе обнесеннаго въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ прочною желѣзною рѣшеткою, которую въ этой странѣ порядка и честности никто, конечно, не развинчиваетъ и не выламываетъ, какъ это не преминули бы учинить не теряя золотаго времени добрые ребята въ нашей родной сторонушкѣ.

Пустили впередъ коляску, а сами идемъ пѣшкомъ молча не отрывая глазъ, впиваясь всѣмъ существомъ въ окружающую насъ грозную прелесть... Останавливаемся черезъ нѣсколько минутъ оглушаемые чьимъ-то гуломъ и ревомъ, оглядываемся назадъ, и невольно окаменѣли на мѣстѣ пораженные новымъ неожиданнымъ эфектомъ: прямо надъ нашими головами уходила въ высь отвѣсная скала увѣнчанная шпилями и фронтонами покинутаго нами отеля. И рядомъ съ нею изъ тѣсной прорвы утесовъ обрушивался съ высоты великолѣпнымъ водопадомъ Стальгеймъ-фоссъ...

Бездна Нёрдаля открывалась здѣсь во всемъ своемъ грозномъ величіи и во всей своей мощи, еще гораздо выше, гораздо глубже, гораздо изумительнѣе, чѣмъ казалось намъ сверху. Нигдѣ ни въ Норвегіи, ни въ Швеціи не видали мы до сихъ поръ ничего подобного. Да и въ цѣлой Европѣ мало такихъ чудныхъ неподражаемыхъ ртинъ...

Провалились мы еще нѣсколькими ярусами ниже въ глубину здны, и передъ нами новый водопадъ еще болѣе великолѣпный, льве-фоссъ. Онъ срывается съ косой кручи зеленыхъ альпійскихъ тбищъ между колосальныхъ скатовъ двухъ лѣсныхъ горъ и лет стремглавъ внизъ всею пѣнистою массою своихъ ледяныхъ водъ

Digitized by Google

съ грохотомъ грома, съ гуломъ словно отъ землетрясенія, исчезая въ невидимой глазу черной котловинѣ, которую пробуравили въ каменныхъ скалахъ въ теченіе долгихъ вѣковъ бѣшеные удары его же могучихъ водъ...

Ярусъ за ярусомъ одолѣваемъ мы помаленьку слѣзая все глубже на дно черной пропасти, копошась вмѣстѣ съ своими лошадьми и коляскою жалкою, чуть замѣтною комашкою у подножія титаническихъ каменныхъ стѣнъ, что̀ уходятъ въ небо словно фантастическія индусскія пагоды своими круглыми куполами и ступенчатыми вершинами.

Чѣмъ дальше и глубже, тѣмъ мрачнѣе дѣлается грозная тѣснина. Справа отъ насъ потянулась сплошная, какъ ножомъ обрѣзанная, черная стѣна, всегда заслоненная отъ солнца, громадной тяжести и высоты, должно-быть, чертогъ какого-нибудь чернобога, владыки подземной бездны... Ручьи падающіе съ отвѣсной высоты не долетаютъ до дна, разбиваясь много разъ о выступы камней, обливая потоками слезъ эти безчувственныя черныя стѣны ада... На нѣсколько верстъ подрядъ тянутся они поднимаясь прямо надъ нашими головами, то и дѣло обранивая съ своихъ снѣговыхъ вершинъ водопады всѣхъ размѣровъ и формъ видные намъ во всемъ своемъ суровомъ величіи отъ пяты до макушки, подавляя нашъ слабый духъ своею громадностью и вѣковѣчною несокрушимостью...

Когда мы переѣхали черезъ мостъ на лѣвую сторону ущелья, горы пошли еще выше, еще грознѣе и чернѣе, и стали смотрѣть настоящими подоблачными замками. Передъ самымъ Гудвангеномъ страшное разрушеніе, какъ будто эти нерукотворныя крѣпости и въ самомъ дѣлѣ безпощадно бомбардировали другъ друга и разсыпали въ прахъ свои стѣны и башни. Цѣлыя обрушившіяся горы завалили на далекое пространство глубокое ущелье; никакъ не выберешься изъ хаоса наломанныхъ утесовъ, накрошенныхъ камней, растреснувшихся скалъ. Каменныя ядра величиною съ любой домъ, вѣсомъ въ сотни тысячъ пудовъ, разбросаны тутъ вездѣ безъ счета и мѣры какъ горсти гороха.

Проѣхали мы наконецъ эти адскія батареи замыкающія входъ въ подземную тѣснину и очутились вдругъ среди скромной деревушки на берегу очаровательнаго залива-озера. Деревушка была Гулвангенъ, а озеро-заливъ, живописнѣйшій рукавъ живописнаго Согнефіорда, Нёро-фіордъ, цѣль нашей поѣздки.

Чистенькая новенькая гостиница изъ двухъ домиковъ величаемая по имени ближайшаго плёса Нёро-фіорда „Викингъ-ванъ“ пріютила насъ въ своихъ незатѣйливыхъ, вполнѣ деревенскихъ комнаткахъ. Намъ пришлось занять цѣлыхъ четыре нумера, потому что не ока-

Digitized by Google

залось ни одного настолько просторнаго чтобы въ немъ можно было помѣстить двѣ кровати. Обстановка гостиницы самая спартанская, о комфортѣ и изяществѣ помина нѣтъ, но простая деревянная мебель вся новая, постели хотя грубыя, но чистыя, ужиномъ накормили насъ очень сытнымъ, съ двумя мясными блюдами и множествомъ холодныхъ закусокъ, съ чаемъ, кофеемъ, пивомъ...

Здѣсь мы отпустили разговорчиваго и интереснаго собесѣдника кучера-американца, потому что должны были на другой день сѣсть на пароходъ и осмотрѣвъ Согне-фіордъ моремъ вернуться въ Бергенъ. Бравый Норвежецъ былъ очень доволенъ получивъ отъ насъ на чай довольно щедрую награду въ 4 серебряныхъ кроны.

Мы однако не усидѣли въ гостиницѣ и подкрѣпившись ужиномъ воспользовались восхищавшимъ насъ съ непривычки сѣвернымъ вечеромъ, свѣтлымъ почти какъ день, такъ что на дворѣ безъ труда можно было читать. Мы пошли побродить по берегу залива молча наслаждаясь тишиною и красотою этого чуднаго пейзажа.

Снѣгъ еще лежалъ огромными глыбами кругомъ гостиницы, не смотря на іюль, и рядомъ съ нимъ ярко цвѣли пробивавшіеся сквозь камни весенніе цвѣты.

У маленькой пароходной пристани стоятъ на берегу цѣлыми десятками распряженныя коляски и одноколки безъ лошадей, не охраняемыя рѣшительно никѣмъ въ этомъ мирномъ царствѣ порядка и законности. Онѣ дожидаются завтрашняго парохода, который ежедневно привозитъ въ Гудвангенъ толпы туристовъ направляющихся въ знаменитую Нёрдаль.

Узкая береговая дорожка лѣпится у подножія скалъ надъ неподвижными пучинами фіорда. Кругомъ насъ, впереди насъ водная тѣснина потрясающаго величія. Тѣ же что и въ Нёрдалѣ гигантскія стѣны, черныя, безотрадныя, неприступныя какъ стѣны Дантова ада, тянутся теряясь въ живописной перспективѣ дали, поочереди пересѣкая другъ друга своими грозными выступами, задвигая небо чуть не до зенита, заслоняя отъ глазъ все кромѣ узкой полосы воды внизу зеленой и прозрачной какъ стекло, да далеко впереди, тамъ гдѣ тѣсными воротами разступаются эти безконечныя стѣны, такой же узкой ленты неба на которомъ тихо догораютъ освѣщенные багрянцемъ невидимыхъ лучей вечернія облака.

Водопады отъ тающихъ снѣговъ висятъ съ подоблачной высоты, струятся то узкими лентами, то широкою сѣтью, выбрасываютъ струи воды порывисто какъ ракеты. Вѣтеръ тамъ на страшной высотѣ устраиваетъ изъ нихъ какой-то затѣйливый водяной фейерверкъ, завивая ихъ бѣлоснѣжными кудрями, относя какъ пыль въ сторону

Digitized by Google

весь этотъ дымный хвостъ водяныхъ брызгъ и струй которые собираются потомъ ниже въ правильные каскады и льются потоками слезъ по уступамъ и выступамъ скалъ. Куда ни взглянешь, вездѣ суровая каменная твердыня роняетъ эти журчащія слезы.

Мы двигаемся буквально подъ пятою тяжкихъ черныхъ громадъ взорванныхъ внизу порохомъ и висящихъ страшными массивными выступами надъ нашими головами. Эти безотрадныя толщи земли, первозданные устои шара земнаго, могучій вѣковѣчный костякъ его выдвинутый стихійными силами изъ глубокихъ нѣдръ, вселяютъ невольный ужасъ въ впечатлительную фантазію художника, какъ нѣмое отрицаніе всякой жизни, личности, духа, какъ неумолимая могила всего сущаго...

И однако эта повидимому несокрушимая мертвенная масса тоже подвержена разрушенію и смерти. Она уже и теперь растрескалась вверху и внизу на кристалы чудовищной величины, на слои страшной тяжести и ждетъ только случая чтобы рухнуть внизъ въ пучину вмѣстѣ съ рогатыми деревьями впившимися своими цѣпкими корнями въ ея чугунное тѣло.

Ничтожная струйка воды заберется въ эти незамѣтныя трещины, невидимый глазу морозъ скуетъ эту невидимую воду и тяжкія громады трескаются по всѣмъ швамъ, лопаются, ползутъ и разсыпаются въ прахъ. Это обыкновенная работа зимы и осени.

Мы вернулись не успѣвъ обогнуть обрывистаго выступа скалъ, за которымъ водная тѣснина дѣлалась все уже. Было уже 11 часовъ ночи, но свѣтло какъ туманнымъ днемъ, за то холодъ этой іюльской ночи напоминалъ гораздо болѣе о зимѣ чѣмъ о лѣтѣ. Въ гостиницѣ Гудвангена, точно такъ же какъ наканунѣ въ Стальгеймѣ, отрадно пылали камины, на каждую постель было положено по три шерстяныхъ одѣяла, не считая лѣтнихъ, что впрочемъ не избавило меня отъ необходимости укрыться сверху еще теплымъ пледомъ, до того ледяно-холодны оказались наши постели.

Вскочили мы на ноги въ половинѣ шестаго. Завтракъ изъ двухъ блюдъ и разныхъ закусокъ, кофе и чай уже были готовы. Я вышелъ на берегъ и остановился въ безмолвномъ благоговѣніи. Въ ущельѣ еще стояли тихія тѣни ночи, воздухъ не шевелился, будто очарованный; Нёро-фіордъ неподвижно застылъ своею темно-зеленою таинственною пучиною, а верхніе утесы нагроможденныхъ до неба скалъ уже горѣли въ торжественномъ сіяніи солнца, точно златокованные престолы боговъ.

Беззвучно уносятся съ этихъ огнями рдѣющихъ вершинъ какъ дымъ курильницъ бѣлыя легкія облака. Въ какой-то благоговѣйной сдержанности, еще не растревоженныя дневнымъ жаромъ гудятъ

Digitized by Google

свою хвалебную пѣснь падающія съ высоты водѣ, стекая внизъ десятками исполинскихъ ступеней, словно священныя возліянія этого торжественнаго часа пробужденія и обновленія жизни... Сами собою невольно подкашиваются колѣна, хочется молиться, излиться въ благодарственной пѣснѣ передъ невидимымъ Творцомъ этой невыразимой словами мощи и красоты...

Пароходъ „Командоренъ" пришелъ только въ 8 часовъ безъ четверти, и не успѣли мы размѣститься въ немъ, какъ онъ отвалилъ опять назадъ въ Бергенъ высадивъ одну волну путешественниковъ и забравъ въ себя новую... Теперь отъ туристовъ отбоя нѣтъ. Въ одной только нашей Hôtel Viking Wan занято было на ночь 33 комнаты, а въ Гудвангенѣ еще нѣсколько гостиницъ.

Нёро-фіордъ долго сохраняетъ свой характеръ тѣснаго романтическаго ущелья. Живописные повороты его горъ постоянно задвигаютъ какъ гигантскими ширмами выходы впередъ и назадъ; то справа какая-нибудь титаническая горбушка, то слѣва отвѣсная стѣна становится по очереди впереди парохода и кажется что вы постоянно вертитесь въ какомъ-то кругломъ озерѣ, на днѣ глубокаго исполинскаго котла, среди воднаго лабиринта безъ входа и выхода, откуда никакъ нельзя выбраться...

Только отойдя довольно далеко отъ Гудвангена видимъ мы снѣговое темя его горныхъ громадъ роняющее внизъ водопады. Теперь уже сплошныя стѣны береговъ стали мѣстами разрываться и расширяться; пирамиды, конусы стали все чаще вырѣзаться отдѣльными редутами высоко на небесномъ сводѣ, чередуясь съ лѣсными долинами на косыхъ кручахъ, съ глубокими разсѣлинами ущелій, пропуская наконецъ къ намъ на дно нашей водной тѣснины радостные огни солнца.

Съ 9-ти часовъ оно уже выше горъ и сладко пригрѣваетъ насъ, несмотря на холодное дыханіе снѣговъ и на морской вѣтеръ долетающій до насъ даже здѣсь въ далекой глубинѣ залива. Солнце появилось и все кругомъ переродилось какъ волшебствомъ. Правая сторона горъ вдругъ сразу вся потемнѣла и словно отодвинулась куда-то въ туманъ, а лѣвая наоборотъ неожиданно вдругъ засвѣтилась и засверкала, стала вдвое красивѣе, выше и ближе, выдѣливъ поразительною отчетливостью каждый свой утесъ, каждый насѣдшій камень, каждую борозду прорытую весенними водами. Тутъ же сѣро-бѣлые лабрадоры, тотъ же черный шиферъ подъ ними.

На палубѣ нашей множество Англичанъ, Нѣмцевъ, Норвежцевъ. встрѣчныхъ пароходахъ опять они. Пароходъ нашъ пристаетъ ѣдка на 2, на 3 минуты то къ одному, то къ другому крошеч-

Digitized by Google

ному мѣстечку затерянному у подножія горъ, въ устьѣ какого-нибудь боковаго ущелья. Одни пасажиры слѣзаютъ, другіе влѣзаютъ. Въ хорошенькой деревенькѣ Больменгольмъ, гдѣ высится на берегу большая красивая гостиница Kwicker-Hôtel рядомъ съ нѣсколькими другими и гдѣ мы любовались съ палубы оригинальною церковкою въ древне-норманскомъ стилѣ, высадилась отъ насъ цѣлая толпа туристовъ отправившаяся въ интересныя окрестности. За то и привалила ихъ къ намъ здѣсь съ берега изрядная куча. И все, конечно, Англичане! Они совсѣмъ завладѣли нашимъ пароходомъ, какъ скоро завладѣютъ и всѣми мѣстностями Норвегіи. Здѣсь всюду ихъ языкъ, ихъ книги, ихъ обычаи и вкусы. Они тутъ строгіе законодатели гостиницъ и пароходовъ... Нѣмцевъ здѣсь тоже не мало, но они выдѣляются какимъ-то пятномъ, своею пошловатою фамильярностію и отсутствіемъ приличныхъ манеръ среди этихъ самоувѣренныхъ джентльменовъ въ шотландскихъ чулкахъ и мягкихъ беретахъ, среди этихъ крѣпконогихъ и краснощекихъ англійскихъ миссъ въ ихъ коротенькихъ пѣшеходныхъ юбочкахъ съ сумками черезъ плечо. Англичане нанесли съ собою корзины спѣлыхъ черешень и клубники, букеты чудныхъ розъ всѣхъ цвѣтовъ такъ мало гармонировавшихъ съ леденящимъ вѣтромъ, который скоро угналъ всю публику съ палубы въ каюты.

Еще болѣе многолюдный размѣнъ пасажирами въ Вадгеймѣ, къ тѣсному бережку котораго пристalъ нашъ „Командоренъ“. Тамъ всего одна гостиница да 2—3 ничтожныхъ домика у входа въ горную тѣснину. Но на берегу цѣлый обозъ колясокъ и одноколокъ, къ которымъ торопливо хлынула съ палубы пестрая толпа туристовъ. Отсюда отправляются обыкновенно къ Нордъ-фіорду и на ледяное море Іостердаль-бре, самое обширное въ Европѣ по своей площади чуть не въ тысячу (900) квадратныхъ миль.

Фіордъ уже давно раздвинулся въ настоящій морской заливъ и солнце поднявшись выше расплескало свои многочисленныя искры по всему широко движущемуся простору его... Вѣтеръ свѣжѣлъ все больше по мѣрѣ приближенія къ морю. Горы въ снѣговыхъ своихъ шапкахъ уходили все дальше и черезъ это дѣлались все менѣе величественными и красивыми. Фіорды особенно живописны въ своихъ мелкихъ рукавахъ и заливчикахъ пробирающихся въ глубокія нѣдра матери роющихся въ таинственныхъ тѣняхъ горныхъ громадъ, развѣтвл щихся сотнями пустынныхъ бухточекъ по ущельямъ и тѣснина Впрочемъ, Согне-фіордъ во всякомъ случаѣ показался намъ краси прославленнаго Гардангеръ-фіорда, хотя я сильно опасаюсь что г впечатлѣнія зависѣли прежде всего отъ погоды. Лучшія мѣста дангера мы проѣхали или туманною ночью, или въ дождливое

Digitized by Google

утро, между тѣмъ какъ берегами Согне-фіорда мы почти все время любовались при свѣтѣ яснаго дня...

Чѣмъ ближе къ выходу въ море, тѣмъ менѣе интересны, но тѣмъ болѣе населенными становятся горные берега. Горы ушли наконецъ за цѣлую версту и малахитовая прозрачная зелень широкихъ водъ фіорда начинаетъ совсѣмъ напоминать море. Пообѣдали однако, хотя и довольно плохо, еще до выхода въ него. Праздная публика настоявшаяся и насидѣвшаяся на холодномъ воздухѣ съ жадностью школьниковъ, выпущенныхъ изъ класса къ обѣду, бросается въ столовую толкаясь въ дверяхъ и на лѣстницахъ, по звонку буфетчика...

Вотъ онъ наконецъ и долго жданный поворотъ въ море на югъ къ Бергену. Кругомъ, какъ вездѣ у береговъ Норвегіи, однѣ безплодныя шхеры, покрытыя словно бархатными обоями темнозелеными и бурыми слоями моха. Кораблей, барокъ что-то мало видно и въ фіордѣ и въ морѣ. Только вблизи Бергена начинаютъ попадаться паруса и дымки пароходовъ.

Бергенъ и съ этой стороны отъ Сандвикена очень живописенъ. Несмотря на его славу вѣчно дождливаго города, мы опять видимъ его радостнымъ и свѣтлымъ и съ удовольствіемъ готовимся отдохнуть въ немъ еще денька два, побродить на свободѣ по его интересной выставкѣ и прекраснымъ магазинамъ, передъ тягостнымъ ожиданіемъ длиннаго переѣзда всегда безпокойнымъ моремъ въ Мольде, а оттуда въ далекій Тронгеймъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Е. Марковъ.

Digitized by Google

ИСТОРІЯ БѢЛОКРИНИЦКАГО СВЯЩЕНСТВА ПО СМЕРТИ ИНОКА ПАВЛА.

XV *).

Хлопоты монастыря и липованъ о прекращеніи комисіоннаго слѣдствія прошенія поданныя въ министерства внутреннихъ дѣлъ и просвѣщенія; телеграма Кирилла министру Баху; прошенія липованскихъ обществъ.

Не дожидаясь чѣмъ кончится слѣдствіе которое велъ прибывшій въ митрополію актуаръ Штокеръ, еще въ концѣ февраля 1858 года, спустя четыре мѣсяца со времени его пріѣзда сюда, какъ только съ достаточною ясностію опредѣлилось какими непріятными и опасными для митрополіи и липованскихъ обществъ послѣдствіями угрожаетъ производимое слѣдствіе, монастырскія и общественныя власти въ Бѣлой Криницѣ рѣшили обратиться къ высшему правительству съ жалобнымъ прошеніемъ о защитѣ противъ дѣйствій слѣдственной комисіи и объ отозваніи комисара Штокера. Уполномоченный депутатъ Бѣлокриницкаго монастыря и липованскихъ обществъ въ Буковинѣ (der Abgeordnete des Klosters von Bialokiernika und der altglaubigen Lipowaner Gemeinden) Алимпій Милорадовъ отправился въ Вѣну, отыскалъ здѣсь стараго монастырскаго адвоката и пріятеля своего г-на Дворачка и объяснилъ ему печальное положеніе митрополіи. Общимъ совѣтомъ рѣшили подать жалобу на дѣйствія комисіи и просьбу объ отозваніи комисара изъ Бѣлой Криницы министру внутреннихъ дѣлъ и министру народнаго просвѣщенія. Дворачекъ сочинилъ прошеніе, и оно было переписано въ двухъ экземплярахъ. Сначала Алимпій подалъ одинъ экземпляръ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, потомъ другой въ министерство просвѣщенія [13]).

*) Продолженіе, см. *Русскій Вѣстникъ*, августъ, 1901 г.

[13]) Въ *Бѣлокр. арх.* имѣются копіи двухъ прошеній на нѣмецкомъ языкѣ, съ дурнымъ русскимъ переводомъ писаннымъ рукою Алимпія. На одной Алимпіемъ же сдѣлана помѣтка: „Бывше поданное и назадъ возвращенное

Digitized by Google

Основаніемъ для жалобы и просьбы была поставлена, разумѣется, пресловутая „привилегія“ императора Іосифа II. Въ назначеніи и дѣйствіяхъ комисіи указывалось явное будто бы нарушеніе этой навсегда утвержденной императорскою властію и не подлежащей нарушенію данной липованамъ „привилегіи“.

Уже болѣе семидесяти лѣтъ минуло, такъ начиналось прошеніе, какъ старообрядческія общества и ихъ старѣйшины утѣшались (erfreuten) правомъ свободнаго отправленія своихъ религіозныхъ обязанностей, предоставленнымъ имъ высочайшею привилегіей данною 9-го октября 1785 года императоромъ Іосифомъ 2-мъ, въ первомъ пунктѣ которой именно постановлено (festgesetz): „позволяемъ мы совершенную вольность закона онымъ, ихъ дѣтямъ, потомкамъ и духовенству“ (nebst ihnen Geutlichen).

Въ настоящее же время наши старообрядческія общества крайне стѣснены отъ высокой окружной власти (von hohen Landeschorde) новыми, противными сему предписаніями [14]). Ибо имъ сдѣлано предложеніе принять новые и не обычные ихъ религіи пункты, какъ-то:

м. внутр. дѣлъ“; а на другомъ поставлено въ концѣ число подачи прошенія (въ нѣмецкомъ текстѣ 27, а въ русскомъ 28 февр.) и сдѣлана Алимпіемъ помѣтка въ двухъ мѣстахъ: „*Таковое же самое напередъ* подано министру внутреннихъ дѣлъ“. „*Напередъ это же самое* подано министру внутреннихъ дѣлъ, а *потомъ* подано министру культусъ, то-есть народнаго просвѣщенія“. Между тѣмъ, по сличеніи обѣихъ копій, оказывается что прошеніе министру просвѣщенія *не то же самое*, какъ и означенное поданнымъ министру внутреннихъ дѣлъ. По содержанію они одинаковы; но въ первомъ это содержаніе изложено полнѣе и въ иномъ порядкѣ, нежели во второмъ. Есть въ *Бѣлокр. арх.* и еще третій списокъ того же прошенія, только въ переводѣ (также дурномъ) на русскій языкъ: здѣсь содержаніе прошенія изложено и еще въ такомъ порядкѣ. На этой копіи сдѣлана надпись: „Вѣна 1 марта 1858 года“. Полный текстъ ея приведенъ въ кн. *Расколъ какъ орудіе партій* (стр. 191—196). Которая изъ этихъ трехъ есть копія именно прошенія поданнаго министрамъ, опредѣлить трудно. Повидимому та которая имѣетъ надпись: *таковое же самое*... Къ этому заключенію приводитъ и то обстоятельство что копія весьма тщательно переписана на двухъ большихъ листахъ перегнутыхъ пополамъ: на одной половинѣ нѣмецкій текстъ, на другой русскій. По этой редакціи мы и излагаемъ содержаніе прошенія. Въ который изъ трехъ дней подано прошеніе, 27, 28 февр., 1 мар., опредѣлить также трудно. Видно что не позднѣе 1-го марта.

[14]) Это вступленіе (а также заключеніе) прошенія въ первыхъ двухъ копіяхъ имѣетъ буквальное сходство. Но далѣе въ первой копіи говорится: ибо сдѣлано имъ предложеніе *въ Бѣлой Криницѣ находящійся женскій монастырь запереть и поставленіе священныхъ лицъ чрезмѣрно ограничить*, и приспѣленіе оспы въ ихъ обществахъ ввести, и прочія многія усилія навести. окорнѣйшія общества осмѣливаются за это вступаться“. И за симъ прямо этъ рѣчь о женскомъ монастырѣ.

Digitized by Google

ввести въ употребленіе метрику [15]) и прививаніе оспы [16]), испрашивать отъ правительства разрѣшеніе на вѣнчаніе браковъ, получать докторскія свидѣтельства на погребеніе умершихъ, и проч. Всѣ эта новыя требованія вовсе намъ необычны и самой религіи нашей противны; отъ нихъ мы не одинъ уже разъ мѣняли и наше мѣстожительство; ими нарушаются правила религіи нашей и обычаи прародителей нашихъ которые мы въ теченіе многихъ столѣтій (seit vielen Jahrhunderten) непреткновенно сохраняли. Еслибы таковыя нынѣ объявленныя намъ отъ правительства, противныя нашей религіи, новыя требованія намъ обязательно нужно было исполнять, то предки наши никогда бы и не помыслили оставить свое на Черномъ морѣ спокойное жительство и на такое извращеніе древнихъ нашего народа обычаевъ въ сію высокославную австрійскую монархію переселиться. Но именно вышеозначенною высочайшею привилегіей совершенно отъ всѣхъ такихъ требованій мы освобождены, ибо въ 4-мъ пунктѣ оной означено: „по прошествіи 20 годовъ наложимъ мы онымъ равныя подати [17]), какія и наши подданные платятъ, соотвѣтствующія ихъ будущему имѣнію“; а не указано болѣе никакихъ обязательствъ полицейскаго характера, и все сіе подтверждено императорскимъ своеручнымъ подписомъ. Не дозволяетъ намъ религія наша и никакой клятвенной присяги, а повелѣваетъ такъ поговорить словами Евангелія: ей, ей, или: ни, ни (ja, ja, nein, nein), а потому никакой присяги мы давать не смѣемъ [18]). Равнымъ образомъ, по наученію родителей нашихъ, отъ предковъ содержимому, судьбу жизни нашей мы должны ввѣрять не человѣческому искусству, а

---

[15]) Въ первыхъ двухъ копіяхъ далѣе о метрикахъ ничего не говорится; а въ третьей сказано: „Ни одинъ изъ нашихъ священниковъ не согласится вести метрики которыя наша старообрядческая церковь отъ предковъ древлеотеческаго преданія никогда и въ употребленіи не имѣла. А притомъ ни одинъ изъ нашихъ священниковъ и нѣмецкаго языка не разумѣетъ и потому не ищетъ наше духовенство никакого жалованья или денежной помощи отъ высокаго правительства; но успокоено есть изъ параxіальныхъ своихъ доходовъ. Впрочемъ можетъ достигать правительство свою цѣль вмѣсто метрики чрезъ конскрипціи которыя точнѣйшій взглядъ о рожденныхъ, бракосочетанныхъ и умершихъ подаютъ“. *Расколъ какъ орудіе...* стр. 193.

[16]) О прививаніи оспы въ третьей копіи также подробнѣе говорится: „Къ прививанію оспы мы имѣемъ крайнее отвращеніе и наши религіозныя правила рѣшительно воспрещаютъ намъ всякое смѣшеніе нашей крови съ веществомъ животныхъ (unsere Religionsprincipien verbitten uns ausdrucklich jede Vermischung unseres Blutes mit der animalischen Substanz); а любовь къ порядку, чистота, частое строгое пощеніе удаляютъ отъ насъ всякую болѣзнь, и не было примѣра чтобъ изъ 2000 нашихъ единовѣрцевъ кто-либо умеръ отъ оспы“. Тамъ же.

[17]) Въ третьей прибавлено: „которыя всегда отъ насъ точно заплачиваемы были“. *Тамъ же*, 192.

[18]) И здѣсь въ третьей копіи прибавлено: „Ни одинъ единовѣрный нашъ старовѣрецъ который бы въ вѣрномъ доказательствѣ показанія „ей, ей, ни ни,“ изрекше, могъ нѣкогда уличенъ быть въ противномъ“, стр. 193.

Digitized by Google

только самому промыслу Божію, и потому принять доктора никакъ не можемъ [19]).

Такимъ образомъ депутатъ липованскихъ обществъ въ своемъ прошеніи двумъ министрамъ еще разъ объяснялъ правительству, какихъ противныхъ требованіямъ всякаго благоустроеннаго государства предразсудковъ они держатся, выдавая эти предразсудки за непремѣнную принадлежность ихъ религіи, хотя въ сущности они служили только прикрытіемъ для разныхъ злоупотребленій, особенно для безпрепятственнаго принятія бѣглыхъ изъ Россіи, которыхъ они обыкновенно зачисляли природными липованами на мѣсто умиравшихъ, чего, разумѣется, не могли бы дѣлать при строгомъ веденіи метрическихъ записей и медицинскомъ освидѣтельствованіи умершихъ. Впрочемъ, и религія липованъ дѣйствительно укрѣпляла въ нихъ эти предразсудки: крайнія безпоповщинскія мнѣнія которыхъ они держались, не смотря на свою принадлежность къ поповщинѣ, именно воспрещали не только присягу, но и запись рождающихся, брачущихся и умирающихъ въ учрежденныя правительствомъ книги, такъ какъ власть правительства признается у нихъ властію антихриста и подчиненіе такимъ его требованіямъ считается равносильнымъ подчиненію власти антихриста. Понятно что ссылка на привилегію полученную отъ Іосифа II не могла служить достаточнымъ основаніемъ для противленія самымъ законнымъ требованіямъ государственнаго благоустройства и спокойствія.

Во второмъ пунктѣ говорилось:

Въ 1848 году безъ всякой вины и причины (ohne alles Verschulden und Grunde) послѣдовало закрытіе нашего монастыря въ Бѣлой Криницѣ который однакоже по распоряженію Черновицкаго краизамта мѣстной думеніи начальникомъ (Dominikalvorstecher) былъ открытъ и уже десять лѣтъ безпрепятственно существуетъ. А нынѣшняя комисія требуетъ отъ насъ какого-то особаго письменнаго на то разрѣшенія отъ высокаго министерства (eine eigene schriftliche Rewilli-

[19]) Въ третьей копіи также подробнѣе говорится объ этомъ: „Мы также не пріемлемъ никакихъ лекарей, ибо мы съ одной стороны болѣзни, какъ испытаніе и временныя наказанія свыше опредѣленныя разумѣемъ, а съ другой стороны исцѣленіе болѣзней не человѣческому искусству, но Оному вѣрно разумѣемъ Котораго изреченное имя насъ отъ тягчайшей болѣзни прародительскаго грѣха спасло и Коего неизслѣдимые совѣты всю нашу рбь и радость управляютъ". *Тамъ же.* А въ первой копіи сказано только: принятіе лекаря намъ запрещено, потому что каждый монахъ, отлучившійся міра, какъ умершимъ числится, и только въ призываніи Господа съ даніемъ свою ему судьбу ожидать имѣетъ" (indem jeder Monch als von Welt abgestorben betrachtet wird, und nur den Ruf des Herrn mit Hingebung sein Loos abgewarten hat).

Digitized by Google

gung von hohen Ministerium). Въ семъ случаѣ мы покорнѣйше просимъ высокое министерство сдѣлать предписаніе мѣстному нашему начальству чтобы оно впредь не предъявляло къ нашему Бѣлокриницкому монастырю такого неосновательнаго требованія, или выдать монастырю для дальнѣйшаго законнаго существованія надлежащій декретъ на основаніи даннаго его императорскимъ величествомъ Фердинандомъ первымъ, 18 сентября 1844 года, на всегдашнее существованіе декрета который въ копіи при семъ прилагается [20]).

Такимъ образомъ вся отвѣтственность за своевольное открытіе монастыря закрытаго въ 1844 году по высочайшему повелѣнію въ прошеніи слагалась на Черновицкій крайзамтъ, отъ котораго будто бы послѣдовало разрѣшеніе мѣстному форштееру открыть монастырь. Письменнаго на то разрѣшенія отъ крайзамта и даже отъ думенія, очевидно, не имѣлось же, ибо иначе въ прошеніи непремѣнно была бы сдѣлана на него ссылка съ указаніемъ числа когда оно послѣдовало и нумера за которымъ издано. А словесное, неформальное съ его стороны дозволеніе открыть монастырь, по крайней мѣрѣ непривлеченіе монастырскихъ властей за самовольное открытіе его, несомнительно доказывалось уже тѣмъ однимъ что въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ монастырь безпрепятственно существовалъ на глазахъ у мѣстнаго правительства и входилъ по разнымъ дѣламъ въ постоянныя съ нимъ сношенія, а по нѣкоторымъ обращался даже и къ высшему въ имперіи управленію которое, значитъ, и съ своей стороны не находило незаконнымъ дальнѣйшее существованіе нѣкогда закрытаго имъ монастыря, о чемъ возбужденъ теперь вопросъ слѣдственною комисіей. Вотъ почему въ прошеніи съ такою смѣлостію указывалось на дозволеніе отъ мѣстнаго правительства открыть монастырь и такъ рѣшительно предлагалась просьба издать декретъ утверждающій дальнѣйшее его существованіе. Понятна также и смѣлость съ какою говорилось въ прошеніи будто монастырь закрытъ былъ безъ всякой съ его стороны вины и безъ всякаго основанія. Тѣ плутни и обманы какіе сопровождали учрежденіе митрополіи бѣглыми русскими раскольниками и бѣглымъ греческимъ митрополитомъ и за которые монастырь объявленъ былъ закрытымъ совершались не безъ вѣдома австрійскаго правительства и даже поощрялись имъ: значитъ не мо-

[20]) Этого важнаго пункта о требованіи комисіею письменнаго министерскаго разрѣшенія на открытіе монастыря послѣ изданнаго въ 1844 году декрета объ его закрытіи въ двухъ другихъ копіяхъ прошенія не находится. А такъ какъ въ послѣдовавшемъ потомъ императорскомъ рѣшеніи всегослѣдственнаго дѣла о монастырѣ есть пунктъ и прямо относящійся къ этому пункту прошенія, то значитъ копія по которой мы излагаемъ содержаніе прошенія, есть именно копія подлиннаго, поданнаго въ министерство, прошенія.

Digitized by Google

настырь, по крайней мѣрѣ не одинъ монастырь былъ виноватъ въ нихъ, а не малую долю вины правительство должно было принять на себя. И никогда бы за эти вины не произнесло оно такой кары на монастырь, еслибы не потребовало того русское правительство, требованіямъ котораго въ то время необходимо было уступить. Вообще, сообщничество австрійскаго правительства въ продѣлкахъ и лжахъ учредителей Бѣлокриницкой іерархіи давало смѣлость депутату и адвокату бѣлокриницкой митрополіи и липованскихъ обществъ говорить съ нимъ развязно и смѣло.

Далѣе, по поводу строгостей употребленныхъ комисіею относительно жившихъ въ митрополіи монаховъ и бѣльцовъ оказавшихся не липованами, а пришлыми изъ-за границы, преимущественно изъ Россіи, и по поводу обвиненій за принятіе ихъ на жительство безъ всякихъ сношеній съ правительствомъ и безъ дозволенія съ его стороны, въ прошеніи довольно пространно говорилось что монастырь нуждается въ поставленіи священныхъ и должностныхъ лицъ, каковое поставленіе дозволено ему императорскимъ правительствомъ при самомъ учрежденіи іерархіи, и что относительно такихъ лицъ какъ митрополитъ и намѣстникъ всегда дѣлались представленія и донесенія высшему начальству, а дѣлать представленія о простыхъ монахахъ, значило бы только давать излишній трудъ самому правительству. О томъ что не только эти простые монахи, но и сами должностныя лица митрополіи оказались чужестранцами, большею частію бѣглыми изъ Россіи, въ прошеніи, разумѣется, не было и рѣчи.

Въ послѣднемъ пунктѣ прошенія говорилось о женскомъ монастырѣ въ Бѣлой Криницѣ который устроенъ былъ совершенно незаконно, безъ всякихъ сношеній съ правительствомъ, и который поэтому комисія назначила къ немедленному уничтоженію:

Еще наши общества осмѣливаются ходатайствовать за женскій монастырь который отъ многихъ лѣтъ существуетъ въ Бѣлой Криницѣ, а нынѣшнею комисіею назначенъ къ закрытію. Для нашего народа онъ весьма потребенъ и очень полезенъ, во-первыхъ для наученія молодыхъ дѣвицъ чтенію и письму, рукодѣліямъ и шитью, искусству вышивать золотомъ и бисеромъ, а особенно для утвержденія въ нихъ доброй нравственности и цѣломудрія. Кромѣ того онъ ужитъ мѣстомъ призрѣнія для старыхъ, слабыхъ, калѣкъ и бездныхъ сиротъ женскаго пола за которыми прилагается здѣсь вся-е попеченіе: онъ подобенъ богадѣленному сиротскому дому, въ торый безъ отказу принимаются всѣ бѣдныя женщины, *кромѣ чу-ѣстранныхъ и не имѣющихъ права на пребываніе тамъ*. И онѣ оводятъ здѣсь жизнь примѣрно и богоугодно, въ молитвахъ, постѣ ъсякомъ воздержаніи, вседневно посѣщая церковь Божію, и много ъ уже состоятъ записанными въ конскрипцію. Монастырь этотъ асъ, какъ и въ греческой церкви, составляетъ одну изъ принад-

Digitized by Google

лежностей нашей религіи которая высочайшею привилегіей дозволена намъ и нашему духовенству. И такъ какъ женскіе монастыри при всѣхъ обществахъ и прочихъ религій дозволены высокимъ правительствомъ и наравнѣ съ мужскими существуютъ, то наши общества надѣются что дозволено будетъ дальнѣйшее существованіе и нашего монастыря въ Бѣлой Криницѣ который притомъ никогда не утруждалъ высокое правительство просьбами о вспомоществованіи или обезпеченіи, и съ увѣренностію ожидаютъ что высокое министерство дастъ ему право на дальнѣйшее существованіе для общей пользы и для молитвы Богу о мирномъ пребываніи высочайшей австрійской императорской короны [21]).

Не безъ искусства изображенное здѣсь благотворное значеніе липованскаго женскаго монастыря въ Бѣлой Криницѣ, разумѣется, совсѣмъ не соотвѣтствовало дѣйствительности. Старухъ, конечно, призрѣвали въ немъ и молодыхъ послушницъ учили разнымъ вышиваніямъ по утвердившемуся въ раскольническихъ женскихъ скитахъ обычаю, но нравственности совсѣмъ не учили; напротивъ, монастырь этотъ, какъ и пресловутые скиты керженскіе, московскіе (на Рогожскомъ кладбищѣ) и другіе, былъ скорѣе пріютомъ разврата, нежели учрежденіемъ религіознымъ и благотворительнымъ. Сосѣдство мужскаго монастыря особенно этому способствовало. Даже о самомъ „архіепископѣ“ Аркадіи Васлуйскомъ всѣмъ извѣстно было что онъ имѣетъ сожительницу въ женскомъ монастырѣ и дѣтей отъ нея. Когда пришлось ему бѣжать изъ Бѣлой Криницы и искать пріюта въ турецкихъ владѣніяхъ, Онуфрій писалъ ему какъ о „предметѣ самомъ важномъ“ чтобы избралъ такое мѣсто гдѣ не было бы женскаго скита, ибо, прибавлялъ онъ, „намъ (въ Бѣлой Криницѣ) женскій скитъ такъ вреденъ что невозможно словомъ сказать“. И вы, прибавлялъ онъ еще, намекая Аркадію на отношенія его къ бѣлокриницкому женскому монастырю, „тогда лучше можете успокоиться отъ мірскихъ перегоьоровъ“, то-есть, отъ соблазнительныхъ толковъ, какіе шли у липованъ объ его сношеніяхъ съ женскимъ монастыремъ. Совсѣмъ несправедливо говорилось также что будто бы въ женскій монастырь не принимались женщины „чужестранныя и не имѣющія законнаго права на пребываніе въ немъ“. Напротивъ, всѣ почти жившія здѣсь инокини и бѣлицы, начиная съ самой настоя-

---

[21]) Пунктъ о женскомъ монастырѣ также почти изложенъ и въ третьей копіи прошенія; а въ первой гораздо короче. Но здѣсь было еще сказано: „Женскій монастырь въ Бѣлой Криницѣ отъ ихъ (липованскихъ обществъ) поселенія существуетъ и прежде немалыхъ годовъ для безопасности, съ извѣстіемъ высокой императорской власти, съ отдаленности, съ подлѣса, переселенъ былъ въ село Бѣлую Криницу и наново построенъ“. Это была очевидная ложь, почему въ подлинное прошеніе внести ее и нашли неудобнымъ

Digitized by Google

тельницы-игумении Александры, были бѣглыя изъ Россіи раскольницы, почему и поспѣшили скрыться при производствѣ Штокеромъ ревизіи въ монастырѣ. Наконецъ, въ прошеніи ничего не сказано было о самомъ главномъ, за что комисія находила справедливымъ подвергнуть монастырь немедленному закрытію, о томъ что онъ устроенъ безъ дозволенія отъ правительства. Первоначально хотѣли какъ будто выдать его за тотъ, еще при Иларіонѣ Коровьи-ножки перенесенный изъ лѣса монастырекъ, незаконно же устроенный, который былъ мужскимъ и впослѣдствіи обращенъ въ митрополію [22]); но эта ложь была такъ очевидна что не нашли удобнымъ прибѣгать къ ней. Вообще этотъ пунктъ прошенія о женскомъ монастырѣ не могъ служить достаточной защитой или оправданіемъ его незаконнаго существованія.

Прошеніе было заключено слѣдующими словами:

Такъ какъ мы, вѣрнѣйшіе, миролюбивѣйшіе и трудолюбивѣйшіе подданные (die treusten, friedfertigsten und arbeitsamsten Unterthanen) его императорскаго апостолическаго величества, въ чемъ отъ высокаго правительства никогда не были заподозрѣны, то имѣемъ утѣшительную надежду что высокое императорско-королевское правительство и на будущее время не ограничитъ дозволеннаго намъ свободнаго отправленія нашихъ домашнихъ и общественныхъ дѣлъ, такъ же исполненія нашей религіи, и отъ всѣхъ новостей всемилостивѣйше насъ освободитъ. И потому наши общества почтительнѣйше просятъ высокое императорско-королевское министерство, да благоволитъ освободить насъ отъ всякой новости въ нашихъ домашнихъ и общественныхъ дѣлахъ и въ исполненіи нашей религіи и присланнаго въ Бѣло-Криницкій монастырь высокимъ областнымъ правительствомъ (von der hohen Landesstelle) для введенія сихъ новостей комисара обратно отозвать.

Прошеніе это, какъ мы сказали, Алимпій подалъ министру внутреннихъ дѣлъ, а потомъ другой экземпляръ министру народнаго просвѣщенія. Въ то же время, быть-можетъ, по предварительному уговору, Кириллъ отправилъ отъ себя по телеграфу пространно изложенную жалобу на Штокера прямо къ министру внутреннихъ дѣлъ барону Баху. Онъ писалъ въ телеграмѣ:

При моихъ крайне стѣсненныхъ обстоятельствахъ осмѣливаюсь искать защиты и милости у вашего превосходительства... По распоряженію буковинскаго областнаго правительства серетскій бецирксамтъ прислалъ въ Бѣлую Криницу для устраненія будто бы какихъ-то между нами непозволительныхъ дѣйствій своего актуара Штокера. Этотъ чиновникъ, вмѣстѣ съ другимъ актуаромъ и двумя канцеляристами, съ женами, дѣтьми и прислугой, помѣстились въ моемъ и

[22]) См. *Ист.* вып. I, стр. 83–87

Digitized by Google

моего намѣстника монастырскомъ домѣ, занявъ притомъ лучшія комнаты, такъ что я и мой намѣстникъ находимся въ великомъ стѣсненіи. Мы вполнѣ вѣрны нашему отечеству, всѣ требуемыя отъ насъ повинности исполняемъ въ точности, и не чувствуемъ за собой никакой вины, за которую должны были бы подвергнуться столь тяжелой экзекуціи. По сему покорнѣйше прошу ваше превосходительство избавить насъ отъ незаслуженной нами строгой кары [23]).

Телеграма барону Баху послана была 1 (13) марта; а послѣ этого черезъ два дня подобную же жалобу на Штокера отправилъ Кириллъ къ президенту областнаго буковинскаго управленія (Bucowiner K. K. Landes President). Потомъ, 16 мая, въ буковинское же областное управленіе просьбу „объ утвержденіи дальнѣйшаго существованія учрежденной въ Бѣлой Криницѣ богадѣльни для убогихъ, слѣпыхъ и разслабленныхъ женщинъ“, то-есть, женскаго монастыря, которому дано было невинное названіе богадѣльни послали, вмѣстѣ съ самимъ Кирилломъ, липованскія общества Бѣлой Криницы, Климоуцъ и прочихъ селеній [24]). Они именно просили „предписать, кому слѣдуетъ, чтобы ихъ богадѣленный домъ былъ возстановленъ попрежнему и впредь не подвергался разоренію, чтобы бѣдныя женщины были возвращены въ ихъ прежній пріютъ, гдѣ онѣ будутъ вести тихую и благочестивую жизнь и ежечасно молить Бога о благоденствіи всемилостивѣйшаго монарха и ихъ благодѣтелей“ (und für das Wohlthergehen unserer allergnädigsten Monarchen und ihrer Wolthäter stünldith Gott angefleht haben).

Всѣ эти прошенія были оставлены правительствомъ безъ вниманія, прошеніе Алимпія, поданное въ министерство внутреннихъ дѣлъ, было даже возвращено какъ неподлежащее разсмотрѣнію. Такъ было поступлено, конечно, въ виду того что производившееся въ монастырѣ слѣдствіе еще не было кончено, ни протоколовъ, ни заключеній отъ слѣдователя еще не было представлено правительству. Штокеръ привольно жившій въ монастырѣ и не спѣшилъ окончаніемъ дѣла. Спустя уже больше двухъ мѣсяцевъ послѣ подачи прошеній (именно 26 мая) намѣстникъ Онуфрій писалъ Аркадію Васлуйскому: „наши дѣла всѣ отправлены въ министерію; еще замѣшкаются можетъ быть мѣсяца два, или больше; но только депутаты

---

[23]) Черновой списокъ телеграмы на нѣмецкомъ языкѣ и въ плохомъ русскомъ переводѣ находится въ *Бѣлокр. арх.* На немъ рукой о. Филарета (бывшаго впослѣдствіи архидіакономъ и письмоводителемъ митрополіи) сдѣлана помѣтка: „Телеграфировано 1 (13) марта 1858 г. 304 слова. Заплачено 45 лев. серебр. конвенц. монетою“. Подъ телеграмой подпись Кирилла по-нѣмецки сдѣлана такъ: Kiril Bischof von Bialokiernitza in der Bücowina.

[24]) Копія въ *Бѣлокр. арх.*

Digitized by Google

пріѣхали съ Вѣны ни съ чѣмъ, отецъ Алимпій и громадскіе. По замѣчанію, уваженія липованамъ никакого не будетъ, а еще злѣе готовятъ на нихъ, потому что до конца буковинское правительство ихъ очернило противною непокорностію“ [25])

Итакъ, ни скораго окончанія, ни благополучнаго исхода своему дѣлу въ Бѣлой Криницѣ не ожидали. И еще два мѣсяца, дѣйствительно, Штокеръ прожилъ въ митрополіи, а Кириллъ съ немногими оставшимися монахами, а также и липованскія общества со страхомъ ожидали, чѣмъ кончится дѣло. 14 іюля со стороны обществъ была сдѣлана еще попытка защититься отъ угрожающихъ наказаній: они подали новое прошеніе уже прямо министру внутреннихъ дѣлъ съ жалобою на притѣсненія комисара [26]). А 23 числа того же мѣсяца Онуфрій опять писалъ Аркадію: „На этой недѣлѣ будутъ посланы всѣ бумаги президенту въ Черновцы, и ахтоваръ (актуаръ) говоритъ что выдутъ недѣли черезъ двѣ изъ Черновецъ, разсылать старцевъ и старицъ, каждаго до своей родины, кто гдѣ родился, тамъ и пригодился. Того ради наша братія и послѣднія вся разбѣжалась тайно, кто куда можетъ“. Всѣ вообще находились, по его выраженію, „въ нуждномъ и опасномъ положеніи“, а особенно герой Алимпій Милорадовъ; онъ „жалостно скрывался, боясь въ кельи ночевать“. Тогда-то, по словамъ Онуфрія, митрополія „стала пустою, зрѣть слезамъ достойно, вездѣ пусто и уныло“ [27]). Ожидали самаго худшаго, полнаго запустѣнія митрополіи; являлась даже мысль уйти въ Россію изъ благодѣтельной Австріи: „въ случаѣ, если насъ вышлютъ, писалъ Онуфрій, то лучше идти на Сѣверъ, тамъ широкое море, помѣститься можно, нежели тутъ крамолиться“ [28]).

Къ августу 1858 года Штокеръ дѣйствительно окончилъ слѣдствіе въ Бѣлой Криницѣ и препроводилъ всѣ относящіеся къ нему документы въ областное буковинское управленіе. Но немногимъ оставшимся обитателямъ митрополіи пришлось ждать еще цѣлый годъ окончательнаго изъ Вѣны рѣшенія ихъ участи, и все это время они прожили въ тревогѣ, придумывая разные способы къ обезпеченію своего дальнѣйшаго существованія, особенно на тотъ случай, еслибы послѣдовало императорское рѣшеніе объ окончательномъ закрытіи митрополіи, чего именно опасались.

Н. Субботинъ.

---

[25]) *Переписка*, III, 79.
[26]) *Бѣлокр. арх.*
[27]) *Переписка*, III, 83.
[28]) *Тамъ же*, 79—80.

Digitized by Google

СМѢСЬ.

Столѣтняя годовщина конкордата Франціи съ папой. 2-го месидора IX года или 20 іюня 1801 г. въ парижскую заставу Шарентонъ въѣхали двѣ почтовыя кареты прибывшія изъ Италіи. Въ одной изъ нихъ сидѣлъ офицеръ въ генеральской формѣ, мулатъ исполинскаго роста съ вьющимися волосами и толстыми губами. Это былъ генералъ Александръ Дюма, который проведя болѣе двухъ лѣтъ въ неаполитанскихъ тюрьмахъ возвращался на родину въ надеждѣ получить командованіе дивизіей отъ новаго французскаго владыки, своего бывшаго товарища. Во второй каретѣ полулежалъ на подушкахъ болѣзненный старикъ, это былъ кардиналъ Конзальви, первый министръ папскаго престола.

Прелатъ ѣхалъ съ миссіей добиться подписанія конкордата папскаго престола съ Франціей, однако ему было поручено вынудить Бонапарте сдѣлать нѣсколько измѣненій въ текстѣ его одобренныхъ папой. По словамъ патера Тейнера, этотъ конкордатъ былъ первымъ договоромъ церкви съ обществомъ.

Посольство было рискованно и кардиналъ Конзальви ѣхалъ очень неохотно. Со времени переѣзда черезъ французскую границу сомнѣнія его увеличивались. Онъ съ грустью видѣлъ, какой переворотъ совершила революція въ королевствѣ, которое всего нѣсколько лѣтъ назадъ называлось христіаннѣйшимъ. На фронтонахъ церквей, мимо которыхъ онъ проѣзжалъ, стояли надписи: „Юношеству“, „Торговлѣ“, „Старости“, „Дружбѣ“ и другимъ подобнымъ же божествамъ, какъ онъ остроумно замѣтилъ въ своей депешѣ папѣ.

Прелатъ остановился въ Римскомъ отелѣ на улицѣ Гренель. Спустя лишь нѣсколько часовъ послѣ пріѣзда ему уже было возвѣщено отъ имени перваго консула что онъ будетъ принятъ имъ завтра въ Тюльерійскомъ дворцѣ въ семь часовъ вечера. Т поспѣшность не предвѣщала кардиналу ничего добраго. Не б никакой возможности отложить аудіенцію и потому онъ сталъ р мышлять, въ какомъ костюмѣ явиться на нее. Одѣть парадное ка нальское одѣяніе въ странѣ посвящавшей свои церкви торго По римскій пурпуръ, можетъ-быть, непріятно поразилъ бы мног Послѣ зрѣлаго размышленія кардиналъ рѣшилъ надѣть чер сутану, красную шапочку и красные же чулки и краси

Digitized by Google

нальскую шляпу. Въ этомъ одѣяніи посолъ папы сѣлъ въ карету присланную за нимъ первымъ консуломъ.

У подъѣзда Тюльерійскаго дворца нѣсколько офицеровъ ожидали кардинала и провели его въ послѣднюю пріемную, гдѣ онъ увидалъ Талейрана бывшаго въ то время министромъ иностранныхъ дѣлъ. Этотъ человѣкъ, имѣвшій особый даръ очаровывать людей, какъ говорилъ о Талейранѣ Сентъ-Бевъ, оказалъ ему самый лестный пріемъ и ввелъ его въ залу гдѣ Бонопарте ожидалъ посла Пія VII. Къ величайшему изумленію Конзальви, первый консулъ былъ не одинъ. Около него находились министры, нѣсколько генераловъ и государственныхъ совѣтниковъ. Прелатъ, котораго любезность Талейрана ободрила, смѣшался при видѣ столь многочисленнаго общества, однако скоро оправился и привѣтствовалъ Бонопарте самымъ любезнымъ образомъ.

Отвѣтъ Бонопарте на привѣтствіе кардинала былъ вѣжливъ, но высокомѣренъ. Проговоривъ съ нимъ нѣсколько минутъ первый консулъ объяснилъ ему что дѣло должно быть улажено въ пятидневный срокъ. „Если этого не будетъ, то всѣ переговоры будутъ прерваны“, объявилъ Бонопарте свой ультиматумъ папскому послу.

На слѣдующій день Конзальви отправился въ министерство иностранныхъ дѣлъ помѣщавшееся въ то время въ отелѣ Галифе въ улицѣ дю-Бакъ и имѣлъ долгое совѣщаніе съ Талейраномъ, во время котораго оба дипломата приступили къ обсужденію статей конкордата. Совмѣстныя совѣщанія ихъ продолжались послѣдующіе дни, пока министръ не объявилъ кардиналу что вслѣдствіе болѣзни печени онъ вынужденъ уѣхать лечиться въ Бурбонъ-Ларшамбо и что на время его отсутствія его замѣнитъ аббатъ Бернье.

Рѣшеніе хитраго Талейрана было громовымъ ударомъ Конзальви. Онъ былъ хорошо освѣдомленъ о той роли, какую сыгралъ Бернье въ Бретани и въ Вандеѣ и не довѣрялъ ему. Съ другой стороны, его безпокоило обстоятельство что ему не представилось случая имѣть конфиденціальный разговоръ съ Бонопарте. Хотя къ нему относились любезно, пригласили его на парадный обѣдъ въ Тюльери, на военный парадъ въ Карусели, однако ему пришлось удовольствоваться по отношенію къ первому консулу обычными привѣтствіями.

Поразмысливъ обо всемъ этомъ кардиналъ рѣшилъ съѣздить въ Мальмезонъ подъ предлогомъ засвидѣтельствованія почтенія супругѣ перваго консула, на самомъ же дѣлѣ папскій посолъ хотѣлъ добиться частной аудіенціи у Бонопарте. По счастію, ему удалось получить аудіенцію, послѣ которой онъ отправилъ въ Ватиканъ депешу ѣдующаго содержанія:

„Еслибы дѣло зависѣло отъ одного Бонопарте, еслибы онъ былъ остоятеленъ, онъ принялъ бы безъ затрудненія конкордатъ едложенный папой, но его цѣлый день осаждаютъ приближенные ими укорами, почему онъ вынужденъ считаться съ ихъ мнѣніемъ, къ какъ они управляютъ Франціей совмѣстно съ нимъ. Всѣ жданскія управленія, всѣ невѣрующіе, философы и почти вся ія противъ сближенія съ Римомъ. Иногда первый консулъ самъ ходилъ въ ужасъ отъ оказываемой ему опозиціи“.

Digitized by Google

На самомъ дѣлѣ въ то время Бонопарте еще не былъ всемогущимъ. Папа вспоминалъ объ этомъ шестнадцать лѣтъ спустя, когда императоръ уже находился въ плѣну на островѣ св. Елены. Пій VII написалъ Конзальви трогательное письмо: „Намъ обоимъ необходимо вспомнить что послѣ Бога мы обязаны исключительно императору возстановленіемъ во Франціи религіи. Набожная и смѣлая инпціатива 1801 года заставляетъ позабыть насъ ошибки Савоны и Фонтенебло, которыя происходили изъ-за людскаго чванства".

Однажды утромъ, въ то время какъ Конзальви собирался отправиться на военный парадъ, на который онъ былъ приглашенъ, его предупредили что вслѣдствіе неожиданнаго нездоровія Бонопарте парадъ не состоится. Въ газетахъ появились одновременно сообщенія что у перваго консула открылись старыя раны и что его медикъ Корвизоръ вынужденъ былъ наложить ему на грудь перевязки. Очевидно, это была дипломатическая болѣзнь.

Однако, Конзальви не отчаивался въ успѣхѣ своей миссіи, и послѣ нѣсколькихъ уступокъ съ его стороны конкордатъ былъ наконецъ заключенъ и торжественно подписанъ въ отелѣ Марбефъ Іосифомъ Бонопарте, Кретe и замѣстителемъ Талейрана аббатомъ Бернье. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя аббатъ Бернье папой былъ назначенъ епископомъ орлеанскимъ.

Возвращеніе богдыхана въ Пекинъ. По поводу предполагаемаго возвращенія императора Куанъ-Су въ свою столицу Пекинъ очень много говорятъ въ средѣ высшаго китайскаго общества. Повидимому, уже дѣлаются нѣкоторыя приготовленія для въѣзда богдыхана и встрѣчи его столичнымъ населеніемъ.

Многихъ занимаетъ вопросъ, какой церемоніалъ существуетъ при возвращеніи богдыхана въ столицу и по какому пути прослѣдуетъ онъ во дворецъ. Извѣстный знатокъ Китая Кордье говоритъ объ этомъ слѣдующее:

Извѣстно что Пекинъ состоитъ главнымъ образомъ изъ двухъ городовъ, татарскаго и китайскаго, расположенныхъ одинъ противъ другаго. Въ центрѣ ихъ, если такъ можно выразиться, помѣщается запретный или императорскій городъ состоящій изъ цѣлой серіи строеній, храмовъ и дворцовъ. Такимъ образомъ для того чтобы достигнуть своей резиденціи императору необходимо пересѣчь или татарскій или китайскій городъ. Еще интересно, въ какія изъ девяти воротъ пекинскихъ стѣнъ совершитъ свой въѣздъ въ столицу Куанъ-Су.

Во время выѣздовъ изъ дворцоваго города, когда богдыханъ предпринимаетъ паломничество въ храмъ земледѣлія или неба оба расположенные внѣ города, онъ и туда и обратно проѣзжаетъ черезъ ворота Тсіенъ-Менъ. Но если при своемъ возвращеніи въ Пекинъ онъ избралъ бы этотъ путь, ему пришлось бы проѣзжать по улицѣ иностранныхъ посольствъ которая въ настоящее время вся въ развалинахъ. По всему вѣроятію окружающіе его сановники не захотятъ доставлять ему такого печальнаго зрѣлища и не повезутъ императора въ эти ворота.

Нѣкоторыя части императорскаго города были заняты союзными

войсками, которыя очевидно оставили тамъ нѣкоторые слѣды своего пребыванія, а одинъ изъ дворцовъ сгорѣлъ. Поэтому можно утверждать что постараются провезти императора такимъ образомъ чтобы скрыть отъ него такія вещи, которыя были бы способны возбудить въ немъ непріятныя для него воспоминанія о пребываніи въ его столицѣ войскъ европейскихъ державъ. Увѣряютъ также что императоръ намѣревается прибыть въ Пекинъ по желѣзной дорогѣ.

Въ этомъ случаѣ онъ можетъ въѣхать въ городъ только черезъ ворота Тсіенъ-Менъ.

Обсуждаютъ и церемоніалъ самого въѣзда, который также представляетъ живой интересъ въ виду извѣстныхъ условій китайскаго этикета. Будутъ выстроены солдаты всѣхъ восьми знаменъ въ парадной формѣ по всему пути. Они заранѣе оттѣснятъ народъ подальше отъ пути проѣзда. Если въѣздъ сына Неба произойдетъ ночью, весь путь будетъ освѣщенъ красными фонарями. При приближеніи императорскаго поѣзда всадникъ съ длиннымъ желтымъ шелковымъ футляромъ съ жезломъ внутри его приблизится къ первому военному посту и передастъ ему жезлъ въ знакъ приближенія императора. Футляръ съ жезломъ затѣмъ передается съ одного поста на другой до самаго дворца.

По обыкновенію во главѣ кортежа будутъ идти императорскіе музыканты въ длинныхъ костюмахъ темнаго цвѣта, въ высокихъ головныхъ уборахъ украшенныхъ желтыми перьями. Во время движенія музыка не играетъ. За музыкантами будутъ слѣдовать нѣсколько сотенъ дворцовыхъ служителей и носильщиковъ паланкиновъ въ красномъ платьѣ съ бѣлыми розетками и если въѣздъ состоится послѣ захода солнца, нѣкоторые изъ нихъ будутъ нести на длинныхъ шестахъ красные фонари. Послѣ дворцовой прислуги появятся лица съ императорскими атрибутами, курильницами, зонтиками и знаменами всевозможныхъ цвѣтовъ и видовъ. За этими людьми будутъ шествовать дворцовые евнухи въ желтомъ платьѣ богато вышитомъ шелками и золотомъ и конные и пѣшіе офицеры предшествующіе императорскому паланкину.

Этотъ паланкинъ положительно великолѣпенъ. Онъ имѣетъ два метра вышины, весь обтянутъ тяжелой желтой шелковой матеріей украшенной шитьемъ съ четырьмя драконами по угламъ. Его несутъ шестнадцать носильщиковъ: восемь впереди и восемь позади. Паланкинъ императора окруженъ высшими сановниками государства, которые идутъ около него пѣшкомъ и дѣлаютъ видъ что поддерживаютъ. Императоръ будетъ возлежать внутри паланкина на квадратныхъ плоскихъ подушкахъ обтянутыхъ желтой шелковой матеріей. На его головномъ уборѣ кораловыя пуговки и на груди особый знакъ, на которомъ изображенъ драконъ: оба знаки его достоинства. Непосредственно за паланкиномъ императора послѣдуютъ министры, придворные чины и тѣлохранители вооруженные копьями съ развѣвающимися леопардовыми хвостами.

Всѣ эти люди составляющіе кортежъ будутъ шествовать въ самомъ глубокомъ молчаніи. Всякое восклицаніе, шумъ или изъявленіе радости немедленно наказываются смертію. Какъ только паланкинъ императора минуетъ извѣстные пункты, войска уходятъ домой, лавки,

Digitized by Google

ставни и двери домовъ снова открываются, толпы народа высыпаютъ на улицы, съ которыхъ ихъ немилосердно изгнали солдаты, и начинается обычная шумная жизнь китайскаго города.

Исторія одной короны. На-дняхъ умеръ въ Англіи жившій уже нѣсколько лѣтъ на покоѣ старѣйшій изъ редакторовъ газеты *Times*. Объявляя о его смерти нѣсколько газетъ напомнили объ одномъ изъ самыхъ любопытныхъ приключеній его долгой жизни, а именно объ исчезновеніи въ 1849 году венгерской короны, которое произошло при его участіи.

Всѣмъ извѣстно, какія историческія воспоминанія связаны съ короной св. Стефана, почему совершенно понятно было безпокойство австрійскихъ министровъ, когда имъ сообщили что Венгрія усмирена, что на замкѣ въ Буда-Пештѣ снова развѣвается австрійскій флагъ, но что священная корона исчезла.

Когда же мѣсяцъ спустя послѣ долгихъ поисковъ одинъ крестьянинъ соблазнившись деньгами открылъ правительству что корона зарыта у подножья одного дерева, то это было полнымъ торжествомъ Австріи. Корона св. Стефана была торжественно привезена въ столицу Венгріи и среди пушечныхъ выстрѣловъ и ликованій населенія водворена на своемъ мѣстѣ въ древнемъ дворцѣ венгерскихъ королей. „Теперь только, воскликнулъ одинъ министръ, мы чувствуемъ что снова господствуемъ въ Венгріи“. Онъ былъ совершенно правъ произнося эти знаменательныя слова, такъ какъ понялъ, какое значеніе венгерскій народъ приписываетъ этой древней коронѣ, и дѣйствительно ни одинъ символъ королевской власти не заключаетъ въ себѣ столько воспоминаній какъ корона св. Стефана.

Корона св. Стефана была вручена папою Сильвестромъ II епископу Астрикосу, который явился за нею къ римскому первосвященнику отъ имени венгерскаго герцога Стефана впослѣдствіи признаннаго католической церковью святымъ и получившаго наименованіе апостола Венгріи. Корона украшена множествомъ драгоцѣнныхъ камней. Согласно установленію о ней лицо избранное или дѣлающееся по праву наслѣдованія королемъ Венгріи должно короноваться короной св. Стефана въ древней капелѣ королевскаго дворца въ Буда-Пештѣ. Если же король умретъ не бывъ коронованъ, хотя даже онъ пользовался величайшими качествами, имя его безпощадно вычеркивается изъ списка венгерскихъ королей. Такимъ образомъ умеръ подъ стѣнами Варны король Владиславъ сражаясь съ Турками, и всѣ изданные имъ законы со смертью его потеряли силу. Согласно статуту коронованія супруги венгерскихъ королей короновались на-
какъ царствующіе государи во время коронаціи: короной прика-
лись къ ихъ правому плечу, а не къ челу какъ у царствующи
государей и государынь. Какъ примѣръ царствующаго коро
женщины можно вспомнить Марію-Терезію, которой венгерское
рянство сдѣлало въ годину бѣдствій восторженную овацію воск
нувъ: „*Moriamur pro rege nostra Maria-Theresia*“.

Корона св. Стефана почитаемая Венгерцами какъ святыня
жила многое. Случалось что иногда забывали должное ей увaж
неразрывно связанное съ понятіемъ о королевской власти.

она была утеряна претендентомъ на королевскій престолъ, который для того чтобы лучше спрятать ее отъ любопытныхъ взглядовъ спряталъ корону въ боченокъ который возилъ при себѣ. Въ другой разъ она была заложена матерью Владислава, Елизаветой, германскому императору Фридриху III за бездѣлицу, 2800 дукатовъ. Въ 1529 году, когда турецкій султанъ Солиманъ Великолѣпный вторгся со своими полчищами въ Венгрію, корона св. Стефана попала въ руки Турокъ.

Въ XVI столѣтіи королева Изабела опасавшаяся попасть въ плѣнъ уложила знаменитую корону въ ящикъ, который оказался слишкомъ тѣснымъ, вслѣдствіе чего погнулся латинскій крестъ вѣнчавшій ее. Венгерскій народъ настолько чтитъ корону св. Стефана что считаетъ святотатствомъ прикоснуться къ ней, почему крестъ такъ и остался погнутымъ, хотя послѣ этого случая много королей вѣнчались ею на царство.

Святая корона обладала собственной юрисдикціей, собственными судьями, арміей и неотчуждаемой недвижимой собственностью. У нея были, какъ у царствующаго государя, свои собственныя резиденціи; она то пребывала въ капелѣ Буда-Пештской крѣпости-замка, то въ крѣпости Вышеградѣ, то въ замкѣ Позони. Вышеградская ея резиденція была самая надежная. Корона укрывалась тамъ въ дни опасностей. Эта крѣпость построена на высокой, крутой скалѣ, подножіе которой омывается Дунаемъ, и носитъ названіе неприступной. Корона хранилась тамъ въ маленькой замуравленной часовнѣ подъ охраной двухъ стражей носившихъ почетное названіе префектовъ, которые безсмѣнно стояли и день и ночь передъ дверями. Кромѣ того замокъ охранялся избранной милиціею. Главными и непосредственными хранителями короны св. Стефана состояли избранные венгерскимъ сеймомъ два представителя высшей аристократіи имѣвшіе титулъ *duumviri*. Они отвѣчали за цѣлость и безопасность священной реликвіи.

Означенные сановники давали присягу защищать корону св. Стефана съ опасностью собственной жизни и не открывать двери капелы безъ письменнаго приказа венгерскаго сейма. Изъ вышеизложеннаго можно заключить, какимъ значеніемъ пользуется корона св. Стефана. Когда Турки вторгнулись въ Венгрію, императоръ приказалъ вывезти корону изъ Вышеграда. Стража отказалась исполнить распоряженіе и требовала приказа сейма. Пока шли переговоры объ этомъ, Турки овладѣли крѣпостью и корона попала въ ихъ руки.

Стеклянный вѣкъ. Бывшій директоръ обширнаго стекляннаго за-ла въ Сенъ-Гобенъ во Франціи, Жюль Анриво, дѣлаетъ любопыт-е предсказаніе. По его словамъ, наступающее столѣтіе будетъ вѣ-къ стекла. Конечно, онъ не говоритъ о томъ что люди будутъ отреблять стеклянныя пушки, или стеклянные военные корабли или ыя суда, но тѣмъ не менѣе Жюль Анриво считаетъ стекло лучшимъ оительнымъ матеріаломъ примѣнимымъ въ особенности для жи-ъ помѣщеній.

Существеннымъ доказательствомъ своего предположенія Анриво ...ъ, то несомнѣнное важное обстоятельство что запасы мат...

Digitized by Google

ріала для производства стекла неистощимы, оно можетъ быть примѣнимо въ любой формѣ и какомъ угодно видѣ. Кромѣ того, стекло отличается своею прочностію и чистотой. Оно можетъ быть вылито въ какую угодно форму, его можно окрасить въ любой цвѣтъ, вообще ни съ однимъ другимъ матеріаломъ невозможно производить такія разнообразныя манипуляціи какъ со стекломъ.

При постройкѣ домовъ стекло можетъ быть употреблено для оконъ, подоконниковъ, для устройства половъ, крышъ и какъ стѣнное украшеніе. Изъ стекла можно выдуть бутылки, стаканы, графины, вазы, вообще всевозможныя издѣлія насящія названіе хрусталя, кристалы, линзы, призмы и другіе предметы для научныхъ цѣлей, которые выдуваются изъ стеклянной массы и впослѣдствіи шлифуются. Стекло можетъ быть вытянуто въ тончайшія нитки, примѣняемо для изготовленія трубокъ, корзинъ и обработываемо непосредственно въ матеріи для платья. Оно можетъ быть употреблено для производства мозаики и эмали и искусственныхъ драгоцѣнныхъ камней.

По мнѣнію Анриво, фундаменты и стѣны стекляннаго дома будутъ строиться изъ недавно изобрѣтеннаго каменнаго стекла, которое въ три раза прочнѣе гранита. Каменное стекло обладаетъ замѣчательными свойствами. Оно противодѣйствуетъ жарѣ и холоду, при треніи стирается меньше порфира и выдерживаетъ болѣе сильные удары молоткомъ чѣмъ мраморъ. Стеклянныя стѣны домовъ будутъ соединяться между собою посредствомъ угловаго желѣза. Между стѣнами будетъ оставленъ промежутокъ для помѣщенія стеклянныхъ трубъ для проведенія въ помѣщенія горячаго воздуха, газа, электрической энергіи и проч.

Лѣстницы, перила, крыши, стѣнныя украшенія, камины, очаги, все будетъ изъ стекла. Стекло можетъ быть изготовлено непрозрачнымъ или быть окрашено въ любой цвѣтъ. Мебель также можетъ быть вся стеклянная и даже ножи, вилки и ложки можно также употреблять стеклянные, не говоря уже о кухонной посудѣ которая будетъ современемъ обязательно вся стеклянная.

Стеклянный домъ будущаго, говоритъ Анриво, будетъ замѣчателенъ своею чистотой и положительно недоступенъ огню. Его будетъ можно мыть съ самаго низа до крыши не опасаясь завести въ немъ сырость. *Palais Lumineux* послѣдней парижской выставки выстроенный весь изъ стекла является прототипомъ домовъ о которыхъ мечтаетъ Анриво.

Борьба съ чумой во Франціи въ XVII столѣтіи. Въ продолженіе двухъ послѣднихъ лѣтъ чума нѣсколько разъ угрожала Европѣ, по счастью удалось помѣшать ея появленію благодаря своевременно принятымъ мѣрамъ. Очевидно, мы обязаны этимъ прогресу современной медицины и гигіены. Впрочемъ, необходимо замѣтить при этомъ что даже въ XVII столѣтіи медицина не была совершенно безсильна. Это можно заключить изъ того что чума эпидемически свирѣпствовавшая въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій во Франціи исчезла тамъ во время царствованія Людовика XIV. Любопытно ознакомиться съ тогдашними способами борьбы со страшной эпидеміей.

Всякій заболѣвшій чумой немедленно изолировался ото всѣхъ. Если онъ былъ богатъ, его запирали въ домѣ со слугой, причемъ на воротахъ ставили бѣлый крестъ; если онъ былъ бѣденъ, то особые служители

Digitized by Google

называвшіеся *corbeaux* или преступники, которымъ поручались эти опасныя вещи, брали больнаго и относили въ спеціальную лечебницу, гдѣ за нимъ ухаживали по разумѣнію лекарскіе помощники и монахи и врачевали его тѣло и душу. Въ Парижѣ въ то время существовали двѣ спеціальныя больницы для зачумленныхъ, св. Лудовика и св. Анны. При появленіи первыхъ признаковъ чумы въ городѣ объявлялось осадное положеніе. Гражданамъ даже здоровымъ воспрещалось выходить изъ ихъ домовъ, открывать окна и двери и вообще сообщаться съ остальнымъ міромъ. Городская администрація въ этомъ случаѣ брала на себя обязанность снабжать гражданъ хлѣбомъ, виномъ, водой и вообще всѣмъ необходимымъ. Всѣ жизненные припасы передавались въ изолированное помѣщеніе посредствомъ деревяннаго лотка не открывая дверей. Въ сѣняхъ жгли ароматическія травы, которымъ приписывали свойство предохранять отъ заболѣванія чумой.

Нечего и говорить что во время возникновенія эпидеміи закрывались театры и отмѣнялись ярмарки и базары. Иностранцевъ и бродягъ немедленно высылали изъ города подъ страхомъ быть повѣшенными. Лица которыя стирали бѣлые кресты на домахъ разстрѣливались безо всякаго милосердія.

Во время особенно сильной чумной эпидеміи 1619 и 1680 годовъ были постепенно закрываемы всѣ сообщенія съ Голандіей, Лотарингіей, Марселемъ, Турнэ, Лилемъ, Руаномъ, Діепомъ и другими мѣстностями объявленными по чумѣ неблагополучными. Правительство во время возникновенія чумныхъ эпидемій назначало особыхъ инспекторовъ именовавшихся *Prèvots de santé*, обязанность которыхъ заключалась въ наблюденіи за ходомъ всего противочумнаго института. Они должны были открывать больныхъ и дѣлать розыски по всему городу чтобы узнать, не скрываютъ ли гдѣ родственники зачумленныхъ. Они же посылали служащихъ въ то или другое помѣщеніе, которое надлежало, по ихъ мнѣнію, подвергнуть дезинфекціи.

Изъ вышеизложеннаго можно заключить что въ шестнадцатомъ столѣтіи противъ чумы принимали всевозможныя профилактическія мѣры, мѣры же медицинскія приносили мало пользы, такъ какъ медицина того времени находилась еще въ стадіи младенчества. Одинъ врачъ для исцѣленія отъ чумы прописывалъ больному прикладывать мясо голубя вымоченное въ чесноковомъ соку, другой совѣтовалъ употребленіе мышьяка амальгамированнаго ртутью. Находились такіе доктора, которые совѣтовали зачумленнымъ носить на тѣлѣ въ особомъ мѣшечкѣ ромашку, василекъ, эвфоробію, нинифоръ и порошокъ алое. Вообще, медицина XVII столѣтія утверждала что сильно пахучія вещества предохраняютъ отъ зараженія чумой. Простой народъ также вѣрилъ что сильный запахъ отгоняетъ чуму, почему многіе заводили старыхъ козловъ издававшихъ невыносимый запахъ, или носили при себѣ тухлыхъ раковъ испускавшихъ страшное зловоніе.

Доктора и ихъ помощники подходили къ больнымъ не ранѣе какъ прикрывъ ротъ бинтомъ изъ ароматическихъ травъ. Конечно, современная Людовику XIV медицина не могла исцѣлить зачумленныхъ, однако нужно отдать справедливость тому что дѣятельность полиціи и предпринимаемыя ею мѣры были совершенно достаточны для того чтобы пріостановить распространеніе эпидеміи.

Digitized by Google

БИБЛІОГРАФІЯ.

Дорожное дѣло въ Россіи.

Краткій историческій очеркъ развитія водныхъ и сухопутныхъ сообщеній и торговыхъ портовъ въ Россіи. С.-Петербургъ. 1900.

Министерство Путей Сообщенія задалось цѣлію широко отпраздновать свой столѣтній юбилей. Способъ празднованія былъ выбранъ очень удачно и заключался въ изданіи цѣлаго ряда трудовъ посвященныхъ историческому обзору дѣятельности различныхъ частей этого министерства. Разсматриваемый томъ посвященъ сухопутнымъ и воднымъ путямъ Россіи. Остановимся на первыхъ.

Въ XVI и XVII вѣкахъ Москва дѣлается средоточіемъ всѣхъ нитей государственной и общественной жизни. Она центръ Россіи. Въ ней живутъ и царь, и первосвятитель русской церкви; здѣсь же проживаютъ временно или постоянно виднѣйшіе представители всѣхъ отраслей государственнаго и церковнаго управленія, въ Москвѣ сосредоточены учрежденія всей страны, въ нее стекаются купцы, иностранные гости, послы и богомольцы, она производитъ крупнѣйшія торговыя операціи и живетъ жизнію всего государства. При такихъ условіяхъ она не можетъ уже обходиться одними водяными путями которыми довольствовалась древняя Русь. Москвѣ нужны сухопутныя дороги, и она начинаетъ заботиться о созданіи ихъ. Въ это время появляются дороги военныя направляющіяся къ границамъ государства и дороги торговыя идущія на сѣверъ, сѣверо-западъ, сѣверо-востокъ и востокъ. На проложеніи новыхъ дорогъ сосредоточивается вниманіе государства, заботы же о приведеніи ихъ въ исправный видъ отходятъ на задній планъ.

Само собою понятно что дороги въ это время находились въ самомъ печальномъ положеніи. Вотъ какая характеристика ихъ дается въ разсматриваемомъ трудѣ:

Digitized by Google

При полномъ почти отсутствіи какихъ-либо искусственныхъ сооруженій, дороги почти всецѣло зависѣли отъ времени года. Весною въ распутицу и осенью пользоваться ими было нельзя. Разливались рѣки, образовывались непроходимыя грязи, болота обращались въ озера.

Картина не лишенная сходства съ современной.

Одною изъ первыхъ правительственныхъ попытокъ по улучшенію дорогъ является учрежденіе ямовъ. На важнѣйшихъ дорогахъ отъ государства устраиваются два или три двора, въ которыхъ поселяются ямщики обязанные за извѣстный участокъ земли и за освобожденіе отъ прочихъ повинностей держать извѣстное количество ямскихъ лошадей. Ямскія учрежденія относятся обыкновенно ко времени Іоанна III, при немъ появляются ямскіе охотники, ямскія слободы и ямскіе дворы. Особено увеличилось число ямовъ при Іоаннѣ Грозномъ; при немъ было устроенно до 300 ямовъ въ различныхъ концахъ государства.

Второю важною мѣрою правительства для упорядоченія дорожнаго дѣла было очищеніе дорогъ отъ разбойниковъ.

Плохое состояніе дорогъ вело къ самымъ безотраднымъ послѣдствіямъ, даже само государство много терпѣло отъ нихъ.

Постоянныя колебанія на хлѣбныя цѣны, частыя опозданія служилыхъ людей при исполненіи государевой службы, эксплоатаціонный характеръ иностранной торговли, неравномѣрная стоимость провоза товаровъ въ различное время года, особый типъ передвиженія товаровъ (караванный) и особый характеръ торговли (ярмарочный) и наконецъ низкій уровень нравственности у москвичей занимавшихся торговлей, все это стоитъ въ тѣсной связи съ несовершенствомъ русскихъ дорогъ того времени и все это самымъ вреднымъ образомъ отражалось на различныхъ сторонахъ государственной и народной жизни.

Въ концѣ XVII вѣка московское правительство уже начинаетъ принимать нѣкоторыя мѣры для улучшенія дорогъ. Въ 1711 году предпринято соединеніе Москвы и Петербурга „перспективной“ дорогой черезъ Старую Руссу, Ржевъ и Волоколамскъ. Въ 1724 году состоялось важное постановленіе по дорожному дѣлу. Этимъ постановленіемъ предписывалось „малыя дороги и мужики на которыхъ дорогахъ живутъ въ деревняхъ: тѣ весною и осенью по досмотру и приказу земскаго комисара въ неработную пору тѣ дороги почи-ть всякому изъ своихъ дачъ и равнять, а въ низкихъ и грязныхъ стахъ пескомъ насыпать“. Исправленіе же болѣе важныхъ дорогъ ло возложено на цѣлыя провинціи. Съ этихъ поръ указы объ равномъ содержаніи дорогъ слѣдуютъ одинъ за другимъ, но пользы носятъ они мало и дороги продолжаютъ оставаться въ непроѣзд-состояніи Въ 1755 году дѣлается довольно важный шагъ впе-

Digitized by Google

редъ. Сенатскимъ указомъ 21 марта Канцелярія перспективной дороги преобразуется въ Канцелярію отъ строенія государственныхъ дорогъ, такимъ образомъ создается спеціальный органъ для завѣдыванія дорожнымъ дѣломъ. Однако, и эта мѣра приноситъ мало пользы, дороги продолжаютъ оставаться въ самомъ хаотическомъ состояніи. Дѣло дошло до того что въ 1764 повелѣно было „починять только одни мосты черезъ рѣки и болота", такъ какъ „настоящій образъ починять дороги почти никакого облегченія проѣзжающимъ не дѣлаетъ".

Съ 20 ноября 1809 года завѣдываніе государственными большими дорогами было возложено на Главное Управленіе путей сообщенія, но располагая ничтожными денежными средствами и незначительнымъ количествомъ инженеровъ, оно могло принять въ свое вѣдѣніе только часть ихъ. Указомъ 1 января 1817 года ему вмѣнено въ обязанность шосированіе Московской дороги, а затѣмъ и трактовъ Бѣлорусскаго и Архангельскаго.

Какъ построеніе этихъ шосе, такъ и содержаніе большихъ государственныхъ дорогъ велѣно было производить наемными рабочими, для чего въ томъ же 1817 году учрежденъ по всѣмъ губерніямъ (кромѣ Грузіи и Бесарабской области) особый сборъ: каждая ревизская душа должна была платить по 25 коп. асигнаціями; вмѣстѣ съ тѣмъ было рѣшено чтобы по мѣрѣ того какъ государственныя дороги будутъ поступать въ вѣдомство путей сообщенія, населеніе освобождалось отъ починки дорогъ натуральною повинностію. 25-копѣечный сборъ доставлялъ до 5 мил. руб. асигнаціями, что дало возможность усиленно заняться шосированіемъ дорогъ. Но особенное развитіе эта дѣятельность получила со вступленіемъ на престолъ императора Николая Павловича, чему въ значительной мѣрѣ содѣйствовало установленіе особаго шосейнаго сбора съ проѣзжающихъ; такое взиманіе этого сбора измѣнялось три раза: въ 1838 г., въ 1842 г. и въ 1849 г.

Съ развитіемъ сѣти рельсовыхъ путей шосейныя дороги потеряли въ глазахъ правительства свое прежнее значеніе и съ 1870 г. началась передача ихъ въ хозяйственное завѣдываніе земствъ. Дороги общегосударственнаго значенія передавались на условіи поверстной платы земству въ пособіе на ремонтъ ихъ, шосейныя же дороги мѣстнаго значенія передавались земствамъ безъ этого пособія. Какъ выполнили земства новую свою задачу?

Дороги общегосударственнаго значенія они содержали въ болѣе или менѣе удовлетворительномъ видѣ, въ чемъ, впрочемъ, и нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ расходы на ремонтъ ихъ покрывало правительство. Но дороги мѣстнаго значенія постигла самая печальная судьба.

Digitized by Google

Въ 1888 году, напримѣръ, Рославскому земству былъ переданъ участокъ Витебско-Орловскаго шосе длиною въ 88½ верстъ. Земство просто-на-просто рѣшило уничтожить это шосе. Пришлось отобрать его обратно въ казну и истратить на ремонтъ 230.000 р. Подобный же примѣръ видимъ мы и во Владимірской губерніи. Въ распоряженіе губернскаго земства были переданы участки Нижегородскаго шосе въ 350 верстъ и Ярославскаго въ 79 верстъ. „Земство, не признавъ возможнымъ совершенно упразднить это шосе, ограничилось по недостатку средствъ лишь ремонтомъ мостовыхъ сооруженій, полотно же шосе пришло въ разстройство". Пришлось дать земству на ремонтъ его пособіе въ 170.402 руб.

Развитіе шоссейныхъ дорогъ въ разсматриваемомъ трудѣ подраздѣляется на четыре періода. Въ первомъ до 1835 года было проложено шоссейныхъ дорогъ всего только 2.747 верстъ. Во второмъ періодѣ съ 1836 по 1855 годъ шоссейныхъ дорогъ построено уже 6.465 верстъ. Въ третьемъ періодѣ съ 1856 по 1875 строительная дѣятельность ослабла и шоссейныхъ дорогъ было проложено только 1.146 верстъ. Въ четвертомъ періодѣ съ 1876 по 1895 годъ замѣчается нѣкоторое оживленіе въ дорожно-строительной дѣятельности и въ это время дорогъ проводится уже 3.175 верстъ, хотя большую половину изъ нихъ составляютъ стратегическія шосе въ Западномъ краѣ.

Вообще же построено вѣдомствомъ путей сообщенія и передано въ его вѣдѣніе съ 1817 по 1895 годъ шоссейныхъ дорогъ 13.533 версты, что̀ въ годъ составляетъ 173 версты. Цифра болѣе чѣмъ скромная.

Въ настоящее время положеніе дорожнаго дѣла въ Европейской Россіи рисуется въ слѣдующемъ видѣ: менѣе ½ версты шоссейныхъ дорогъ на 100 кв. верстъ приходится у насъ въ 15 губерніяхъ, отъ ½ до 1 версты также въ 15 губерніяхъ и свыше 1 версты въ 14 губерніяхъ. Всѣ эти цифры только лишній разъ указываютъ на нашу бездорожность и на необходимость скорѣе выдти изъ этого ненормальнаго положенія.

Большая часть разсматриваемаго труда отведена воднымъ путямъ, но останавливаться на ней мы не будемъ, такъ какъ наиболѣе существенныя данныя о нихъ уже были приведены въ статьѣ г. Емельянова *Внутренніе водные пути Россіи* помѣщенной въ предшествующей книжкѣ *Русскаго Вѣстника*.

Digitized by Google

Русскія сельскія хозяйства.

М. З. и Г. И. Департаментъ Земледѣлія. Краткія справочныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ русскихъ хозяйствахъ. Изданіе второе. Выпускъ второй. С-Петербургъ. 1901.

Новый законъ объ отводѣ въ Сибири казенныхъ земель частнымъ лицамъ заставилъ большинство нашей печати высказаться самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ частнаго землевладѣнія. Указывалось на задолженность его, на неспособность и неумѣніе вести хозяйство, да и какихъ-какихъ еще не сыпалось на него обвиненій. Совершенно иную картину рисуетъ справочная книжка выпущенная недавно Министерствомъ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ.

Департаментъ Земледѣлія собралъ свѣдѣнія о 483 хозяйствахъ, площадью до 2.300.273 десятинъ расположенныхъ въ 15 центральныхъ земледѣльческихъ, средневолжскихъ и южноволжскихъ губерніяхъ Россіи. Этотъ трудъ составилъ первый выпускъ *Краткихъ справочныхъ свѣдѣній*, теперь вышелъ второй выпускъ обнимающій свѣдѣнія о 590 хозяйствахъ въ 11 новороссійскихъ, малороссійскихъ и юго-западныхъ губерніяхъ. Общая площадь всѣхъ этихъ 590 хозяйствъ равняется 2 591.298 дес.

Огромное большинство отмѣченныхъ имѣній принадлежитъ *дворянамъ*; лишь весьма небольшая часть ихъ составляетъ собственность купцовъ, мѣщанъ, земства и другихъ физическихъ и юридическихъ лицъ. Площадь владѣнія отдѣльныхъ лицъ колеблется отъ нѣсколькихъ десятинъ занятыхъ виноградниками почти до 97.000 десятинъ (Бѣлая Церковь и другія имѣнія граф. М. Е. Браницкой). Въ какомъ-же положеніи находятся эти имѣнія? Дѣйствительно-ли они представляютъ собою картину разоренія и запустѣнія которую такъ любятъ рисовать наши столичныя и провинціальныя изданія?

Ничего подобнаго нѣтъ въ дѣйствительности, и многія изъ перечисленныхъ имѣній во всѣхъ отношеніяхъ поставлены вполнѣ образцово. Въ нихъ мы видимъ метеорологическія станціи, школы содержимыя на счетъ владѣльцевъ, различные заводы для переработки сельскохозяйственныхъ продуктовъ, мастерскія для разныхъ хозяйственныхъ цѣлей и т. д. Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ еще продолжаетъ держаться трехпольная система, но во многихъ изъ нихъ она уступила уже мѣсто многопольной, стремленіе къ чему съ каждымъ годомъ становится все замѣтнѣе. Есть и такія имѣнія въ которыхъ одна часть земли воздѣлывается по трехпольной, а другая по многопольной системѣ.

Digitized by Google

Хлѣба въ частныхъ хозяйствахъ воздѣлываются самые разнообразные. Получаетъ значительное распространеніе садоводство, виноградарство, табаководство, хмелеводство, разведеніе масличныхъ, душистыхъ и лекарственныхъ растеній. Словомъ, эти хозяйства ищутъ новыхъ путей и стремятся по возможности къ замѣнѣ хлѣбовъ производствомъ другихъ болѣе цѣнныхъ растеній.

О положеніи скотоводства въ частновладѣльческихъ имѣніяхъ не стоитъ и говорить: оно стоитъ на недостигаемой для крестьянъ высотѣ. Здѣсь мы видимъ широкораспространившееся коневодство и заводы производящіе англійскихъ и арабскихъ лошадей, чистокровныхъ рысистыхъ и полурысистыхъ, битюговъ, тяжеловозовъ разныхъ породъ, кавалерійскихъ, киргизскихъ и т. д.

Также разнообразны породы свиней, овецъ, и птицъ. Пчеловодство также во многихъ имѣніяхъ поставлено на должную высоту. Вообще, нужно сознаться что изданіе Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ въ общемъ рисуетъ довольно утѣшительную картину. Картина эта была бы еще поучительнѣе еслибы съ одной стороны мы могли сравнить результаты сельскохозяйственной дѣятельности въ частновладѣльческихъ имѣніяхъ и у окрестныхъ крестьянъ, а съ другой прослѣдить на послѣднихъ вліяніе этихъ хозяйствъ. Къ сожалѣнію, *Краткія справочныя свѣдѣнія* не даютъ для этого необходимаго матеріала.

Намъ могутъ возразить что не всѣ частновладѣльческія хозяйства таковы, что многія ведутъ дѣло по прапрадѣдовскимъ завѣтамъ, не внося въ него никакихъ улучшеній. Конечно, есть и такія хозяйства. Но уже самое появленіе хозяйствъ съ другимъ складомъ, появленіе ихъ въ нынѣшнее тяжелое для земледѣлія время лучше всего доказываетъ всю неосновательность газетныхъ нападокъ на частное землевладѣніе.

Лѣса и степь.

Министерство Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ.
Труды опытныхъ лѣсничествъ. С.-Петербургъ. 1901.

Опять засуха, опять недородъ! Изъ Заволжья, изъ Сибири, изъ другихъ мѣстностей Россіи доходятъ самыя тревожныя вѣсти. Дождей нѣтъ, поля выжжены, мало сѣна, нужна продовольственная помощь, вотъ общій характеръ всѣхъ этихъ извѣстій, которыми переполнены газеты послѣднихъ дней. Нѣтъ никакаго сомнѣнія что засухи на Руси бывали всегда, иногда онѣ вели и къ крупнымъ бѣд-

Digitized by Google

ствіямъ, но нельзя не признать и того что прежде эти засухи бывали рѣже и переносились легче чѣмъ теперь. Это конечно не случайность, а явленіе имѣющее свои глубокія причины. Предполагать что въ значительной мѣрѣ уменьшилось количество атмосферныхъ осадковъ въ Россіи нѣтъ основанія, слѣдовательно остается придти къ выводу что измѣнился не климатъ, а почва, что она сдѣлалась менѣе способною удерживать въ себѣ влагу. Дѣйствительность подтверждаетъ этотъ выводъ.

Россія обезлѣсилась, въ силу чего таяніе снѣговъ пошло гораздо быстрѣе и въ почву стало попадать гораздо меньшее количество влаги. Другая причина засухъ, овраги, тоже создана рукою человѣка. Распахиваніе крутыхъ склоновъ повело къ тому что лишенная дернового покрова почва легко размывалась образуя овраги постоянно углубляющіеся и высасывающіе влагу изъ почвы.

Если засуха является такимъ образомъ дѣломъ рукъ людскихъ, то и исправленіе климата можно считать до извѣстной степени возможнымъ тѣми же самыми людьми. Но прежде чѣмъ приступить къ практической дѣятельности въ этомъ направленіи, нужно научное выясненіе нѣкоторыхъ вопросовъ. Какое значеніе имѣютъ лѣсныя насажденія въ степныхъ мѣстностяхъ? Какъ отражаются они на климатѣ этихъ мѣстностей? Какой характеръ должны носить эти насажденія? Какія древесныя породы выгоднѣе употреблять для этихъ насажденій? Является масса и другихъ вопросовъ прямо или косвенно связанныхъ съ основнымъ вопросомъ о сохраненіи влаги въ почвѣ.

Научною разработкою этихъ вопросовъ заняты опытныя лѣсничества устроенныя Министерствомъ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ. Этими лѣсничествами выпущено уже три серіи трудовъ: первая появилась въ 1894 году, вторая въ 1898 году и третья въ нынѣшнемъ. Остановимся на послѣдней. Въ первомъ томѣ собраны многочисленныя метеорологическія наблюденія обработанныя г. Адамовымъ. Онъ приходитъ къ чрезвычайно важному выводу что надъ лѣсомъ выпадаетъ больше дождя чѣмъ надъ степью. Относительная влажность воздуха болѣе въ густыхъ и молодыхъ насажденіяхъ. Степь является болѣе доступною для солнца и вѣтра чѣмъ лѣсъ и испаряемость въ ней наблюдается во много разъ большая чѣмъ въ лѣсу; то же можно сказать про высокую степь и долину рѣки. Далѣе г. Адамовъ приходитъ къ выводу что ленточныя насажденія (пока еще 7—8 лѣтняго возраста) служатъ слабою защитою отъ вѣтровъ.

Что касается температуры и влажности почвы, а также жизни грунтовыхъ водъ, то г. Адамовъ держится слѣдующихъ мнѣній. Песчаная почва нагрѣвается болѣе черноземной не только въ нижнихъ своихъ слояхъ, но и на поверхности. Колебанія температуръ почвы

Digitized by Google

подъ лѣсомъ чрезвычайно сглажены. Вліяніе чернаго пара на нагрѣваніе почвы сказывается не только въ томъ что при немъ замѣчаются рѣзкіе скачки температуръ поверхностныхъ слоевъ, но и происходитъ глубокое промерзаніе почвы, раннее оттаиваніе верхнихъ слоевъ весною и раннее же охлажденіе ихъ осенью, что̀ ведетъ къ сохраненію влаги съ одной стороны и къ скорѣйшей спѣлости почвы съ другой.

Распредѣленіе влаги въ почвѣ, находясь конечно въ зависимости прежде всего отъ характера почвы и грунта, подчинено вліянію покрывающей почву растительности; въ лѣсу и насажденіяхъ верхній слой, болѣе мощный чѣмъ въ степи подъ залежными травами, всегда влажнѣе нижележащихъ отдающихъ свою влагу растеніямъ, при отсутствіи же всякой растительности, то-есть, при условіи чернаго пара (питомникъ, молодыя посадки) болѣе обильною влажностью отличаются слои почвы 10—25 сантиметровъ.

Что̀ же касается жизни грунтовыхъ водъ, то здѣсь съ полною очевидностію цифры указали на безусловную ихъ зависимость отъ характера почвы и грунта, отъ количества зимнихъ осадковъ и отъ культурнаго состоянія поверхностнаго слоя почвы.

Въ послѣдней и самой интересной главѣ г. Адамовъ подробно останавливается на распредѣленіи снѣжнаго покрова въ лѣсу и въ степи, на задержаніи и таяніи снѣга. Выводы его въ общихъ чертахъ сводятся къ слѣдующимъ положеніямъ:

... лѣсъ, лѣсныя полосы и овраги являются складочными магазинами снѣга, который сметается туда съ открытой степи увеличивая такимъ образомъ свой собственный, никуда до весны не расходуемый запасъ; въ особенности же это увеличеніе сказывается на опушкахъ, гдѣ снѣгу скопляется въ два, три раза больше чѣмъ внутри лѣса; лѣсныя ленточныя полосы являются въ данномъ случаѣ какъ бы опушками и потому задерживаютъ огромныя количества снѣга, равномѣрность отложенія снѣга въ лѣсу и болѣе медленное его таяніе тамъ чѣмъ въ степи не подлежитъ никакому сомнѣнію; если со степи весь снѣгъ сходитъ въ 5—6 дней, то въ лѣсу, особенно же хорошо сомкнутомъ, онъ таетъ въ 8 и 10 дней. Абсолютно болѣе высокія мѣста безусловно дольше остаются покрытыми снѣгомъ, и въ то время какъ долины рѣкъ являются совершенно обнаженными отъ снѣга, водораздѣлы еще бѣлѣются отъ него и на 3—4 дня запаздываютъ съ полнымъ наступленіемъ весны.

Остальные томы посвящены отдѣльнымъ опытнымъ лѣсничествамъ; въ нихъ мы находимъ статью г. Краскова: *Изслѣдованіе надъ нѣкоторыми физическими свойствами чернозема дѣвственной степи.* Послѣдняя статья особенно интересна, въ ней авторъ разсматриваетъ вліяніе характера степной растительности, а также культурнаго состоянія и строенія почвы на влажность ея, значеніе трещинъ въ чвѣ и говоритъ объ образованіи подземной росы.

Digitized by Google

Къ сожалѣнію, по своему объему, цѣнѣ и изложенію, доступнымъ далеко не всякому читателю, *Труды опытныхъ лѣсничествъ* всегда будутъ малодоступными для большинства читателей. Вотъ почему нельзя не пожелать чтобы Министерство Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ выпустило въ свѣтъ наиболѣе важныя извлеченія изъ этихъ трудовъ и тѣмъ сдѣлало бы ихъ доступными. Не слѣдуетъ забывать что въ вопросѣ объ облѣсеніи степныхъ пространствъ заинтересованъ обширный кругъ лицъ.

„Большой Кулакъ".

Общество И-хе-туань и его значеніе въ послѣднихъ событіяхъ на Дальнемъ Востокѣ. По офиціальнымъ китайскимъ даннымъ составилъ и. д. професора китайской словесности при Восточномъ Институтѣ Д. Рудаковъ. Владивостокъ. 1901.

Теперь, когда мы провели свои желѣзныя дороги по Манчжуріи, когда мы заняли край своими вооруженными силами, когда мы ведемъ упорную борьбу съ цѣлію очистить его отъ послѣднихъ разбойническихъ скопищъ, для насъ чрезвычайно важно знать тѣ причины которыя породили печальныя событія минувшаго года. Знакомство съ прошлымъ можетъ пролить свѣтъ на настоящее и будущее. Поэтому можно быть только благодарнымъ г. Рудакову, который принялъ на себя трудную задачу изучить исторію возникновенія и цѣли *общества боксеровъ* игравшаго такую видную роль въ китайской смутѣ прошлаго года. Г. Рудаковъ объѣхалъ сѣверныя и южныя провинціи Манчжуріи, изучалъ китайскіе источники, разспрашивалъ людей знакомыхъ съ дѣломъ и результатомъ всѣхъ этихъ изысканій явился полный глубокаго интереса нынѣшній трудъ его.

Въ Китаѣ все старо и послѣднее движеніе противъ вторженія въ Серединное царство европейской культуры было поднято сектой *Большаго Кулака* или *Кулака во имя справедливости и гармоніи* ознаменовавшей себя возстаніемъ еще въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣковъ. Возстаніе это было подавлено, секта присмирѣла и проявляла себя только отъ времени до времени кровавыми столкновеніями съ европейскими мисіонерами, да широкимъ распространеніе противохристіанскихъ брошюръ, картинъ и прокламацій.

Но борьба съ христіанствомъ, говоритъ г. Рудаковъ, являлась только однимъ изъ вопросовъ сложной програмы. Первымъ и гл нымъ зломъ нарушившимъ правильный ходъ исторической жи Небесной Имперіи считалось водвореніе въ 1644 году на д

Digitized by Google

скомъ престолѣ сына неба инородческой манчжурской династіи, несогласное съ національными традиціями и гордостью китайскаго народа. Поэтому лозунгомъ всѣхъ антидинастическихъ партій сдѣлалось ниспроверженіе Манчжурской династіи и возстановленіе Минской.

На первый взглядъ можетъ показаться страннымъ какъ китайское правительство могло идти рука объ руку съ партіей стремящейся къ ниспроверженію династіи. Но этому г. Рудаковъ даетъ довольно правдоподобныя объясненія:

Правительство не хотѣло играть роль пасивнаго зрителя въ разыгравшихся съ такою изумительною скоростію событіяхъ. Мало того, оно прекрасно сознавало что эти актеры, чего добраго, обратятъ въ концѣ-концовъ свое оружіе и на зрителя, а это могло воскресить памятныя еще всѣмъ эпохи Тайпинговъ, Няньфеевъ, Дунчанъ и проч. Сознавая слабость и шаткость своего положенія дворъ императрицы не нашелъ ничего лучше какъ пойти навстрѣчу событіямъ и прикрываясь знаменіемъ консервативной партіи проповѣдующей идею: „Китай для Китайцевъ“ протянуть руку вожакамъ общества И-хе-туань, поставивъ его подъ свой контроль и придавъ ему правильную организацію подъ руководствомъ первыхъ сановниковъ государства какъ вождей новаго учрежденія.

Но не одинъ страхъ руководилъ конечно китайскимъ правительствомъ. Оно прекрасно понимало выгоду положенія, при которомъ не развертывая своихъ знаменъ и значковъ оно пряталось за спину *Большаго Кулака*, оставляя себѣ возможность взвалить на него всѣ совершенныя преступленія.

Но, продолжаетъ г. Рудаковъ, даже въ тяжелые для Европейцевъ дни боевъ подъ Тянь-Цзиномъ и осады посольствъ въ Пекинѣ, когда всѣ шансы были на сторонѣ желтой расы, китайское правительство не снимало маски и продолжало хранить глубокое молчаніе, безмолвно руководя изъ-за девяти стѣнъ шахматными ходами своей войны и политики.

Г. Рудаковъ задается слѣдующимъ интереснымъ вопросомъ: кто являлся духовнымъ руководителемъ китайской народной массы въ новомъ крестовомъ походѣ противъ Запада? Чиновничество, говоритъ онъ, давало только матеріальныя средства и нравственную поддержку, ...зывая сѣть каналовъ, по которымъ должно было идти новое те...ie и устанавливая рядъ плотинъ, за которыя оно не должно пе...иваться. Правительство давало внѣшнюю поддержку, создавая себѣ ...бразно съ обстоятельствами иррегулярную армію. Но не имъ приш...ь быть „властелинами новыхъ идей“. Эта роль досталась фанати...“, „учителямъ магическихъ способовъ“ и „наставникамъ“. Ихъ не ...чалъ никто, они являлись сами собою осѣняемые духомъ во время

Digitized by Google

кумиренныхъ службъ. Это какъ бы освѣщало божественное происхожденіе секты и давало ея послѣдователямъ стойкость, безъ которой они разбѣжались бы при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ.

Тутъ поражаетъ прежде всего даже самаго поверхностнаго наблюдателя необыкновенное упорство не останавливающееся ни передъ какими жертвами и непоколебимая увѣренность въ своей неуязвимости и побѣдѣ, несмотря на неудачи при столкновеніяхъ съ европейскими отрядами. Наэлектризованность массъ часто бывала настолько велика что онѣ бросались чуть не съ голыми руками на непріятеля, обладавшаго всѣми усовершенствованными орудіями разрушенія, обращаясь въ бѣгство лишь послѣ страшныхъ гекатомбъ человѣческихъ жертвъ, когда дальнѣйшее нападеніе было уже немыслимо. Но и тутъ при наступленіи войскъ отдѣльные фанатики прятались въ гаолянѣ, деревьяхъ, покинутыхъ фанзахъ, поражая оттуда неизмѣримо превосходящаго ихъ противника и прекращая борьбу только подъ его штыками и шашками.

Нравственное воздѣйствіе „наставниковъ“ на умы китайской толпы было положительно безгранично. Вѣра въ ихъ божественное призваніе до того была сильна даже среди образованныхъ Китайцевъ что за помощью наставниковъ китайскія власти обращались всякій разъ когда грозила какая-нибудь серіозная опасность.

Послѣдователи секты *Большаго Кулака* свято вѣрили въ сошествіе на нихъ духа. Они вѣрили что это достигается выполненіемъ нѣкоторыхъ обрядовъ „и соединеніе физической стороны существованія съ сверхестественными силами страхуетъ и-хе-туаня отъ всякаго оружія какъ холоднаго, такъ и огнестрѣльнаго.“ Вѣрили даже въ то что черезъ четыреста дней можетъ быть пріобрѣтена способность летать по воздуху.

Первыя столкновенія съ русскими и западно-европейскими отрядами должны были бы, казалось, убѣдить сектантовъ во всей вздорности подобнаго ученія, такъ какъ гибли они отъ холоднаго и огнестрѣльнаго оружія точно такъ же, какъ и Китайцы ни къ какимъ сектамъ не принадлежащіе. Но и очевидность факта никого не убѣдила, вызвавъ лишь объясненіе что „духъ отказывается входить въ тѣхъ, кто является передъ врагомъ со скверной въ своей нравственной природѣ.“ Въ силу это раненые боксеры пользовались всеобщимъ презрѣніемъ, а вышедшіе невредимыми изъ боя, напротивъ, окружались глубокимъ почтеніемъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ когда одежда являлась простѣленной въ нѣсколькихъ мѣстахъ.

Наиболѣе интересною частію труда г. Рудакова является та, въ которой онъ разсматриваетъ отношенія китайскаго правительства къ боксерамъ. Это цѣлый обвинительный актъ построенный на подлинныхъ китайскихъ документахъ и безусловно доказывающій руково-

Digitized by Google

дящую роль правительства въ этомъ движеніи. Объ этой роли не трудно было догадаться и раньше, но такихъ безспорныхъ уликъ все же не было.

Авторъ рекомендуетъ широкое изученіе китайскаго языка и внимательное наблюденіе за всѣмъ происходящемъ въ Китаѣ, такъ какъ только этимъ путемъ можно получить свѣдѣнія о новой грозящей опасности, ждать же ее слѣдуетъ до тѣхъ поръ пока императрица-мать останется на престолѣ. Безпрерывныя столкновенія русскихъ военныхъ силъ съ разбойничьими бандами въ Манчжуріи лучше всего доказываютъ полную основательность подобнаго взгляда.

Изданіе сочиненій Жуковскаго.

В. А. Жуковскій. Сочиненія въ стихахъ и прозѣ. Изданіе десятое исправленное и дополненное подъ редакціей П. А. Ефремова. Съ приложеніемъ четырехъ портретовъ Жуковскаго, исполненныхъ художественной фототипіей К. А. Фишера. Спб. Изданіе книгопродавца И. Глазунова. **1901.**

Глазуновъ только что выпустилъ въ свѣтъ десятое изданіе полнаго собранія сочиненій В. А. Жуковскаго не дожидаясь скоро наступающаго уже пятидесятилѣтія со дня смерти поэта и прекращенія права собственности на его произведенія. Если къ этому прибавить что настоящее изданіе вышло въ одномъ томѣ, прекрасно исполнено и съ внѣшней и съ внутренней стороны и кромѣ того удешевлено до послѣдней степени (2 р. 25 коп.), то въ немъ нельзя не видѣть новой заслуги старой книгопродавческой и издательской фирмы передъ русской литературой уже за многое обязанной ей въ прошломъ.

Десятое изданіе отличается новыми достоинствами благодаря любви къ литературѣ и обширнымъ знаніямъ въ библіографіи его редактора П. А. Ефремова, какъ это признаетъ и свидѣтельствуетъ и самъ издатель. Въ этомъ изданіи текстъ стихотвореній установленный самимъ Жуковскимъ въ его предсмертномъ изданіи 1849 г. является въ томъ самомъ видѣ какой былъ окончательно данъ ему самимъ поэтомъ. Что же касается до стихотвореній появившихся въ печати уже послѣ его смерти, нерѣдко по очень неисправнымъ копіямъ, то онъ свѣренъ и поправленъ по оригиналамъ пожертвованнымъ сыномъ поэта въ Императорскую Публичную Библіотеку. При этомъ добавлено изъ того же источника еще свыше семидесяти полныхъ стихотвореній и отрывковъ оставшихся неизданными. Внесены также и тѣ неизданныя произведенія поэта которыя были напечатаны Н. К. Кульманомъ съ подлинныхъ рукописей хранящихся въ библіотекѣ графовъ Обринскихъ, а также приведены изъ труда г. Кульмана всѣ по-

Digitized by Google

правки къ тѣмъ стихотвореніямъ которыя были напечатаны уже послѣ смерти поэта по копіямъ или по черновымъ наброскамъ. Отсюда же пополненъ отдѣлъ „произведеній въ прозѣ“ статьями написанными Жуковскимъ въ альбомахъ подаренныхъ имъ гр. С. А. Самойловой и сверхъ того по рукописямъ Публичной Библіотеки внесено нѣсколько неизданныхъ статей. Наконецъ, внесены также и всѣ произведенія въ прозѣ которыя были напечатаны въ повременныхъ изданіяхъ послѣ выхода восьмаго глазуновскаго изданія. Такимъ образомъ остаются неизданными изъ извѣстнаго рукописнаго матеріала лишь немногія прозаическія статьи Жуковскаго относящіяся почти исключительно къ его педагогическимъ занятіямъ и потому не входящія въ собраніе сочиненій, а вмѣстѣ съ дневниками и перепискою составляющія матеріалъ для самостоятельнаго изданія источниковъ для біографіи и литературной его дѣятельности; поэтому въ нынѣшнее изданіе сочиненій внесены только тѣ отрывки изъ дневниковъ, которые имѣютъ соотношеніе съ напечатанными самимъ Жуковскимъ описаніями его заграничныхъ путешествій.

Къ изданію приложены превосходно исполненные четыре портрета поэта изъ разныхъ возрастовъ его жизни воспроизведенные съ гравюръ Вендрамини (1815) и Райта (1835), съ литографіи Крюгера (начала сороковыхъ годовъ) и съ фотографіи сдѣланной въ послѣдніе годы жизни Жуковскаго.

Кромѣ того издатель счелъ необходимымъ прибавить портретъ редактора и нѣсколько свѣдѣній о жизни его и литературныхъ работахъ, въ силу совершенно особенныхъ заслугъ его какъ для русской литературы вообще, такъ и для изданія произведеній Жуковскаго въ частности.

Не останавливаясь подробнѣе на содержаніи настоящаго изданія нельзя еще разъ не отмѣтить своевременности его появленія и прекраснаго исполненія, каковыя достоинства безъ сомнѣнія будутъ оцѣнены почитателями поэта.

Календарь Человѣколюбиваго Общества.

Календарь Императорскаго Человѣколюбиваго Общества на 1901 го СПБ. 1901.

Императорское Человѣколюбивое Общество учреждено было Им раторомъ Александромъ I въ 1802 году подъ названіемъ „Благо тельнаго Общества“. Въ Высочайшемъ рескриптѣ даннымъ 16 на имя камергера Витовтова намѣчена была прямая цѣль новоуч даемому Обществу: „подлежитъ искать несчастныхъ въ самомъ

Digitized by Google

лищѣ ихъ въ сей обители плача и страданія, ласковымъ обращеніемъ, спасительными совѣтами, словомъ, всѣми нравственными и физическими способами стараться облегчить судьбу ихъ"; такъ какъ „обыкновенное подаяніе нищимъ, умножая только число оныхъ, не успокоитъ старца отягощеннаго лѣтами, не возвратитъ здоровія юношѣ увядающему на зарѣ дней своихъ, не избавитъ отъ смерти или порока младенца долженствующаго быть подпорою отечества; нерѣдко также наглый тунеядецъ похищаетъ отъ руки благодѣтельной то что̀ назначено было отцу семейства томящемуся на одрѣ смерти и отчаянія". Для цѣлесообразнаго распредѣленія милостыни и учреждено было Благодѣтельное Общество. Два дня спустя, 18 мая, послѣдовалъ на имя того же Витовтова новый рескриптъ объ учрежденіи въ Петербургѣ Медико-филантропическаго Комитета, цѣлію котораго поставлено было усовершенствованіе существовавшихъ и открытіе новыхъ медицинскихъ благотворительныхъ заведеній. Комитетъ учредилъ безплатное леченіе бѣдныхъ и диспенсаріи въ разныхъ частяхъ города, гдѣ приходящіе больные въ опредѣленные часы безплатно получали совѣты и лекарства, а позднѣе и глазную лечебницу. Черезъ годъ члены „Благодѣтельнаго Общества" открыли Попечительный о бѣдныхъ Комитетъ для оказанія денежной помощи истинно бѣднымъ и несчастнымъ людямъ. Для этого учреждены были попечители о бѣдныхъ, которые обязаны были производить строгое предварительное изслѣдованіе положенія бѣдныхъ обращающихся въ Комитетъ за помощью и затѣмъ представлять ему свои свѣдѣнія и соображенія о просителяхъ. Въ 1816 году главный попечитель Человѣколюбиваго Общества князь Голицынъ съ цѣлію объединенія дѣйствій Попечительнаго о бѣдныхъ и Медико-филантропическаго Комитетовъ представилъ на Высочайшее благоусмотрѣніе докладъ объ учрежденіи Совѣта Общества, каковой 16 іюля удостоился утвержденія вмѣстѣ съ положеніемъ о Совѣтѣ. Получивъ правильную организацію, Общество расширило кругъ своихъ дѣйствій постепенно привлекая къ себѣ частную благотворительность. Оно постановило значительнѣйшую часть своихъ постоянныхъ доходовъ употреблять на доставленіе бѣднымъ прочнаго призрѣнія путемъ устройства убѣжищъ или домовъ призрѣнія трехъ родовъ: для дряхлыхъ, пре-
дѣлыхъ и неизлечимыхъ, для больныхъ и малолѣтнихъ сиротъ и
ей бѣдныхъ родителей. По примѣру Петербурга, подобныя учре-
ній были открыты и въ другихъ мѣстахъ Россіи.

Въ Москвѣ въ 1818 году собрано было болѣе 127.000 рублей
чрежденіе Попечительнаго о бѣдныхъ Комитета. На нужды его
ъ С. М. Голицынъ вносилъ ежегодно по 6.000 рублей, а послѣ
"" завѣщалъ ему 142.000 рублей, а князь П. И. Одоевскій по-

Digitized by Google

жертвовалъ ему свое подгороднее имѣніе въ селѣ Большевѣ съ населеніемъ въ 1.130 душъ крестьянъ и каменный господскій домъ. Въ 1868—1869 гг. къ Московскимъ учрежденіямъ Общества присоединены были два общества: поощренія трудолюбія и братолюбивое. При нихъ находились рукодѣльныя школы, мастерскія, оптовый складъ, больница, квартиры для бѣдныхъ со школами для приходящихъ дѣтей, а впослѣдствіи къ нимъ прибавлены были кулинарная школа, попечительство о недостаточныхъ ученицахъ Московской консерваторіи, народныя столовыя, школы портныхъ, ремесленно-исправительный пріютъ для дѣвочекъ, дешевыя квартиры для престарѣлыхъ гувернантокъ и наконецъ въ 1878—1879 гг. основаны домъ воспитанія сиротъ убитыхъ воиновъ, при которомъ учреждена была женская гимназія, и Александровское убѣжище увѣчныхъ воиновъ. Въ 1870 г. Усачевско-Чернявское училище преобразовано было въ перворазрядное, равное гимназіямъ.

Въ настоящее время Обществу подвѣдомы 221 благотворительное заведеніе. Въ нихъ оказывается помощь свыше 200.000 бѣдныхъ. На содержаніе ихъ ежегодно расходуется болѣе 1.500.000 рублей. Къ 1 января 1900 года суммы Общества по всѣмъ учрежденіямъ составляли 7.363.016 рублей 32 коп.; недвижимая собственность оцѣнивалась въ 16.214.870 руб. 25 коп., а всего 23.850.886 руб. 57 коп.

Естественно такому солидному Обществу потребовалось для распространенія свѣдѣній о себѣ печатное изданіе. Нельзя признать форму календаря удачною для такого рода изданія. Половина его занята такими свѣдѣніями, которыя къ Человѣколюбивому Обществу не имѣютъ никакого отношенія. Съ другой стороны, и спеціальный отдѣлъ календаря не отличается вполнѣ достовѣрными сообщеніями. Для примѣра можно указать на стр. 93, гдѣ попечительницей квартиры для бѣдныхъ ученицъ Воронежскихъ женской гимназіи и прогимназіи названа О. А. Веневитинова скончавшаяся лѣтъ десять тому назадъ, и на стр. 63, гдѣ въ числѣ членовъ-благотворителей Попечительнаго о бѣдныхъ Комитета въ Москвѣ названъ А. В. Краснопѣвковъ тоже уже скончавшійся. Надо надѣяться что современемъ такія свѣдѣнія будутъ ежегодно провѣряться и календарь болѣе будетъ отвѣчать интересамъ Общества.

Digitized by Google

Изъ историческихъ журналовъ.

Черновецкое свиданіе 1823 года.—Приходская лѣтопись Кунца.—Молчаніе русской исторіи.—Государи въ Черновцахъ.—Дипломаты во Львовѣ.—Императоръ Александръ I и православное духовенство.—Прогулка въ Горечъ.—Результаты свиданія.—Постройка Николаевской желѣзной дороги.—Прямое направленіе.—„Разливное море" въ подрядческомъ управленіи.—Быстрота открытія.—Первое крушеніе.—Замерзаніе пасажировъ.—Клейнмихель, Громовъ и Скрябинъ.—Переводъ Библіи Павскаго.—Протоіерей Богословскій.—„Отлученіе" правовѣдовъ.—Письмо императрицы Маріи Александровны о значеніи законоучителя.—Базаровъ въ Царскомъ Селѣ.—Первая община сестеръ милосердія.—Первое приходское попечительство.—Полисадовъ и рабочіе.—Оберъ-амергауское дѣйство.—Предзнаменованіе кончины императрицы Александры Ѳеодоровны.

Въ нашей исторической литературѣ къ сожалѣнію существуютъ удивительные пробѣлы. Событія огромнаго значенія по своимъ политическимъ послѣдствіямъ остаются не только не разработанными въ подробностяхъ и не освѣщенными критически, но даже съ фактической стороны остаются извѣстными только по названію. Къ числу такихъ событій принадлежитъ свиданіе императора Александра Павловича съ императоромъ австрійскимъ Францомъ I въ 1823 году („Свиданіе двухъ императоровъ въ Черновцахъ въ 1823 г.", *Русская Старина*, май). Объ этой встрѣчѣ двухъ монарховъ осталось весьма мало воспоминаній въ самыхъ Черновцахъ. Письменныхъ памятниковъ имѣется на мѣстѣ происходившаго событія всего одинъ, это приходская лѣтопись принадлежащая перу бывшаго въ то время настоятелемъ Черновецкаго костела ксендза А. Кунца. Но къ записи ксендза слѣдуетъ относиться съ большою осторожностью и не вполнѣ довѣрять разказамъ католическаго патера въ православной странѣ разсуждающаго о посѣщеніи этой страны главнымъ вѣнценоснымъ покровителемъ православія. При этомъ многое въ этой записи относится къ анекдотической области. Характера достовѣрнаго документа она имѣть не можетъ. Такимъ образомъ въ иностранной литературѣ встрѣчается все таки хотя что-нибудь относящееся до описанія съ внѣшней стороны свиданія императоровъ въ Черновцахъ. Въ русской же, по свѣдѣніямъ автора настоящей статьи, ничего нѣтъ. Поэтому онъ возлагаетъ большія надежды на знакомство съ матеріалами, которые несомнѣнно должны находиться въ придворныхъ архивахъ Петербурга и Вѣны.

Относительно сущности самыхъ дипломатическихъ переговоровъ, которые велись главнымъ образомъ во Львовѣ между княземъ Меттернихомъ и графомъ Несельроде (вмѣстѣ съ нашимъ вѣнскимъ

Digitized by Google

посланникомъ Татищевымъ), а также результатовъ этихъ переговоровъ, иностранная литература опять-таки представляетъ наибольшее количество матеріаловъ. Въ русской литературѣ имѣющіеся по этому предмету труды Мартенса и Соловьева ничего не заключаютъ въ себѣ что̀ могло бы ознакомить читателя съ подробностями свиданія. Такъ, до сихъ поръ подлинно неизвѣстно, кто же именно по такъ называемой дипломатической части находился при государѣ, если доказано что графъ Несельроде вовсе и не былъ въ Черновцахъ, а совѣщался съ больнымъ австрійскимъ министромъ во Львовѣ. Надобно полагать что даже при существовавшихъ тогда путяхъ сообщенія императоры проводя въ Черновцахъ цѣлую недѣлю получали все таки свѣдѣнія о происходившемъ во Львовѣ. Также нѣтъ никакихъ свѣдѣній не только съ русской стороны, но даже и съ австрійской, о личныхъ переговорахъ обоихъ государей, а равно о достигнутыхъ результатахъ личнаго свиданія монарховъ и о той роли, которую игралъ во время свиданія откомандированный Метернихомъ совѣтникъ австрійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ Мерси. Свѣдѣнія эти освѣтили бы вопросъ съ той стороны, съ которой по настоящее время представляется онъ довольно неяснымъ: что̀ же именно дѣлали императоры Александръ и Францъ въ Черновцахъ въ продолженіе 7—8 дневнаго пребыванія въ этомъ городѣ? Большихъ подробностей о томъ, въ чемъ состояло времяпрепровожденіе ихъ, не имѣется. Если принять во вниманіе что городъ Черновцы въ то время болѣе походилъ на деревню, то даже присутствіе обѣихъ свитъ, властей и помѣстнаго дворянства съѣхавшагося на торжество не могло доставить большихъ развлеченій. Одно утро оказалось достаточнымъ для пріема властей и дворянства. Объ обѣдахъ и балахъ извѣстій нѣтъ. Кунцъ утверждаетъ что государи кушали всегда вмѣстѣ и одни. Охотъ не было, а вызванный изъ Галиціи баталіонъ солдатъ врядъ ли былъ достаточенъ для интересныхъ маневровъ. Трудно также допустить что монархи нашли бы удовольствіе въ произведеніи баталіоннаго или ротныхъ ученій. Вотъ почему было бы весьма интереснымъ открытіе такихъ документовъ, которые могли бы освѣтить „Черновецкую недѣлю“ въ описаніи ея съ фактической стороны, а также въ сообщеніи дальнѣйшихъ подробностей относящихся до политическаго значенія этого свиданія.

По словамъ Кунца, императоръ Францъ пріѣхалъ 4 октября, двумя днями ранѣе императора Александра. При переѣздѣ царя черезъ Прутъ начался пушечный салютъ, а главная улица, по которой слѣдовали монархи, и дома, въ которыхъ они помѣстились со своими свитами, были илюминованы. Квартира царю, противъ которой горѣлъ транспарантъ съ его вензелемъ, отведена была въ существую-

Digitized by Google

щемъ и понынѣ домѣ въ которомъ съ основанія его помѣщаются командующіе войсками въ Буковинѣ. Напротивъ помѣстился австрійскій императоръ въ квартирѣ занимаемой гофратомъ, начальникомъ гражданскаго управленія страны. Въ свитѣ императора Франца находились намѣстникъ Галиціи графъ Таафе, а также командующіе войсками въ Галиціи и Трансильваніи. Изъ Галиціи приведены были съ баталіономъ пѣхоты два оркестра музыки. На другой день по пріѣздѣ государя обоимъ монархамъ представлялись свѣтскія и духовныя власти. Въ числѣ представлявшихся былъ также буковинскій православный епископъ Балашескулъ въ сопровожденіи клира. Хотя пріемъ у императора Александра духовенства всѣхъ вѣроисповѣданій назначенъ былъ въ 11 часовъ, но епископъ испросилъ себѣ аудіенцію въ 9 часовъ утра которая и была ему дана. Бесѣда государя съ нимъ продолжалась довольно долго. Когда римско-и грекокатолическое духовенство явилось къ назначенной аудіенціи, по словамъ Кунца, едва не произошелъ крупный скандалъ. Лицо, повидимому, завѣдывавшее церемоніальными дѣлами при императорѣ Александрѣ, полагая вѣроятно что не слѣдовало тревожить его величество, не хотѣло допустить остальное духовенство до государя. Только угроза Кунца представлявшаго католическое духовенство оставить пріемный залъ заставила русскаго придворнаго вторично доложить о томъ что духовенство католическое и уніатское дожидается аудіенціи. Императоръ Александръ вышелъ, спросилъ объ именахъ представлявшихся и сказавъ нѣсколько словъ по-французски отпустилъ ихъ. Происшествіе это особенно подчеркивается Кунцемъ въ его воспоминаніяхъ. Католическому священнику кажется страннымъ что царь цѣлуетъ руку у епископа и въ то же время кажется обиднымъ что въ странѣ входящей въ составъ католической державы русскій государь отдаетъ предпочтеніе тому духовенству, съ которымъ онъ исповѣдуетъ одну и ту же вѣру называемую Кунцемъ не иначе какъ схизматической.

Кунцъ, между прочимъ, разказываетъ еще слѣдующій случай. Государь любилъ одинъ безъ свиты гулять по черновецкимъ улицамъ. Въ одну изъ такихъ прогулокъ онъ направился въ предмѣстье Гореча Въ немъ находилась существующая и понынѣ небольшая церковь, по преданію построенная при денежной помощи императрицы Екатерины II, а по другому преданію украшенная двумя колоколами отлитыми на пожертвованіе русскихъ войскъ находившихся въ Буковинѣ. По дорогѣ къ Горечу государь встрѣтилъ ѣдущаго верхомъ священника. Узнавъ его по рясѣ государь попросилъ священнослужителя сойти съ лошади и благословить его, что тотъ исполнилъ. Кунцъ съ удивленіемъ прибавляетъ: „Александръ поцѣловалъ его

Digitized by Google

грязную руку.“ Священникъ этотъ былъ такъ-называемый въ православныхъ церквахъ Австріи cooperator и сейчасъ же далъ знать старшему священнику что важное лицо изъ свиты императора россійскаго (государь не назвалъ себя) посѣтитъ церковь. Когда императоръ вошелъ въ нее, то „хитрый іерей“, какъ выражается Кунцъ, уже облачившись служилъ молебенъ за императора Александра и его свиту. На вопросъ царя, почему онъ не молится за своего монарха, священникъ отвѣтилъ что онъ совершаетъ это ежедневно, но что въ настоящее время приличествуетъ молиться за Александра: онъ чужой и гость, слѣдуетъ испросить ему благословеніе въ трудахъ и пожелать благополучнаго возвращенія. Засимъ государь подошелъ къ евангелію, поцѣловалъ руку у священника, наградилъ его 50 червонцами и пѣшкомъ возвратился домой. Кунцъ не безъ насмѣшки надъ православнымъ духовенствомъ прибавляетъ что щедрость императора Александра породила ссору между обоими священниками, такъ какъ младшій считалъ себя также въ правѣ на полученіе доли изъ пожертвованныхъ русскимъ императоромъ денегъ. Государь узнавъ объ этомъ приказалъ также выдать и младшему священнику 25 червонцевъ. При этомъ посѣщеніи церкви въ Горечѣ съ государемъ произошелъ еще случай едва не имѣвшій печальныхъ послѣдствій. Когда императоръ сталъ приближаться къ церкви, изъ сторожки выскочило нѣсколько собакъ, которыя напали на него. Съ помощію вырваннаго изъ изгороди кола государь съ трудомъ отбился отъ разъяренныхъ псовъ. На помощь прибѣжали жившіе на покоѣ монахи (церковь была до секуляризаціи Іосифа II монастыремъ), которымъ государь и подарилъ на память палку послужившую ему орудіемъ защиты. Палка эта впослѣдствіи была окована въ серебро съ подобающей надписью и долгое время хранилась въ церкви; въ настоящее время никому не извѣстно мѣстонахожденіе ея.

Свиданіе въ Черновцахъ заключило собою эпоху конгресовъ, которыми такъ богато царствованіе императора Александра I. Правда, оно не было блестящимъ, но безъ сомнѣнія соглашеніе, къ которому пришли во Львовѣ Метернихъ и Несельроде съ Татищевымъ, не было лишено политическаго значенія. Въ настоящее время основываясь на опубликованныхъ документахъ можно съ достовѣрностію сказать что греческій вопросъ былъ главнымъ предметомъ разсужденій. Г ція уже два года боролась съ Турціею за независимость, а Молда и Валахія заняты были турецкими войсками. Дипломатическія (шенія Россіи съ Портою были прерваны, русскіе торговые интер находились подъ покровительствомъ лорда Странгфорда, велико танскаго посла при блистательной Портѣ. Россія, неизмѣнная по вительница своихъ братьевъ по вѣрѣ, требовала отозванія турец

Digitized by Google

войскъ изъ дунайскихъ княжествъ и вознагражденія за причиненные убытки торговлѣ ея на Черномъ морѣ, а равно обѣщанія впредь торговлю эту отнюдь не стѣснять. Только на этихъ условіяхъ Россія соглашалась возобновить дипломатическія сношенія съ Портою, а въ противномъ случаѣ она готова была объявить войну Турціи. Общее политическое состояніе Европы казалось въ данную минуту довольно критическимъ. Генцъ, правая рука Метерниха, считалъ ставку дипломатической игры, которая велась противъ Россіи, хотя Австрія и Англія на видъ дѣйствовали заодно съ Россіей, настолько высокою что отъ проигрыша или выигрыша зависѣло не только самое существованіе Отоманской имперіи, но сохраненіе или разрушеніе всей тогдашней политической системы. Боясь какъ бы Россія съ оружіемъ въ рукахъ не рѣшилась достигнуть удовлетворенія отъ Турціи, а въ то же самое время не желая вовлекать Австрію въ войну съ Россіей и не разчитывая на содѣйствіе Англіи, политика которой находилась въ рукахъ непримиримаго врага его, Канинга, Метернихъ приложилъ всѣ свои старанія, чтобы помѣшать русско-турецкой войнѣ. Благодаря довѣрію, которымъ онъ пользовался у императора Александра, достигнуть этого ему было легко: государь охотно согласился пріѣхать на свиданіе съ австрійскимъ императоромъ въ Черновцы. Между тѣмъ самые переговоры велись не въ этомъ городѣ, а во Львовѣ, гдѣ Метернихъ будто бы лежалъ больной: несомнѣнно, при болѣе требовательныхъ государяхъ онъ доѣхалъ бы до Черновцевъ. Вѣроятно, ему представлялось болѣе выгоднымъ для Австріи вести переговоры въ нѣкоторомъ разстояніи отъ императоровъ. Что не Россія въ это время руководила Австріею, а наоборотъ, Австрія Россіей, наглядным доказательствомъ этого служитъ то обстоятельство что Метернихъ помѣшалъ войнѣ Россіи съ Турціей потому только что Австріи это было на руку. Слѣдовало убѣдить императора Александра связаннаго по рукамъ данными имъ обѣщаніями священному союзу что греческое возстаніе всетаки дѣло революціонное, и этого Австрія достигла. Императоръ Александръ колебался безъ содѣйствія Европы порѣшить единолично съ греческимъ вопросомъ. Были даже моменты, когда забывая что мусульмане терзаютъ его единовѣрцевъ онъ относился далеко не дружелюбно къ Грекамъ.

Война Россіи съ Турціей произошла уже при преемникѣ Александра, передъ рѣшительною политикой Россіи не только Австрія и Англія, но и остальная Европа промолчала.

Результатомъ Черновецкаго свиданія было: принятіе Турціей предложенныхъ Россіей условій и возобновленіе дипломатическихъ сношеній. Въ Константинополь посланъ былъ русскимъ правительствомъ сначала въ качествѣ только агента по торговымъ дѣламъ

Digitized by Google

Минчіаки. Дальнѣйшіе переговоры по греческому вопросу препоручались созванной въ слѣдующемъ году конференціи въ С.-Петербургѣ.

* * *

Валеріанъ Александровичъ Панаевъ по окончаніи курса въ Институтѣ инженеровъ путей сообщенія отправился на постройку Николаевской желѣзной дороги и въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ подробно изложилъ исторію и всю бытовую обстановку сооруженія перваго и наилучшаго нашего желѣзнодорожнаго пути (*Русская Старина*, іюнь, іюль и августъ: „Воспоминанія Валеріана Александровича Панаева“).

Прежде всего Панаевъ разрушаетъ извѣстную легенду о выборѣ направленія Николаевской желѣзной дороги, будто бы императоръ Николай Павловичъ положилъ линейку на поданную ему карту и проведя прямую линію карандашемъ приказалъ вести желѣзную дорогу по этой прямой линіи. Онъ полагаетъ что въ распространеніи этой легенды играла не малую роль умышленная тенденціозность силившаяся представить черту характера императора Николая конечно съ невыгодной стороны, желая набросить тѣнь на великій безпорно умъ императора. Въ дѣйствительности вопросъ о направленіи желѣзной дороги отъ Петербурга до Москвы долгое время обсуждался въ особомъ комитетѣ называвшемся тогда комитетомъ желѣзныхъ дорогъ, въ которомъ засѣдали министры и нѣкоторые члены Государственнаго Совѣта. Огромное большинство означеннаго учрежденія полагало что надо вести дорогу на Новгородъ. Между тѣмъ государь не раздѣлялъ этого мнѣнія. Утомленный безконечными спорами по этому предмету онъ призвалъ къ себѣ инженеръ-полковника Мельникова (впослѣдствіи министра), который вмѣстѣ съ другимъ инженеръ-полковникомъ Крафтомъ былъ назначенъ для производства изысканій и постройки дороги. Мельниковъ считался особенно талантливымъ и блестяще образованнымъ во всѣхъ отношеніяхъ человѣкомъ, что и было извѣстно государю. Государь спросилъ Мельникова, какого онъ мнѣнія о направленіи дороги. Мельниковъ весьма опредѣленно и ясно высказался въ томъ смыслѣ что дорога должна соединять двѣ весьма населенныя столицы: все движеніе какъ грузовое, такъ и пасажирское будетъ сквозное, а въ непродолжительномъ времени, когда къ Москвѣ примкнутъ другія дороги со всѣхъ концовъ Россіи, сквозное движеніе между Петербургомъ и Москвою разовьется въ нѣсколько десятковъ разъ противъ первоначальнаго. Было бы большою ошибкою и неисчислимою потерею въ общей го-

Digitized by Google

сударственной экономіи, по мнѣнію Мельникова, если бы обречь дальнѣйшія поколѣнія на уплату 80 слишкомъ верстъ въ продолженіе цѣлаго вѣка или болѣе, пока прямой разчетъ не вынудилъ бы строить другую болѣе кратчайшую дорогу отъ Петербурга до Москвы.

На такой отзывъ государь отвѣтилъ Мельникову: „радъ что ты одного со мной мнѣнія; веди дорогу прямо!“ Слова „веди дорогу прямо“ не означали вести дорогу по прямой линіи, а лишь указывали на то чтобы не держаться направленія на Новгородъ.

Нелѣпость легенды обнаруживается между прочимъ и изъ того наблюденія, которое легко можетъ сдѣлать каждый пасажиръ Николаевской желѣзной дороги удостовѣрясь личнымъ глазомъ въ томъ что поѣздъ во многихъ мѣстахъ везетъ его по кривой линіи.

Самая постройка желѣзной дороги дѣлилась на двѣ половины или на двѣ дирекціи, сѣверную и южную; каждая дирекція дѣлилась на нѣсколько участковъ, а участокъ на нѣсколько дистанцій. Мельниковъ и Крафтъ были начальниками дирекцій: первый сѣверной, а второй южной. Въ то время не было сколько-нибудь сносныхъ картъ на пространствѣ между Петербургомъ и Москвою, годныхъ для того чтобы руководиться ими для начертанія наивыгоднѣйшей линіи въ техническомъ отношеніи. Вслѣдствіе такого обстоятельства было рѣшено пробить сперва прямую линію отъ Петербурга до Москвы. Для этого на основаніи астрономическихъ данныхъ о долготѣ и широтѣ означенныхъ пунктовъ были разчитаны углы прямой линіи съ меридіанами и подъ этими углами приступили одновременно къ пробиванію линіи отъ Петербурга и отъ Москвы. Между прочимъ, при пробивкѣ линіи отъ Петербурга напали на Петровскую просѣку, которою пользовались отчасти мѣстные жители по зимамъ. Обѣ партіи встрѣтились около небольшой въ то время деревни Бологое. Замѣчательно то что линіи пробитыя на основаніи вышесказаннаго разчета разошлись около Бологаго около полуверсты. Понятно что такой результатъ можно было признать блестящимъ и въ то же время показавшимъ, съ какою акуратностію и точностію велась пробивка обѣихъ линій.

Эти-то линіи и послужили основаніемъ для производства подробныхъ изысканій. Тверь и Клинъ попали почти на прямую линію отъ Москвы Волочка, а на прямой отъ Петербурга до Волочка сдѣлано лишь значительное отклоненіе къ Чудову вслѣдствіе удобства мѣстности. льнѣйшія изысканія состояли въ томъ чтобы придерживаясь об-хъ прямыхъ направленій между означенными пунктами обходить бенно выдающіяся препятствія, какъ напримѣръ: озера, глубокія ота, конечно, подвергавшіяся предварительно зондировкѣ, неудоб-а переходы черезъ рѣки, слишкомъ выдающіяся возвышенности

Digitized by Google

и проч. При отсутствіи годныхъ картъ и при мѣстности покрытой почти сплошными лѣсами не было никакой возможности даже въ частности оріентироваться обзоромъ мѣстности хотя бы съ отдаленныхъ возвышенныхъ пунктовъ. При подобныхъ условіяхъ конечно не могли не быть промахи въ разныхъ частяхъ установленной наконецъ линіи. Напримѣръ, переходъ черезъ оврагъ и небольшую рѣчку Веребью обусловилъ віадукъ въ 25 саженей вышины и 275 саженей длины, громаднаго объема выемку достигавшую мѣстами болѣе $7^1/_2$ саженей глубины на протяженіи 15 верстъ и безпрерывный по ней подъемъ съ уклономъ въ 0,008. На всѣ эти работы понадобилась громадная сумма. Будь карты, будь опредѣлены высоты хотя изрѣдка, промахъ относительно перехода черезъ Веребью былъ бы немыслимъ.

Участковая организація работъ представлялась въ такомъ видѣ. Въ центрѣ участка, въ данномъ случаѣ 6-го порученнаго Панаеву, находилась центральная контора, которой на протяженіи 60 верстъ подчинялись еще пять конторъ. Въ каждой конторѣ былъ прикащикъ и его помощникъ, бухгалтеръ и куча писарей, не считая конечно десятниковъ и табельщиковъ, которые должны были присутствовать при работахъ. Одного конторскаго люда на всемъ 60-верстномъ участкѣ было до 50 человѣкъ. При конторахъ содержалось большое количество лошадей назначенныхъ для развозки по линіи провіанта, печенаго хлѣба, досокъ, тачекъ и проч., но главнымъ употребленіемъ этихъ лошадей была развозка и катаніе служащихъ въ конторахъ, при чемъ однимъ изъ предлоговъ къ содержанію лошадей была наложенная на подрядчика обязанность держать по линіи почту для разъѣзда офицеровъ за установленные прогоны, что случалось не болѣе двухъ-трехъ разъ въ недѣлю, такъ какъ большинство офицеровъ держало собственныхъ лошадей. При центральной, напримѣръ, конторѣ имѣлось не менѣе 40 лошадей, и можно было видѣть что въ праздники выѣзжало оттуда по 4, по 5 троекъ въ церковь или въ одинъ изъ ближайшихъ городовъ, Валдай или Боровичи. При главной конторѣ имѣлся въ буквальномъ смыслѣ винный погребъ и въ запасѣ было конечно всегда не менѣе ящика шампанскаго и немалое количество прочихъ винъ. Словомъ, въ подрядческомъ управленіи господствовало разливное море, и Панаевъ собственнымъ томъ свидѣтельствуетъ что при постройкѣ имъ впослѣдствіи Ку[illegible] Кіевской желѣзной дороги онъ имѣлъ личный составъ по в[illegible] отраслямъ работъ на протяженіи 230 верстъ въ 3-4 раза м[illegible] чѣмъ личный составъ одной Валдайской (6-го участка) центрально[illegible] торы завѣдывавшей всего на 60 верстъ однѣми земляными раб[illegible]

Землекопы нанимались преимущественно въ Витебской [illegible]

Digitized by Google

ской губерніяхъ изъ Литовцевъ. По свидѣтельству Панаева, это былъ самый несчастный народъ на всей русской землѣ, который походилъ скорѣе не на людей, а на рабочій скотъ, отъ котораго требовали въ работѣ нечеловѣческихъ силъ, безъ всякаго, можно сказать, вознагражденія. Забитость этихъ людей еще болѣе увеличивалась вслѣдствіе незнанія русскаго языка. „Когда я увидалъ этихъ людей въ первый разъ на работахъ, разказываетъ Панаевъ, то былъ пораженъ слѣдующимъ фактомъ: каждый человѣкъ, прежде нежели пройти мимо меня, сгибался такъ что туловище приходило въ горизонтальное положеніе; затѣмъ мелкимъ шажкомъ онъ подбѣгалъ ко мнѣ, схватывалъ конецъ полы сюртука, цѣловалъ его при словахъ: „цѣлую, пане полковнику", и удалялся въ томъ же согнутомъ положеніи". Понятно что подрядчики, въ рукахъ которыхъ была полиція, отвратительно обращались съ рабочими.

Черезъ 7 лѣтъ послѣ начала постройки Николаевской дороги она не была еще окончена, чему воспрепятствовали политическія событія 1848 и 1849 годовъ, когда суммы, назначенныя на желѣзную дорогу, употреблены были на другія надобности. Но въ 1850 году, во время пріѣзда государя въ Москву на коронаціонный день 22 августа, императоръ спросилъ Клейнмихеля за обѣденнымъ столомъ:

— Когда же ты провезешь меня въ Москву по желѣзной дорогѣ?

Клейнмихель моментально отвѣтилъ:

— На будущій годъ на коронацію, ваше величество!

За столомъ былъ директоръ работъ Мельниковъ, но Клейнмихель въ этотъ моментъ ничего не спросилъ у него, а послѣ обѣда позвалъ его въ кабинетъ и сказалъ:

— Вы слышали мой отвѣтъ государю?

— Слышалъ, но это немыслимо.

— Вы слышали, и это должно быть и будетъ!

Тотчасъ по линіи разосланы были предписанія что дорога къ 1-му августа будущаго 1851 года должна быть приведена въ такой видъ чтобы войска гвардейскаго корпуса могли быть доставлены въ Москву начиная съ 15 августа и чтобы императоръ могъ проѣхать въ Москву къ 22-му августа, и затѣмъ требовались немедленно соображенія о необходимыхъ средствахъ для достиженія этой цѣли. Понятно что времени до весны почти не оставалось для земляныхъ работъ, а весною не хватило инструментовъ. Тогда Клейнмихель, по разсказу Панаева, прибѣгъ къ помощи окрестныхъ крестьянъ. Едва покрыты были яровыя поля, на работы явились тысячи народа съ лопатами. Мужики рыли землю сошниками, а бабы таскали ее кто въ подолахъ, кто въ рогожахъ, кто въ фартукахъ и даже просто въ рукахъ. Въ одинъ мѣсяцъ выемки пробиты были на ширину одного

Digitized by Google

пути безъ откосовъ, и возможность открытія движенія во-время была обезпечена. Съ 15-го августа началось движеніе войскъ изъ Петербурга въ Москву, 20-го провезли государя, а государыня осталась въ Петербургѣ. Послѣ того ежедневно съ конвертомъ къ императрицѣ посылался поѣздъ изъ Москвы состоявшій изъ пасажирскаго и багажнаго вагоновъ, причемъ обратный поѣздъ для предосторожности не долженъ былъ выѣзжать изъ Петербурга ранѣе прибытія поѣзда изъ Москвы, потому что былъ уложенъ лишь одинъ путь, на многихъ станціяхъ не было разъѣздовъ и телеграфъ не былъ еще тоже устроенъ. Къ сожалѣнію, преждевременное открытіе движенія не обошлось безъ несчастія. Случилось что одинъ изъ поѣздовъ ожидавшійся въ Москвѣ не прибылъ во-время. Государь встревожился. Прошло болѣе полутора сутокъ, какъ не приходилъ поѣздъ и не получалось никакого извѣстія о причинѣ его задержки. Клейнмихель не вытерпѣлъ и приказалъ послать поѣздъ изъ Москвы въ Петербургъ. Мельниковъ понимая всю опасность такого распоряженія рѣшился самъ ѣхать съ московскимъ поѣздомъ. Между тѣмъ въ это время уже слѣдовалъ въ Москву поѣздъ изъ Петербурга. Поѣзда встрѣтились около Клина на кривой въ выемкѣ, такъ что машинисты могли увидать передовые фонари только тогда, когда не было уже спасенія, но они успѣли открыть свистки. Оба паровоза поднялись на дыбы, уперлись другъ въ друга передними колесами и ревѣли въ открытые свистки. Машинистъ одного паровоза былъ убитъ, а кочегаръ выброшенъ, но остался живъ; но на другомъ паровозѣ тендеръ вскочилъ на паровозъ и придавилъ машиниста и кочегара на котлѣ паровоза. Не было никакой возможности высвободить ихъ оттуда и они жарились въ теченіе нѣсколькихъ часовъ въ неслыханныхъ страданіяхъ и въ виду всѣхъ на котлѣ паровоза.

По отъѣздѣ государя изъ Москвы движеніе по дорогѣ было прекращено. Но вскорѣ послѣдовало предписаніе графа Клейнмихеля о приведеніи дороги къ 1 октября въ такое положеніе чтобы съ этого срока можно было открыть регулярное движеніе въ размѣрѣ одного почтоваго и двухъ или трехъ товарныхъ поѣздовъ съ каждаго конца. Станціонныя сооруженія не были готовы, даже помѣщенія для пасажировъ не вездѣ приведены были въ жилой видъ, не вездѣ имѣли окна и полъ. Несмотря на это, 1 октября 1851 года движеніе было открыто. Къ несчастію, наканунѣ и въ ночь на 1 октября выпалъ глубокій снѣгъ до 5 вершковъ толщины и пролежалъ всю зиму безъ значительныхъ оттепелей. При такихъ условіяхъ бѣдствія начались съ первыхъ же дней движенія. Въ срокъ поѣзда не приходили. Отъ господствовавшихъ въ это необычное время метелей и заносовъ они останавливались не дойдя до станціи и замерзали на полдорогѣ оста-

Digitized by Google

ваясь на мѣстѣ часовъ по 12 и болѣе. При отсутствіи телеграфа наѣзжалъ слѣдующій поѣздъ, который долженъ былъ тоже стоять или возвратиться на предшествующую станцію. Пасажиры оставались на морозѣ въ неотапливавшихся тогда вагонахъ и безъ пищи. Случалось что многіе уходили въ окрестныя деревни. Служба запасныхъ паровозовъ не была организована. Буфетовъ не было. Начальники станцій не знали еще ни своихъ правъ, ни своихъ обязанностей. Естественно что полный безпорядокъ воцарился на Николаевской дорогѣ со времени открытія движенія на ней.

Таково было начало исторіи перваго у насъ желѣзнодорожнаго пути. Какъ извѣстно, центральнымъ лицомъ въ этомъ грандіозномъ сооруженіи былъ графъ Клейнмихель. Много было писано объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ и многіе судили о немъ вкривь и вкось. Панаевъ отдаетъ дань справедливости уму и энергіи этого государственнаго мужа, который всегда былъ чуждъ бюрократизма. Въ подтвержденіе своего отзыва онъ приводитъ между прочимъ слѣдующій случай изъ времени постройки Николаевской дороги. Департаментъ желѣзныхъ дорогъ заключилъ контрактъ на поставку шпалъ и продольныхъ лежней на всю Николаевскую дорогу съ извѣстными европейскими торговцами лѣсомъ Громовымъ и Скрябинымъ. По контракту эти подрядчики обязывались сдать весь матеріалъ до 2.000.000 штукъ только въ трехъ пунктахъ: на рѣкахъ Волгѣ, Мстѣ и Волховѣ. Клейнмихель былъ въ восторгѣ отъ пріобрѣтенія въ подрядчики такихъ капитальныхъ тузовъ лѣсной торговли, какими были Громовъ и Скрябинъ. Послѣ формальнаго заключенія контракта и внесенія залоговъ подрядчиками контрактъ этотъ былъ разосланъ черезъ Мельникова и начальниковъ отдѣленій дистанціоннымъ офицерамъ съ предписаніемъ составить смѣты по урочному положенію на развозку по линіи дороги матеріаловъ изъ упомянутыхъ пунктовъ выбирая ближайшій къ мѣсту работъ. Оказалось что въ отдаленныхъ мѣстахъ работъ шпалы обходились бы отъ 4 до 5 рублей за штуку, тогда какъ дѣйствительная стоимость шпалы не превышала въ то время 30 коп. Мельниковъ не замедлилъ донести Клейнмихелю о безобразномъ контрактѣ заключенномъ департаментомъ. Клейнмихель [illegible]разумѣвъ подкладку дѣла не задумался ни минуты: онъ призвалъ [illegible] себѣ подрядчиковъ и предложилъ три условія: или прогуляться [illegible] Владиміркѣ, или отказаться отъ контракта, или поставить всѣ [illegible]палы и доски по всей линіи, а не въ трехъ пунктахъ, съ надбавкою нѣсколькихъ процентовъ къ той цѣнѣ, которая значится въ [illegible]нтрактѣ. Такимъ образомъ цѣна поперечины была установлена [illegible]риблизительно въ 1 р. 10 к.—1 р. 50 к. вмѣсто 5 рублей. Громовъ и Скрябинъ по всей линіи роздали поставку другимъ подряд-

Digitized by Google

чикамъ, уплативъ на самомъ невыгодномъ участкѣ по 70 коп. за штуку, а эти передали болѣе мелкимъ поставщикамъ по 25—27 коп. за штуку.

* * *

Въ своихъ „Воспоминаніяхъ", которыя еще продолжаютъ печататься въ *Русской Старинѣ*, протоіерей І. І. Базаровъ рисуетъ яркими чертами портреты знаменитыхъ богослововъ середины прошлаго вѣка и видныхъ дѣятелей на духовномъ поприщѣ въ Петербургѣ. Къ числу этихъ лицъ принадлежали: протоіерей Павскій, Рождественскій, Делекторскій, Сабининъ, Богословскій. Базаровъ лично зналъ всѣхъ ихъ, однихъ по родству, другихъ по однородности ученыхъ занятій и службы. Особенно выдѣлялись среди нихъ Павскій и Богословскій. Стойкость характера послѣдняго была непоколебима и, быть-можетъ, переходила иногда въ простое упрямство. Одинъ случай изъ его жизни разказанный Базаровымъ особенно важенъ, потому что выясняетъ нѣкоторыя подробности въ исторіи изданія перевода Библіи Павскаго. Изданіе это было сдѣлано въ Петербургской академіи какъ-разъ тѣмъ курсомъ, въ составѣ котораго былъ и Базаровъ. Одинъ изъ его товарищей студентъ Органовъ вмѣстѣ съ нимъ принятый въ семействѣ Павскаго черезъ его дочерей досталъ по секрету отъ ихъ отца переводъ Библіи, принесъ эту драгоцѣнность въ Академію, и тутъ же составился заговоръ отлитографировать этотъ переводъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ. Для этого образовался особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ одного изъ студентовъ-товарищей. Снеслись съ академіями въ Москвѣ, Кіевѣ и Казани, собрали подписку и приступили къ печатанію. Чтобы обмануть начальство, вкладывали по нѣскольку страницъ этого перевода въ литографировавшіяся для студентовъ лекціи, которыя представлялись инспектору для разрѣшенія къ литографированію. Просматривалъ ли инспекторъ эти листы, считалъ ли ихъ дополненіемъ лекцій не догадываясь что изъ этихъ отрывочныхъ листовъ должна выйти цѣлая книга перевода значительной части Библіи, только эта затѣя студенческая подавшая поводъ потомъ къ очень серіознымъ послѣдствіямъ незамѣтно прошла академическую цензуру и явилась свѣтъ въ видѣ довольно объемистой книги, которую стали разсы подпищикамъ по академіямъ. Экземпляръ ея обходился студен рубля по два. Но когда въ городѣ узнали объ этомъ изданіи, лись охотники пріобрѣсти эту рѣдкость за большія деньги. Когда настала расправа за это подпольное изданіе и всѣхъ студ притянули къ отвѣту, то стали отбирать эти экземпляры у

Digitized by Google

Къ несчастію, у предсѣдателя комитета захватили подписной листъ и потому у каждаго допрашивали, куда дѣвалъ или кому передалъ экземпляры, если за кѣмъ по подпискѣ числилось по нѣскольку экземпляровъ. Распроданные экземпляры отбирались у всѣхъ и духовныхъ и свѣтскихъ даже черезъ полицію. Всѣ отдавали съ покорностію; одинъ протоіерей Богословскій заупрямился и передъ сыскною комисіей, въ которой предсѣдалъ суровый викарій Венедиктъ, объявилъ что онъ своего экземпляра не отдастъ. Напрасно ему грозили всѣмъ, даже лишеніемъ священнаго сана, онъ стоялъ на своемъ что не отдастъ и не отдалъ. А что угроза эта не была пустая, доказывается опредѣленіемъ этой комисіи рѣшившей Павскаго за неправославный переводъ лишить священнаго сана и сослать на покаяніе въ монастырь, всѣхъ пріобрѣвшихъ этотъ переводъ подвергнуть дисциплинарному наказанію, а зачинщиковъ - студентовъ всѣхъ высѣчь, по предложенію Венедикта, а по рѣшенію комисіи, всѣхъ исключить изъ академіи съ запрещеніемъ вступать въ какое-либо заведеніе. Отъ этой страшной кары избавилъ всѣхъ В. Б. Бажановъ представивъ въ синодѣ то соображеніе, какой соблазнъ произойдетъ въ народѣ, когда узнаютъ что бывшій законоучитель наслѣдника протоіерей Павскій лишенъ сана за ересь, и потому посовѣтовалъ не дѣлать шума изъ этой исторіи, тѣмъ болѣе что сами студенты въ основаніи имѣли только намѣреніе пріобрѣсти въ этомъ переводѣ пособіе для занятій по еврейскому языку.

Другой случай настойчивости протоіерея Богословскаго едва не имѣлъ послѣдствій тяжелыхъ и печальныхъ для ввѣреннаго его духовному водительству юношества. Онъ былъ законоучителемъ въ училищѣ Правовѣдѣнія и разсердился на воспитанниковъ. Дѣло началось съ того что воспитанники торопясь на праздничный парадъ просили поскорѣе окончить службу, но Богословскій намѣренно затянулъ службу. Тогда воспитанники рѣшились отомстить ему и, когда ему понадобилось ускорить службу и пѣніе на клиросѣ, они намѣренно тянули обѣдню въ изобиліи вставляя нотныя піесы. Богословскій не выдержалъ и послѣ обѣдни обругалъ ихъ. Воспитанники на этотъ разъ разсердились и рѣшили выказать ему свое неудовольствіе явнымъ образомъ. Въ училищѣ Правовѣдѣнія было въ обычаѣ [х]одить подъ благословеніе, когда законоучитель входилъ въ классъ. [г]да на слѣдующій день послѣ столкновенія Богословскій пришелъ [у]рокъ, ни одинъ воспитанникъ не подошелъ къ нему подъ благословеніе. Все это произошло незадолго до Великаго поста, и вотъ, [г]да на первой недѣлѣ воспитанники стали говѣть, Богословскій, [д]уховникъ, отлучилъ весь старшій классъ отъ причастія. На[ч]ь директоръ упрашивалъ его, напрасно самъ принцъ П. Г. Оль-

Digitized by Google

денбургскій пріѣзжалъ просить его простить виновныхъ воспитанниковъ, ничто не помогло. Слухъ дошелъ до государя Николая Павловича, и всетаки Богословскій выдержалъ воспитанниковъ подъ эпитиміею въ продолженіе цѣлаго Великаго поста разрѣшивъ имъ причастіе на Страстной недѣлѣ. Понятно, какой переполохъ произвело это событіе во всемъ петербургскомъ обществѣ и даже отозвалось за границей, гдѣ газеты въ „отлученіи отъ церкви" цѣлаго заведенія воспитательнаго не преминули увидѣть вліяніе политическаго абсолютизма проникшаго даже въ церковную жизнь.

Впослѣдствіи Богословскій окончилъ свою жизнь въ изгнаніи. Онъ сдѣланъ былъ главнымъ священникомъ арміи и флота и потомъ сосланъ въ Москву, гдѣ занималъ мѣсто протоіерея при Архангельскомъ соборѣ.

Въ самомъ концѣ пятидесятыхъ годовъ Базарову предстояло перемѣнить свое званіе заграничнаго священника на обязанности законоучителя августѣйшихъ дѣтей императора Александра Николаевича. Въ зиму 1858—1859 года пришло въ Штутгартъ предложеніе со стороны императрицы Маріи Александровны, которая пожелала имѣть Базарова помощникомъ Бажанову при двухъ своихъ младшихъ сыновьяхъ. По этому вопросу она писала особое письмо великой княгинѣ Ольгѣ Николаевнѣ, въ которомъ такъ превосходно обрисовала обязанности законоучителя. Она писала:

Я ищу священника для моихъ двухъ младшихъ сыновей; ты догадываешься, кого я имѣю въ виду. Согласна ли ты пожертвовать намъ Базаровымъ? Во-первыхъ, вотъ что мы требуемъ отъ него: чтобы онъ посвятилъ себя дѣтямъ подобно тому какъ священникъ Маріи Николаевны посвятилъ себя своимъ воспитанникамъ (разумѣется И. В. Рождественскій), чтобы онъ былъ духовникъ, наставникъ, другъ, товарищъ и, главное, руководитель и совѣтникъ своихъ воспитанниковъ. Словомъ, чтобы онъ не былъ снисходителенъ, но неизмѣнно твердъ и не фанатикъ, чтобы онъ такъ слился съ жизнью дѣтей что сдѣлался бы неизбѣжнымъ ея элементомъ имѣя въ виду лишь пользу церкви и ихъ спасеніе, а не мнѣніе свѣта. Если онъ хочетъ и можетъ быть всѣмъ этимъ по мѣрѣ своихъ силъ, то мы примемъ его съ распростертыми объятіями, но если въ его душу запала хотя малѣйшая капля протестантства, то мы не поймемъ другъ друга. Я очень дорожу учебной частью (которой Бажановъ, къ сожалѣнію, пренебрегаетъ), но такъ какъ время еще терпитъ, то Базаровъ можетъ къ этому подготовиться сообразуясь съ современными требованіями. Если это устроится, то я хотѣла бы имѣть его нынѣшнимъ лѣтомъ или осенью, самое позднее; я еще ничего не говорила Бажанову до полученія отвѣта; я полагаю, онъ самъ пойметъ что у него не хватаетъ на это времени; лѣтомъ и осенью занятія дѣтей часто прерываются; а Базарову придется жить съ нами. Я знаю, дорогая, что я прошу у тебя большой жертвы! Прежде

Digitized by Google

чѣмъ поговорить съ нимъ, опиши мнѣ пожалуйста его характеръ, какъ ты его понимаешь; не слишкомъ ли онъ мягокъ? Сердечность мнѣ необходима для дѣтей прежде всего.

Послѣ нѣкоторыхъ колебаній пришли къ такому заключенію что еслибы Базаровъ понадобился для окончанія воспитанія наслѣдника, то великая княгиня Ольга Николаевна готова пожертвовать своимъ духовникомъ для этой важной должности, и въ этомъ смыслѣ былъ данъ рѣшительный отвѣтъ императрицѣ. Вскорѣ въ Штутгартъ пріѣхала великая княгиня Марія Николаевна и дала замѣчательно практичный совѣтъ Базарову. Она предостерегала его отъ поступленія къ большому двору изъ опасенія сдѣлаться интриганомъ или жертвою интриги и предлагала поѣхать сперва на пробу: понравится тамъ, надо оставаться, не понравится, вернуться назадъ. Дѣло однако оставалось нерѣшеннымъ и Базаровъ сталъ считать его совсѣмъ канувшимъ въ воду. Вдругъ лѣтомъ получается отъ секретаря императрицы Маріи Александровны депеша, въ которой говорится что ея величество желаетъ чтобы Базаровъ съ слѣдующимъ почтовымъ пароходомъ изъ Штетина прибылъ въ Царское Село. Было очевидно что предложеніе великой княгини Маріи Николаевны было принято и что Базарова вызываютъ на пробу. У подъѣзда дворца Базарова встрѣтилъ князь Горчаковъ и поздравивъ его прибавилъ въ шутку: „теперь будетъ на васъ коситься кардиналъ Бажановъ“. Онъ любилъ шутя называть Бажанова кардиналомъ обозначая тѣмъ его высокое положеніе въ свѣтѣ и его полусвѣтское, полудуховное вліяніе на текущія дѣла. Базарова помѣстили тамъ же, гдѣ жили всѣ воспитатели великихъ князей. Въ тотъ же день онъ былъ принятъ императрицею, которая удостоила его продолжительной бесѣды о воспитаніи царскихъ дѣтей въ особенности. Во время этой бесѣды вошелъ государь очень милостиво принявшій Базарова. Онъ постоялъ нѣсколько минутъ слушая разговоръ, но не принялъ въ немъ участія ни однимъ словомъ. Впослѣдствіи Базаровъ узналъ что воспитаніе дѣтей онъ предоставилъ совершенно императрицѣ и никогда не принималъ участія въ ея распоряженіяхъ по этому дѣлу.

Къ сожалѣнію, съ самаго перваго появленія своего при дворѣ Базаровъ замѣтилъ нерасположеніе къ себѣ воспитателей. Началось того что они всѣ были удивлены его появленію какъ какой-то жиданности. Между тѣмъ Базарова приглашали чуть не каждый ь на собесѣдованія съ императрицею. Это возбуждало въ нихъ чала зависть, а потомъ начало пугать ихъ. И вотъ началась тивъ Базарова интрига, которую предсказывала великая княгиня ія Николаевна. Догадавшись что Базарова хотятъ приставить слѣднику и, можетъ-быть, замѣнить имъ самаго Бажанова, они

Digitized by Google

поспѣшили вызвать изъ Петербурга протоіерея Рождественскаго который былъ уже этимъ лѣтомъ съ великими князьями въ Гапсалѣ и подъ предлогомъ окончанія уроковъ начатыхъ имъ съ наслѣдникомъ въ Гапсалѣ помѣстили его рядомъ съ Базаровымъ. Въ этихъ обстоятельствахъ Базаровъ былъ обрадованъ письмомъ великой княгини Ольги Николаевны, которая писала чтобы онъ не давая никакаго положительнаго обѣщанія возвратился въ Штутгартъ къ 14-му сентября, ко времени возвращенія туда самой великой княгини. 9-го сентября Базаровъ снова выѣхалъ за границу, къ радости своихъ завистниковъ.

Въ это время однимъ изъ нашихъ заграничныхъ священниковъ полагалось начало благодѣтельному учрежденію у насъ „сестеръ милосердія". Это былъ настоятель Висбаденской церкви отецъ І. Л. Янышевъ. Благое начинаніе въ этомъ дѣлѣ принадлежало великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, которая своимъ свѣтлымъ умомъ первая поняла высокое значеніе дѣятельности сестеръ милосердія въ другихъ странахъ, крайнюю нужду и пользу подобнаго учрежденія въ нашемъ отечествѣ. Но такъ какъ это было совсѣмъ новое дѣло, то великая княгиня поручила Янышеву изучить его на мѣстѣ какъ въ католическихъ, такъ и въ протестантскихъ странахъ. Для этого онъ ѣздилъ во Францію, гдѣ монашескіе ордена давно довели эту часть христіанской дѣятельности до возможнаго совершенства, а также на Рейнъ въ Кайзервертъ, гдѣ находился знаменитый разсадникъ протестантскихъ сестеръ милосердія. Составивъ на основаніи этихъ наблюденій проектъ устава новой общины для Россіи Янышевъ прислалъ его Базарову для сообщенія великой княгинѣ Ольгѣ Николаевнѣ, которая вдвойнѣ интересовалась этимъ дѣломъ какъ для Россіи, такъ и для своего Виртемберга, гдѣ также еще не существовало сестеръ милосердія. Вообще, это дѣло было выработано католическою церковію не безъ примѣси пропаганды и потому долго оставалось чуждымъ протестантской церкви. Лишь когда знаменитый проповѣдникъ Лакордеръ съ каѳедры Парижской Богоматери произнесъ вызовъ другимъ вѣроисповѣданіямъ въ слѣдующихъ словахъ: „Хотите знать въ двухъ словахъ преимущества католичества? Вотъ они: мисіонеръ и сестра милосердія", протестантство встрепенулось и сознавъ [illegible] воту укоризны начало устраивать у себя дѣло христіанскаго м[illegible] сердія. Доброе сердце великой княгини Елены Павловны поло[illegible] и у насъ начало этому благодѣтельному учрежденію вскорѣ[illegible] такъ блестяще развившемуся и окрѣпшему.

Надо замѣтить что это время, конецъ пятидесятыхъ и [illegible] шестидесятыхъ годовъ, было ознаменовано и у насъ попытка[illegible] вести въ жизнь новыя начала и появленіемъ на церкови[illegible]

Digitized by Google

энергическихъ дѣятелей. Въ числѣ ихъ первое мѣсто, повидимому, принадлежало приходскому священнику на Пескахъ въ Петербургѣ отцу Гумилевскому. Онъ сразу обратилъ на себя всеобщее вниманіе своею смѣлою дѣятельностью сначала только въ своемъ приходѣ. Онъ началъ съ того что обратилъ вниманіе на нищенство на паперти своей церкви и разъ идя на службу онъ взялъ одного изъ такихъ нищихъ за руку, возвелъ его съ собою на церковную каѳедру и тутъ же обратился къ своимъ прихожанамъ съ сильною рѣчью о томъ, какъ непростительно богатымъ и достаточнымъ проходить въ храмъ мимо нищей братіи не думая помочь бѣднякамъ, такъ чтобы они не принуждены были на паперти протягивать руку къ мимоходящимъ прихожанамъ за милостынею, и въ заключеніе предложилъ устроить церковное попечительство о бѣдныхъ. Предложеніе это было охотно принято и при церкви на Пескахъ образовалось первое церковное попечительство съ домомъ призрѣнія, церковною школою и затѣмъ больницею. Дѣло это было такъ ново что обратило на себя всеобщее вниманіе и привлекло къ себѣ всеобщее сочувствіе. Но именно по своей новости оно не понравилось духовному начальству, не понравилось особенно потому что иниціативу въ такомъ общественномъ дѣлѣ взялъ на себя простой приходскій священникъ не испросивъ напередъ ни разрѣшенія, ни благословенія церковной власти. А между тѣмъ въ это время стали появляться другія попытки самостоятельной пастырской дѣятельности. Такъ, протоіерей Петропавловскаго собора В. П. Полисадовъ идя къ обѣднѣ въ одинъ изъ воскресныхъ дней увидалъ у Троицкаго моста цѣлую толпу рабочихъ починивавшихъ мостовую. Это возмутило его. Онъ остановился, подозвалъ рабочихъ къ себѣ и началъ говорить имъ, какъ они смѣютъ нарушать праздникъ работою во вредъ себѣ и на соблазнъ другимъ. На ихъ оправданіе что начальство заставляетъ ихъ работать, Полисадовъ отвѣтилъ что въ дѣлѣ Божіемъ онъ начальникъ и приказалъ сейчасъ же бросить работу и идти въ церковь. Приведя толпу въ соборъ онъ взошелъ на каѳедру и произнесъ проповѣдь о святости воскреснаго дня и обличилъ тѣхъ, кто заставляетъ людей работать въ праздники. За эту храбрость отцу Полисадову пришлось отвѣчать передъ консисторіею по жалобѣ полиціи [illegible]го уличное самоуправство. Но за него былъ законъ предписывавшій блюсти воскресные дни, и онъ былъ оправданъ. Не такъ было съ Гумилевскимъ. На него пошли разнаго рода гоненія кончившіяся тѣмъ что его сослали изъ Петербурга въ Шлисельбургъ. Оттуда [illegible]емъ его впослѣдствіи вернули, но было уже поздно: надломленныя силы и отчаяніе выразившееся въ свойственномъ въ такихъ [illegible]хъ утѣшеніи рюмочкою скоро свели этого борца въ могилу.

Digitized by Google

Заслуживаютъ вниманія тѣ немногія строки, которыя Базаровъ посвятилъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ представленіямъ Страстей Господнихъ, которыя даются въ мѣстечкѣ Оберъ-Амергау въ верхней Баваріи въ десятичные годы, черезъ каждыя десять лѣтъ, и привлекаютъ туда цѣлыя толпы благочестивыхъ и еще болѣе любопытныхъ со всѣхъ концовъ свѣта. Обычно эти представленія извѣстны подъ видомъ театральныхъ забавъ, которыми мѣстные жители привлекаютъ и развлекаютъ туристовъ и тѣмъ сбираютъ съ нихъ значительную дань въ свою пользу. Такъ по крайней мѣрѣ въ извѣстные сроки оповѣщаютъ весь читающій міръ корреспонденты повременныхъ изданій. Протоіерей Базаровъ видѣлъ два раза эти представленія и имѣлъ возможность оцѣнить ихъ совсѣмъ съ иной точки зрѣнія какъ русскій православный богословъ.

Базаровъ пріѣхалъ въ Оберъ-Амергау въ субботу вечеромъ наканунѣ представленія которое дается по воскресеньямъ въ теченіе лѣта каждаго десятичнаго года, и былъ пораженъ, во-первыхъ, невѣроятнымъ множествомъ народа собравшагося смотрѣть это представленіе, а во-вторыхъ, особымъ характеромъ и внѣшностію мѣстныхъ жителей. Надо замѣтить что оберъ-амергаусцы считая это представленіе своею исключительною собственностію никого не допускаютъ къ участію въ немъ кромѣ своихъ поселянъ. Въ полѣ по дорогѣ къ театру Базаровъ увидѣлъ костюмированныхъ людей двигавшихся въ полѣ и расплывавшихъ кружки пива у раскинутыхъ вокругъ балагановъ. Это были завтрашніе актеры: фарисеи, римскіе воины, народъ въ костюмахъ эпохи. Когда Базаровъ со своими спутниками обратился къ одному поселянину съ вопросомъ о мѣстѣ ночлега, которое они хотѣли бы себѣ подыскать, то онъ подумавъ указалъ на одного костюмированнаго со словами: „а вотъ спросите у этого фарисея, можетъ-быть, у него въ домѣ найдется еще мѣстечко“. Но на вопросъ объ этомъ фарисей отвѣчалъ что у него уже все переполнено, „а вотъ“, прибавилъ онъ, „попробуйте у Матери Божіей, тамъ еще, можетъ-быть, найдете себѣ ночлегъ“. Странно, конечно, было слышать такіе адреса для пріисканія ночлега! Впослѣдствіи выяснилось что дочь хозяина указаннаго фарисеемъ дома участвуетъ въ представленіи въ роли Божіей Матери, и жители сел[illegible] такъ уже сроднились со своими ролями что и въ частномъ [illegible] называютъ себя не по именамъ, а по ролямъ, къ которымъ [illegible] готовятся въ продолженіе десяти лѣтъ отъ одного десятичнаго п[illegible] ставленія до другаго. Въ 8 часовъ вечера раздались пушечные [illegible] стрѣлы и звонъ колоколовъ возвѣщавшіе канунъ завтрашняго [illegible] ставленія; по улицамъ прошла музыка изъ доморощенныхъ арти[illegible]

Digitized by Google

селенія. Дѣйствительно, наши путники нашли пріютъ въ указанномъ имъ домѣ, хотя и съ трудомъ добрались до своихъ мѣстъ шагая по буквально устланному людьми полу дома. Молодая хозяйка тутъ же просила снять сапоги, чтобы она успѣла ихъ вычистить съ вечера, такъ какъ на другое утро рано она должна идти въ церковь чтобы причаститься передъ разыгрываніемъ своей роли Матери Божіей въ предстоящемъ представленіи. Этотъ долгъ исполняютъ всѣ главные актеры представляющіе священныя роли Христа, апостоловъ и евангельскихъ женъ. Кромѣ того роль Христа предоставляется человѣку безупречнаго поведенія и болѣе благообразному.

На другое утро путники встали рано и поспѣшили на мѣсто зрѣлища. Тамъ все уже было полно народа съ благоговѣніемъ ожидавшаго начала этого священнодѣйствія, такъ какъ, по замѣчанію протоіерея Базарова, въ глазахъ католическаго крестьянства это не было простое представленіе евангельскихъ событій, но литургическое дѣйство, подобно тому какъ въ нашей церкви въ старину совершалось дѣйство трехъ отроковъ въ пещи огненной или входъ въ Іерусалимъ съ патріархомъ на конѣ.

Оберъ-амергауское дѣйство, говоритъ Базаровъ, приняло современемъ характеръ настоящаго театральнаго представленія, тѣмъ не менѣе какъ по великости и святости содержанія, такъ по благоговѣнію и даже артистичности исполненія оно захватываетъ душу и до такой степени приковываетъ къ себѣ вниманіе что, несмотря на восьмичасовое съ перерывомъ только на одинъ часъ продолженіе, не чувствуешь усталости ни отъ долгаго сидѣнія на одномъ мѣстѣ, ни отъ напряженнаго слѣдованія за смѣняющимися сценами... Это необычайное проведеніе передъ глазами самыхъ священныхъ событій міровой исторіи въ живыхъ лицахъ невольно захватываетъ духъ и сердце. Мнѣ какъ въ первый, такъ и во второй разъ, при этомъ представленіи было страшно одно только, чтобы не вышло какой-либо профанаціи столь священнаго предмета. Однако, принимая во вниманіе какъ настроеніе самихъ актеровъ приготовляющихся принятіемъ святыхъ таинъ къ выполненію главныхъ ролей, такъ и благоговѣйное присутствіе народа стекающагося на это зрѣлище какъ на поклоненіе святынѣ, невольно входишь и самъ въ такое же настроеніе и думаешь только объ одномъ, что это представленіе *единственное* въ своемъ родѣ, что имѣя свою мѣстную подкладку оно можетъ совершаться такъ одномъ только этомъ мѣстѣ и даже не чаще какъ на разстояніи ятка лѣтъ.

Во второй части представленія самымъ интереснымъ было рас-, но оно разочаровало Базарова. Сцена была проведена безукоенно. Очень благоразумно было устроено что самый актъ биванія ко кресту былъ исполненъ за сценою; слышалось только ваніе гвоздей, и когда поднялся занавѣсъ, глазамъ зрителей

Digitized by Google

представилась картина трехъ крестовъ съ висящими на нихъ тѣлами, расположенная по образцу знаменитой картины Рубенса. „Но, говоритъ Базаровъ, хорошо бы было, еслибы это дѣйствительно была только картина, хотя и живая. Но когда стали раздаваться изъ устъ распятаго на крестѣ извѣстныя семь словъ евангельскихъ, невольно возмущалось религіозное чувство; испытывалась профанація священнаго акта, особенно когда эти слова произносились на мѣстномъ нарѣчіи, какимъ говоритъ простонародіе".

Въ іюнѣ 1860 года пожаловала въ Висбаденъ императрица Александра Ѳеодоровна, вслѣдствіе чего туда переселилась великая княгиня Ольга Николаевна и причтъ для совершенія богослуженія. Это было послѣднее пребываніе императрицы въ Висбаденѣ и заграницею вообще, такъ какъ осенью этого года послѣдовала ея кончина. Замѣчательно было предзнаменованіе этого событія совершившееся на глазахъ Базарова. Въ день рожденія покойнаго государя Николая Павловича 25-го іюня онъ совершалъ панихиду въ комнатахъ императрицы. Когда онъ подалъ государынѣ зажженную свѣчу, свѣча эта вдругъ погасла въ ея рукѣ. Императрица нисколько не смутившись этимъ обратилась къ стоявшей возлѣ нея великой княгинѣ Ольгѣ Николаевнѣ со словами: „Смотри! Это мнѣ умереть".

Новости иностранной литературы.

Французскій критикъ о Максимѣ Горькомъ.

Maxime Gorky. L'oeuvre et l'homme, par le comte Eugène-Melchior de Vogüé (*Revue des deux Mondes*, août, 1901).

Въ первой августовской книжкѣ журнала *Revue des deux Mondes* появилась статья извѣстнаго публициста Вогюэ цѣликомъ посвященная разбору произведеній Максима Горькаго. За послѣдніе два, три года Горькій сдѣлался во Франціи однимъ изъ самыхъ модныхъ писателей. Именно модныхъ, а не популярныхъ. Эти два термина часто смѣшиваютъ и это большая ошибка. Подъ словомъ „популярность" разумѣется успѣхъ наступающій иногда, и при томъ большею частію, медленно, но зато прочный и главное долговѣчный. Популярное произведеніе можетъ исподволь внѣдриться въ сознаніе читателей сначала одного класса народа, потомъ другаго, и сдѣлавшись какъ бы частицею народной души до безконечности продолжаетъ оказывать на нее незамѣтное, но зато вѣрное дѣйствіе. Мода это своего рода coup de foudre. Свѣтъ этой молніи можетъ съ необычайною яркостію озарить скрытыя дотолѣ настроенія и вѣянія и дать воз-

Digitized by Google

можность увѣковѣчить ихъ съ фотографической точностію, но едва успѣетъ онъ погаснуть, какъ отъ него не останется ничего кромѣ быстро изглаживающагося воспоминанія. Модное произведеніе вызоветъ бурю восторговъ у однихъ читателей и бурю негодованія у другихъ, о немъ будутъ толковать и спорить съ ожесточеніемъ въ продолженіе нѣкотораго времени, но затѣмъ, по истеченіи извѣстнаго срока, имъ перестанутъ заниматься и отъ него останутся въ воспоминаніи читателей лишь отдѣльные элементы, а отнюдь не цѣльное впечатлѣніе.

Такого рода модною извѣстностію пользуется Горькій у современныхъ Французовъ. Вогюэ задался цѣлію опредѣлить, на чемъ именно основывается эта извѣстность и какіе элементы ея достойны болѣе прочнаго успѣха нежели тотъ какимъ они пользуются теперь.

По мнѣнію Вогюэ, успѣхъ Горькаго у себя на родинѣ, въ Россіи, обусловливается главнымъ образомъ тѣмъ что онъ сумѣлъ воплотить въ своихъ герояхъ глухое броженіе недовольства жизнію и неудовлетворенности настоящимъ составляющее отличительную черту всего молодаго поколѣнія средняго класса, ту черту которую это поколѣніе, во что бы то ни стало, стремится приписать или хотя бы навязать такъ-называемой меньшой братіи. При этомъ въ противоположность большинству русскихъ критиковъ авторъ настоящаго очерка положительно отказывается видѣть въ Горькомъ одиночное явленіе ничѣмъ не связанное ни съ прошедшимъ, ни съ настоящимъ въ русской литературѣ. Наоборотъ, Вогюэ указываетъ на то что Горькій прямой наслѣдникъ русской романтической школы, наиболѣе яркими представителями которой были сначала Пушкинъ и Лермонтовъ, а затѣмъ Гоголь и позднѣе Тургеневъ.

Въ первыхъ разказахъ Горькаго сказывается непосредственное вліяніе Пушкинскихъ „Цыгановъ“ и Лермонтовскаго „Демона“. Изергиль Горькаго подобно Демону и Алеко стремится уйти отъ жизненной прозы, совершить великіе подвиги которые выдвинули бы его изъ разряда обыкновенныхъ существъ. Изъ области этихъ несбыточныхъ мечтателей Горькій, однако, подобно другому великому учителю своему, скорѣе спускается въ область дѣйствительности и обращается къ изображенію окружающихъ его типовъ „босяковъ“ и „бывшихъ лю-
“. Въ длинномъ рядѣ его повѣстей и разказовъ проходятъ вере-
ю словно въ кинематографѣ оборванцы находящіеся въ непри-
мой враждѣ съ существующимъ общественнымъ строемъ. Пріемы
его повсюду одинаковы. У него нечего искать того что прежде
овалось интригою, а теперь именуется дѣйствіемъ, этого нѣтъ
въ „Ѳомѣ Гордѣевѣ“ по объему равняющемся большому ро-
Онъ просто выхватываетъ своихъ героевъ изъ ихъ будничной

Digitized by Google

жизни, набрасываетъ бѣглыми штрихами ихъ профиль, затѣмъ заставляетъ ихъ двигаться, говорить, разсуждать, указывать читателю особенности міросозерцанія отражающагося въ ихъ бесѣдахъ и наконецъ, когда они ему ненужны, отбрасываетъ ихъ въ сторону такъ же неожиданно, какъ и взялся за нихъ. При огромномъ талантѣ художника всякій изъ такихъ бѣгло набросанныхъ эскизовъ представляетъ собою вполнѣ законченную картину. Такихъ картинъ безконечный рядъ и всякая изъ нихъ нова и оригинальна. Личную особенность Горькаго составляетъ то что, становясь все болѣе реалистомъ по внѣшнимъ пріемамъ, онъ въ душѣ остается неизмѣнно тѣмъ же романтикомъ какимъ былъ въ началѣ своей литературной карьеры. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только обратить вниманіе на рѣзко выраженное у него пристрастіе къ извѣстному типу людей. Челкашъ, Коноваловъ, Сережка въ *Мальвѣ*, да и сама Мальва, это все за незначительными измѣненіями одинъ и тотъ же типъ, къ которому авторъ относится съ тѣмъ большею симпатіею, чѣмъ меньше онъ таковой заслуживаетъ съ точки зрѣнія буржуазной морали. Это человѣкъ сильный физически и смѣлый, лѣнивый и порочный, но при случаѣ способный даже на подвигъ. Онъ не знаетъ куда примѣнить избытокъ силы и энергіи и потому топитъ ихъ въ винѣ. Философъ и фаталистъ, онъ ненавидитъ всякую преграду положенную его произволу и возмущается инстинктивно противъ всякаго закона. Главную прелесть придаетъ ему въ глазахъ писателя присущая ему отъ природы или пріобрѣтенная въ силу обстоятельствъ страсть къ бродяжничеству. Пренебреженіе слышится у Горькаго всюду, гдѣ заходитъ рѣчь о родномъ углѣ, деревнѣ, семьѣ: они являются врагами, тюремщиками вольнаго человѣка и имъ противополагается широкая свобода степей, рѣки и моря. Всѣхъ этихъ бродягъ гонитъ одно и тоже чувство неудовлетворенности окружающимъ. Англичанина удручаетъ сплинъ, Русскаго тоска. Это двѣ разновидности древнѣйшей изъ душевныхъ болѣзней, скуки жизнію и отвращенія къ ней. Западная Европа удрученная другими недугами забыла объ этомъ, но у героевъ Горькаго она составляетъ основу ихъ міросозерцанія, и въ этой особенности заключается отчасти соціальное значеніе романтизма въ лохмотьяхъ, который отыскиваетъ Манфреда и Ролла среди отребьевъ общества, куда они спустились, и старается возбудить къ нимъ жалость прославляя ихъ.

Изъ той же среды отребьевъ общества взяты почти всѣ наподо героини Горькаго. Роль ихъ сводится большею частію къ безконечн жалобамъ на судьбу выражаемымъ ими въ причитаніяхъ и зачас безсвязныхъ, скорбныхъ рѣчахъ похожихъ на вопли раненаго зв и доводящихъ до слезъ даже тѣхъ горькихъ пьяницъ, съ кото

Digitized by Google

связываетъ ихъ жизнь. Французскаго читателя особенно поражаетъ описаніе этихъ оргій, мрачныхъ, печальныхъ, притомъ вполнѣ приличныхъ, въ томъ видѣ какъ онѣ описаны у Горькаго.

По этому поводу Вогюэ отмѣчаетъ не разъ уже поражавшую его коренную разницу между русскими и французскими реалистами. У первыхъ описанія могутъ быть отвратительными, отталкивающими во всѣхъ отношеніяхъ, но они никогда ничего не говорятъ чувственности. Въ самомъ скабрезномъ по французскимъ понятіямъ положеніи эти невозмутимые философы умѣютъ видѣть одинъ психологическій феноменъ. Языкъ въ описаніи кабаковъ у нихъ такъ же скроменъ, какъ языкъ трагедіи Расина. Обнаженное тѣло являющееся у Французовъ живымъ и обольстительнымъ съ цѣлію соблазнить читателей, это самое тѣло русскіе реалисты показываютъ въ анатомическомъ театрѣ, чтобы читатель могъ изучить на нравственномъ трупѣ тотъ процесъ путемъ какого гибнетъ и умираетъ человѣческая душа.

Общее впечатлѣніе разказовъ Горькаго крайне своеобразно. Взятый въ отдѣльности каждый изъ нихъ интересенъ. Въ каждомъ изъ нихъ подкупаетъ рельефность фигуръ, вѣрность наблюденій и живая оригинальная мысль. Но по мѣрѣ того какъ углубляешься въ эту галерею офортовъ, всѣ разнообразныя впечатлѣнія сливаются въ одномъ общемъ чувствѣ томительной тоски. Россія, если судить о ней по разказамъ Горькаго, есть не что иное какъ громадный кабакъ въ темномъ подвалѣ, гдѣ пахнетъ потомъ, грязью, керосиномъ, гдѣ безчисленные оборванцы стонутъ, плачутся, проклинаютъ свою судьбу, ругаются и топятъ свою скорбь въ морѣ водки. Это ужь слишкомъ. Читатель проситъ пощады и съ отвращеніемъ и усталостію закрываетъ книгу, за которую принялся-было съ удовольствіемъ.

Многіе ищутъ въ произведеніяхъ Горькаго какой-то особенной новой философіи и удивляются не находя ея. Дѣло въ томъ что дѣйствительно ея тутъ и нѣтъ. У Горькаго сохранился во всей цѣлости романтическій идеалъ заключающійся въ стремленіи освободиться ото всѣхъ оковъ и дать волю своимъ страстямъ и въ культѣ силы. Всѣ произведенія Горькаго представляютъ собою ожесточенный протестъ противъ условій существованія на его родинѣ. При этомъ онъ является принципіальнымъ врагомъ всякаго принципа, чѣмъ привелъ въ ужасъ даже либеральныхъ доктринеровъ. Въ началѣ его литературнаго поприща они съ восторгомъ привѣтствовали его когда онъ открылъ огонь по существующему порядку вещей, но вскорѣ онъ разбилъ и ихъ кумиры. Въ его глазахъ всѣ политическія и соціальныя теоріи одинаково ничего не стоятъ и онъ упорно не даетъ себя заковать ни въ однѣ изъ оковъ безконечныхъ „измовъ“ подѣлившихъ между собою все русское мыслящее общество.

Digitized by Google

Возмутившись противъ теоріи онъ, подобно его герою Ѳомѣ Гордѣеву, нашелъ себѣ успокоеніе только въ полномъ отрицаніи ихъ. Въ этой страстной ненависти къ теоріи есть даже нѣчто трогательное въ тотъ короткій періодъ, когда она бываетъ вполнѣ безкорыстна и искренна, хотя именно тогда въ ней много дѣтскаго. На сравненіе съ той же серіозностью маленькихъ дѣтей напрашиваются разсужденія героевъ Горькаго о смыслѣ жизни и споры въ русскомъ обществѣ и въ критикѣ объ идеяхъ этого писателя. Русскіе романисты и ихъ читатели наивно берутся за разрѣшеніе нравственныхъ задачъ уже давно разрѣшенныхъ человѣчествомъ на практикѣ, передѣлывая всевозможныя геометрическія вычисленія къ отысканію квадратуры круга. Въ такой работѣ есть своего рода цѣнность, потому что она напоминаетъ болѣе развитымъ народамъ что то что у нихъ считается уже за ходячую истину является лишь временнымъ разрѣшеніемъ вопроса и, можетъ-быть, подлежитъ еще повѣркѣ.

Въ заключеніе своей статьи Вогюэ дѣлаетъ попытку выяснить вопросъ, каково по своимъ качествамъ и насколько велико соціальное значеніе произведеній Горькаго, и приходитъ къ выводу что балансъ въ данномъ случаѣ сводится почти къ нулю. Роль Горькаго, по словамъ Вогюэ, ограничивается однимъ только отрицаніемъ. Предшественники его оставили въ наслѣдство своей родинѣ значительный запасъ идей и чувствъ которыми питалась русская мысль. Горькій уменьшилъ этотъ запасъ, но самъ не прибавилъ къ нему ничего. Въ разказахъ его нѣтъ ни одной страницы гдѣ бы высказывалось сколько-нибудь участливое отношеніе къ религіознымъ и нравственнымъ вопросамъ. Было время, когда всякая русская книга являлась неизбѣжно книгой духовнаго содержанія и была проникнута той вѣрой которая служила этическимъ принципомъ объединяющимъ этотъ многочисленный народъ. Потомъ явились колебанія, сомнѣнія, но опять-таки на той же религіозной почвѣ. Таковы герои Толстаго, Тургенева и Достоевскаго. Они тоже искали смысла жизни, но видѣли его въ нравственномъ совершенствованіи. Горькій переноситъ насъ совершенно въ другую Россію, болѣе сухую, болѣе индивидуалистскую, заботящуюся исключительно о земномъ. Это совершеннѣйшій агностицизмъ. Онъ намѣренно не хочетъ признавать того что православію принадлежитъ выдающееся мѣсто въ русской жизни. Въ безконечныхъ бесѣдахъ между его героями никогда не упоминается о той духовной жизни, которая однако такъ сильна въ русскомъ народѣ. Индивидуализмъ знающій границъ, страдающій отъ неудовлетворенности и ищущ себѣ утоленія въ матеріальныхъ благахъ, тщеславное стремле стать выше другихъ во что бы то ни стало, вотъ послѣднее сло произведеній Горькаго.

Digitized by Google

Несомнѣнно, Горькій является обличителемъ и изображаетъ современное общество въ самыхъ темныхъ краскахъ съ тою цѣлію чтобы способствовать его разрушенію, но онъ нигдѣ не упоминаетъ о томъ какимъ путемъ можно пересоздать то что разрушается. Онъ самъ признаетъ себя чуждымъ того созидательнаго духа, о которомъ такъ охотно толкуютъ его герои. Онъ предсказываетъ царство разума, но это будетъ разумъ сильнѣйшаго. Въ этомъ можно убѣдиться по его симпатіямъ. Онѣ всегда обращены въ сторону того, кто вызывающе смотритъ на окружающій міръ и попираетъ слабаго. Это возвращеніе къ аристократическому идеалу романтизма. Горькій лишь демократизовалъ этотъ идеалъ, вотъ и все. Герои Пушкина и Лермонтова томились отъ тоски въ Петербургскихъ салонахъ, непонятые окружающей средой, и шли въ даль искать свободы страстямъ и новыхъ ощущеній. Онѣгинъ и Печоринъ возраждаются въ своихъ внукахъ, Челкашѣ, Сережкѣ и Коноваловѣ, утративъ признаки внѣшняго изящества, но сохранивъ характерныя особенности свои: эгоизмъ, тщеславіе и необузданность. Тотъ кругъ, въ которомъ вращаются наши падкіе до всего новаго умы, крайне узокъ какъ во времени, такъ и въ пространствѣ.

То же возрожденіе романтизма, представителемъ котораго является въ Россіи Горькій, замѣчается во всей Европѣ въ средѣ новѣйшихъ писателей. Электротехника открываетъ намъ безграничные горизонты путемъ безпроволочнаго телеграфа. Кажется, будто такого же рода таинственная передача можетъ существовать и въ области мысли: здѣсь также при отсутствіи всякой связующей нити устанавливается общеніе между умами далекими другъ отъ друга, сложившимися подъ вліяніемъ различныхъ культуръ. Сопоставимъ трехъ белетристовъ, изъ которыхъ каждый пользуется наибольшей популярностію среди молодежи у себя на родинѣ, и посмотримъ что у нихъ общаго: Максима Горькаго въ Россіи, Габріэля д'Анунціо въ Италіи, Рэдіарда Киплинга въ Англіи. Первый живетъ на Волгѣ, образовалъ самъ себя кое-какъ, не имѣетъ никакой точки соприкосновенія съ заграничной литературой и конечно не читалъ ни одной страницы изъ того что писали два остальные. Англичанинъ, воспитанный въ Индіи, не читалъ ни строчки изъ произведеній русскаго белетриста и едва ли имѣетъ понятіе объ италіянскомъ. Италіянецъ писалъ раньше чѣмъ читалъ Киплинга и если знаетъ о Горькомъ, то развѣ только со вчерашняго дня. При этомъ онъ единственный который знаетъ Ницше, ихъ общаго духовнаго отца. И все же между этими тремя писателями замѣчается близкое сходство: всѣ они романтики; у нихъ общій характеръ лиризма, общій способъ восторгаться природою, общее пристрастіе къ экзотизму и оригинальности

Digitized by Google

и, главное, общее пониманіе цѣлей жизни, общій культъ индивидуализма, силы, страсти и общее отсутствіе нравственнаго чувства. Иные разказы Горькаго почти тождественны по духу съ разказами Киплинга. Любимые герои обоихъ писателей отличаются неудержимою грубою страстію къ завоеванію, непосѣдливостію и крайнимъ пренебреженіемъ ко всякаго рода вѣрованіямъ. Д'Анунціо, наиболѣе аристократическій изъ трехъ, предъявляетъ въ лицѣ своихъ героевъ также большія требованія внѣшняго изящества, но онъ положительно могъ бы подписаться подъ нѣкоторыми описаніями Горькаго, подъ его проклятіемъ мѣщанской добродѣтели и подъ разсужденіями о необходимости жить въ „красотѣ". Всѣ трое они прославляютъ одинъ общечеловѣческій или, вѣрнѣе, чуждый всякой человѣчности типъ молодаго варвара.

Это есть полнѣйшее отрицаніе идеала съ такимъ трудомъ выработаннаго моралистами прошлаго столѣтія. Бѣдный XIX вѣкъ! Онъ воображалъ себѣ, будто работаетъ надъ совершенствованіемъ цивилизаціи, и надѣялся что умирая оставитъ ее болѣе разумною, кроткою и склонною оказывать покровительство слабому. Но ученіе его теоретиковъ поблѣднѣло передъ практическими уроками людей дѣла. Нынѣшнее поколѣніе дѣтей мало читаетъ нравоучительныя книжки, оно предпочитаетъ смотрѣть на картинки изображающія великихъ людей того же вѣка создавшихъ его исторію: Наполеона, Бисмарка. Эти проповѣдники права сильнаго сохраняютъ свое обаяніе на умы молодежи и вліяніе ихъ примѣра служитъ противовѣсомъ всей проповѣди идеологовъ.

Неоромантики не обладаютъ ни самообольщеніемъ, ни наивностію своихъ предшественниковъ. Тѣ удовлетворялись словами и воображали будто парятъ въ поднебесьѣ, тогда какъ на дѣлѣ служили своимъ страстямъ и своему эгоизму. Наслѣдники ихъ, вскормленные наукою и воспитанные на анализѣ, знаютъ куда и къ чему идутъ. Проникнутые либо властолюбіемъ, либо революціонными идеями, а по большей части тѣмъ и другими, они спокойно проповѣдуютъ что слабый созданъ для того только чтобы служить сильному тою ступенькою, которую тотъ попираетъ ногой чтобъ вскарабкаться къ предмету своихъ стремленій. Проповѣдь ихъ тѣмъ удачнѣе прививается что они противополагаютъ природные инстинкты человѣка искусственнымъ преградамъ созданнымъ сравнительно недавно и обладающимъ сомнительной прочностію. Мудрецы XIX вѣка часто строили свои зданія на шаткой основѣ принциповъ, объявляя ихъ безсмертными потому только что они были имъ удобны. Сильные герои Киплинга и Горькаго опрокидываютъ это зданіе однимъ толчкомъ, съ усмѣшкой говоря ученымъ доктринерамъ: „прочь, старики, міръ

Digitized by Google

нашъ, мы его возьмемъ такъ же, какъ взяли его вы. Изъ нашей среды выйдутъ Дантоны и Робеспьеры, можетъ-быть, Бонапарты и Бисмарки; отчего же имъ не создать новаго права на томъ же основаніи, на какомъ создали свое право ваши Дантоны, Робеспьеры, Бонапарты и Бисмарки?" Эти enfants terribles смѣло утверждаютъ будто обладаютъ тайною жизни, а именно силою. Человѣчество убѣждается что прежніе учители его, воспитывавшіе лишь умъ, ослабили его въ то же время, оно ропщетъ на свою слабость и обращается къ тому кто сулитъ ему новыя надежды. Это общее настроеніе присущее современному поколѣнію превосходно изображено у Горькаго и въ этомъ его заслуга. Его произведенія явятся, быть-можетъ, современемъ превосходнымъ памятникомъ поры переживаемой нынѣ человѣчествомъ, но онъ не открылъ никакихъ новыхъ путей и тщетно будутъ къ нему обращаться съ запросами тѣ, въ комъ онъ развилъ песимистическое отношеніе къ жизни. Они не найдутъ у него инаго отвѣта кромѣ повторенія ихъ собственныхъ сѣтованій.

Начало новаго театра во Франціи.

Le théatre français avant la période classique. Eugène Rigal. Paris, 1901.

Авторъ поставилъ себѣ цѣлію изслѣдовать исторію возникновенія и внутреннюю организацію новаго французскаго театра явившагося на смѣну народному средневѣковому. Старый французскій театръ отличался отъ новаго, зарожденіе котораго относится къ концу XVI вѣка, какъ по своему характеру и репертуару, такъ и по составу исполнителей: средневѣковая сцена не знала професіональныхъ актеровъ; ихъ замѣняли любители изъ числа простыхъ горожанъ, обыкновенно представители разныхъ ремесленныхъ цеховъ, которые и разыгрывали на импровизованномъ театрѣ мистеріи взятыя изъ Священной исторіи, поучительные *moralités* и бойкіе, иногда весьма непристойные фарсы. Образецъ такого народнаго театра сохранился до нашихъ дней въ видѣ такъ называемыхъ ssionsspiele въ Оберъ-Амергау, въ Баваріи, гдѣ каждый годъ на астной недѣлѣ разыгрывается мистерія Страстей Господнихъ. XVI вѣкѣ этотъ народный средневѣковый театръ въ значительной пени пришелъ въ упадокъ и пересталъ удовлетворять развившимъ запросамъ и потребностямъ публики. Его замѣнилъ новый те- ъ съ новымъ репертуаромъ и съ професіональными актерами. ръ приписываетъ важную роль въ исторіи развитія новаго ра бродячимъ труппамъ кочевавшимъ изъ города въ городъ и

Digitized by Google

распространявшимъ среди народа вкусъ къ новымъ зрѣлищамъ. Труппы эти составлялись по образцу италіянскихъ и испанскихъ бродячихъ труппъ нерѣдко заѣзжавшихъ и во Францію. Этимъ кочующимъ товариществамъ актеровъ суждено было стать родоначальниками французскаго класическаго театра; какъ извѣстно, самъ Мольеръ долгое время принадлежалъ къ такой кочующей труппѣ. Положеніе этихъ бродячихъ актеровъ первое время было весьма незавидное. Власти относились къ нимъ подозрительно, какъ къ людямъ происхожденіе и прошлое которыхъ было совершенно неизвѣстно. Почтенные буржуа смотрѣли на нихъ какъ на представителей нечестія и безнравственности. Еще враждебнѣе относилось къ нимъ католическое духовенство: въ 1624 году архіепископъ парижскій запретилъ допускать актеровъ къ причастію и отпѣвать ихъ тѣла; такимъ образомъ они считались какъ бы отлученными отъ церкви. Только съ эпохи Ришелье правительство принимаетъ мѣры для обезпеченія актерамъ гражданской правоспособности; до этого времени имъ приходилось искать покровительства какого-нибудь могущественнаго вельможи который могъ бы защищать ихъ отъ притѣсненій.

Кочующія труппы по своему составу были обыкновенно очень немногочисленны и число актеровъ въ нихъ не превышало 12-ти. Но бывали труппы съ 5—6 исполнителями, которые кромѣ того должны были удовлетворять всѣмъ другимъ потребностямъ сцены, быть не только актерами, но и драматургами, декораторами, режисерами, кассирами, ламповщиками, такъ какъ обыкновенно для всѣхъ этихъ должностей не полагалось особыхъ лицъ и онѣ исполнялись самими артистами. Бытъ этихъ маленькихъ бродячихъ труппъ прекрасно изображенъ Скарономъ въ его „Комическомъ Романѣ“. Тамъ же изображены и тѣ невзгоды которыми была богата жизнь этихъ неунывающихъ служителей Музъ: недовѣріе общества и властей, преслѣдованія духовенства, бѣдность и униженіе. Нужно было имѣть большой запасъ природной безпечности и добродушія для того чтобы выносить такое существованіе. Очень часто актеровъ вовсе не допускали въ городъ во избѣжаніе отъ ихъ присутствія „скандала“ и „порчи нравовъ“; иногда давали разрѣшеніе высту на сценѣ и затѣмъ, по требованію духовенства, изгоняли изъ г да. Особенно тяжело было положеніе ихъ во время великаго п когда всѣ театральныя представленія были повсемѣстно с воспрещены и актеры такимъ образомъ вовсе лишались своего с наго заработка. Иногда запрещеніе распространялось и на р ственскій постъ. Незанятые постомъ актеры стекались толпа Парижъ гдѣ составлялись труппы, обсуждались предстоя

Digitized by Google

и заводились знакомства и связи. Парижъ игралъ такимъ образомъ такую же роль для французскаго театра, какую до сихъ поръ играетъ для русскаго Москва, въ которой также каждый годъ великимъ постомъ происходитъ съѣздъ артистовъ.

При нѣкоторыхъ бродячихъ труппахъ состояли собственные поэты и драматурги обязанные поставлять піесы для театра. Несмотря на ихъ важную роль эти бродячіе драматурги не пользовались первоначально привилегированнымъ положеніемъ среди своихъ товарищей; напротивъ того, актеры смотрѣли на нихъ обыкновенно свысока, приписывая всякій успѣхъ піесы своей игрѣ, а всякую неудачу сваливая на автора. Задача автора была особенно тяжела, потому что ему приходилось постоянно приспосабливать свои піесы къ наличному составу труппы и считаться съ разными случайными условіями. Піесы обыкновенно писались на спѣхъ и на заказъ и поэтому, конечно, не могли отличаться большими художественными достоинствами. Несмотря на все это именно изъ среды этихъ поставщиковъ драматическаго матеріала вышелъ человѣкъ, которому суждено было стать обновителемъ французской сцены, именно Арди (Hardy), непосредственный предшественникъ Корнеля. Авторъ уже раньше написавшій спеціальную монографію объ Арди чрезвычайно высоко ставитъ этого забытаго драматурга и приписываетъ ему весьма выдающуюся роль въ исторіи французскаго театра. Арди отличался изумительной плодовитостью: по собственному признанію онъ успѣлъ написать около 700 піесъ разнаго содержанія и разнаго характера: трагедій, комедій, пасторалей, фарсовъ и т. д. Не всѣ эти піесы, конечно, отличались большими достоинствами, но среди нихъ встрѣчаются нѣкоторыя обличающія его несомнѣнную талантливость; не должно забывать также что онъ въ своей области является иниціаторомъ приспособляя новую *класическую* трагедію для сцены; такимъ образомъ недостатки его произведеній, по мнѣнію Ригаля, объясняются не только обстоятельствами его жизни, но и новостью самого дѣла. До появленія Арди драматурги писавшіе въ класическомъ духѣ работали *не для сцены* и имѣли въ виду не массу зрителей, а лишь избранную публику. Эта гипотеза Ригаля жется намъ весьма вѣроятной, особенно если принять во внима- е характеръ первыхъ попытокъ класической трагедіи совершенно соотвѣтствовавшихъ вкусамъ и запросамъ невѣжественнаго боль- инства зрителей. Дѣйствительно, уже въ серединѣ XVI вѣка воз- каютъ во Франціи подъ вліяніемъ идей Возрожденія зачатки асическаго репертуара и появляется цѣлый рядъ авторовъ тающихся воскресить античную трагедію: Жакъ де-Латаль, Жо- . Гарнье, Филель и др. Ближайшимъ образцомъ для нихъ бы-

Digitized by Google

трагедія Сенеки, которому они старались подражать вплоть до самыхъ мелочей. Построенныя по этому *ложно*-класическому образцу піесы ихъ отличались риторическимъ характеромъ; драматическаго элемента въ нихъ почти не было; дѣйствіе цѣликомъ совершалось за сценой и о немъ зритель узнавалъ лишь изъ безконечныхъ монологовъ и діалоговъ выведенныхъ лицъ; часто эти діалоги носили характеръ отвлеченныхъ разсужденій, причемъ авторы старались блистать своей ерудиціей въ области древней исторіи и античной миѳологіи. Всѣ эти особенности піесъ класической школы, конечно, не могли доставить имъ широкой популярности; сами авторы отлично сознавали это и поэтому не отдавали своихъ піесъ професіональнымъ актерамъ, справедливо не довѣряя ихъ искусству, а ограничивались ихъ опубликованіемъ путемъ печати. Такимъ образомъ это были піесы для чтенія, а не сцены. Впрочемъ, иногда и онѣ ставились на сцену при дворѣ какого-нибудь принца или герцога, или же разыгрывались учениками въ колегіяхъ. Первымъ познакомившимъ большую публику съ новымъ репертуаромъ былъ Арди, котораго Ригаль называетъ „создателемъ новаго театра" проложившимъ дорогу Корнелю и его послѣдователямъ. Онъ сумѣлъ приспособить свои піесы къ требованіямъ сцены, сдѣлать ихъ занимательными для публики и такимъ образомъ успѣшно популяризовать новую драму.

Дѣятельность Арди начинается около 1593 года. Первоначально онъ странствовалъ вмѣстѣ съ одной бродячей труппой по провинціямъ Франціи, испытывая всѣ невзгоды зависимаго и необезпеченнаго положенія кочующаго драматурга. Поэтому онъ впослѣдствіи говорилъ о своей Музѣ: „ma pauvre Muse vagabonde et flottante sur un océan de misères". Въ 1599 онъ вмѣстѣ съ труппой Валерана прибылъ въ Парижъ и съ этого времени уже почти не покидалъ столицы, такъ какъ его труппа прочно основалась въ театрѣ „Hôtel de Bourgogne" и получила наименованіе „королевской труппы." Здѣсь онъ провелъ бо́льшую часть жизни не переставая поставлять все новыя и новыя піесы для театра. Наряду съ фарсами которыхъ требовали грубые вкусы публики онъ даетъ длинный рядъ трагедій написанныхъ въ класическомъ духѣ, но болѣе приспособленныхъ для сцены чѣмъ піесы его ученыхъ предшественниковъ. Постепенно публика н наетъ цѣнить эти трагедіи и такимъ образомъ къ концу жизни создается удобная почва для процвѣтанія французскаго клас скаго театра. Арди умеръ въ 1632 году, но уже въ 1629 г. Кор поставилъ на сцену свою первую трагедію „Mélite" съ которой чинается эпоха класическаго театра во Франціи. Теофиль де Ротру, Скюдери, Дюрваль и цѣлая масса другихъ драматур являются непосредственными преемниками и подражателями

Google

слѣдовавшими по стопамъ этого піонера новаго искусства проложившаго путь къ его торжеству. Ихъ положеніе уже значительно лучше чѣмъ положеніе ихъ предшественника, такъ какъ имъ уже не приходится бороться съ тѣми затрудненіями, съ которыми приходилось считаться Арди.

Въ Парижѣ Арди основался вмѣстѣ съ труппой Валерана въ театрѣ „Hôtel de Bourgogne". Ригаль подробно изслѣдуетъ исторію этого театра въ концѣ XVI и первой четверти XVII вѣка, такъ какъ за все это время онъ оставался единственнымъ театромъ въ Парижѣ; поэтому познакомившись съ организаціей этого театра мы получимъ полное представленіе о томъ, въ какомъ положеніи вообще находилось театральное дѣло въ до-класическую эпоху.

Театръ „Hôtel de Bourgogne" былъ основанъ въ серединѣ XVI вѣка и принадлежалъ на правахъ собственности парижскому „братству Страстей Господнихъ". Братство это состоявшее изъ представителей разныхъ городскихъ цеховъ исполняло на своей сценѣ традиціонныя мистеріи и фарсы. Но вкусы публики къ этому времени настолько измѣнились что старый репертуаръ и игра доморощенныхъ актеровъ уже мало удовлетворяли ее. Поэтому братство пользовавшееся исключительной привилегіей давать въ Парижѣ театральныя представленія сочло болѣе выгоднымъ для себя отдавать свой театръ въ наемъ професіональнымъ актерамъ, французскимъ и иностраннымъ. Впервые французская труппа является на парижской сценѣ въ 1578 году. Но вскорѣ наступаютъ для театра тяжелыя времена: въ эпоху торжества католической Лиги правительство по требованію духовенства совершенно запрещаетъ всякія театральныя представленія и изгоняетъ актеровъ изъ Парижа. Театръ возобновляетъ свою дѣятельность только со вступленіемъ на престолъ Генриха IV, который вмѣстѣ съ тѣмъ снова подтверждаетъ данныя „братству" привилегіи. Въ 1598 году братство сдаетъ свой театръ въ наймы труппѣ Валерана въ составъ которой входилъ и Арди и съ этого времени труппа эта пріобрѣтаетъ болѣе или менѣе прочную осѣдлость и получаетъ наименованіе королевской труппы. Опираясь на право давности труппа вступаетъ въ упорную борьбу съ „братствомъ" для того бы завладѣть театромъ, за пользованіе которымъ братство взило довольно крупную для того времени сумму въ 2.400 ливровъ. судъ обыкновенно рѣшалъ дѣло въ пользу братства принимая вниманіе его привилегіи и только въ 1677 году театръ былъ нчательно изъятъ изъ его вѣдѣнія и доходы съ него начали ступать въ пользу главнаго госпиталя. Въ 1629 г. труппа актеъ принца Оранскаго во главѣ которой стоялъ Ленуаръ основала й театръ, съ котораго братство въ силу своихъ привилегій

Digitized by Google

также взимало обильную дань. Въ этомъ театрѣ была сыграна „Мелита“ Корнеля который и впослѣдствіи отдавалъ сюда свои новыя піесы. Въ 1634 г. театръ былъ перенесенъ на другое мѣсто, гдѣ и основался окончательно. Такимъ образомъ создался знаменитый театръ au Marais игравшій такую выдающуюся роль въ класическую эпоху.

Но въ первой четверти XVII вѣка театръ „Hôtel de Bourgogne“ не имѣлъ конкурентовъ, если не считать случайныхъ иностранныхъ труппъ италіянскихъ и испанскихъ пользовавшихся, впрочемъ, вліятельнымъ покровительствомъ двора. Отвлекали также публику преимущественно низшихъ слоевъ балаганы во время Сенъ-Жерменской и Сенъ-Лоранской ярмарокъ, а также театръ маріонетокъ, представленія фокусниковъ, обезьянъ и т. д., противъ которыхъ привилегіи „братства“ были недѣйствительны. Положеніе труппы въ матеріальномъ отношеніи долгое время было незавидное. Большую часть доходовъ ея поглощали плата за наемъ театра, расходы по веденію процесовъ, ежегодная „благодарность“ судьямъ и начальству. Доходы были незначительны, такъ какъ плата за мѣста установленная полиціей была не высока: по тарифу 1620 года за мѣсто въ партерѣ (публика въ партерѣ стояла, стульевъ и скамеекъ не полагалось) взнималось пять су, за мѣсто въ ложахъ и на галереѣ 10 су. Цѣна эта повышалась весьма медленно, такъ что для поправленія матеріальныхъ обстоятельствъ труппа вынуждена была иногда совершать артистическія путешествія по провинціи. Кромѣ того многіе зрители выражали претензію на безплатный входъ: этимъ правомъ пользовались, напримѣръ, всѣ лица принадлежащія ко двору, лакеи сопровождавшіе своихъ господъ и многіе другіе. Представленія начинались рано, не позже двухъ часовъ дня; только въ концѣ царствованія Людовика XIV начало представленія было отсрочено до пяти часовъ. Афиши появляются въ Парижѣ уже въ началѣ XVII вѣка, между тѣмъ какъ въ провинціи еще продолжаетъ существовать прежній способъ привлеченія публики: одинъ изъ актеровъ одѣтый арлекиномъ ходитъ по улицамъ съ барабаномъ и громкимъ голосомъ восхваляетъ піесу и исполнителей употребляя такимъ образомъ довольно беззастѣнчивую рекламу.

Представленія происходили обыкновенно два раза въ недѣлю, средамъ и воскресеніямъ. Впрочемъ, нѣкоторыя піесы требовали своего исполненія нѣсколькихъ дней подъ рядъ: такова, напримѣ трагедія *Théagène et Cariclée* продолжавшаяся въ теченіе *вос* дней; другія піесы продолжались два, три дня, послѣ чего акте пользовались болѣе продолжительнымъ отдыхомъ. Представленіе чиналось *прологомъ*, комическимъ разказомъ въ родѣ знаменитыхъ

логовъ Коклена; обыкновенно разказъ этотъ произносился однимъ изъ артистовъ, Брюскамбилемъ, составившимъ себѣ громкую славу перваго разкащика. Затѣмъ слѣдовала главная піеса, трагедія или комедія, послѣ которой разыгрывался веселый фарсъ, и вечеръ заключался пѣніемъ спеціально сочиненныхъ для этого „пѣсенъ“ подобныхъ современнымъ шансонеткамъ. Эти „пѣсни“, такъ же какъ и фарсы и прологи, отличались крайней непристойностію содержанія. Поэтому порядочныя женщины не посѣщали театра; женскія роли точно также долгое время исполнялись мущинами. Публика собиравшаяся въ Hôtel de Bourgogne была самая разношерстная: купцы и ремесленники, студенты, пажи и лакеи, поэты и мошенники, все это образовывало нестройную и пеструю толпу которая вела себя во время представленія шумно и безъ всякаго стѣсненія. Въ одномъ изъ своихъ *прологовъ* Брюскамбиль горько жалуется на зрителей которые во время дѣйствія громко разговариваютъ, закусываютъ и ходятъ взадъ и впередъ по залѣ, за что онъ называетъ ихъ перипатетиками. Вмѣстѣ съ тѣмъ публика эта по отношенію къ актерамъ была весьма требовательна и нерѣдко выражала въ ощутительной формѣ свое недовольство бросая на сцену гнилыя яица, яблоки и т. п. Иногда дѣйствіе прерывалось неожиданнымъ скандаломъ: кто-нибудь изъ зрителей обнаруживалъ вдругъ у себя пропажу кошелька и поднималъ громкій крикъ и принимался искать вора, причемъ дѣло оканчивалось нерѣдко крупной потасовкой. Само собою разумѣется что вкусы такой публики должны были быть весьма грубыми и въ театръ собиралась она не столько ради серіознаго удовольствія доставляемаго трагедіей, сколько ради грубаго площаднаго фарса служившаго для нея главною приманкой. Поэтому въ началѣ XVII вѣка всѣ актеры пользовавшіеся извѣстностію и любовью публики были комиками: таковы три знаменитости театра Hôtel de Bourgogne: Гро-Гильомъ, Готье Гаргвиль и Тирлипенъ, слава которыхъ въ качествѣ неподражаемыхъ „фарсеровъ“ долго сохранялась еще въ потомствѣ.

Фарсы разыгрываемые актерами Hôtel de Bourgogne преемственно развились изъ средневѣковыхъ фарсовъ: такимъ образомъ на сценѣ о нѣкоторой степени продолжались старыя традиціи. Только очень ѣдленно вкусы публики склонялись на сторону новой трагедіи; вмѣстѣ ъ этой перемѣной начали появляться и талантливые трагическіе ртисты, какъ напримѣръ, Бельрозъ впервые выступившій на парижской сценѣ въ 1628 году. Въ слѣдующемъ году былъ основанъ еатръ au Marais на которомъ выдѣлился другой трагикъ, Ле-Нуаръ. я трагическихъ ролей артисты усвоили себѣ особенную пѣвучую ламацію, еще до сихъ поръ въ нѣсколько смягченномъ видѣ го-

сподствующую на французской сценѣ. Нерѣдко при этомъ они надѣвали маски подобно актерамъ древне-греческаго театра.

Что касается декоративной системы, то она, по мнѣнію Ригаля, сыграла весьма существенную роль въ исторіи всей французской драмы вообще. Въ эпоху Арди на сценѣ еще господствовала средневѣковая декоративная система: на сценѣ помѣщались всѣ декораціи относящіяся къ дѣйствію трагедіи, такъ что зрители имѣли передъ своими глазами *одновременно* и внутренность комнаты, и портикъ дворца, и садъ, и морской берегъ. По мѣрѣ надобности актеры переходили изъ одного мѣста въ другое, и сообразно этимъ переходамъ перемѣнялось самое мѣсто дѣйствія. Такая система предоставляла автору большую свободу въ обработкѣ своего сюжета, такъ какъ не связывала его ученіемъ о единствѣ мѣста котораго придерживались позднѣйшіе трагики. Такимъ образомъ пресловутое ученіе о трехъ единствахъ въ эпоху Арди еще не стѣсняло свободы творчества. Арди, напримѣръ, не затруднялся переносить дѣйствія изъ Египта въ Римъ, а изъ Рима въ Эрфуртъ (въ трагедіи *Elmire*). Точно также дѣйствіе его трагедій растягивалось иногда на нѣсколько лѣтъ, между тѣмъ какъ по требованію псевдо-класической теоріи оно не должно было занимать болѣе 24 часовъ времени. Въ этихъ отступленіяхъ отъ теоріи Ригаль видитъ не столько вліяніе свободной испанской драмы, сколько непосредственные слѣды традиціонной средне-вѣковой мистеріи передавшей новой трагедіи и свою декоративную систему. Первая трагедія написанная съ соблюденіемъ трехъ единствъ была „Софонизба“ Мэре, поставленная на сцену въ 1634 году въ театрѣ au Marais который сдѣлался вскорѣ главнымъ представителемъ ложно-класической трагедіи.

Двѣ новыя книги о Ницше.

Nietzsches Aesthetik. Iulius Zeitler. Leipzig, 1901.
Erinnerungen an Friedrich Nietzsche. Paul Deussen, Leipzig 1901.

Безъ всякаго сомнѣнія Ницше принадлежитъ къ числу наибо популярныхъ и наиболѣе вліятельныхъ мыслителей нашего врем Каковы бы ни были причины этого явленія и степень его ж тельности, но въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ неоспорим фактомъ, съ которымъ приходится такъ или иначе считаться Ницше уже теперь существуетъ цѣлая громадная литература, кругъ его имени создался цѣлый культъ, его идеи часто пре понятыя проникаютъ въ журналистику и въ большую публи-

Digitized by Google

новятся предметомъ горячихъ обсужденій. Однимъ словомъ, несчастный анахоретъ-философъ жаловавшійся нѣкогда на отсутствіе читателей и съ трудомъ находившій себѣ издателя для своихъ сочиненій оказался теперь наиболѣе извѣстнымъ, наиболѣе читаемымъ изъ современныхъ европейскихъ философовъ, съ громаднымъ кругомъ вліянія. Конечно, много въ этомъ увлеченіи объясняется вліяніемъ моды, но несомнѣнно также и то что въ философіи Ницше заключаются элементы отвѣчающіе общему настроенію переживаемой эпохи и что Ницше такимъ образомъ оказался гораздо болѣе „zeitgemäss“ чѣмъ онъ самъ предполагалъ.

Среди новыхъ книгъ посвященныхъ изученію Ницше обращаютъ на себя вниманіе сочиненія Цейтлера и Дейсена. Первое изъ нихъ посвящено эстетическимъ теоріямъ Ницше, второе знакомитъ насъ съ личностью философа и съ нѣкоторыми фактами его біографіи. Книга Цейтлера представляетъ тѣмъ большій интересъ что авторъ развиваетъ въ ней совершенно новый и оригинальный взглядъ на Ницше, пытается органически объяснить происхожденіе его философскихъ теорій.

Цейтлеръ смотритъ на Ницше преимущественно какъ на эстетика и художника и находитъ что именно въ этой области лежитъ ключъ для его вѣрнаго пониманія. По его мнѣнію, Ницше вовсе не былъ философомъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, не былъ также моралистомъ, а былъ прежде всего могучимъ геніальнымъ *художникомъ* смотрѣвшимъ на весь міръ исключительно съ эстетической точки зрѣнія. Поэтому эстетика находится въ основѣ всего его міросозерцанія, и художественный интересъ является руководящимъ принципомъ во всѣхъ его философскихъ построеніяхъ. Въ исторіи развитія эстетическихъ взглядовъ Ницше авторъ различаетъ три эпохи: первую изъ нихъ онъ называетъ этохой „метафизической эстетики“; она обнимаетъ собой время созданія его первыхъ произведеній: „*Происхожденія трагедіи*“ и „*Несвоевременныхъ размышленій*“. Въ теченіе этой эпохи Ницше всецѣло находился подъ вліяніемъ своихъ непосредственныхъ учителей, Шопенгауэра и Вагнера. Усвоивъ вполнѣ метафизическіе взгляды Шопенгауэра, онъ перенесъ ихъ и въ область эстетики. Шопенгауэръ, какъ извѣстно, смотрѣлъ на музыку какъ на адэкватное проявленіе воли къ существованію; такое же точно значеніе получаетъ въ глазахъ Ницше и *діонисійскій* элементъ древнегреческой трагедіи находящей свое выраженіе въ формѣ *хора*. Вмѣстѣ съ тѣмъ Ницше указываетъ на глубоко песимистическій характеръ греческой трагедіи рѣзко противорѣчащій общераспространенному взгляду на древнихъ Эллиновъ какъ на наиболѣе жизнерадостную и здоровую націю. Этотъ же мистическій діонисійскій

Digitized by Google

элементъ, по мнѣнію Ницше, нашелъ себѣ въ наши дни выраженіе въ созданіяхъ Вагнера съ ихъ безотрадно-песимистическимъ содержаніемъ.

Вторую эпоху въ развитіи эстетическихъ взглядовъ Ницше наступающую около 1876 года Цейтлеръ называетъ эпохой *критической*, такъ какъ она представляетъ собой рѣшительную реакцію противъ преобладающихъ вліяній предшествовавшей эпохи. Къ этому времени относится созданіе такихъ произведеній какъ: „Menschliches, Allzumenschliches“ (1878—80) и „Morgenröte“ (1881), которыя Цейтлеръ считаетъ наиболѣе выдающимися и оригинальными изъ всѣхъ произведеній Ницше, наперекоръ взгляду самого философа и установившемуся мнѣнію. Въ эту эпоху наибольшею симпатіей Ницше пользуется класическое искусство, высшимъ представителемъ котораго въ XIX вѣкѣ является Гете. Вмѣстѣ съ тѣмъ художественный идеалъ становится для Ницше и жизненнымъ идеаломъ: человѣкъ долженъ стремиться къ тому чтобы придать самой жизни эстетическую форму и создать такимъ образомъ высшій видъ искусства, „искусство жизни“ (Lebenskunst). Но это искусство подобно всякому другому доступно далеко не всѣмъ въ одинаковой мѣрѣ, а только избранному меньшинству. „Культъ геніевъ“ проходящій черезъ всю дѣятельность Ницше въ значительной степени зависитъ отъ преобладанія въ немъ эстетическихъ интересовъ. „Геній“ является для него прежде всего какъ художникъ, какъ избранная натура стоящая неизмѣримо выше толпы. Такъ смотрѣли на художника прежніе романтики и этотъ же взглядъ усвоилъ себѣ и Ницше. Въ книгѣ Цейтлера цѣлая глава посвящена разсмотрѣнію отношенія Ницше къ романтизму; авторъ указываетъ въ ней цѣлый рядъ точекъ соприкосновенія между философомъ и романтиками, при чемъ во многихъ отношеніяхъ взгляды ихъ почти совпадаютъ. Это происходило конечно не столько отъ прямаго вліянія, сколько отъ аналогичности въ общемъ настроеніи, сближающемъ Ницше съ литературными дѣятелями эпохи романтизма. Съ этой точки зрѣнія идеалъ „сверхъ-человѣка“ является лишь наиболѣе полнымъ выраженіемъ романтическаго культа личности, и Заратустра Ницше подаетъ такимъ образомъ руку героямъ Байрона.

Эпоху созданія „Заратустры“ Цейтлеръ опредѣляетъ какъ эп физіологической эстетики. Значеніе искусства въ эту эпоху опре ляется тѣмъ, насколько оно содѣйствуетъ процвѣтанію и украше жизни. Искусство, по мнѣнію Ницше, имѣетъ созидательную зад и въ этомъ лишь заключается смыслъ его существованія; что касается до „искусства для искусства“, то эту формулу Ницше зываетъ безсмысленной и „декадентской“. Искусство должно слу

Digitized by Google

стимуломъ въ дѣлѣ созданія сверхъ-человѣка, рисуя яркими красками этотъ грядущій идеалъ. Поэтому искусство должно быть жизнерадостно, здорово, проникнуто бодростью и силой: дряхлое, песимистическое искусство вносящее въ человѣческую душу разладъ и страданіе не имѣетъ права на существованіе, такъ какъ, по мнѣнію Ницше, оно могло родиться лишь на патологической почвѣ, а все патологическое, болѣзненное должно быть искоренено во имя торжества здоровой жизни.

Не смотря на то что по своимъ основнымъ руководящимъ идеямъ эта заключительная эпоха дѣятельности Ницше тѣсно примыкаетъ къ предшествующей, Цейтлеръ считаетъ ее эпохой упадка приведшаго Ницше къ роковой катастрофѣ. Онъ признаетъ высокое *художественное* значеніе „Заратустры“ какъ поэтическаго произведенія, но находитъ въ его содержаніи ясно выраженные слѣды начинающагося душевнаго недуга. Точно также смотритъ онъ и на остальныя произведенія этого періода которыя онъ ставитъ гораздо ниже произведеній предшествующей эпохи. Едва ли однако можно согласиться со взглядомъ автора, будто наиболѣе самостоятельнымъ и оригинальнымъ мыслителемъ Ницше является именно во вторую эпоху: во всякомъ случаѣ, Цейтлеру не удалось доказать своего смѣлаго взгляда и опровергнуть общераспространенное мнѣніе видящее въ Ницше прежде всего творца „Заратустры“.

Столь же бездоказательнымъ является и другая парадоксальная мысль автора, будто интересъ къ вопросамъ нравственности не имѣлъ въ глазахъ Ницше самостоятельнаго значенія и отступалъ на второй планъ передъ интересомъ эстетическимъ. Не смотря однако на эти односторонности, книга Цейтлера имѣетъ весьма существенное значеніе для полнаго знакомства съ философіей Ницше котораго до сихъ поръ знаютъ почти исключительно какъ моралиста, не обращая вниманія на другія стороны его дѣятельности.

Профессоръ Дейсенъ, извѣстный изслѣдователь древне-индійской философіи, обнародовалъ недавно весьма интересныя воспоминанія о Ницше съ которымъ его связывала многолѣтняя дружба. Дружба эта началась еще на школьной скамьѣ въ гимназіи Пфорты, куда Ницше поступилъ въ 1858 году. Уже здѣсь Ницше выдѣлялся среди своихъ товарищей своей ранней серіозностью и своей любовію къ уединенію препятствовавшей ему сближаться со своими сверстниками. Однако, его вовсе нельзя было назвать нелюдимымъ: уже въ раннемъ возрастѣ онъ охотно вращался въ аристократическихъ кругахъ своего роднаго города (Geheimrats Kreisen, по выраженію Дейсена) и пріобрѣлъ тамъ свободную простоту обращенія отличавшую его въ теченіе всей жизни. Но шумная школьная толпа

Digitized by Google

отталкивала его, и онъ сблизился только съ двумя изъ своихъ товарищей, однимъ изъ которыхъ былъ Дейсенъ. Почвою для ихъ сближенія были ихъ общіе интересы и симпатіи, литературные и эстетическіе, такъ же какъ и ихъ болѣе широкое развитіе выдѣлявшее ихъ среди другихъ сверстниковъ. Дейсенъ съ любовію вспоминаетъ о далекихъ прогулкахъ, которыя они совершали вмѣстѣ съ Ницше и во время которыхъ вели безконечные разговоры обо всемъ что наполняло и волновало ихъ юные умы. Религія и философія, поэзія и музыка давали неистощимую пищу для ихъ бесѣдъ. Дейсенъ откровенно сознается что по отношенію къ нему Ницше уже тогда игралъ роль руководителя которому онъ подчинялся невольно заимствуя его взгляды и мнѣнія.

Учился Ницше прекрасно и уже въ гимназіи поражалъ своими познаніями въ области древней и нѣмецкой литературы; но за то математика совершенно не давалась ему и онъ даже на выпускномъ экзаменѣ получилъ за письменную работу по математикѣ неудовлетворительную отмѣтку. Въ искусствѣ онъ болѣе всего любилъ музыку и много ею занимался, даже самъ компонировалъ для рояли. Также еще въ гимназіи онъ началъ писать стихи, и Дейсенъ жалѣетъ что у него не сохранилась подаренная ему Ницше тетрадь стихотвореній, среди которыхъ было нѣсколько весьма удачныхъ піесъ. Болѣе всего привлекала будущаго философа во время его пребыванія во Пфортѣ класическая древность, духомъ которой Ницше всецѣло проникся. Отъ абитуріентовъ требовалось представленіе самостоятельной научной работы на латинскомъ языкѣ: Ницше выбралъ темой для этой работы мегарскаго философа Теогниса, міросозерцаніе котораго проникнуто ясно выраженными аристократическими тенденціями: для Теогниса моральныя понятія хорошаго и дурнаго совпадаютъ съ соціальнымъ раздѣленіемъ аристократическаго и плебейскаго. Теогнисъ является ожесточеннымъ бойцомъ противъ торжествующей демократіи и, быть-можетъ, именно съ этой стороны заинтересовалъ собою Ницше. Такимъ образомъ уже самый выборъ темы для школьной работы представляется весьма характернымъ для юнаго автора.

Осенью 1864 года Ницше вмѣстѣ съ Дейсеномъ покинули гимназическую скамью благополучно сдавъ экзамены зрѣлости. Дейсенъ воспользовался приглашеніемъ своего друга и провелъ осеннія каникулы въ Наумбургѣ гдѣ жила его семья. Отца Ницше давно уже не было въ живыхъ и вся семья его состояла лишь изъ его матери и молоденькой сестры. Мать его Дейсенъ описываетъ веселой, жизнерадостной и остроумной женщиной сравнивая ее по общему характеру съ знаменитой Frau Aja, матерью Гете. Она

Digitized by Google

надолго пережила своего несчастнаго сына и въ теченіе многихъ лѣтъ ухаживала за нимъ во время его болѣзни, такъ же какъ и его сестра ставшая впослѣдствіи и его первымъ біографомъ. По окончаніи вакацій Ницше вмѣстѣ съ Дейсеномъ поступили въ Бонскій университетъ на теологическій факультетъ; но богословскія науки не на долго привлекли ихъ къ себѣ и въ томъ же году оба друга перешли на философскій факультетъ, гдѣ занялись преимущественно класической филологіей преподаваемой такими выдающимися знатоками какъ Янъ, Шаршмидтъ и Ритшль.

Что касается до образа жизни Ницше въ Бонѣ, то Ницше попрежнему держался въ сторонѣ отъ шумныхъ студенческихъ кружковъ съ ихъ кутежами, дуэлями и грубыми увеселеніями. Хотя онъ и вступилъ въ корпорацію франконцевъ и даже дрался однажды на дуэли, но образъ жизни разгульныхъ буршей не могъ надолго привлечь его къ себѣ. У Ницше совсѣмъ не было esprit de corps и поэтому онъ и во время своего пребыванія въ университетѣ держался въ сторонѣ отъ своихъ товарищей сходясь лишь съ немногими изъ нихъ на почвѣ серіозныхъ научныхъ интересовъ. Въ свою очередь и университетскіе товарищи чувствовали по отношенію къ нему невольное отчужденіе и склонны были видѣть въ тихомъ, близорукомъ юношѣ настоящаго филистера нисколько не предугадывая его будущаго значенія. Помимо своихъ филологическихъ занятій Ницше продолжалъ усердно и занятія музыкой и ревностно посѣщалъ вмѣстѣ со своимъ другомъ театръ отдыхая на произведеніяхъ искусства отъ тяжелаго умственнаго напряженія. Въ это время, по словамъ Дейсена, еще вовсе нельзя было предвидѣть того философскаго поворота, который впослѣдствіи совершился въ Ницше; онъ еще не былъ знакомъ съ Шопенгауэромъ давшимъ первый толчекъ къ этому повороту и даже сравнительно мало интересовался философіей всецѣло отдаваясь изученію класической древности. Изъ професоровъ онъ ближе всего сошелся съ Ритшлемъ, и когда этотъ ученый перешелъ въ Лейпцигъ, Ницше послѣдовалъ за нимъ и такимъ образомъ надолго разстался съ Дейсеномъ. Но сношенія ихъ не прекратились вмѣстѣ съ разлукой и продолжались путемъ довольно оживленной переписки. Часть писемъ Ницше уцѣлѣла у Дейсена и онъ приводитъ ихъ дословно въ своихъ воспоминаніяхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ представляютъ весьма значительный интересъ, такъ какъ въ нихъ разсѣяны намеки на тѣ взгляды и идеи, которые были развиты имъ впослѣдствіи. Впрочемъ, въ первыхъ своихъ письмахъ Ницше является еще исключительно филологомъ, сообщаетъ о своихъ работахъ надъ классиками и уговариваетъ своего друга не покидать филологическихъ наукъ. Поворотъ въ сторону философіи

Digitized by Google

совершился у Ницше лишь подъ вліяніемъ знакомства съ произведеніями Шопенгауэра происшедшаго въ 1867 году. Въ своихъ письмахъ къ Дейсену онъ съ восторгомъ отзывается объ этомъ философѣ и настоятельно совѣтуетъ ему познакомиться съ нимъ. Въ Шопенгауэрѣ Ницше видѣлъ „героя мысли“, могучаго борца противъ своего времени, мыслителя построившаго новую систему метафизики на мѣстѣ разчищенномъ Кантомъ. Дейсенъ познакомившись съ произведеніями Шопенгауэра также увлекся имъ даже въ еще болѣе сильной степени чѣмъ Ницше: онъ навсегда остался вѣрнымъ ученикомъ франкфуртскаго мыслителя, между тѣмъ какъ Ницше впослѣдствіи совершенно освободился отъ его вліянія и поставилъ цѣлію своей дѣятельности борьбу противъ его песимизма. На предложеніе Дейсена написать апологію Шопенгауэра въ защиту его отъ нападокъ противниковъ Ницше отвѣчалъ отказомъ на томъ основаніи что философская система Шопенгауэра представляетъ собой продуктъ всей его личности и что основные принципы ея не могутъ быть ни доказаны, ни отвергнуты пугемъ чисто отвлеченнаго разсужденія. „Никакое міросозерцаніе не создается и не разрушается одною логической работой ума“, пишетъ Ницше въ одномъ изъ первыхъ писемъ къ своему другу. Впослѣдствіи эта мысль получаетъ у Ницше свое дальнѣйшее развитіе: всякая философія, по его мнѣнію, есть самооткровеніе *личности* мыслителя и менѣе всего зависитъ отъ чисто-объективнаго стремленія къ познанію. Такимъ образомъ уже въ 60-хъ годахъ Ницше отрицательно относился къ одностороннему раціонализму довѣряющему лишь силѣ логическихъ доводовъ: отсюда крайняя субъективность его собственныхъ философскихъ взглядовъ, отсутствіе въ нихъ систематичности и обиліе логическихъ противорѣчій.

Занятія философіей нѣсколько охладили у Ницше его увлеченіе филологіей. Въ одномъ изъ ближайшихъ писемъ онъ называетъ ее „старческой наукой“ (senile Wissenschaft) и полагаетъ что у нея уже нѣтъ будущаго, что она обречена на гибель. Вѣроятно, къ такому взгляду привело Ницше сухое буквоѣдство многихъ профессоровъ-филологовъ, которое рѣзко противорѣчило всѣмъ требованіямъ его собственной натуры. Тѣмъ не менѣе, когда Базельскій университетъ предложилъ ему въ 1869 году занять каѳедру класической филологіи, Ницше тотчасъ принялъ приглашеніе и ревностно предался своей новой дѣятельности. Первый прочитанный имъ курсъ былъ посвященъ греческой лирикѣ и объясненію нѣкоторыхъ діалоговъ Платона. Въ началѣ своего пребыванія въ Базелѣ Ницше былъ очень доволенъ своей дѣятельностію и тонъ его первыхъ писемъ оттуда ясно свидѣтельствуетъ о его бодромъ и спокойномъ настрое-

Digitized by Google

ніи. Въ этотъ періодъ жизни Ницше сблизился съ Буркхардомъ, Роде и Рихардомъ Вагнеромъ, о которомъ онъ пишетъ Дейсену въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ. Когда возгорѣлась война 1870 года, Ницше принявшій при переѣздѣ въ Базель швейцарское подданство предложилъ свои услуги въ качествѣ „брата милосердія"; но ему недолго пришлось дѣйствовать на поприщѣ человѣколюбія, такъ какъ вскорѣ послѣ своего прибытія въ лазаретъ онъ опасно заболѣлъ и долженъ былъ вернуться къ обычнымъ занятіямъ. Дейсенъ думаетъ что эта именно болѣзнь положила основаніе позднѣйшему недомоганію Ницше преждевременно истощившему его отъ природы некрѣпкій организмъ.

Бодрое настроеніе отличавшее Ницше въ первое время его пребыванія въ Базелѣ продержалось недолго. Его первая крупная работа „Происхожденіе трагедіи" была встрѣчена со стороны цеховыхъ филологовъ недоумѣніемъ и насмѣшками, критики увидѣли въ ней слишкомъ много философіи и слишкомъ мало филологической эрудиціи, подъ которой преимущественно подразумѣвалось безконечное нанизываніе сухихъ цитатъ изъ первоисточниковъ. Между тѣмъ въ своемъ „Происхожденіи трагедіи" Ницше задавался чисто-философской цѣлію доказать присутствіе въ древне-греческомъ искусствѣ двухъ основныхъ элементовъ: смутнаго и загадочнаго *діонисійскаго*, и свѣтлаго, жизнерадостнаго *аполлоновскаго*; въ этихъ элементахъ трагедіи, по мнѣнію Ницше, нашли себѣ выраженіе обѣ коренныя формы объективаціи міровой основы: міръ какъ воля и міръ какъ представленіе. Такимъ образомъ въ эту эпоху Ницше еще всецѣло находился подъ вліяніемъ Шопенгауэра, причемъ эта зависимость была еще осложнена вліяніемъ Вагнера въ которомъ Ницше видѣлъ „перваго генія нашего времени".

Дурной пріемъ встрѣченный произведеніемъ Ницше чрезвычайно огорчилъ автора. Въ письмахъ къ Дейсену онъ жалуется на встрѣченное отовсюду непониманіе и на свое моральное одиночество. Къ этому присоединялось еще громадное самолюбіе Ницше оскорбленное встрѣченнымъ невниманіемъ. Онъ чувствовалъ себя борцомъ противъ своего времени и въ своихъ „Несвоевременныхъ размышленіяхъ" отважно бросилъ перчатку всему тому что составляло сущность культурной жизни эпохи. При такихъ обстоятельствахъ неудивительно что професорская карьера не могла надолго удержать его и онъ въ 1879 году покинулъ Базель для того чтобы на свободѣ работать надъ своими философскими произведеніями. Между тѣмъ Дейсенъ надолго потерялъ изъ вида своего друга проведя нѣсколько лѣтъ въ Южной Россіи въ качествѣ воспитателя, а затѣмъ поселившись въ Берлинѣ, гдѣ онъ занимался изученіемъ индій-

Digitized by Google

ской философіи, привлеченный къ ней примѣромъ Шопенгауэра. Свидѣться обоимъ друзьямъ удалось лишь въ 1887 году, когда Дейсенъ посѣтилъ Энгадинъ, гдѣ въ Сильсъ-Маріи проводилъ лѣтніе мѣсяцы Ницше переселяясь на зиму на Ривьеру. Уже тогда Ницше производилъ впечатлѣніе больнаго человѣка: онъ постарѣлъ и осунулся и на губахъ его блуждала страдальческая улыбка. Жизнь его проходила почти въ полномъ одиночествѣ. Обиталищемъ ему служила простая крестьянская изба, въ которой онъ занималъ одну комнату. Весь годовой доходъ не превышалъ трехъ тысячъ франковъ, такъ что ему приходилось отказывать себѣ въ привычномъ комфортѣ. Занимался онъ попрежнему очень много, хотя жестокія головныя боли и связанная съ ними болѣзнь глазъ часто на цѣлыя недѣли дѣлали его неспособнымъ къ занятіямъ. Ницше чрезвычайно обрадовался пріѣзду своего друга, водилъ его на свои любимыя мѣста въ горахъ, гдѣ онъ привыкъ обдумывать свои произведенія, и оказывалъ ему всяческіе знаки любви и вниманія. При разставаніи онъ не могъ скрыть мучившихъ его тяжелыхъ предчувствій и невольно прослезился, чего раньше съ нимъ никогда не бывало. И дѣйствительно въ началѣ 1889 года его въ безсознательномъ состояніи подняли на улицахъ Турина, и съ тѣхъ поръ разсудокъ его уже болѣе не прояснялся. Въ томъ же году Дейсенъ снова посѣтилъ несчастнаго друга въ его родномъ городѣ, гдѣ онъ жилъ окруженный любовнымъ попеченіемъ матери и сестры. Ницше не узналъ уже товарища своего дѣтства, хотя дружелюбно подалъ ему руку. Между прочимъ Дейсенъ навелъ разговоръ на Шопенгауэра, но Ницше ограничился тѣмъ что произнесъ такимъ тономъ словно онъ повѣрялъ важную истину: „Артуръ Шопенгауэръ родился въ Данцигѣ"; больше онъ ничего не могъ о немъ вспомнить. Когда Дейсенъ началъ разказывать объ Испаніи, гдѣ онъ прожилъ нѣкоторое время, Ницше воскликнулъ: „Испанія! да вѣдь тамъ былъ нашъ Дейсенъ!" но когда послѣдній замѣтилъ что онъ и есть самъ Дейсенъ, то несчастный философъ тупо посмотрѣлъ на него и ничего не сказалъ. Очевидно, въ головѣ его еще оставались обрывки разныхъ воспоминаній, но онъ уже не былъ въ состояніи связать эти воспоминанія съ наличнымъ образомъ живаго человѣка: онъ помнилъ что у него былъ другъ Дейсенъ, но уже не узнавалъ его. По цѣлымъ днямъ Ницше сидѣлъ на терасѣ дома погруженный въ равнодушное созерцаніе иногда впрочемъ онъ говорилъ самъ съ собой, но въ словахъ не было никакого смысла и послѣдовательности. Въ 1897 г. умерла его мать; тогда сестра его всецѣло взяла его на свое попеченіе перевезла въ Веймаръ, гдѣ онъ и жилъ окруженный самымъ заботливымъ уходомъ въ домѣ спеціально построенномъ для „ар-

Digitized by Google

Ницше", въ которомъ было старательно собрано все что имѣло какое-либо отношеніе къ жизни и дѣятельности философа: его рукописи, книги, письма, портреты, вещи и т. д. Здѣсь же онъ и скончался въ августѣ прошлаго года ни разу не придя въ себя и не будучи въ состояніи насладиться славой, которой онъ тщетно добивался въ теченіе всей жизни и которая осѣнила его только тогда, когда онъ сталъ моральнымъ трупомъ.

Успѣхи военной техники и идея разоруженія.

Werden die Fortschritte in der Waffentechnik die Kriege verschwinden lassen oder seltener machen? Von einem alten Offizier. *(Deutsche Revue,* juli, 1901).

За послѣдніе годы часто высказывалось мнѣніе, будто лучшимъ обезпеченіемъ мирныхъ отношеній между различными народами могутъ служить успѣхи въ техникѣ военнаго дѣла. Защитники этой идеи, указывая на то что нравственные и гуманитарные принципы оказались безсильными въ дѣлѣ поддержки всеобщаго мира, утверждаютъ въ то же время будто только страхъ передъ потерею многихъ тысячъ человѣческихъ жизней сможетъ впредь удерживать правительства отъ объявленія войны. Поэтому, говорятъ они, чѣмъ болѣе будетъ усовершенствовано оружіе, тѣмъ меньше шансовъ на то чтобы люди рѣшились воевать. Авторъ настоящей статьи опровергаетъ это положеніе на основаніи статистическихъ данныхъ о потеряхъ понесенныхъ обѣими воюющими сторонами въ наиболѣе значительныхъ сраженіяхъ за послѣдніе два вѣка.

Такъ, въ войнахъ которыя велись Фридрихомъ Великимъ самыми кровопролитными сраженіями считаются битвы при Цорндорфѣ и Куннерсдорфѣ, гдѣ потери исчисляются въ 43 на сто человѣкъ съ обѣихъ сторонъ. Въ Наполеоновскихъ войнахъ самымъ кровопролитнымъ сраженіемъ является битва при Асперне, гдѣ пало съ обѣихъ сторонъ 38 процентовъ въ общей сложности. Затѣмъ слѣдуетъ Бородино съ 25 процентами, Эйлау и Ватерлоо съ 24 процентами, Лейпцигъ и Инкерманъ съ 21 процентомъ. Въ послѣдней Франко-Прусской войнѣ самымъ кровопролитнымъ сраженіемъ является битва при Марсъ-ля-Турѣ, гдѣ потери исчисляются въ 16 процентовъ съ обѣихъ сторонъ въ общей сложности, затѣмъ слѣдуютъ: Вёртъ съ 13½ процентами потери, Седанъ съ 12-ю и Гравелотъ съ 8-ю.

Цифры эти показываютъ постоянное уменьшеніе кровопролитности войнъ, при томъ идущее почти параллельно съ усовершенствованіями въ техникѣ военнаго дѣла. Причину этого явленія на первый

Digitized by Google

взглядъ непонятнаго авторъ статьи видитъ въ коренномъ преобразованіи нѣкоторыхъ пріемовъ тактики. Во времена Фридриха Великаго войска прежде чѣмъ открыть огонь сходились насколько возможно ближе, на разстояніе двухсотъ, ста шаговъ и зачастую даже еще меньше. Фридрихъ II требовалъ отъ своихъ войскъ чтобъ они въ двадцати шагахъ отъ непріятеля „посылали ему здоровый салютъ въ самый носъ“ и затѣмъ бросались въ штыки. Разумѣется, такой рукопашный бой независимо отъ совершенства оружія былъ очень кровопролитнымъ для обѣихъ сторонъ, и при такихъ условіяхъ отступленіе влекло за собой громадныя потери. При Наполеонѣ система тактики нѣсколько измѣнилась и перестрѣлка издали получила болѣе важное значеніе нежели прежде, но рукопашному бою все же отводилась въ сраженіяхъ видная роль. По мѣрѣ того какъ совершенствовалось огнестрѣльное оружіе, увеличивалось и разстояніе между двумя непріятельскими арміями въ большихъ сраженіяхъ. Теперь правило держаться по возможности внѣ области дѣйствія непріятельскихъ орудій сдѣлалось однимъ изъ основныхъ положеній военной науки.

Такимъ образомъ теперь наиболѣе значительныя потери въ сраженіи наступаютъ еще тогда, когда противники отдалены другъ отъ друга на значительномъ разстояніи. Поэтому естественно что убитыхъ и раненыхъ оказывается гораздо менѣе сравнительно съ тѣмъ, сколько ихъ бывало прежде. Тотъ изъ противниковъ, который идетъ впередъ несмотря на потери, настигаетъ другаго лишь послѣ того какъ тотъ лишился возможности оказывать упорное сопротивленіе. Въ тѣхъ же случаяхъ когда нападающій оказывается не въ силахъ продолжать движеніе впередъ, онъ имѣетъ возможность повернуть назадъ не подвергаясь тѣмъ потерямъ которыя прежде обыкновенно влекло за собой отступленіе.

На основаніи наблюденій надъ прошедшимъ и настоящимъ можно вывести съ достаточною степенью вѣроятности предположеніе относительно будущаго и сказать напередъ что усовершенствованія оружія не повлекутъ за собою увеличенія кровопролитности войнъ.

Въ данномъ случаѣ есть еще одно важное условіе. До сихъ поръ шла рѣчь только о тѣхъ потеряхъ, которыя обусловливаются губительнымъ дѣйствіемъ оружія. А между тѣмъ во всѣхъ почти войнахъ процентъ смертности отъ болѣзней среди войскъ значительно выше процента выбывшихъ изъ строя въ бою. Такъ напримѣръ, въ арміи Фридриха Великаго числилось за зиму 1757—58 года не менѣе 20 тысячъ человѣкъ лежащими по лазаретамъ. Въ Данцигѣ вымерли въ 1813 году отъ тифа двѣ трети французскаго гарнизона и одна треть мѣстнаго населенія, а въ Торгау съ 1-го сентября 1813 года по 13 января 1814 года та же болѣзнь унесла 29 тысячъ

Google

человѣкъ. Всего сильнѣе была смертность въ Крымскую компанію. Тутъ изъ 152-хъ тысячной французской арміи умерло отъ ранъ всего 16.230 человѣкъ, а 52 тысячи, то-есть, слишкомъ втрое больше погибло отъ заразныхъ болѣзней. У Англичанъ потери были еще больше. То же явленіе наблюдалось въ Италіянскую войну 1859 года. Еще въ Австро-Прусской войнѣ 1866 года изъ каждыхъ ста смертныхъ случаевъ 59 приходилось на долю инфекціонныхъ болѣзней. Война 1870 года представляетъ значительный шагъ къ лучшему: тутъ всего 28,95 процентовъ смертности приходится на долю заразныхъ болѣзней. Но что тотъ шагъ не былъ рѣшительнымъ доказываетъ теперешняя Южно-Африканская война, гдѣ именно особенно великъ процентъ смертности отъ болѣзней. Во всякомъ случаѣ вышесказанное приводитъ къ заключенію что потери на войнѣ главнымъ образомъ обусловливаются болѣзнями, противъ которыхъ человѣчество съ каждымъ годомъ научается успѣшнѣе бороться и потому все менѣе боится ихъ. Что же касается страха передъ усовершенствованными орудіями, то трудно надѣяться чтобы онъ положилъ въ будущемъ какія-либо преграды кровопролитію.

Песимизмъ Ибсена.

Le pessimisme d'Ibsen. Par Henri Lichtenberger. (*Revue de Paris*, 15 Août 1901).

Въ послѣднихъ драмахъ Ибсена отражается все болѣе песимистическое настроеніе автора. Означенная въ заголовкѣ настоящей замѣтки статья Лихтенбергера является попыткою выяснить отличительные признаки, а также опредѣлить границы этого песимизма.

Лихтенбергеръ различаетъ два вида песимизма: песимизмъ мистическій и песимизмъ реалистическій. Первый имѣетъ своею основою область чувства, состраданіе къ неизбѣжному злу удручающему человѣчество и культъ человѣческаго страданія. Будучи доведеннымъ до крайности онъ приводитъ къ атрофіи любви къ жизни, мистическому стремленію къ смерти и къ будійской нирванѣ. Это города песимизмъ внушилъ Шопенгауэру тѣ дивныя страницы, гдѣ идетъ рѣчь объ умерщвленіи эгоистическихъ стремленій у аскета отрѣшившагося отъ присущихъ человѣчеству илюзій, и звучитъ въ заключительной мелодіи Тристана и въ Парсифалѣ. Ницше съ безпощадною ясностію раскрылъ крайности и опасность этого песимизма. Состраданіе есть одно изъ высшихъ чувствъ человѣческой души, но оно не должно приводить къ боязни всякой скорби, потому что скорбь, будучи добровольно принята на себя человѣкомъ обладаетъ извѣстнымъ вели-

Digitized by Google

чіемъ, благородствомъ и красотою. Мы не имѣемъ права смотрѣть на нее какъ на зло само по себѣ и какъ на нѣчто подлежащее уничтоженію. Мы должны умѣть страдать сами, а поэтому умѣть выносить тотъ фактъ что страдаютъ другіе. Героизмъ не можетъ быть принесенъ въ жертву жалости. Отвращеніе къ жизни и мистическое стремленіе къ смерти являются, какъ справедливо замѣчаетъ Ницше, болѣзненнымъ признакомъ вырожденія и отсутствія жизненности. Любовь къ жизни, наоборотъ, является доказательствомъ душевнаго и физическаго здоровія.

Мистическій песимизмъ почти отсутствуетъ въ произведеніяхъ Ибсена. Изъ этого не слѣдуетъ что Ибсенъ былъ лишенъ чувства состраданія. Въ томъ, насколько оно развито у него, можно убѣдиться по разлирающей душу сценѣ, гдѣ изображены нравственныя страданія Бранда и Агнесы. Но въ то же время Ибсенъ умѣетъ цѣнить по достоинству и героизмъ. Именно *Брандъ* является поэмой героической воли, восторженной апологіей человѣка сильнаго, твердаго, который умѣетъ положить жизнь свою и своихъ близкихъ за свои убѣжденія. У норвежскаго драматурга нигдѣ нельзя найти оправданія отреченію отъ жизни или стремленію къ покою въ смерти. Всѣ любимые его герои, тѣ которые лучше всего воплощаютъ въ себѣ его идеалы, какъ напримѣръ Росмеръ, чужды всякаго аскетизма. Росмеръ является апостоломъ красоты и благородства; его девизъ: счастіе для всѣхъ созданное усиліями всего человѣчества. Ибсенъ мечтаетъ о высшемъ идеалѣ представляющемъ собою сочетаніе христіанскаго аскетизма и языческой радости жизнію, при которомъ человѣчество стремилось бы заодно къ благу и счастію. Вотъ почему созданіямъ Ибсена чуждо мистическое стремленіе къ покою небытія: они созданы для борьбы. Когда они бываютъ побѣждены, смерть является для нихъ прибѣжищемъ, они покоряются ей безъ сопротивленія, но не смотрятъ на нее какъ на желанное благо.

Въ полной противоположности песимизму мистическому находится песимизмъ реалистическій. Первый относится къ области чувства, второй къ области мысли. Первый имѣетъ свою основу въ душевномъ настроеніи, второй въ пониманіи окружающихъ явленій. Песимизмъ мистическій противополагается языческой радости жизни. Песимизмъ реалистическій противополагается идеалистическому оптимизму. Песимистъ считаетъ оптимистическія воззрѣнія на міръ и на людей либо за невольное заблужденіе близорукаго человѣка, либо за намѣренное ослѣпленіе человѣка сытаго желающаго убѣдить всѣхъ что все идетъ къ лучшему въ лучшемъ изъ міровъ, либо за трусость человѣка боящагося смотрѣть истинѣ прямо въ глаза. Реалистъ видитъ или убѣжденъ что видитъ дѣйствительность такъ какъ она

Digitized by Google

есть, то-есть, въ непривлекательномъ и печальномъ свѣтѣ. Люди взятые въ общемъ и въ отдѣльности кажутся ему некрасивою и грустною посредственностью.

Трудно опредѣлить въ точности благодѣтеленъ или вреденъ реалистическій песимизмъ, такъ разнообразны его выводы и воздѣйствія на жизнь. Вызывая въ человѣкѣ недовольство настоящимъ онъ является двигателемъ всякаго прогреса (всѣ великіе революціонеры болѣе или менѣе интелектуальные песимисты). Онъ же бываетъ причиной глухаго броженія подкапывающагося подъ устарѣлые общественные устои и производитъ самыя благодѣтельныя реформы наряду съ самыми безполезными переворотами. Въ крайнихъ своихъ проявленіяхъ, какъ у Ницше, онъ обращается въ чистѣйшій нигилизмъ считающій вселенную за продуктъ слѣпой необходимости, а исторію за кровавый и грубый нонсенсъ, признаетъ сомнительными такія общепризнанныя цѣнности какъ истина и добро и провозглашаетъ смерть Бога и безусловную тщету всякой надежды на будущую жизнь, всякой вѣры въ духовный идеалъ.

Ибсенъ несомнѣнно долженъ быть причисленъ къ категоріи песимистовъ-реалистовъ. Уже въ самыхъ первыхъ драмахъ своихъ онъ подвергаетъ безпощадному анализу пороки отдѣльныхъ людей и недостатки соціальнаго организма не давая пощады никому. Онъ обличаетъ испорченность устоевъ общества, сильныхъ міра сего, духовныхъ лицъ, политикановъ, какъ консерваторовъ, такъ и либераловъ, мелкихъ и крупныхъ буржуа и наконецъ само общество въ лицѣ пресловутаго большинства не умѣющаго отличить своихъ друзей отъ враговъ. Даже въ отношеніи лицъ наиболѣе ему симпатичныхъ Ибсенъ сохраняетъ полнѣйшее и безпощадное безпристрастіе, отмѣчая всѣ мелкія низменныя стороны ихъ природы. Такъ, поэтъ Фалькъ, будучи защитникомъ идеала, въ то же время остается у него безплоднымъ мечтателемъ неспособнымъ на самостоятельную дѣятельность. Брандъ доводящій свой героизмъ до почти недоступной человѣку высоты обладаетъ тѣмъ не менѣе душою черствою, закрытой для любви, и забываетъ что Богъ есть прежде всего Богъ милосердія. Самъ Росмеръ, самый чистый и благородный изъ героевъ Ибсена, является мечтателемъ удрученнымъ неизлечимой меланхоліей. Словомъ, жизнь уже въ первыхъ драмахъ Ибсена представляется какой трагедіей, гдѣ эгоистичныя бездарныя существа жестоко страдаютъ изъ-за безплоднаго и призрачнаго счастія, гдѣ даже лучшіе изъ людей заражаются общею испорченностію или дѣлаются жертвами роковой наслѣдственности, гдѣ самый идеализмъ приходитъ къ кротству, либо потому что идетъ по ложному пути, либо потому что нравственно безсиленъ дойти до цѣли.

Digitized by Google

Послѣднія драмы Ибсена повѣствуютъ съ возрастающею настойчивостью о постоянныхъ крушеніяхъ идеализма. Два вопроса особенно занимали Ибсена: вопросъ честолюбія и вопросъ искусства. Человѣкъ можетъ возвыситься надъ окружающею его посредственностію и собственнымъ эгоизмомъ двоякимъ путемъ: либо предпринимая великое дѣло способное обезпечить благополучіе большому количеству его ближнихъ, либо путемъ творчества въ искусствѣ. Можетъ ли онъ достичь этими путями счастія для себя и для другихъ и осуществить свой идеалъ добра? На этотъ вопросъ Ибсенъ даетъ отвѣтъ въ трехъ изъ своихъ драмъ отличающихся наибольшимъ песимизмомъ: въ *Боркманѣ* онъ показываетъ намъ господство честолюбія, въ *Солнэсѣ строителѣ* и въ *Когда мы мертвые пробуждаемся* банкротство художника и, быть-можетъ, самого искусства.

Іоганъ Габріэль Боркманъ не только простой эгоистъ, онъ идеалистъ мечтающій о томъ чтобъ овладѣть всѣмъ что̀ дастъ власть, всѣми богатствами земными, и сдѣлать изъ нихъ источникъ благодѣянія для многихъ тысячъ людей. Этому стремленію онъ жертвуетъ всѣмъ тѣмъ что̀ ему дорого, отказывается отъ любимой дѣвушки и путемъ подлога обманываетъ своихъ довѣрителей. Въ тотъ самый моментъ когда цѣль его почти достигнута, все рушится благодаря тому что подлогъ открытъ. Но и тутъ онъ не признаетъ себя побѣжденнымъ. Уже сидя въ тюрьмѣ онъ мечтаетъ о томъ чтобы снова вернуть себѣ все то что̀ утратилъ и сравниваетъ себя съ Наполеономъ котораго бы въ первой битвѣ искалѣчила пуля. Создавъ эту грандіозную фигуру Ибсенъ тѣмъ не менѣе съ безстрастною точностію обрисовываетъ ея недостатки. Честолюбіе Боркмана только прикрывалось мечтами объ общемъ благѣ, а на самомъ дѣлѣ имъ руководилъ одинъ черствый эгоизмъ. Даже увѣренности въ успѣхѣ свойственной крупнымъ честолюбцамъ у него не было. Онъ является лишь поддѣлкою подъ великаго человѣка, своего рода псевдо-Наполеономъ Но очень вѣроятно что въ глазахъ Ибсена даже настоящій Наполеонъ есть тотъ же Боркманъ которому повезло въ жизни. Такимъ образомъ драма Ибсена есть суровый приговоръ не только честолюбцамъ, но и самому честолюбію, такъ какъ въ ней обличается вся слабость и мелочность души того, кто признается людьми за великаго человѣка двигающаго судьбами народовъ.

Еще живѣе нежели вопросъ о честолюбіи занималъ Ибсена вопросъ объ искусствѣ. Одною изъ наиболѣе прочно установленныхъ нравственныхъ „цѣнностей“ особенно въ нѣмецкихъ и скандинавскихъ странахъ является цѣнность искусства и красоты. До сихъ поръ было принято думать что настоящій художникъ долженъ непремѣнно быть поборникомъ идеала и вожакомъ человѣчества на

пути прогреса. Ибсенъ давно уже усумнился въ истинѣ этой аксіомы. Еще въ молодости онъ избралъ поэта героемъ своей *Комедіи любви*. Въ послѣднихъ своихъ драмахъ онъ постоянно создаетъ новые варіанты типа художника. Изъ нихъ самыми выдающимися являются Солнэсъ въ піесѣ того же имени и Арнольдъ Рубэкъ въ *Когда мы мертвые пробуждаемся*. Въ томъ и другомъ Ибсенъ выдвигаетъ на первый планъ болѣе или менѣе безсознательный эгоизмъ, который царитъ въ душѣ жрецовъ идеала. Солнэсъ обязанный всѣмъ въ жизни только самому себѣ и своему громадному таланту отвергаетъ всякую религію, всякую вѣру въ будущую жизнь и рѣшаетъ посвятить всѣ свои силы тому чтобы скрасить людямъ существованіе. Въ то же время онъ является рабомъ своего чудовищнаго эгоизма и дѣлаетъ изъ своего *я* центръ вселенной. Благодаря вліянію Гильды видящей въ немъ сверхчеловѣка, его огромное честолюбіе приводитъ его къ безумію. Онъ хочетъ достичь недостижимаго построивъ такой замокъ котораго еще не было въ мірѣ. Замокъ выстроенъ и строитель по просьбѣ Гильды поднимается на верхнюю башню его чтобы возложить на нее вѣнокъ побѣды. Онъ помнитъ что подверженъ головокруженію и что его подъемъ на башню можетъ стоить ему жизни, но не знаетъ границъ своей самонадѣянности. Ему удается достичь верхушки башни и возложить вѣнокъ, но тутъ онъ теряетъ сознаніе и стремглавъ падаетъ внизъ. Это паденіе является словно символомъ его нравственной гибели; эгоизмъ и честолюбіе изсушили его геній, его стремленіе къ фантастическому и недостижимому является признакомъ неизлечимаго недуга. Вотъ почему у него нѣтъ увѣренности въ себѣ, его терзаетъ постоянный страхъ, какъ бы кто-нибудь не отнялъ у него первенства, и потому первая помѣха на его пути приводитъ его къ гибели.

Также печальна судьба скульптора Арнольда Рубэка. Подобно Солнэсу онъ мечтаетъ создать произведеніе единственное по красотѣ, статую дѣвушки, которая бы олицетворяла собою все что̀ есть на землѣ чистаго и благороднаго. Моделью ему служитъ молодая дѣвушка Ирэнъ, которая всецѣло посвящаетъ себя его идеѣ покинувъ для него родину и семью. Онъ беретъ изъ ея жертвы только то что̀ ему нужно, пользуясь ею какъ натурщицей, но холодно отказывается отъ ея любви, находя что земное чувство отвлекло бы его отъ его завѣтной цѣли, осквернило бы его душу. Когда статуя закончена, молодая дѣвушка уходитъ отъ него смертельно пораженная въ самое сердце его холоднымъ эгоизмомъ. „Я тебѣ дала“, говоритъ она, „душу молодую и живую, а сама осталась съ одною великою пустотою, безъ души“. Она чувствуетъ что жизнь ея разбита, что живая она находится въ области мертвыхъ. Но Рубэкъ тоже утратилъ то

что въ немъ было живаго. Ирэнъ съ ея любовью къ нему была истиннымъ источникомъ его вдохновенія. Утративъ ее, онъ утратилъ способность къ творчеству. На его долю выпадаетъ слава и богатство, но онъ не цѣнитъ ихъ и мечтаетъ объ одномъ только чтобы встрѣтить Ирэнъ. Они встрѣчаются наконецъ послѣ долгихъ скитаній. Онъ повѣряетъ ей мученія своей совѣсти, а она говоритъ ему о томъ отчаяніи, которое овладѣло ею при разлукѣ съ нимъ и довело ее почти до безумія. Обоими овладѣваетъ страстное сожалѣніе о томъ счастіи отъ котораго они раньше отказались. Ихъ настоящее живое и любящее *я*, которое они погребли въ тотъ день когда разстались, возрождается изъ пепла, они словно воскресаютъ изъ мертвыхъ и собираются начать новую жизнь. Но прошлое тяготѣетъ надъ ними и удручаетъ ихъ. „Любовь", говоритъ Ирэнъ, „созданная изъ красоты, чудесъ и тайны, эта любовь умерла въ насъ. Желаніе жить умерло во мнѣ, Арнольдъ". Въ отчаяніи они прибѣгаютъ къ послѣднему средству и хотятъ попробовать прожить сразу жизнь до дна прежде чѣмъ вернуться въ могилу. Несмотря на туманы и на бурю они идутъ навстрѣчу новому счастію все выше и выше къ вершинамъ горъ, до тѣхъ поръ пока налетающая на нихъ лавина не покрываетъ ихъ своимъ бѣлымъ саваномъ.

Драма *Когда мы мертвые пробуждаемся* является не столько исторіей одного отдѣльнаго художника, сколько трагедіей искусства вообще. Ибсенъ не ограничивается тѣмъ чтобы изобразить нравственное банкротство одного человѣка: подобно Ницше, онъ беретъся за переоцѣнку общепринятой цѣнности, объявляя что искусство чисто созерцательное есть на самомъ дѣлѣ вредная сила. Рубэкъ совершилъ великое преступленіе, онъ убилъ любовь въ себѣ и въ любимой женщинѣ. Онъ уничтожилъ свою и чужую душу ради того чтобы создать произведеніе искусства, и все же поступая такъ онъ только выполнилъ свое назначеніе и потому можетъ не безъ гордости отвѣтить на упреки Ирэнъ: „я художникъ и не краснѣю за слабости отъ которыхъ, можетъ-быть, никогда не въ силахъ буду отдѣлаться. Видишь ли, я родился художникомъ и что бы я ни дѣлалъ, я не буду ничѣмъ инымъ какъ художникомъ". Онъ повиновался въ данномъ случаѣ внутреннему голосу своей природы. Ирэнъ это понимаетъ и прощаетъ его бросая ему въ лицо слегка презрительное названіе „поэта". „Въ этомъ словѣ, мой другъ", говоритъ она, „заключается извиненіе и прощеніе набрасывающее покровъ на всякую слабость". Ирэнъ и себя обвиняетъ въ непростительной ошибкѣ. „Я", говоритъ она, „была человѣческимъ существомъ, у меня была впереди своя жизнь, своя доля. Я все покинула, это всего отказалась чтобы служить тебѣ. Это было самоубійство, пре-

Digitized by Google

ступленіе противъ себя самой. Я создана была чтобъ имѣть дѣтей, много дѣтей, настоящихъ, а не тѣхъ мраморныхъ дѣтей, которыя хранятся въ гробахъ. Это было мое призваніе, я никогда не должна была служить тебѣ, поэтъ".

Мысль Ибсена ясна: чистое искусство губитъ жизнь. Художникъ есть только эгоистъ въ высшей степени, эгоистъ тѣмъ болѣе опасный что онъ не сознаетъ своего эгоизма который представляется ему безкорыстнымъ стремленіемъ къ идеалу. Искусство и любовь суть двѣ враждебныя силы исключающія другъ друга. Примиримы ли онѣ или нѣтъ? Повидимому, Ибсенъ признаетъ примиреніе между искусствомъ и жизнью возможнымъ. Онъ ясно указываетъ на то что Рубэкъ никогда не былъ такимъ великимъ художникомъ, какъ въ тѣ счастливые дни, когда онъ любилъ Ирэнъ, и что съ концомъ его любви совпадаетъ также и упадокъ его творческой силы. Такимъ образомъ высшій принципъ искусства слѣдуетъ искать въ любви, а не только исключительно въ красотѣ внѣшней формы. Но этотъ идеалъ трудно осуществимъ. Солнэсъ и Рубэкъ всетаки увлечены своими природными стремленіями прочь отъ любви въ холодную область эгоизма.

Тяжелое впечатлѣніе безнадежности производятъ послѣднія драмы Ибсена. Міръ представляется ему царствомъ грѣха и смерти, нѣкотораго рода Іосафатовой долиной населенной призраками. Человѣкъ живъ только въ той мѣрѣ, въ какой оживляетъ и согрѣваетъ его внутреннее пламя любви. Но это пламя у большинства погашено холоднымъ дуновеніемъ эгоизма. При всемъ своемъ кажущемся безстрастіи, Ибсенъ любитъ и жалѣетъ этихъ живыхъ мертвецовъ и еще больше любитъ тѣхъ немногихъ настоящихъ живыхъ или воскресшихъ людей, которые бродятъ словно затерянные въ царствѣ тѣней. Но и для нихъ драматургъ не находитъ инаго облегченія кромѣ ухода изъ этой жизни, гдѣ имъ нѣтъ мѣста. И все же, несмотря на песимизмъ, которымъ проникнутъ Ибсенъ, было бы крайне несправедливо видѣть въ немъ человѣка отчаявшагося въ возможности добра на этомъ свѣтѣ, или нигилиста. Наоборотъ, его реалистическій песимизмъ уравновѣшивается съ другой стороны горячею вѣрою чисто идеалистическаго характера. Всѣ его произведенія проникнуты восторженнымъ религіознымъ чувствомъ, тѣмъ болѣе глубокимъ чѣмъ сдержаннѣе оно въ своихъ проявленіяхъ, и въ этомъ главная тайна ихъ обаянія на современниковъ.

Въ самомъ патетическомъ мѣстѣ одной изъ драмъ Ибсена, а именно въ *Брандѣ*, раздается голосъ свыше вѣщающій: „Богъ есть милосердіе". И дѣйствительно, любовь милосердная, а отнюдь не эгоистическая страсть, любовь дѣятельная и исполненная самоотверженія, вотъ, по мнѣнію Ибсена, источникъ настоящей жизни, насто-

Digitized by Google

ящаго счастія. Этою любовію проникнуты самые благородные изъ его героевъ: Штокманъ старающійся просвѣтить и вразумить своихъ согражданъ, Росмеръ несущій народу проповѣдь мира и радости, Альмерсъ и его жена Рита берущіе на себя, въ память маленькаго Эйольфа, трудную задачу воспитывать и обучать бѣдныхъ дѣтей. Для того чтобы жить настоящею жизнію, незачѣмъ возвышаться до любви ко всему человѣчеству; всякая безкорыстная и искренняя любовь находитъ себѣ сочувствіе у Ибсена, даже когда она проявляется въ самыхъ ничтожныхъ изъ его героевъ. Эта религія любви въ послѣднихъ драмахъ не тускнѣетъ и не блѣднѣетъ, а наоборотъ, горитъ все болѣе яркимъ свѣтомъ, по мѣрѣ того какъ великій поэтъ глубже погружается въ песимизмъ. Эта любовь является главною двигающею силою въ его послѣдней драмѣ *Когда мы мертвые пробуждаемся*. Жизнь украшенная любовію сотканною заодно изъ радости и самоотреченія, это царство Божіе на землѣ. Таковъ конечный выводъ къ которому приводитъ философія Ибсена и граница пресѣкающая дальнѣйшій путь его песимизму.

Существуетъ офортъ Макса Клингера, одного изъ наиболѣе извѣстныхъ германскихъ художниковъ: онъ изображаетъ человѣка одиноко стоящаго среди пустынной и голой равнины съ руками поднятыми кверху и глазами устремленными къ зарѣ поднимающейся вдали надъ горизонтомъ. Внизу картины стоятъ всего два слова: „Und doch", „и все же". Идею художника понять легко. Онъ хотѣлъ изобразить протестъ идеалиста противъ торжества смерти. Этотъ человѣкъ съ энергическимъ и скорбнымъ лицомъ знаетъ что скоро падетъ на пути и пустыня погребетъ его въ своихъ пескахъ. И все же онъ идетъ безстрашно, устремивъ взоръ къ неясной зарѣ алѣющей на небѣ, зарѣ которая взойдетъ уже не для него. Его исполненный страстію жестъ служитъ одновременно выраженіемъ и вызова и поклоненія: онъ бросаетъ вызовъ смерти; хотя она и торжествуетъ кругомъ, но ему видно впереди царство свѣта и онъ поклоняется исполненный надеждъ этой жизненной силѣ, зная что она вознесетъ его въ будущемъ высоко надъ смертію и зломъ. Таково и отношеніе ибсеновскаго идеализма къ вѣчной тайнѣ жизни. Какъ песимистъ, Ибсенъ съ неумолимою ясностію наблюдаетъ горе и скорбь, уродство и низость въ мірѣ обреченномъ на зло и смерть. Но оставаясь въ то же время оптимистомъ, онъ хранитъ непобѣдимую вѣру въ высшій міръ справедливости и милосердія и, быть-можетъ, (кто знаетъ) питаетъ тайную надежду на то что настанутъ для человѣчества лучшіе дни.

Digitized by Google

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Упраздненіе просвѣщенія.

Когда ровно годъ тому назадъ по поводу измѣненій въ преподаваніи латинскаго и греческаго языковъ въ нашихъ гимназіяхъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* (сентябрь 1900 г.) заведена была рѣчь о „разрушеніи класической гимназіи", выраженіе это вызвало фарисейское негодованіе всей нашей повседневной печати: о разрушеніи-де никто и не думаетъ, дѣло-де идетъ лишь о необходимыхъ улучшеніяхъ въ постановкѣ изученія класическихъ языковъ, гимназія-де остается попрежнему класической какъ наилучшій необходимый типъ средней школы.

Минулъ годъ, тяжелый годъ для нашего просвѣщенія, годъ ознаменованный дикими выходками учащейся молодежи повлекшими за собою безвременную кончину Н. П. Боголѣпова, который пройдя всѣ ступени неслужебныя и служебныя въ вѣдомствѣ Народнаго Просвѣщенія, любя молодежь, но не льстя ей, отличаясь непреклоннымъ характеромъ и имѣя твердо-опредѣленную програму, сумѣлъ бы разрѣшить возложенныя на него задачи въ интересахъ достоинства отечественнаго просвѣщенія. Но неожиданная смерть положила конецъ осторожной и стойкой дѣятельности покойнаго министра.

Со смертію Н. П. Боголѣпова повѣяло инымъ духомъ. Съ безпримѣрною въ нашей исторіи быстротою разрѣшенъ вопросъ о средней школѣ и поставленъ цѣлый рядъ вопросовъ о превращеніи высшей школы во что-то менѣе всего напоминающее школу. Каковы будутъ результаты тѣхъ временныхъ правилъ, которыя уже съ наступленіемъ учебнаго года должны найти свое примѣненіе? Извѣстно что у насъ нѣтъ болѣе прочныхъ правилъ какъ „временныя правила", а потому о предполагаемыхъ результатахъ „временной, на одинъ годъ, мѣры" возможно уже говорить и теперь.

Въ теченіе восьми засѣданій (28, 29 и 31 мая, 1, 2, 4, 5 и 7 іюня) разрѣшенъ вопросъ объ основныхъ положеніяхъ организаціи средней школы и разрѣшенъ такимъ образомъ: самое наименованіе „кла-

Digitized by Google

сической гимназіи" упразднено въ положеніи о будущемъ строѣ средней школы, уничтожено преподаваніе греческаго языка, значительно сокращено преподаваніе языка латинскаго представляющагося до извѣстной степени факультативнымъ предметомъ, укорочена продолжительность курса средней школы съ 8 лѣтъ до 7, отмѣненъ „атестатъ зрѣлости".

Будущая средняя школа въ остальномъ сохраняетъ тѣ же предметы преподаванія, какіе значились въ програмѣ класической гимназіи, дополняя ихъ „усиленнымъ преподаваніемъ гимнастики, воинскихъ и физическихъ упражненій". Изъ теперешней гимназіи вырванъ ея нервъ, граматическое изученіе древнихъ языковъ. Будущая школа лишена центра; нѣтъ болѣе того предмета, на которомъ бы постоянно сосредоточивалось вниманіе учащихся. Будущая школа, какъ гласитъ первое изъ „основныхъ положеній", должна быть единой. Но единство будущей средней школы представляется весьма своеобразнымъ, потому что по самому своему строю будущая школа представляется двойственной: начиная съ IV класса школа развѣтвляется: для одной части учащихся преподается латинскій языкъ, для другой этотъ языкъ не преподается, но замѣняется законовѣдѣніемъ и отечествовѣдѣніемъ. Значитъ, въ одной школѣ соединены и пародія на теперешнюю гимназію и подобіе реальнаго училища (въ видѣ исключенія, впрочемъ, въ пяти университетскихъ городахъ сохраняются класическія гимназіи по одной въ каждомъ городѣ).

Въ комисіи, судя по напечатанному въ *Журналѣ Мин. Нар. Пр.* отчету, много говорилось о двухъ концентрахъ, но совсѣмъ не было рѣчи о центрѣ, котораго такъ и лишена будущая „единая" школа.

Единая по названію, но двойственная по существу, средняя школа имѣетъ, оказывается, троякія задачи (п. 4). Впрочемъ, п. 2 гласитъ: „Задача средней школы доставлять юношеству воспитаніе и возможно законченное среднее образованіе и въ то же время подготовлять къ поступленію въ высшія учебныя заведенія". Казалось бы, такимъ образомъ дѣло сводится къ двумъ задачамъ, потому что „воспитаніе" должно сопутствовать среднему образованію, будетъ ли оно законченное, или же служитъ оно только къ подготовленію учащихся къ поступленію въ высшія учебныя заведенія. Но средняя школа раздѣляется на нижесреднюю и вышесреднюю: „вмѣ съ симъ (?) первые три класса средней школы должны представ собою полный курсъ низшей школы и имѣть програму по возм ности согласованную съ програмой послѣдней (?), такъ чт прошедшіе курсъ низшей школы могли поступать въ IV к

Digitized by Google

средней безъ экзамена или съ повѣрочнымъ испытаніемъ лишь по нѣкоторымъ отдѣльнымъ, не вошедшимъ въ программы низшихъ школъ предметамъ". Этимъ раздѣленіемъ достигается осуществленіе троякой задачи. Прямая класическая гимназія была въ существѣ своемъ единою, имѣя, впрочемъ, рядомъ съ собою реальныя училища предназначенныя для разрѣшенія особыхъ задачъ. Теперь въ одномъ помѣщеніи будутъ соединены и гимназія, и реальное училище, и нѣчто въ родѣ городскаго трехкласснаго училища. До сихъ поръ одна только гимназія открывала дверь въ университетъ; на будущее время и реальныя отдѣленія средней школы приведутъ учащихся въ университетскую аудиторію, хотя, правда, и не на всѣ факультеты: проектъ основныхъ положеній (п. 8) гласитъ что изучавшіе оба древніе языки могутъ поступать безъ экзамена на всѣ факультеты, между тѣмъ какъ изучавшіе одинъ латинскій языкъ для поступленія на историко-филологическій факультетъ должны подвергнуться испытанію изъ греческаго языка, имѣя въ то же время право поступить на любой изъ остальныхъ факультетовъ, и наконецъ вовсе не изучавшіе древнихъ языковъ могутъ поступать на факультеты восточный и физико-математическій, подвергаясь дополнительному испытанію изъ одного или обоихъ древнихъ языковъ при желаніи поступить на соотвѣтствующіе факультеты; окончательная редакція основныхъ положеній нѣсколько измѣнила этотъ проектъ.

Древніе языки утратили такимъ образомъ то значеніе, какое имѣли они въ класической гимназіи; они сведены на положеніе предмета любознательности имѣющаго значеніе не большее чѣмъ рисованіе или географія. Въ класической гимназіи древніе языки были школой для мыслительной дѣятельности молодежи, на будущее время изученіе латинскаго и греческаго языковъ ограничивается приватными курсами 3 и 4 классовъ. Роль и значеніе класическихъ языковъ ничѣмъ не восполнены въ будущей средней школѣ, если не считать школьную дисциплину, гимнастику, воинскія и физическія упражненія.

Учебные планы будущей школы внѣ сомнѣнія приведутъ къ пониженію уровня всего нашего просвѣщенія лишивъ учащихся сосредоточивающаго ихъ вниманіе предмета и введя въ преподаваніе бо́льшую расплывчатость. Историко-филологическій факультетъ обѣнъ на медленное вымираніе, такъ какъ на девять историко-филогическихъ факультетовъ остаются только пять гимназій, и едва есть основаніе разчитывать что всѣ оканчивающіе эти пять назій поступятъ непремѣнно на историко-филологическій факульть. Помимо того неизбѣжно пониженіе уровня историко-филолоескаго факультета; въ самомъ дѣлѣ до сихъ поръ на факультетъ тъ студенты приносили знанія восьмикласснаго курса, тогда какъ

Digitized by Google

на будущее время сюда будутъ поступать юноши, познанія коихъ въ латинскомъ языкѣ равняются знаніямъ нынѣшнихъ третьеклассниковъ. Окажется, значитъ, невозможнымъ достиженіе и тѣхъ результатовъ, къ какимъ приводятъ теперешніе историко-филологическіе факультеты. Неизбѣжнымъ результатомъ новаго строя окажется уменьшеніе контингента преподавателей тѣхъ предметовъ средней школы, какіе входятъ въ курсъ историко-филологическаго факультета. Получается безвыходный кругъ: школа средняя перестанетъ давать достаточный и достаточно подготовленный контингентъ слушателей на историко-филологическій факультетъ; университетъ, въ частности историко-филологическій факультетъ, окажется не въ состояніи давать школѣ достаточный и достаточно подготовленный контингентъ преподавателей по большей части предметовъ средней школы. Откуда же брать учителей?

Но не одинъ историко-филологическій факультетъ окажется въ критическомъ положеніи; въ такомъ же точно положеніи окажется и факультетъ юридическій.

До сихъ поръ въ основу юридическаго факультета положено было изученіе римскаго права, о серіозной постановкѣ котораго такъ заботились составители университетскаго устава 1884 года. О какой же серіозной постановкѣ римскаго права можетъ идти рѣчь въ будущемъ, когда слушатели юридическаго факультета будутъ свободны отъ самыхъ элементарныхъ познаній въ латинскомъ языкѣ, не говоря уже о томъ что студенты эти вмѣстѣ, впрочемъ, со всѣми своими товарищами по университету лишены будутъ того мыслительнаго апарата, какой сообщается только изученіемъ класическихъ языковъ? Преподаваніе римскаго права въ университетѣ сведется къ тому положенію и значенію, какія по блаженной памяти уставу 1863 г. имѣло изученіе „важнѣйшихъ иностранныхъ законодательствъ“; о самостоятельной разработкѣ римскаго права у насъ нужно будетъ отложить всякое попеченіе, а съ римскимъ правомъ будетъ вырванъ главный нервъ нашихъ юридическихъ факультетовъ. Да и нужны ли будутъ вообще юридическіе факультеты, когда въ будущей школѣ краткихъ наукъ, въ послѣднихъ двухъ классахъ, будетъ преподаваться „законовѣдѣніе“ обнимающее и философію права, и государственное, и гражданское, и уголовное права съ процесами? (п. 12). На— студенты-юристы и нынѣ пользуются репутаціей людей ничего дѣлающихъ; строй будущей школы поддержитъ эту репутацію: ну ли въ самомъ дѣлѣ студентамъ-юристамъ заниматься своимъ дѣло когда они изучили уже законовѣдѣніе въ школѣ краткихъ нау Впрочемъ, судя по газетнымъ извѣстіямъ университеты должны ратить характеръ высшихъ учебныхъ заведеній и превратятся въ

Digitized by Google

ромъ времени въ арену борьбы партій, партій професорскихъ между собою и таковыхъ же студенческихъ между собою: професоры будутъ заняты выборами ректора, деканов, своихъ колегъ; студентамъ будетъ предоставлено право выбирать старостъ, судей, собираться на сходки частныя, курсовыя и общія, такъ что добросовѣстно исполняющему свои политическія обязанности студенту и времени не хватитъ на изученіе университетскихъ курсовъ. Можетъ-быть, въ виду этого въ курсъ средней школы и введено законовѣдѣніе?

Но вѣдь не слѣдуетъ забывать что въ надлежащей постановкѣ преподаванія на юридическихъ факультетахъ заинтересовано и судебное вѣдомство. Если и теперь судебное вѣдомство имѣетъ основаніе не довѣрять университетскимъ дипломамъ и ввело у себя особыя испытанія для лицъ желающихъ посвятить себя судейской карьерѣ, то въ будущемъ, въ интересахъ поддержанія достоинства судебной колегіи, необходимо будетъ усложнить испытаніе, не ограничиваясь одними практическими вопросами требовать и теоретическихъ свѣдѣній; въ противномъ случаѣ судебное вѣдомство лишится образованныхъ юристовъ и будетъ пополняться лицами, познанія которыхъ и кругозоръ будутъ не шире чѣмъ у молодыхъ людей окончившихъ школу краткихъ наукъ.

Отстаивая свою національную самобытность въ 70-хъ годахъ мы ввели у себя класическую систему, по поводу которой М. Н. Катковъ писалъ: „Только европейская цивилизація имѣетъ прошедшее; только она владѣетъ завѣщаннымъ ей капиталомъ; только она получила наслѣдство. Отказываясь отъ древнихъ языковъ наша школа не только отказалась бы отъ наилучшаго, вѣрнѣе сказать, отъ единственнаго средства для полнаго умственнаго воспитанія, но и отказалась бы за нашу народность отъ прямаго участія въ этомъ великомъ наслѣдствѣ". Правда, теперь эти вѣщія слова М. Н. Каткова предаются забвенію, а немногіе изъ здравствующихъ еще славныхъ дѣятелей реформы 70-хъ годовъ предаются публичному поруганію. Но дѣло не въ лицахъ. Дѣло въ той системѣ, которая, съ соотвѣтствующими измѣненіями, обезпечивала бы нашему просвѣщенію самостоятельность и серіозность, которая вывела бы насъ изъ полонія вѣчныхъ учениковъ и данниковъ Европы, которая способна ла бы поставить насъ на одинъ уровень съ европейской наукой. Теь основы европейскаго просвѣщенія у насъ уничтожены. Пять сическихъ гимназій, которыя въ видѣ маяковъ остаются на все бъятное наше отечество, не въ состояніи будутъ разогнать сгующійся мракъ одичанія, въ какое неизбѣжно ведетъ наше такъываемое образованное общество. Что общество наше и печать съованіемъ встрѣтили упраздненіе просвѣщенія, вѣдь это тоже ни-

Digitized by Google

чего не значитъ и во всякомъ случаѣ не свидѣтельствуетъ въ пользу зрѣлости общества не далеко еще ушедшаго отъ г-жи Простаковой, княгини Тугоуховской, Фамусова и Скалозуба.

Пройдетъ немного лѣтъ, и результаты нынѣшняго внезапнаго упраздненія истиннаго просвѣщенія успѣютъ обнаружиться со всею рѣзкостью. Во всякомъ случаѣ просвѣщеніе послѣ краткаго въ его исторіи тридцатилѣтняго опыта поворачивается назадъ лѣтъ на пятьдесятъ; а жалкое и нынѣ состояніе университетовъ еще усугубится, когда университетскія аудиторіи наполнятся лицами окончившими курсъ школы краткихъ наукъ.

Древніе класическіе языки въ школѣ *).

Всѣ усовершенствованія человѣческой жизни, всѣ расширенія человѣческой мысли достигаются упорною борьбой со временемъ и пространствомъ. Грани эти не устранимы, но отодвинуть ихъ удается труду человѣческому.

Нашъ вѣкъ—вѣкъ блистательныхъ побѣдъ надъ пространствомъ. Быстроходныя суда и желѣзныя дороги, телеграфы и телефоны, орудія ежедневной печати совершенствуясь и размножаясь съ головокружительною быстротой установили живое непосредственное общеніе между людьми и странами всего земнаго шара. Завоеванія оптики и химіи открываютъ намъ доступъ ко многимъ тайнамъ пространства небеснаго. Жалкимъ и слабымъ представляется намъ нынѣ человѣкъ видящій и знающій только то что̀ его непосредственно окружаетъ.

Но слабъ и жалокъ и тотъ человѣкъ который видитъ и знаетъ лишь то что онъ непосредственно переживетъ. Грани времени столь же неустранимы, какъ и грани пространства, но такъ же подлежатъ расширенію упорнымъ трудомъ человѣка. Сѣдая древность завѣщала намъ письменность, оставила намъ безчисленные памятники былаго человѣческаго творчества, какъ и былыхъ процесовъ измѣнившихъ видъ земной поверхности. Знаніе прошлаго, живое съ нимъ общеніе словомъ и дѣломъ возможно и подлежитъ безграничному расширенію. Живо чувствовали это люди Среднихъ Вѣковъ и благоговѣйнымъ созерцаніемъ прошлаго подготовили блистательное будущее временъ Возрожденія.

---

*) Статья эта была напечатана въ № 224 *Московскихъ Вѣдомостей* (16 августа 1901 г.). Въ виду особаго ея значенія и интереса считаемъ своимъ долгомъ перепечатать ее цѣликомъ для своихъ читателей, на что̀, надѣемся, не посѣтуютъ ни авторъ, ни редакція газеты. *Ред.*

Digitized by Google

И нынѣ въ тиши ученаго міра продолжается трудолюбивое возстановленіе давно минувшаго. Пополняются сокровища завѣщанныя намъ относительно близкимъ прошлымъ Греціи и Рима. Къ нимъ прикладываются откровенія болѣе отдаленнаго прошлаго Египта, Халдеи, Индіи и Китая. Все дальше въ глубь вѣковъ проникаетъ пытливая мысль силящаяся возстановить вещественную исторію нашей планеты.

Но отъ этихъ изученій отвернулась современная толпа. Побѣды надъ пространствомъ отвлекли ея вниманіе отъ уроковъ времени. Общенію съ прошлымъ она предпочитаетъ гаданія о будущемъ безпочвенныя и безплодныя безъ близкаго знакомства съ минувшимъ. Приходятъ въ упадокъ способы непосредственнаго проникновенія въ это минувшее, и живая рѣчь его столь долго служившая связующимъ звеномъ между вѣками и поколѣніями все болѣе устраняется изъ области умственнаго воспитанія.

Увлеченіе это, какъ и многія другія, нашло преувеличенный отголосокъ въ непомнящемъ родства русскомъ обществѣ. То что нынѣ у насъ говорится и пишется объ изученіи языковъ, древнихъ, новыхъ и отечественнаго, изумитъ потомство своимъ легкомысліемъ.

Своевременно припомнить что такое европейскіе древніе языки, латинскій и греческій.

Языкъ латинскій есть не только языкъ древнихъ Римлянъ, но и языкъ международный почти до нашихъ дней пережившій Римскую имперію. Авторитетъ католической церкви, потребность въ общеніи между книжными людьми разноязычной Европы сохранили широкое его употребленіе вплоть до XVIII вѣка. При этомъ онъ наравнѣ съ живыми языками видоизмѣнялся и обогащался приспособляясь къ новымъ потребностямъ, но сохраняя свое граматическое строеніе. Потребности католическаго богослуженія сдѣлали его орудіемъ обильнаго и блестящаго поэтическаго творчества въ области совершенно чуждой античному міру. Величайшіе поэты эпохи Возрожденія Данте, Петрарка, Мильтонъ, чувствовали потребность сверхъ своего природнаго языка пользоваться для своего творчества этимъ новолатинскимъ языкомъ. Пѣвецъ *Потеряннаго рая* на этомъ языкѣ — имени Кромвеля привѣтствовалъ шведскую королеву Христину. ичайшіе ученые и философы новаго времени, Бэконъ Веруламскій, ноза, Ньютонъ, Лейбницъ, приспособили этотъ языкъ къ области чной. Всѣхъ ихъ въ этомъ отношеніи превзошелъ Линней. Латскій языкъ его по своей ясности и точности, по истинно-поэтическому одушевленію несравненъ и плѣнителенъ и не мало способствовалъ быстрому распространенію его плодотворныхъ твореній. ...шломъ столѣтіи великій математикъ Гауссъ писалъ почти

Digitized by Google

исключительно по-латыни. Въ наши дни папа Левъ XIII кромѣ энцикликъ пишетъ на латинскомъ языкѣ изящныя стихотворенія и одно изъ нихъ, какъ бы въ опроверженіе толковъ о неприложимости латинскаго языка къ вещамъ современнымъ, посвящено восхваленію фотографическаго искусства.

Лишь отчасти и на короткое время латинскій языкъ въ XVIII вѣкѣ былъ вытѣсненъ въ качествѣ международнаго языкомъ французскимъ благодаря изумительной выработкѣ этого языка писателями XVII вѣка. Возродившійся національнизмъ скоро возстановилъ равноправность великихъ языковъ европейскихъ выдвинувъ и право языковъ второстепенныхъ.

Между тѣмъ вавилонское размноженіе языковъ со временъ Лейбница заставляетъ мыслителей и ученыхъ мечтать объ языкѣ международномъ и всемірномъ который служилъ бы орудіемъ общенія, дѣловаго и научнаго, между всѣми племенами вселенной. Мы были свидѣтелями безобразнаго и мертворожденнаго изобрѣтенія Воляпюка. Эта жалкая попытка лишь подчеркнула необходимость въ качествѣ международнаго орудія общенія языка сложившагося исторически, безсознательнымъ творчествомъ безчисленныхъ поколѣній. На дѣлѣ до сихъ поръ такимъ языкомъ можетъ служить только латинскій, единственный извѣстный всѣмъ образованнымъ членамъ европейской семьи, единственный открывающій доступъ къ прошлому всѣхъ наукъ. Есть филологи ратующіе за возвращеніе этому языку его средневѣковаго преобладанія *). Вольно отдѣльнымъ народамъ мечтать о грядущемъ возобладаніи языка французскаго или англійскаго, нѣмецкаго или русскаго. Такая побѣда, если она возможна, дѣло весьма отдаленнаго будущаго. Пока же никому имѣющему возможность посвятить лѣта отрочества и юности умственному своему развитію не долженъ быть прегражденъ доступъ къ единственному въ настоящее время орудію общенія со всѣми просвѣщенными народами, со всѣми вѣками христіанскаго и отчасти до-христіанскаго прошлаго.

*) Припоминаю по этому поводу разказъ професора Лясковскаго, отличнаго латиниста:

Въ какомъ-то венгерскомъ городкѣ привелось ему лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ передать порученіе незнакомой дамѣ. Подходя къ ея дому онъ спрашивалъ себя, на какомъ языкѣ завести съ нею разговоръ. Отворила ему дверь маленькая дѣвочка, а вслѣдъ за нею раздался голосъ матери: „Claude januam“. „Clausa est“, отвѣчала дѣвочка и ввела постителя въ гостиную.

Разговоръ тотчасъ завязался по-латыни. Оказалось что во многихъ мѣстностяхъ Венгріи, населенныхъ смѣсью Мадьяръ, Нѣмцевъ, Румынъ и разноязычныхъ Славянъ, разговорнымъ языкомъ образованнаго общества служилъ языкъ латинскій и говорить на этомъ языкѣ учили и благовоспитанныхъ дѣтей.

Digitized by Google

Иное значеніе имѣетъ языкъ греческій. Никогда Православная Церковь не навязывала его въ качествѣ языка богослужебнаго иноязычнымъ народамъ. Никогда съ далекихъ временъ его всемірнаго владычества не служилъ онъ распространенію новыхъ научныхъ открытій, новыхъ мысленныхъ теченій. Но заключилъ онъ свое международное поприще распространеніемъ откровеній высшихъ, но остается онъ хранилищемъ высочайшихъ красотъ человѣческой мысли и слова и вѣнца писаній начертанныхъ рукою человѣческою, Новаго Завѣта съ толкованіемъ его ближайшими преемниками Священнаго Преданія. Пусть не всѣмъ удается осилить полное его усвоеніе, но достигнуть вершинъ пониманія, философскаго, богословскаго, художественнаго, могутъ безъ его помощи развѣ люди геніальные; но орудіе это должно быть дано въ руки всякому кому предстоитъ трудиться въ высшихъ сферахъ науки, искусства, духовнаго созерцанія.

Школа не мертвенно единая, но какъ сама жизнь разнообразная, не можетъ исключить изъ своихъ програмъ ни одного изъ этихъ языковъ. Такое ея оскопленіе было бы величайшимъ грѣхомъ современности предъ поколѣніями грядущими. Распредѣленіе по училищамъ различныхъ типовъ и назначеній того объема знаній по обоимъ языкамъ, которое нужно и достижимо, должно быть предметомъ самой тщательной и вдумчивой работы, какъ и выборъ между давно выработанными методами преподаванія. Толковать же объ упраздненіи этого преподаванія могутъ только люди не испытавшіе на себѣ его благотворнаго дѣйствія по случайностямъ своего воспитанія или по собственному недомыслію.

Повторяю: порывать связь съ прошлымъ откидывая единственное орудіе его непосредственнаго познанія, лишать себя тѣмъ самымъ единственныхъ данныхъ позволяющихъ намъ плодотворно работать для будущаго, было бы столь же превратно и безумно какъ ограничивать свое знаніе настоящаго случайнымъ мѣстомъ своего жительства. Эта азбучная истина очевидно забыта. Напоминать о ней настойчиво и громко долгъ всякаго мыслящаго человѣка. Увлеченіе нынѣ овладѣвшее обществомъ конечно пройдетъ. Но одной попытки осуществить предполагаемую ломку достаточно чтобъ искалѣчить умственно и нравственно цѣлое поколѣніе. Absit omen!

С. Рачинскій.

Digitized by Google

Конецъ „крестьянскаго царства".

I.

Давно стоявшій на очереди вопросъ о допущеніи въ Сибири частнаго землевладѣнія рѣшенъ, наконецъ, въ удовлетворительномъ смыслѣ. Строго говоря, частное землевладѣніе, противъ котораго такъ усиленно ломали копья нѣкоторые изъ русскихъ Донъ - Кихотовъ, давно уже существовало въ Сибири и существовало, нужно сознаться, въ самыхъ непривлекательныхъ формахъ.

Прежде всего здѣсь появились *заимки*. Каждый крестьянинъ, хотя бы и имѣющій домъ въ деревнѣ, строилъ себѣ на полѣ или въ лѣсу постройки въ которыхъ жилъ лѣто, а иногда и круглый годъ. Не только эти постройки, но и окружающая ихъ земля становилась его собственностью, которою онъ могъ располагать по своему усмотрѣнію: передавать по наслѣдству, продавать и отдавать въ аренду. Не смотря на такую широкую свободу распоряженія захваченною землею, заимка все же являлась только *временною* собственностью. Каждый заимощникъ прекрасно понималъ что если его никто не стѣсняетъ во владѣніи землей, то это происходитъ только потому что земли много, что ея хватаетъ на всѣхъ, но онъ не могъ не сознавать и того что съ увеличеніемъ населенія и со стѣсненіемъ его въ землепользованіи избытокъ земель будетъ отнятъ у него. Это было тѣмъ болѣе вѣроятно что богатые крестьяне захватывали по 1000 и болѣе десятинъ. Отсюда происходило стремленіе какъ можно скорѣе и какъ можно болѣе извлечь пользы изъ захваченной земли, что въ свою очередь вело къ процвѣтанію хищническаго хозяйства на заимочныхъ земляхъ.

Совершенно иначе создалась другая форма частнаго землевладѣнія въ Сибири. Озабочиваясь привлеченіемъ возможно бо́льшаго количества переселенцевъ на Дальній Востокъ, правительство не только предоставляло имъ всевозможныя податныя и другія льготы, но и щедро отводило имъ земли. Величина надѣла устанавливалась въ 100 десятинъ на дворъ. Желаніе получить возможно бо́льшее количество земли вело къ искусственному дробленію семей и къ невозможн обработать полученную землю собственнымъ трудомъ. На наемъ сторонних рабочихъ крестьяне также не имѣли средствъ, а пот отведенныя имъ земли пустовали или сдавались въ аренду Кр цамъ которыхъ возможность этихъ арендъ усиленно привлека край.

Въ то время когда крестьянинъ могъ свободно захват

Digitized by Google

заимку тысячу десятинъ земли, когда другой крестьянинъ не зналъ что дѣлать со своимъ стодесятиннымъ надѣломъ, пріобрѣтеніе земли въ собственность лицамъ другихъ сословій было для земледѣльческихъ цѣлей совершенно запрещено. Такимъ образомъ образованный земледѣлецъ совершенно изгонялся изъ Сибири, его знанія, его опытность, его средства оказывались ненужными для края, ему даже предпочитался хищникъ-заимощникъ. Болѣе страннаго положенія вещей кажется нельзя себѣ и представить.

Вопросъ о допущеніи въ Сибири частнаго землевладѣнія былъ поставленъ на очередь, но наша періодическая печать встрѣтила его крайне враждебно. Указывалось на неудачныя попытки насадить это землевладѣніе въ болѣе или менѣе отдаленномъ прошломъ, исписывались цѣлыя груды бумаги въ доказательство необходимости сохранить государственный земельный фондъ неприкосновеннымъ на будущее время. Странное желаніе! Вѣдь никому же не приходитъ въ голову запретить разработку золота, каменнаго угля или нефти только потому, что эти ископаемыя могутъ понадобиться въ будущемъ. Почему же земля должна пустовать въ ожиданіи этого будущаго? Однако всѣ эти возраженія не привели ни къ чему и 8 іюня нынѣшняго года опубликованъ законъ о допущеніи въ Сибири частнаго землевладѣнія.

II.

Сущность новаго закона въ общихъ чертахъ сводится къ слѣдующимъ положеніямъ. Въ губерніяхъ Тобольской и Томской, а также въ генералъ-губернаторствахъ Степномъ, Иркутскомъ и Пріамурскомъ, разрѣшена продажа казенныхъ земель въ частную собственность и отдача ихъ въ аренду на продолжительный срокъ. Такимъ образомъ Сибирь перестаетъ быть исключительно „крестьянскимъ царствомъ“, изъ сельско-хозяйственной жизни котораго изгонялись лица всѣхъ другихъ сословій. Вмѣстѣ съ этимъ уничтожается и *черта дворянской осѣдлости* ставившая дворянъ въ невозможность пріобрѣтать земли въ собственность на востокъ отъ Урала.

Новый законъ разрѣшаетъ пріобрѣтеніе земель въ Сибири лицамъ всѣхъ сословій за исключеніемъ инородцевъ и иностранныхъ подданныхъ, которымъ не дозволяется также пожизненное владѣніе землею, чѣмъ сразу пресѣкается возможность обходить законъ. Самое пріобрѣтеніе земли можетъ совершаться троякимъ способомъ: покупкою ея съ публичныхъ торговъ, а въ исключительныхъ случаяхъ и по вольной цѣнѣ, съ особаго каждый разъ разрѣшенія

Digitized by Google

министровъ Финансовъ, Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ. Эти два способа доступны въ одинаковой мѣрѣ лицамъ всѣхъ сословій.

Что же касается третьяго способа, то онъ допускается лишь относительно благонадежныхъ потомственныхъ дворянъ которымъ однимъ предоставляется право арендовать казенныя земли въ Сибири на срокъ до 99 лѣтъ. Если арендаторъ пожелаетъ пріобрѣсти ее въ собственность, то вноситъ въ видѣ покупной суммы двадцатикратную арендную плату. Продажная цѣна по желанію арендатора купившаго землю можетъ быть разсрочена на срокъ 37 лѣтъ. Желающій воспользоваться такою разсрочкою уплачиваетъ ежегодно 5% роста и соотвѣтствующую сумму въ погашеніе.

Срочный платежъ по ходатайству покупщика можетъ быть отсроченъ безъ начисленія пени мѣстнымъ управленіемъ государственныхъ имуществъ на срокъ до одного года, а Министерствомъ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ на три года. Дальнѣйшая же просрочка платежей можетъ вести къ принудительной продажѣ имѣнія. При продажѣ купленнаго имѣнія первоначально покрывается казенный долгъ съ недоимкою, а остальная часть возвращается бывшему собственнику земли.

Подобный способъ пріобрѣтенія земель представляется несравненно болѣе выгоднымъ для покупщика, который ранѣе чѣмъ произвести болѣе или менѣе крупныя затраты имѣетъ полную возможность въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго срока ознакомиться съ качествами ея и условіями веденія хозяйства въ данной мѣстности. Всѣ эти льготы создаютъ особыя преимущества для потомственныхъ дворянъ которые признаются наиболѣе желательными землевладѣльцами въ краѣ. Это одно изъ несомнѣнныхъ достоинствъ новаго закона.

Но частные землевладѣльцы вообще и дворяне въ частности могутъ имѣть вліяніе на окружающее крестьянское населеніе только въ томъ случаѣ, если они не будутъ слишкомъ удалены отъ него. Это вполнѣ сознается новымъ закономъ, который указываетъ что надѣльныя площади крестьянъ и частновладѣльческія земли должны чередоваться между собою. На практикѣ исполненіе этого требованія могло бы встрѣтить весьма серіозныя затрудненія, такъ какъ значительная часть годныхъ для обработки земель занята уже переселенцами. Но не слѣдуетъ, однако, забывать что образованіе переселенческихъ участковъ шло паралельно съ образованіемъ участковъ запасныхъ, которые по новому закону могутъ назначаться въ продажу и отводиться въ арендное пользованіе. Такимъ образомъ и эта задача облегчена въ значительной мѣрѣ.

Новый законъ содержитъ и нѣсколько ограничительныхъ постанов-

леній какъ общаго, такъ и частнаго характера. Частнымъ лицамъ не могутъ отводиться земли въ устьяхъ и верховьяхъ рѣкъ, вблизи государственной границы и вообще всѣ тѣ земли, сохраненіе которыхъ въ непосредственномъ распоряженіи казны является желательнымъ въ цѣляхъ лѣсохозяйственныхъ, горнопромышленныхъ и т. д. Высшій предѣлъ земельной площади отводимой въ однѣ руки ограниченъ тремя тысячами десятинъ. Отводъ земли въ бо̀льшемъ количествѣ допускается не иначе какъ съ Высочайшаго на каждый разъ разрѣшенія испрашиваемаго черезъ Комитетъ Министровъ. Въ этомъ постановленіи сказались опасенія захвата земель въ слишкомъ большомъ количествѣ. Противъ установленія подобнаго maximum, пожалуй, можно не возражать, но стѣсненія проведены гораздо дальше. Такъ въ пунктѣ пятомъ говорится: „Пространство земли для каждаго отдѣльнаго хозяйства опредѣляется въ зависимости отъ мѣстныхъ условій и требованій пріобрѣтателей“... Слѣдовательно, начальство будетъ вторгаться въ хозяйственныя соображенія каждаго отдѣльнаго лица и навязывать ему свои взгляды, иногда основательные, а иногда и неосновательные. Отъ подобныхъ стѣсненій въ выигрышѣ никто не будетъ.

Установлены стѣснительныя условія и для арендаторовъ казенныхъ земель въ Сибири. Въ теченіе пяти лѣтъ они обязываются возвести на арендованной землѣ необходимыя постройки. Цѣль этого законоположенія вполнѣ понятна: оно лишаетъ возможности пользоваться землею лица обработывать ее вовсе не желающія и держащія ее лишь для спекуляціи. Гораздо менѣе понятно другое ограниченіе: арендатору казенной земли запрещается сдавать ее съемщикамъ болѣе чѣмъ на одинъ посѣвъ. При этомъ съемщикамъ запрещается жить на землѣ арендатора. Это постановленіе окажется гораздо болѣе стѣснительнымъ для крестьянъ чѣмъ для арендаторовъ. Въ самомъ дѣлѣ, явится въ Сибирь крестьянинъ-переселенецъ и получитъ въ надѣлъ 15 десятинъ цѣлины, справиться съ которою онъ въ первое время рѣшительно не въ состояніи. А между тѣмъ ему нуженъ хлѣбъ для прокормленія семьи и нуженъ какъ можно скорѣе. Само собою понятно что онъ предпочтетъ арендовать кусокъ расчищенной земли, чѣмъ возиться съ корчевкою пней на дѣвственной почвѣ. Кому и какой вредъ отъ этого? Испрашивать разрѣшеніе у Министерства Земледѣлія на сдачу земли на болѣе продолгельный срокъ никто не будетъ, приведетъ же это только къ тому договоры о сдачѣ земли будутъ возобновляться на каждый посѣвъ, чемъ и арендная плата легко можетъ увеличиваться каждый разъ. Вотъ сущность новаго закона. Посмотримъ, какія послѣдствія можетъ имѣть онъ для нашей восточной окраины.

Digitized by Google

III.

Извѣстный нѣмецкій писатель по сельскохозяйственнымъ вопросамъ А. Бухенбергеръ въ своей книгѣ *Основные вопросы сельскохозяйственной экономіи и политики* совершенно справедливо замѣчаетъ что результаты сельскохозяйственнаго производства зависятъ не только отъ рыночныхъ цѣнъ, но и отъ того, какъ велико количество продуктовъ получаемыхъ съ единицы земельной площади и какъ велики издержки производства. Отсюда ясно что даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ процвѣтаніе сельскаго хозяйства не можетъ быть обезпечено, если оно не обладаетъ высокоразвитой техникой. Справедливость этого положенія лучше всего доказывается тѣмъ фактомъ что, какъ показываютъ многочисленныя изслѣдованія о положеніи сельскаго хозяйства, даже при равенствѣ внѣшнихъ условій производства различныя мѣстности часто весьма значительно отличаются другъ отъ друга только потому что въ одномъ мѣстѣ наблюдаются подвижность, энергія, способность приспособляться къ новымъ условіямъ, въ другой, напротивъ, косность и тупое слѣдованіе старымъ обычаямъ. Россія по земледѣльческой техникѣ занимаетъ одно изъ самыхъ послѣднихъ мѣстъ въ цѣломъ мірѣ. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время какъ въ Бельгіи средній урожай хлѣбовъ опредѣляется въ 128 пуд. съ десятины, въ Великобританіи въ 123 пуда, въ Норвегіи 120 пуд., въ Голандіи 113 пуд. и въ Даніи 110 пуд., у насъ онъ равняется только 38,8 пудамъ!

Урожаи въ частновладѣльческихъ и крестьянскихъ хозяйствахъ у насъ далеко неодинаковы. Въ урожайные годы эта разница еще не такъ замѣтна, хотя и въ нихъ у первыхъ собирается хлѣба на на 20—26% болѣе чѣмъ у послѣднихъ. Но въ годы неурожайные эта разница достигаетъ весьма внушительныхъ размѣровъ. Въ 1891 году, говоритъ г. Лохтинъ въ своей книгѣ *Состояніе сельскаго хозяйства въ Россіи*, владѣльцы собрали почти вдвое больше чистаго остатка съ одной десятины чѣмъ крестьяне (31 и 16,7 пуда).

Крестьяне, продолжаетъ онъ, не добираютъ иногда противъ шаго сбора почти миліардъ пудовъ или $^2/_3$ своего чистаго ост какъ въ 1891 г., въ 1897 г. они не добрали $^1/_3$ или 500 милліо пудовъ. У владѣльцевъ, если принять во вниманіе быстрое увел ніе у нихъ посѣвной площади (на 400 тыс. дес. въ годъ), недоб ограничился $^1/_3$ ихъ сбора чистаго остатка въ 1897 г., $^1/_8$ час сбора, а въ 1898 г., когда крестьяне не добрали 300 мил. пу чистаго остатка, у владѣльцевъ былъ сборъ нормальный или переборъ противъ средняго.

Digitized by Google

Здѣсь взяты среднія цифры, но если сравнить урожаи у крестьянъ и въ лучшихъ хозяйствахъ, число которыхъ растетъ у насъ съ каждымъ годомъ, то разница получится еще болѣе поразительная. Г. Лохтинъ сравнивая урожаи въ 1891 году въ этихъ хозяйствахъ и у окрестныхъ крестьянъ приводитъ цѣлый списокъ имѣній, гдѣ урожаи были втрое выше крестьянскихъ не смотря на неблагопріятныя метеорологическія условія этого года. Эта разница въ урожаяхъ является прямымъ послѣдствіемъ разницы въ сельско-хозяйственной техникѣ.

Изъ всѣхъ этихъ данныхъ смѣло можно сдѣлать выводъ что съ допущеніемъ частнаго землевладѣнія въ Сибири уровень земледѣльческой техники на окраинѣ значительно повысится. Первымъ послѣдствіемъ этого будетъ то что неурожаи, которые бываютъ и въ Сибири, не будутъ чувствоваться до такой степени сильно какъ въ настоящее время, и цѣны на хлѣбъ не будутъ подниматься до такихъ ужасающихъ размѣровъ. Вѣдь теперь, напримѣръ, въ Забайкальской области вовсе не рѣдкость что ржаная мука достигаетъ 2 р. за пудъ.

Усиленіе хлѣбной производительности въ восточной половинѣ Сибири является безусловно желательною, такъ какъ эта часть Сибири до сихъ поръ нуждается въ хлѣбѣ, который и получаетъ частію изъ Европейской Россіи морскимъ путемъ и частію изъ Китая. Такимъ образомъ на продовольствіе войскъ въ Пріамурскомъ краѣ и ссыльнаго населенія острова Сахалина правительству приходится нести весьма крупныя жертвы которыхъ легко избѣжать развитіемъ земледѣлія въ краѣ.

Далеко не такъ желательно усиленіе хлѣбной производительности въ Западной Сибири, гдѣ зерна не только хватаетъ для продовольствія населенія, но даже получается значительный избытокъ его для вывоза заграницу. Зато здѣсь и воздѣлываніе хлѣбовъ далеко не представляетъ тѣхъ выгодъ какъ въ Восточной Сибири, что̀ даетъ полное основаніе предполагать что новые землевладѣльцы направятъ свои усилія на производство не хлѣба, а другихъ болѣе цѣнныхъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ, чему особенно благопріятствуютъ мѣстныя условія.

Есть полное основаніе разчитывать и на возникновеніе въ краѣ различныхъ заводовъ для переработки сельскохозяйственныхъ продуктовъ, необходимость въ чемъ уже давно даетъ себя чувствовать. Появленіе частновладѣльческихъ хозяйствъ создастъ заработокъ для мѣстныхъ крестьянъ, преимущественно переселенцевъ особенно нуждающихся въ этомъ заработкѣ. Нѣтъ ничего невѣроятнаго и въ томъ что въ Сибирь будетъ направляться избытокъ рабочихъ изъ Европейской Россіи. Вѣдь видимъ же мы что изъ Италіи и Испаніи еже-

Digitized by Google

годно отправляются толпы рабочихъ въ отхожіе земледѣльческіе промыслы въ Южную Америку. Сибирь несравненно ближе, путь туда скорѣе, удобнѣе и дешевле. А что у насъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, избытокъ рабочихъ существуетъ, то это доказывается лучше всего тѣмъ что изъ Россіи въ Германію уходитъ ежегодно до 100 тысячъ рабочихъ принося туда дешевый трудъ и терпя такъ всевозможныя невзгоды.

Близкое сосѣдство частныхъ владѣльцевъ и крестьянъ несомнѣнно окажетъ благотворное вліяніе на послѣднихъ и поведетъ къ повышенію у нихъ уровня земледѣльческой техники.

При нынѣшнемъ земельномъ устройствѣ Сибири интересы сильныхъ, наиболѣе энергичныхъ и предпріимчивыхъ крестьянъ принесены въ жертву слабымъ. Всѣмъ отводится одинаковый 15-десятинный надѣлъ, всѣ какъ бы сковываются одною цѣпью. Какъ бы ни былъ трудолюбивъ крестьянинъ, онъ не можетъ купить себѣ клочка земли въ собственность, онъ даже не можетъ арендовать ее за отсутствіемъ въ краѣ частновладѣльческихъ земель. Подобный порядокъ въ будущемъ могъ бы привести только къ равенству нищеты. Теперь же крестьянинъ имѣетъ возможность выбиться изъ тисковъ всеобщаго равенства, имѣетъ возможность разными путями расширить площадь своего землевладѣнія.

Было бы не только желательно чтобы крестьянамъ наравнѣ съ лицами всѣхъ другихъ сословій было предоставлено право покупать свободныя казенныя земли, что̀ и допущено новымъ закономъ, но и выкупать свои надѣлы. Въ началѣ девятидесятыхъ годовъ, когда была разрѣшена продажа земель въ Пріамурскомъ краѣ, крестьяне охотно начали покупать ихъ. Многихъ, конечно, можетъ испугать то что получивъ право покупать землю крестьяне получатъ возможность и продавать ее. Но мы въ этомъ ничего страшнаго не видимъ, такъ какъ земля всегда найдетъ настоящаго хозяина который и извлечетъ пользу изъ нея.

IV.

Въ предыдущей главѣ мы показали, къ какимъ важнымъ эк мическимъ послѣдствіямъ ведетъ новый законъ, теперь посмотр на его, такъ сказать, политическія послѣдствія. Мы часто привы повторять что роль русскаго дворянства на землѣ, что безъ нея не имѣетъ и сотой доли своего значенія. Если мы это гово искренно, то трудно понять почему дворянство до сихъ поръ

Digitized by Google

нялось изъ Сибири, почему не ему, а случайному пріѣзжему чиновнику или ссыльному „интелигенту“ доставалась роль руководителей крестьянства. Иначе быть не могло, потому что въ Сибири до сихъ поръ были дворяне, но не было дворянства какъ сословія.

Всякій чиновникъ прослужившій всю жизнь въ Сибири и пріобрѣвшій право на дворянство долженъ былъ хлопотать о внесеніи себя въ дворянскую родословную книгу какой-нибудь не сибирской губерніи, въ которой онъ и могъ воспользоваться всѣми дворянскими правами. Въ Сибири же онъ не могъ владѣть землею, не могъ участвовать въ дворянскихъ выборахъ, не могъ даже заботиться о судьбѣ вдовъ и сиротъ своего сословія. Такой порядокъ прежде всего являлся несправедливымъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ дворянство въ Сибири получалось легче чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ Имперіи? Развѣ военная и гражданская служба здѣсь оказывалась менѣе затруднительной? Нѣтъ, она была не легче чѣмъ въ Европейской Россіи. Подобное ограниченіе въ правахъ сибирскихъ дворянъ было и несправедливо и невыгодно для края.

Не было предводителей дворянства, этихъ органически связанныхъ съ краемъ людей, и ихъ замѣняли простые чиновники иногда пріѣзжавшіе въ Сибирь только затѣмъ чтобы воспользоваться усиленными подъемными и прогонными деньгами или какими-нибудь другими преимуществами службы въ отдаленныхъ мѣстностяхъ. Отсутствіе сибирскаго дворянства вело еще и къ тому что административныя должности всегда замѣщались людьми случайными, мало знакомыми съ краемъ и не заинтересованными въ его процвѣтаніи. Не было сибирскаго дворянства и некому было ходатайствовать передъ Престоломъ о тѣхъ или другихъ нуждахъ отдаленнаго, но богатаго края. Въ силу этого многія реформы оказывались чисто-кабинетными измышленіями не приносившими на практикѣ той пользы, которую ожидали отъ нихъ. Наконецъ, какъ мы уже говорили, отсутствіе дворянъ-помѣщиковъ лишало ихъ возможности оказывать какое-нибудь вліяніе на сибирскихъ крестьянъ отдавая это вліяніе въ руки всевозможныхъ проходимцевъ.

Вотъ почему на новый законъ о продажѣ казенныхъ земель въ Сибири мы смотримъ только какъ на первый шагъ, за которымъ жны послѣдовать другіе. Прежде всего сибирскому дворянству, орое теперь получило право владѣть землею, слѣдуетъ придать ловную организацію, которою оно издавна пользуется въ Евро_ ской Россіи. Тогда и только тогда оно въ состояніи будетъ вы_нить лежащія на немъ передъ Престоломъ и Отечествомъ обя_ности. Затѣмъ новому сибирскому дворянству нужно открыть ши_ій доступъ къ мѣстному управленію. Эта мѣра сразу выведетъ

Digitized by Google

Сибирь на прямую и открытую дорогу сближенія съ Россіей. Не нужно забывать что Сибирь болѣе трехсотъ лѣтъ оставалась оторванной отъ Россіи, и теперь для полнаго сліянія двухъ половинъ Имперіи нужна усиленная совмѣстная работа ихъ обѣихъ. Будемъ надѣяться что при новыхъ порядкахъ она пойдетъ успѣшнѣе.

Н. Емельяновъ.

Два кризиса.

I.

Мѣтко и зло прозвали иностранцы Россію *страною фасадовъ*. Дѣйствительно, по внѣшности у насъ обыкновенно все обстоитъ благополучно, мы даже и рапортовъ никакихъ кромѣ рапортовъ о благополучіи не признаемъ. Эти мысли невольно приходятъ въ голову, когда прислушаешься къ толкамъ о современныхъ экономическихъ кризисахъ. Давно ли, въ самомъ дѣлѣ, были выставки въ Чикаго, въ Нижнемъ-Новгородѣ и въ Парижѣ? Передъ каждою изъ нихъ наше финансовое вѣдомство выпускало обширные томы посвященные экономическому благополучію Россіи вообще, а ея фабрично-заводской и горной промышленности въ частности? Давно ли положеніе этой промышленности рисовалось самыми заманчивыми красками? Давно ли мы только и говорили объ ея богатырскомъ ростѣ подъ сѣнію покровительственнаго тарифа? И вдругъ кризисы!

Строго говоря, кризисы сами по себѣ еще ничего не доказываютъ: ихъ переживали, переживаютъ, да и будутъ переживать страны съ высокоразвитою промышленностію. Насъ поражаютъ не эти кризисы, а легкость съ которою они возникаютъ у насъ. Возьмемъ, напримѣръ, металургическую промышленность. Что измѣнилось въ ней? Ровно ничего. Остался тотъ же самый высокій покровительственный тарифъ, остались тѣ же самыя ископаемыя богатства, не измѣнилась ни численность населенія Россіи, ни его потребность въ металахъ, только правительство рѣшило сократить казенные заказы и назначить за исполненіе ихъ цѣны болѣе приближающіяся къ дѣйствительной цѣнности. И этого оказалось вполнѣ достаточнымъ для возникновенія кризиса!

Умеръ скоропостижно не безызвѣстный харьковскій промышленный дѣятель г. Алчевскій, въ основанныхъ и руководимыхъ имъ банкахъ оказались крупные безпорядки. И достаточно было заговорить о нихъ чтобы у насъ снова появился кризисъ.

Digitized by Google

Наша промышленность положительно начинаетъ напоминать собою больнаго человѣка: достаточно открытой на минуту форточки, малѣйшаго сквознаго вѣтра или ничтожной сырости, чтобы у него появились насморкъ, кашель, а, пожалуй, и воспаленіе легкихъ. Такъ и промышленность, чуть что, сейчасъ и кризисъ.

И до какихъ размѣровъ доходятъ эти кризисы! *Новости* напечатали недавно проектъ какого-то г. Нижегородца предлагающаго не больше и не меньше какъ генеральную отсрочку уплаты по всѣмъ обязательствамъ, говоря проще, признаніе всероссійской несостоятельности. Уже самое появленіе подобныхъ проектовъ съ поразительною ясностью показываетъ что въ нашей промышленности не все обстоитъ благополучно, что кромѣ гг. Алчевскихъ и казенныхъ заказовъ есть какія-то другія болѣе глубокія причины отнимающія у нашей промышленности твердое и устойчивое положеніе. Какія же?

По этому вопросу на-дняхъ въ нашей періодической печати завязался горячій споръ. *Новое Время* повидимому безо всякихъ причинъ выступило съ доказательствами что не протекціонизмъ виноватъ въ нынѣшнемъ кризисѣ. Тѣ же самыя мысли начали проводить и *С.-Петербургскія Вѣдомости*. Первая газета утверждаетъ что промышленные кризисы отнюдь не составляютъ своего рода privilegiam odiosam протекціонизма. Англія, эта класическая страна системы laisser faire, пережила промышленныхъ кризисовъ гораздо больше чѣмъ вся остальная Европа вмѣстѣ взятая. Это совершенно вѣрно.

Но не слѣдуетъ забывать что Англія работаетъ на міровые рынки, а при такихъ условіяхъ война, политическія волненія или другія неурядицы въ любомъ концѣ земнаго шара могутъ вызвать застой въ ея промышленной дѣятельности. При такихъ условіяхъ и Южно-Африканская война, и смута въ Китаѣ, и революція гдѣ-нибудь въ Патагоніи неминуемо ведутъ къ сокращенію спроса на издѣлія ея фабрично-заводской промышленности, къ уменьшенію производства, а стало-быть, и къ застою въ промышленной дѣятельности.

Совершенно въ иномъ положеніи находится Россія. Нашъ заграничный вывозъ предметовъ обработывающей промышленности до такой степени ничтоженъ что не только сокращеніе, но и полное прекращеніе его никакаго кризиса вызвать не можетъ. Русская промышленность работаетъ только на внутренній рынокъ и считаться должна исключительно только съ русскимъ потребителемъ. Для промышленныхъ кризисовъ у насъ существуетъ только одна причина: отказъ мужика покупать издѣлія фабрично-заводской промышлен-

Digitized by Google

ности въ количествѣ желательномъ для владѣльцевъ промышленныхъ предпріятій. Глупъ ли этотъ самый мужикъ, мало ли создано для него народныхъ домовъ и земскихъ читалень, только онъ замѣчательно упоренъ въ своемъ отказѣ, не желая потреблять даже такихъ вещей какъ желѣзо, мыло, сахаръ и т. п. Пожалуй, онъ и отказался бы отъ своего упорства и началъ бы предъявлять спросъ на эти предметы, но только по цѣнѣ гораздо болѣе дешевой.

Создается какое-то въ высшей степени странное положеніе для нашей промышленности: есть у нея главное управленіе пекущееся о ея нуждахъ и потребностяхъ, есть покровительственный тарифъ охраняющій ее отъ внѣшняго соперничества, есть фабричное законодательство, есть высшія, среднія и низшія техническія школы, словомъ, все какъ въ Европѣ, недостаетъ только одного: покупателя на ея издѣлія. Погоня при такихъ условіяхъ за казенными заказами становится не только понятною, но даже неизбѣжною.

Отчего же создалась эта дороговизна издѣлій нашей промышленности, отчего они сдѣлались недоступными для народа? Отвѣтъ на эти вопросы нужно искать въ самой системѣ покровительства промышленности пышно разцвѣтшей въ послѣдніе годы. Защищенная отъ внѣшняго соперничества иностранныхъ производителей, наша обрабатывающая и горная промышленность начала давать головокружительные дивиденды. Въ нее устремились русскіе и иностранные капиталы. И вмѣстѣ съ этимъ наступилъ въ Россіи золотой вѣкъ для грюндерства. Начали появляться „гнилыя“ промышленныя предпріятія не имѣвшія никакихъ шансовъ для прочнаго существованія. Эти предпріятія, еслибы они и хотѣли, не могли ничего сдѣлать для удешевленія промышленныхъ издѣлій, такъ какъ и основаны-то они были въ надеждѣ на крупные барыши. Для этихъ предпріятій даже нашъ высокій таможенный тарифъ оказывался недостаточнымъ, имъ требовались еще казенные заказы, терпимые или даже одобренные властію синдикаты и т. п. поощрительныя мѣры.

Но сколько ихъ ни принималось, въ какихъ разнообразныхъ формахъ ни проявлялось покровительство, оно ни къ чему кромѣ кризисовъ и крушенія этой системы привести не могло. Отчего? На этотъ вопросъ мы отвѣтимъ въ слѣдующей главѣ.

II.

Оказывая то или иное покровительство фабрично-заводской горной промышленности, мы вмѣстѣ съ этимъ ослабляли въ вѣтствующей степени покупательную способность сельскаго насе

Digitized by Google

Пояснимъ свою мысль нѣсколькими примѣрами. Захотѣли мы оказать покровительство рельсовому производству, машиностроенію и вагоностроенію. Цѣли мы достигли, но наши желѣзныя дороги съ ихъ подвижнымъ составомъ обошлись намъ страшно дорого, что̀ заставило держать на перевозку желѣзнодорожныхъ грузовъ высокіе тарифы. Эти тарифы били по карману исключительно одинъ только земледѣльческій классъ Россіи, такъ такъ онъ не имѣлъ возможности перелагать накладные расходы на потребителя. Переплативъ нѣсколько рублей на перевозку продуктовъ, земледѣлецъ уже конечно не можетъ истратить ихъ на покупку какихъ-либо произведеній фабричной промышленности. И это явленіе повторяется рѣшительно на всякомъ шагу. Выстроенный при существованіи покровительственныхъ пошлинъ рѣчной пароходъ оказался стоющимъ слишкомъ дорого, уголь для своего отопленія онъ также принужденъ покупать по искусственно-возвышеннымъ цѣнамъ, слѣдовательно и фрахтъ ему приходится держать возвышенный, уменьшая тѣмъ самымъ чистый доходъ земледѣльца, а, стало-быть, и его покупную способность. И вотъ въ концѣ-концовъ земледѣлецъ оказывается вынужденнымъ сократить покупку необходимыхъ для него предметовъ, или же совершенно отказаться отъ покупки ихъ, замѣняя желѣзо деревомъ, мыло золою и т. д. При такой ничтожной покупной способности рынка широкоразвитая промышленность существовать не можетъ.

Говорятъ что между земледѣліемъ и обработывающей промышленностію существуетъ тѣсная связь, что если земледѣліе несетъ извѣстныя жертвы для развитія промышленности, то она въ свою очередь оказываетъ и крупныя услуги земледѣлію. Прежде всего она создаетъ для него новый рынокъ, новыхъ потребителей въ лицѣ фабрично-заводскихъ и горныхъ рабочихъ. Вообще говоря, этотъ взглядъ совершенно справедливъ. Въ Германіи, гдѣ значительная часть населенія работаетъ на международный рынокъ, мы это и видимъ. Тамъ земледѣліе даже не въ силахъ удовлетворять потребностей фабрично-заводскаго населенія. Не то въ Россіи. Изъ 130 милiоновъ нашего населенія на долю промышленныхъ рабочихъ приходится всего какихъ-нибудь два миліона. Какое значеніе можетъ имѣть подобный рынокъ? Вѣдь это все равно что говорить объ уничтоженіи сельскохозяйственнаго кризиса отъ того что какое-нибудь маленькое нѣмецкое княжество открыло бы безпошлинный доступъ для произведеній нашего сельскаго хозяйства.

Да и созданіе этихъ двухъ милiоновъ промышленныхъ рабочихъ обошлось намъ не дешево. Ради нихъ намъ пришлось пожертвовать развитіемъ многихъ сельско-хозяйственныхъ производствъ и многими отраслями кустарной промышленности.

Digitized by Google

Говорятъ что при болѣе слабомъ развитіи промышленной дѣятельности въ Россіи бо̀льшая часть нашихъ денегъ уходила бы заграницу. Правда. Но, во-первыхъ, еслибы тѣ десятки и сотни милліоновъ, которые мы затратили на поощреніе промышленности, были употреблены на нужды земледѣлія, то развѣ не увеличился бы притокъ денегъ въ Россію изъ иноземныхъ странъ? А, во-вторыхъ, отлива денегъ заграницу мы не избѣгли и теперь. Онъ происходитъ въ видѣ выдачи девидендовъ на иностранные капиталы вложенные въ русскія промышленныя предпріятія. Нельзя отрицать что часть этихъ капиталовъ остается въ Россіи въ видѣ заработной платы рабочихъ. Но достаточно ли этихъ остающихся денегъ чтобы покрыть созданную неумѣреннымъ протекціонизмомъ дороговизну жизни?

Съ какой бы точки зрѣнія мы ни смотрѣли на нынѣшній промышленный кризисъ, мы должны признать что система породившая его доказала полную свою несостоятельность, что она потерпѣла полное пораженіе, котораго не смягчатъ никакія газетныя статьи. Изъ этого конечно не слѣдуетъ дѣлать вывода что охрана отечественной промышленности намъ вовсе не нужна. Нѣтъ, она нужна, но въ ней, какъ и во всемъ, слѣдуетъ сохранять чувство мѣры и не переступать извѣстныхъ границъ. Важнѣе же всего намъ помнить что успѣхи промышленности находятся въ непосредственной зависимости отъ покупательной способности сельскаго населенія, что мѣры для усиленія ея явятся въ то же самое время мѣрами для поощренія промышленности, что безъ этого она останется какимъ-то мертворожденнымъ дѣтищемъ.

III.

Пока повременная печать занималась обсужденіемъ промышленнаго кризиса, на насъ надвинулся грозный призракъ кризиса сельскохозяйственнаго. Засухи нынѣшняго лѣта грозятъ серіозными бѣдствіями многимъ губерніямъ Европейской и Азіятской Россіи. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ издалъ циркуляръ начальникамъ губерній пострадавшихъ отъ неурожая о продовольственной помощи и объ общ[illegible]ныхъ работахъ въ постигнутыхъ неурожаемъ мѣстностяхъ облегчить положеніе населенія, застигнутаго тяжелымъ бѣдс[illegible]. Но эта цѣль ближайшая, а за нею выдвигается роковой во[illegible] что̀ же дальше? Неурожайные годы въ послѣднее время начали [illegible]ряться у насъ слишкомъ уже часто, чуть ли не чаще годовъ у[illegible]ныхъ. Нельзя же постоянно держать болѣе или менѣе значи[illegible]

Digitized by Google

часть нашего сельскаго населенія на казенномъ пайкѣ, нельзя же мириться съ такимъ положеніемъ при которомъ обсѣмененіе полей производится на счетъ продовольственныхъ ссудъ изъ земскихъ и общеимперскаго капиталовъ, нельзя же черезъ два года на третій изыскивать средства для снабженія крестьянъ скотомъ взамѣнъ павшаго отъ безкормицы. Очевидно, нужно предпринять что-нибудь серіозное для рѣшенія сельскохозяйственнаго вопроса вообще и вопроса о борьбѣ съ засухами въ частности.

Считать подобную борьбу невозможною нѣтъ рѣшительно никакаго основанія. Въ Средней Азіи съ помощію искусственнаго орошенія мѣняется климатъ обширныхъ районовъ и безводныя степи обращаются въ плодородныя нивы. Почему же въ Европейской Россіи нельзя сдѣлать ничего?

Неурожайные 1891 и 1892 годы принесли намъ Министерство Земледѣлія. Дѣятельность его вмѣсто того чтобы течь одною мощною и широкою рѣкою разбилась на сотни мелкихъ рукавовъ, каждый изъ которыхъ безплодно теряется въ сыпучихъ пескахъ, а для борьбы съ засухами не сдѣлано ровно ничего, даже нисколько не расчищена почва для нея. Характерное явленіе времени: даже статьи о борьбѣ съ засухами при помощи искусственныхъ запрудъ печатаются теперь въ изданіяхъ Министерства Финансовъ, а не Министерства Земледѣлія.

„Смѣшно при каждомъ общественномъ бѣдствіи искать виновника въ лицѣ какого-нибудь вѣдомства и на него сваливать всю вину“, гововорила на-дняхъ одна петербургская газета. Нѣтъ, у насъ въ этомъ ничего смѣшнаго нѣтъ. У насъ крестьянинъ не самостоятельный собственникъ земли могущій проявить починъ тѣмъ или инымъ способомъ, онъ членъ общины, онъ рабъ ея лишенный всякой хозяйственной иниціативы, не имѣющій возможности ничего предпринять на собственный страхъ и рискъ. Нужно создать или крестьянина-собственника, или „подлежащее вѣдомство“ которое заботилось бы объ огражденіи крестьянъ отъ неурожаевъ, какъ заботилось раньше о насажденіи у нихъ картофеля при помощи экзекуціи и воинскихъ командъ. Полагаемъ что первое неизмѣримо предпочтительнѣе послѣдняго.

Неурожай нынѣшняго года это не игрушечный кризисъ, въ которыхъ какъ мыльные пузыри лопаются искусственно созданныя проленныя предпріятія, дни которыхъ уже были сочтены въ моментъ возникновенія, а серіозное народное бѣдствіе. Постараемся же судить всесторонне наше сельскохозяйственное положеніе и найти средство предотвратить подобныя бѣдствія въ будущемъ. Вотъ наша первая и неотложная задача.

Digitized by Google

Повторяемъ, этого одинаково требуютъ какъ интересы сельскаго хозяйства, такъ и интересы промышленности: какой рынокъ для нея можетъ представлять населеніе живущее на казенномъ пайкѣ!

Н. Н.

Письмо изъ Лондона.

Синяя книга о переговорахъ съ Китаемъ.

На-дняхъ вышла Синяя книга заключающая дипломатическую переписку по переговорамъ державъ съ Китаемъ. Она охватываетъ періодъ времени съ 1-го января текущаго года и до 1-го мая, но въ нее помѣщены и нѣкоторыя донесенія англійскаго посла въ Пекинѣ помѣченныя ноябремъ и декабремъ прошлаго года, отправленныя почтой и полученныя въ Лондонѣ послѣ Новаго года.

Собственно говоря, вся книга составляющая какъ извѣстно докладъ министерства иностранныхъ дѣлъ парламенту, но почему-то выпущенная въ свѣтъ послѣ роспуска парламента, посвящена спорамъ съ Россіей по двумъ вопросамъ: по вопросу о казняхъ китайскихъ сановниковъ и по вопросу объ отдѣльномъ русско-китайскомъ соглашеніи насчетъ Манчжуріи. Въ первомъ вопросѣ Англія спорила съ Россіей открыто и теперь этой Синей книгой стремится доказать свою настойчивость въ требованіи „справедливаго“ воздаянія провинившимся противъ Европы Китайцамъ. По второму вопросу борьба велась обычными англійской дипломатіи подпольными путями, и тутъ Синяя книга должна свидѣтельствовать о побѣдѣ одержанной предусмотрительною и хитроумною Англіею надъ грубой и привычною къ насиліямъ и разбоямъ Россіей.

Второй вопросъ ближе и интереснѣе намъ, Русскимъ, поэтому я сначала займусь имъ. 3-го января *) текущаго года великобританскій министръ иностранныхъ дѣлъ маркизъ Лянсдаунъ послалъ великобританскому послу въ С.-Петербургѣ сэру Чарльзу Скотту и посланнику въ Пекинѣ сэру Э. Сатоу каждому по телегра[ф]у, въ которыхъ впервые упоминается о русско-китайскомъ соглаше[нии].

Телеграма сэру Ч. Скотту гласила:

Сообщите что вамъ удастся узнать, не дѣлая официал[ьныхъ] запросовъ, о предполагаемомъ соглашеніи между Россіей и Кит[аемъ] относительно Южной Манчжуріи, сущность котораго сообщ[ена]

*) Всѣ даты приводятся по новому стилю.

Digitized by Google

респондентъ *Times* въ телеграмѣ помѣченной 31 декабря, появившейся въ выпускѣ отъ 3 января.

Сэру Э. Сатоу маркизъ Лэнсдаунъ телеграфировалъ:

Нѣтъ ли у васъ свѣдѣній о предполагаемомъ соглашеніи между Россіей и Китаемъ относительно Южной Манчжуріи, сущность котораго сообщена кореспондентомъ *Times* въ телеграмѣ отъ 31-го декабря?

Итакъ, первымъ оповѣстилъ свое отечество о „грозномъ" шагѣ Россіи на Дальнемъ Востокѣ не кто иной какъ Dr. Морисонъ, корреспондентъ газеты *Times*, посланный въ Пекинъ повидимому для того главнымъ образомъ чтобы слѣдить за коварными замыслами Россіи. Это дѣлаетъ ему честь, а намъ удовольствіе, такъ какъ если Манчжурія останется на вѣки русской провинціей, то по его винѣ. Не оповѣсти онъ столь своевременно свое отечество о готовящемся соглашеніи, каша не заварилась бы, соглашеніе, можетъ-быть, успѣло бы состояться, и Россія теперь, пожалуй, выводила бы уже свои войска изъ Манчжуріи; вмѣсто этого Англія устроила различныя козни, соглашеніе не состоялось, и мы сидимъ себѣ благополучно въ Манчжуріи и пока что не собираемся оттуда выходить.

Хорошую службу сослужилъ Dr. Морисонъ Россіи, стоитъ ему за это повѣсить Станислава въ петлицу, если онъ его не имѣетъ уже за какія-нибудь предшествовавшія заслуги. Положимъ, передъ своими соотечественниками онъ можетъ оправдаться тѣмъ что исполнилъ лишь свой долгъ освѣдомленнаго кореспондента и не его вина если дипломаты наглупили не разобравъ въ чемъ дѣло, но вспоминая его телеграму въ *Times*, я вспоминаю также и его разъясненія обращавшія вниманіе на новую опасность, которою грозитъ міру коварная Россія. Очевидно, онъ bona fide былъ убѣжденъ что въ соглашеніи-то и коренится самое зло; слѣдовательно, если дипломаты грѣшили въ недомысліи, то и онъ не безгрѣшенъ въ томъ же.

Дѣло въ томъ что съ самаго начала китайскихъ осложненій Россія заявила о своемъ полнѣйшемъ безкорыстіи, заявила о томъ что она не увеличитъ своей территоріи на счетъ Китая, если дѣйствія другихъ державъ не понудятъ ея къ этому. Во всѣхъ своихъ сношеніяхъ какъ съ Китаемъ, такъ и съ остальными державами, Россія строго держалась этой програмы и во исполненіе ея рѣшила возможно скорѣе вывести свои войска изъ китайскихъ провинцій. Она и вывела первая свои войска изъ Печилійской провинціи и хотѣла также поступить и въ Манчжуріи. Но тутъ дѣло осложнилось тѣмъ что по Манчжуріи проходятъ желѣзныя дороги составляющія россійскую собственность. Нельзя было уходить не обезпечивъ ихъ дальнѣйшее существованіе и не предотвративъ возможности вредной имъ

Digitized by Google

конкуренціи въ будущемъ со стороны какихъ-либо иностранныхъ линій. Для этого и требовалось соглашеніе съ Китаемъ, которое обезпечивало бы спокойствіе края, существованіе и эксплоатацію желѣзныхъ дорогъ. Однимъ изъ первыхъ условій этого соглашенія, какъ мы увидимъ дальше, ставилось очищеніе Манчжуріи русскими войсками. Къ сожалѣнію для Китая, Англія не повѣрила нашей русской искренности и побудила Китай отказаться отъ соглашенія. Совмѣстными дѣйствіями двѣ державы, Китай и Англія, понудили Россію отказаться отъ очищенія Манчжуріи и оставить тамъ свои войска. Это и составляетъ то „понужденіе Россіи державами" которое предусмотрѣно оговоркой къ заявленію сдѣланному русскимъ правительствомъ о своей безкорыстной политикѣ и этотъ „понудительный актъ" развязываетъ намъ руки. За него мы должны благодарить Англію и кореспондента газеты *Times* Dr. Морисона.

Въ отвѣтъ на вышеуказанные телеграфные запросы маркиза Лэнсдауна поступило нѣсколько телеграмъ отъ представителей Великобританіи.

Первымъ отвѣтилъ 4 января сэръ Эрнестъ Сатоу изъ Пекина. Его телеграма гласила:

Повидимому, сообщеніе *Times* подтверждается. Полный текстъ русско-китайскаго соглашенія посланъ почтой 2 января. Уполномоченные татарскаго генерала Чень-Ши и адмирала Алексѣева подписали его 22 ноября.

Конвенція по слухамъ находится теперь въ Пекинѣ въ ожиданіи утвержденія, которое, какъ я слышалъ изъ китайскихъ источниковъ, едва ли состоится, потому что китайскіе уполномоченные подписавшіе соглашеніе въ Портъ-Артурѣ дѣйствовали безъ достаточнаго полномочія. Буду телеграфировать все что узнаю.

Сэръ Ч. Скоттъ изъ Петербурга телеграфировалъ 5 января дважды. Первая телеграма гласила:

Пока еще невозможно точно установить факты. Повидимому, какое-то временное соглашеніе подобное указанному заключено Россіей съ мѣстными манчжурскими властями. Возможно что она по договору получитъ право закончить желѣзную дорогу черезъ Манчжурію къ Портъ-Артуру и охранять ее своими войсками, причемъ права русско-китайской компаніи перейдутъ къ русскому правительст

Во второй телеграмѣ сэръ Ч. Скоттъ сообщаетъ:

Японскій chargé d'affaires по порученію своего правите... узнавалъ въ русскомъ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, наскол... правды въ сообщеніи *Times* о соглашеніи. Ему отвѣчали... русско-китайскомъ соглашеніи ничего не извѣстно.

Digitized by Google

6 января телеграфируетъ пекинскій посланникъ:

Русско-китайское соглашеніе, какъ мнѣ сообщаютъ, передано китайскому посланнику въ Петербургѣ для измѣненія нѣкоторыхъ условій.

Очевидно, сэръ Э. Сатоу въ Пекинѣ придавалъ пресловутому соглашенію бо́льшее значеніе чѣмъ сэръ Ч. Скоттъ въ Петербургѣ, зато изъ телеграмы послѣдняго видно что онъ уже дѣйствовалъ въ томъ трогательномъ согласіи съ Японіей, которое впослѣдствіи установилось по этому вопросу между англійскимъ и японскимъ правительствами.

Свои телеграмы сэръ Ч. Скоттъ подтвердилъ письмомъ отъ 8 января, въ которомъ сообщаетъ что

русскія газеты ничего не сообщили о телеграмѣ *Times* (прошу вѣрить что это произошло отнюдь не по винѣ ихъ кореспондентовъ, я самъ телеграфировалъ это извѣстіе въ Петербургъ, но, увы! безплодно), поэтому получилъ возможность судить о соглашеніи только по полученіи экземпляра газеты съ его текстомъ и пришелъ къ заключенію что оно вовсе не устанавливаетъ русскаго протектората надъ Манчжуріей. Одинаково было бы возможно и одинаково было бы несправедливо предполагать чтобы какое-либо временное соглашеніе между союзными войсками занимающими Печилійскую провинцію и мѣстными властями указывало на ихъ намѣреніе установить постоянный протекторатъ надъ этой провинціей.

Читая эти строки удивляешься: неужели ихъ писалъ англійскій дипломатъ? Это такъ не похоже на обычную англійской дипломатіи мелкую подозрительность и зависть ко всякимъ даже мнимымъ выгодамъ, которыя могутъ быть пріобрѣтены другими державами. Къ сожалѣнію для Китая, этотъ правильный и широкій взглядъ на вещи усвоеный англійскимъ посломъ въ Петербургѣ не былъ усвоенъ его начальствомъ и его колегами, не смотря на то что 22 января онъ вновь подтверждаетъ свои слова телеграфируя:

Мнѣ сообщаютъ что графъ Ламсдорфъ ведетъ здѣсь переговоры съ китайскимъ посланникомъ дабы гарантировать Россію отъ повторенія нападеній въ Манчжуріи и во избѣжаніе новыхъ безпорядковъ. Это соглашеніе не приведетъ ни къ какому увеличенію русской территоріи или къ установленію русскаго протектората надъ Манчжуріей, но устанавливаетъ надзоръ за желѣзною дорогой къ Портъ-Артуру во время ея постройки и эксплоатаціи.

Этого всетаки оказалось недостаточнымъ для англійскаго правительства и маркизъ Ляндаунъ на этотъ разъ письменно обращается къ сэру Ч. Скотту съ чрезвычайно страннымъ предложеніемъ. Вотъ это письмо:

Digitized by Google

Сэръ, вскорѣ начнется сесія парламента и навѣрное послѣдуютъ запросы правительству ея величества королевы относительно предполагаемаго соглашенія между Россіей и Китаемъ о Манчжуріи.

Въ виду этого я желалъ бы чтобы вы воспользовались первымъ удобнымъ случаемъ и узнали бы отъ графа Ламсдорфа, какой отвѣтъ я долженъ дать на эти запросы. При этомъ вы должны избѣжать малѣйшаго намека на какое-либо требованіе объясненія дѣйствій Россіи.

Интересно, между прочимъ, что въ тотъ же самый день правительство ея величества королевы перестало существовать, такъ какъ въ этотъ день сама королева скончалась.

Разумѣется, подобное предложеніе было не что иное какъ ловушка. Какое дѣло было русскому министру Иностранныхъ Дѣлъ до запросовъ въ англійскомъ парламентѣ?

Но съ обычною своей любезностью графъ Ламсдорфъ согласился помочь своему англійскому колегѣ въ его затрудненіи, тѣмъ болѣе что лично ему нечего было скрывать свои дѣйствія, и въ неофиціальной бесѣдѣ съ англійскимъ посломъ передалъ ему вкратцѣ сущность и цѣль временнаго соглашенія между русскими и манчжурскими властями, добавивъ что при удаленіи русскихъ войскъ изъ Манчжуріи ему, конечно, придется получить отъ китайскаго правительства какую-либо гаравтію цѣлости и неприкосновенности манчжурскихъ желѣзныхъ дорогъ. Эту бесѣду сэръ Ч. Скоттъ воспроизвелъ въ своемъ донесеніи отъ 6 февраля.

Это донесеніе получено было маркизомъ Ляндауномъ 11 февраля, но 6 февраля онъ получилъ слѣдующую телеграму отъ англійскаго посланника въ Пекинѣ:

Меня извѣщаютъ что русское правительство настаиваетъ на немедленной ратификаціи соглашенія, о которомъ я доносилъ уже телеграмой. Предложены слѣдующія условія для соблюденія на будущее время:

1) Въ арендуемую на Ліа-Тунскомъ полуостровѣ тераторію включается городъ Кинчау.

2) Назначеніе манчжурскаго генералъ-губернатора производится съ предварительнаго согласія Россіи.

3) Опредѣленіе численности полиціи дѣлается со взаимнаго согласія Китая и Россіи.

4) Начальство надъ означенною полиціей ввѣряется русск. офицеру, который будетъ состоять при генералъ-губернаторѣ.

5) Опредѣленіе размѣра военнаго вознагражденія будетъ сд въ Пекинѣ, но въ него не включаются убытки желѣзной доро

6) Россія выражаетъ желаніе пріобрѣсти желѣзную дорогу сѣверу отъ Шанхай-Гуаня, съ тѣмъ чтобы покупная сумма бы исключена изъ военнаго вознагражденія.

Digitized by Google

7) Таможни въ Манчжуріи передаются подъ контроль Русскихъ.
8) Манчжурія постепенно очищается русскими войсками.

Въ виду этой телеграмы, которая, какъ мы дальше увидимъ, воспроизводила далеко не точный текстъ русско-китайскаго соглашенія, начались какіе-то переговоры между Англіей и Германіей не воспроизведенные въ Синей книгѣ, и какъ результатъ ихъ телеграма отъ 13 февраля сэру Ч. Макдональду, великобританскому посланнику въ Японіи, слѣдующаго содержанія:

Германское правительство сообщитъ китайскому правительству что, по мнѣнію Германіи, оно не должно было бы заключать отдѣльные договоры территоріальнаго или финансоваго характера съ какою-либо державой, прежде чѣмъ оно обсудитъ свои обязательства по отношенію ко всѣмъ державамъ вообще и прежде чѣмъ будетъ одобрено исполненіе этихъ обязательствъ.

Я сообщилъ китайскому посланнику что всякое соглашеніе, подобное тому которое, по слухамъ, заключено по отношенію къ Манчжуріи, было бы, по мнѣнію правительства его величества, источникомъ опасностей для китайскаго правительства и что никакое соглашеніе ограничивающее территоріальныя права Китайской имперіи не должно быть заключено китайскимъ правительствомъ ни съ какою державой въ отдѣльности.

Ту же телеграму повторилъ маркизъ Лянсдаунъ сэру Э. Сатоу въ Пекинъ.

Этими распоряженіями начинается рядъ подпольныхъ маневровъ противъ Россіи предпринятыхъ англійскимъ правительствомъ.

15 февраля сэръ Ч. Макдональдъ доноситъ изъ Токіо что японское правительство сдѣлало подобное же сообщеніе китайскому посланнику, а 19 февраля доноситъ изъ Пекина сэръ Э. Сатоу что онъ 16 февраля сообщилъ китайскимъ уполномоченнымъ содержаніе телеграмы маркиза Лянсдауна отъ 13 февраля и что подобныя же сообщенія сдѣланы посланниками японскимъ и германскимъ, „только“, добавляетъ онъ, „германское правительство не упоминаетъ спеціально о Манчжуріи въ своемъ сообщеніи“.

Впослѣдствіи подобное же сообщеніе, тоже безъ „спеціальнаго упоминанія о Манчжуріи“, сдѣлано было китайскому правительству отъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, только какъ Соединенные Штаты, такъ и Германія дѣйствовали открыто и о своихъ сообщеніяхъ Китаю оповѣстили и русское правительство, Англія же въ союзѣ съ Японіей скрывали свои дѣйствія, и сэръ Ч. Скоттъ попрежнему въ Петербургѣ продолжалъ интересоваться манчжурскимъ соглашеніемъ и „неофиціально“ разспрашивать о немъ графа Ламсдорфа.

Digitized by Google

Между тѣмъ 18 февраля почта доставила англійскому министру иностранныхъ дѣлъ точную копію пресловутаго соглашенія посланную ему англійскимъ посланникомъ изъ Пекина еще 2 января. Согласно этой копіи соглашеніе оказывалось заключеннымъ между адмираломъ Алексѣевымъ и губернаторомъ Мукдена, генераломъ Ченомъ, черезъ посредство уполномоченныхъ на то чиновниковъ въ Портъ-Артурѣ. Послѣ заявленія о томъ что Россія, желая сохранить дружескія отношенія съ Китаемъ, дозволила губернатору вернуться въ Мукденъ, идутъ слѣдующіе девять пунктовъ соглашенія:

1) По возвращеніи генерала Чена къ своему посту онъ обязанъ умиротворять ввѣренную ему провинцію и слѣдить за тѣмъ чтобы никто не оказывалъ противодѣйствія постройкѣ желѣзной дороги.

2) Такъ какъ Россія заняла Мукденъ и другіе пункты съ единственною цѣлію защитить желѣзную дорогу и умиротворить страну, то губернаторъ и мѣстные чиновники обязаны относиться къ Русскимъ подружески и оказывать имъ всякое содѣйствіе, между прочимъ отводомъ квартиры и доставкой припасовъ.

3) Въ провинціи возникали солдатскіе бунты приведшіе къ уничтоженію желѣзной дороги, поэтому на обязанности губернатора лежитъ распустить войска и обезоружить ихъ. Исполнившіе это добровольно будутъ избавлены отъ разслѣдованія ихъ прежнихъ проступковъ. Военные припасы находящіеся въ арсеналахъ не занятыхъ еще Русскими должны быть полностью сданы русскимъ военнымъ властямъ.

4) Мѣстности не занятыя Россіей, гдѣ возведены были укрѣпленія и барикады, должны быть осмотрѣны совмѣстно русскими и китайскими чиновниками и въ присутствіи этихъ чиновниковъ всѣ укрѣпленія должны быть снесены. Съ пороховыми погребами не нужными для русскихъ войскъ должно быть поступлено подобнымъ же образомъ.

5) Инкоу и нѣкоторыя другія мѣстности будутъ состоять подъ непосредственнымъ управленіемъ русскихъ властей, до тѣхъ поръ пока русское правительство убѣдится въ полномъ умиротвореніи страны, тогда и тамъ китайскимъ чиновникамъ дозволено будетъ вернуться къ исполненію своихъ обязанностей.

6) Городъ и торговыя мѣстечки провинціи должны исполнять распоряженіе Мукденскаго губернатора относительно содержанія пѣшей и конной полиціи для надзора за порядкомъ и охраны торговли. Села и деревни провинціи тоже передаются въ полное распоряженіе губернатора и отъ него зависитъ опредѣлить чи потребныхъ тамъ стражниковъ, ихъ назначеніе и обмундировку.

7) Признано необходимымъ чтобы русскій чиновникъ съ ... вомъ общаго контроля находился на жительствѣ въ Мукд... для разрѣшенія вопросовъ относящихся до обоихъ государств... могущихъ возникнуть между Мукденскимъ губернаторомъ съ од... стороны и Ліа-Тунскимъ губернаторомъ съ другой. Мукденс... губернаторъ обязанъ давать этому чиновнику проживающему ... Мукденѣ свѣдѣнія о важнѣйшихъ мѣропріятіяхъ имъ принимаем...

Digitized by Google

8) Еслибы полицейскія силы находящіяся въ распоряженіи губернатора въ Мукденѣ или въ другихъ мѣстахъ оказались недостаточными для водворенія порядка въ какомъ-либо случаѣ, то губернаторъ немедленно сообщаетъ объ этомъ чиновнику проживающему въ Мукденѣ и предлагаетъ русскимъ войскамъ оказать ему помощь, независимо отъ того гдѣ бы ни произошелъ безпорядокъ: на морскомъ ли берегу или внутри страны.

9) Въ случаѣ какихъ-либо споровъ по содержанію сего соглашенія доказательствомъ принимается его русскій текстъ.

Затѣмъ добавлено что соглашеніе вступаетъ въ силу немедленно по возвращеніи въ Мукденъ китайскаго губернатора и можетъ быть измѣнено и дополнено впослѣдствіи по взаимному его согласію съ адмираломъ Алексѣевымъ, если интересы обоихъ государствъ того потребуютъ.

Вотъ и все. Очевидно, тутъ нечего было Англичанамъ пугаться и говорить о территоріальныхъ пріобрѣтеніяхъ Россіи или объ ея протекторатѣ надъ Манчжуріей. Англичане никогда и не пугались этого въ дѣйствительности, но притворялись лишь испуганными для того чтобы скрыть свое истинное и несомнѣнное чувство зависти къ той независимой роли по отношенію къ Китаю, которую стала играть Россія послѣ удаленія ея войскъ изъ Печилійской провинціи. Я говорю независимой по отношенію къ концерту державъ.

Россія совершенно правильно разсудила что въ ея личныя отношенія къ Китаю сосредоточенныя въ Манчжуріи, гдѣ уничтожена и разорена собственно ей принадлежащая желѣзнодорожная линія, гдѣ она единолично справилась съ напавшими на нее китайскими войсками, другимъ державамъ не зачѣмъ вмѣшиваться. Оставаясь въ концертѣ для обсужденія общихъ мѣропріятій вытекавшихъ изъ нападенія на посольства въ Пекинѣ, рѣзни иностранцевъ и Печилійскаго похода союзныхъ войскъ, Россія въ своихъ личныхъ разчетахъ съ Китаемъ поступала самостоятельно, какъ того и требовало сохраненіе ея величія и значенія въ глазахъ Китайцевъ.

Эта выгодная роль Россіи не давала покоя Англіи и для того чтобы вынудить отказъ отъ этой роли и предпринимались англійскою дипломатіею всѣ подпольныя козни и интриги. Требовалось умалить стижъ Россіи въ глазахъ Китайцевъ, подчинить ея дѣйствія Манчжуріи вѣдѣнію Пекинскаго конверта, для чего и распускались слухи о протекторатѣ устроиваемомъ Россіей и объ ея территольныхъ пріобрѣтеніяхъ; какъ мы увидимъ дальше, это не удалось, Россія сохранила свою независимость и самостоятельность до ...а. Англійскія интриги привели лишь къ тому что ея положеніе Манчжуріи улучшилось, а не ухудшилось.

...олученный совершенно невинный съ международной точки зрѣ-

Digitized by Google

нія текстъ Манчжурскаго соглашенія не удержалъ англійское правительство отъ дѣйствій противъ Россіи, но когда его пришлось печатать въ Синей книгѣ, англійское министерство иностранныхъ дѣлъ очутилось передъ непріятной дилемой. Не печатать его нельзя, такъ какъ это главный документъ во всей дипломатической компаніи, напечатать же зазорно, потому что всякій безпристрастный человѣкъ спроситъ: позвольте, гдѣ же тутъ протекторатъ, гдѣ же территоріальныя пріобрѣтенія? Изъ-за чего же вы огородъ городили и дѣло довели чуть не до разрыва съ Россіей?

Чтобы выйти изъ этого положенія, чиновники лондонскаго Foreign Office придумали чрезвычайно оригинальный исходъ характеризующій обычныя продѣлки англійскихъ дипломатовъ. Они напечатали этотъ документъ, но съ двумя орѳографическими ошибками совершенно измѣняющими его значеніе. Русскому читателю это покажется наивнымъ, но англійскій читатель довѣряющій своимъ офиціальнымъ документамъ, конечно, повѣритъ и тексту Синей книги, а это именно и требовалось.

Ошибки сдѣланы дважды въ одномъ и томъ же словѣ resident (проживающій, имѣющій жительство). То же слово, если его написать съ большой буквы, Resident, значитъ „резидентъ", дипломатъ снабженный и административною властію. Предшествующее этому слову въ англійскомъ текстѣ слово official, смотря по употребленію его, можетъ быть и прилагательнымъ, и существительнымъ. Въ первомъ случаѣ мы его переводимъ по-русски словомъ „офиціальный", во второмъ словомъ „чиновникъ". Такимъ образомъ двукратное упоминаніе въ соглашеніи о русскомъ „чиновникѣ имѣющемъ жительство въ Мукденѣ" передано въ англійскомъ текстѣ такъ: „official Resident at Mukden", что въ русскомъ переводѣ было бы „офиціальный резидентъ въ Мукденѣ." Я, разумѣется, въ своемъ переводѣ возстановилъ истинное чтеніе, такъ какъ адмиралъ Алексѣевъ очевидно не могъ назначать своего резидента въ Манчжурію, потому что такіе дипломаты-администраторы назначаются Высочайшею властью. Однимъ почеркомъ пера, простою орѳографическою ошибкой англійскіе дипломаты превратили простаго чиновника въ министра-резидента и, конечно, измѣнили весь характеръ напечатаннаго ими документа.

„Россія назначаетъ своего резидента въ Мукденъ, очевидно протекторатъ уже установленъ", подумаетъ всякій Англичанинъ прочитавшій текстъ соглашеній, а маленькое r въ одномъ только словѣ дважды замѣнено большимъ R. И этого достаточно для оправданія всѣхъ дальнѣйшихъ ходовъ англійской дипломаліи, что и требовалось доказать.

Digitized by Google

А ходы эти были двоякаго рода: въ Петербургѣ всѣми мѣрами добивались офиціальнаго сообщенія текста соглашенія, которое стало бы доступнымъ для обсужденія Пекинскимъ концертомъ; въ Пекинѣ же науськивали Китайцевъ чтобъ они обратились къ Европѣ съ жалобой на Россію.

Въ Петербургѣ попытки не привели ни къ чему и въ концѣ-концовъ министру Иностранныхъ Дѣлъ, не смотря на его сдержаность и любезность, пришлось-таки недвусмысленно заявить сэру Ч. Скотту чтобъ онъ его оставилъ въ покоѣ, зато въ Китаѣ, который съ радостію воспользовался первымъ же случаемъ чтобы перессорить державы, дипломатическіе ходы Англіи увѣнчались полнымъ успѣхомъ.

Китайскій императоръ самъ по телеграфу обратился къ державамъ съ просьбой о посредничествѣ между Китаемъ и Россіей, которая-де принуждаетъ его скрѣпить своей подписью Манчжурское соглашеніе. Обратился онъ къ Англіи, Германіи, Соединеннымъ Штатамъ и Японіи. Чрезвычайно характерно что никто не рѣшился вмѣшаться и всѣ отвѣтили подтвержденіемъ своихъ прежнихъ совѣтовъ: не заключать отдѣльныхъ договоровъ съ какою-либо державой до окончанія общихъ переговоровъ въ Пекинѣ. Но „противодѣйствіе“ Россіи было оказано.

Такъ какъ это „противодѣйствіе“ равносильно „понужденію“ оговоренному въ заявленіи о своей безкорыстной политикѣ сдѣланномъ Россіей еще въ началѣ китайскихъ осложненій, то, имѣя этотъ камень про запасъ, Россіи не было никакого уже интереса настаивать на соглашеніи, которое не давало ей никакихъ выгодъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ надо было показать Китайцамъ что ихъ цѣль, поссорить державы между собой, не достигнута. Поэтому Россія извѣстнымъ правительственнымъ сообщеніемъ въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* отъ 24 марта (6 апрѣля) перепечатанномъ и въ Синей книгѣ заявила что она не настаиваетъ на ратификаціи соглашенія и „спокойно ожидаетъ событій“.

Этимъ заявленіемъ Россіи и заканчивается Синяя книга. Для русскихъ читателей будетъ интересенъ отвѣтъ данный графомъ Ламсдорфомъ сэру Ч. Скотту на послѣднее его настояніе о сообщеніи текста соглашенія. Вотъ выдержки изъ него воспроизведенныя сэромъ Ч. Скоттомъ въ депешѣ отъ 11 марта:

Его превосходительство (графъ Ламсдорфъ) сказалъ что, по его мнѣнію, иностраннымъ державамъ приходится выбирать одно изъ двухъ: или вѣрить Россіи и ея заявленію сдѣланному въ началѣ августа прошлаго года, или не вѣрить ей. Въ послѣднемъ случаѣ онѣ имѣютъ полное право дѣйствовать такъ, какъ найдутъ необходимымъ для огражденія своихъ интересовъ. Что же касается интересовъ Россіи, то она сама о нихъ позаботится.

Digitized by Google

Это самый лучшій отвѣтъ на настоянія англійской дипломатіи. Для изученія ея дѣйствій инцидентъ съ Манчжурскимъ соглашеніемъ можетъ служить прекраснымъ источникомъ. Онъ необычайно характеристиченъ. Только въ результатѣ получилось не совсѣмъ то что ожидала англійская дипломатія, и едва ли ей долго придется гордиться этой побѣдой, которая сильно смахиваетъ на побѣду Пирра.

II.

Въ своемъ требованіи китайскихъ головъ Англичане успѣли тоже далеко невполнѣ и тоже причиной неуспѣха былъ гуманный взглядъ Россіи на нежелательность казней, который на этотъ разъ поддержали Соединенные Штаты и Японія.

17-го января 1901 года маркизъ Лянсдаунъ телеграфировалъ сэру Э. Сатоу: „Настаивайте на смертной казни (слѣдуетъ перечисленіе именъ, въ числѣ которыхъ всегда повторяется имя принца Туана на первомъ мѣстѣ и за нимъ слѣдуетъ герцогъ Ланъ)". Но 18-го января сэръ Э. Сатоу телеграфируетъ что въ этихъ требованіяхъ онъ не будетъ поддержанъ своими колегами въ Пекинѣ. Это, однако, не убѣждаетъ англійское правительство и 22-го января маркизъ Лянсдаунъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ спрашиваетъ по телеграфу: „Должны ли мы понять что ни одинъ изъ вашихъ колегъ не поддержитъ васъ?"

Тогда 26-го января сэръ Э. Сатоу отвѣчаетъ слѣдующею телеграмой:

Противъ смертной казни принца Туана, герцога Лана и Тунъ-Фу-Ціана высказались Соединенные Штаты, Россія и Японія. Французскій посланникъ не разчитываетъ на исполнимость смертной казни, хотя и подалъ свой голосъ за нее. Германскій посланникъ тоже вотировалъ за нее, но думаетъ что удобный моментъ для этого упущенъ еще въ ноябрѣ, когда началась опозиція казнямъ. Посланники италіянскій и австро-венгерскій получили инструкціи дѣйствовать согласно съ германскимъ посланникомъ, но однако же не въ ущербъ общему согласію державъ.

Но англійское правительство всетаки оставалось непреклоннымъ и 28-го января маркизъ Лянсдаунъ телеграфируетъ въ Пекинъ:

Вы всетаки должны подать голосъ за смертную казнь принца Туана, герцога Лана и Тунъ-Фу-Ціана. Впослѣдствіи, если Китайцы сошлются на невозможность исполненія смертной казни, лица подавшія за нее свои голоса могутъ обсудить вопросъ, необходимо ли на этомъ настаивать въ виду отсутствія единогласія.

Digitized by Google

То-есть, англійское правительство предложило своему посланнику заручиться смертною казнію „про запасъ", „на всякій случай", и отказаться отъ нея только при полной невозможности привести ее въ исполненіе.

На основаніи этихъ распоряженій сэръ Э. Сатоу усердно работалъ чтобы выторговать какъ можно больше головъ, и торгъ съ Китайцами о головахъ долженъ былъ начаться 5 февраля, когда китайскіе уполномоченные должны были явиться на общее совѣщаніе съ посланниками. Тогда по телеграфному донесенію сэра Э. Сатоу отъ 31 января должна была разыграться слѣдующая сцена:

Старшина дипломатическаго корпуса испанскій посланникъ, по прибытіи китайскихъ уполномоченныхъ скажетъ имъ слѣдующую рѣчь: „Иностранные уполномоченные рѣшили потребовать *строжайшую кару* въ соотвѣтствіи съ ихъ преступленіями для лицъ „виновныхъ въ тѣхъ преступленіяхъ, о которыхъ вамъ уже сообщено. „Изъ этого вы поймете что эти лица заслужили смертную казнь."

Списокъ виновныхъ не будетъ сообщенъ, такъ какъ къ помѣщеннымъ въ немъ именамъ предполагается прибавить еще четыре имени.

Въ списокъ въ это время было уже внесено двѣнадцать именъ.

Между тѣмъ китайскіе уполномоченные заготовили уже свой списокъ лицъ подлежащихъ наказанію и вручили его русскому посланнику. Этотъ списокъ сэръ Э. Сатоу сообщаетъ своему правительству тоже по телеграфу 1 февраля. Вотъ онъ:

Принцъ Туанъ, пожизненное заключеніе въ Восточномъ Туркестанѣ.

Принцъ Шуанъ, самоубійство.

Ю-Ціенъ, обезглавленіе.

Тунь-Фу-Ціанъ, разжалованіе и обѣщаніе болѣе строгой кары впослѣдствіи.

Ланъ, Инь-Ньенъ и Шао-Шю-Шіао, ссылка.

Канъ-И (окончившій уже жизнь самоубійствомъ), посмертное разжалованіе.

Ли-Пенъ-Хенъ (тоже окончившій жизнь самоубійствомъ), отмѣна уже оказанныхъ ему посмертныхъ почестей.

Какъ видно, и Китайцы не грѣшили чрезмѣрною сентиментальностію. Они сами предлагали двѣ головы и къ строгимъ карамъ для пятерыхъ живыхъ еще сановниковъ прибавляли посмертное наказаніе для двухъ лицъ покончившихъ уже свои разчеты съ жизнію. Однако этого было недостаточно для Англіи. Недостаточною, по ея мнѣнію, оказывалась и изобрѣтенная пекинскими дипломатами формула требованія „строжайшей кары" съ разъясненіемъ что тутъ подразумѣвается смертная казнь. Англія настаивала чтобы посланники прямо и открыто требовали „головъ".

Digitized by Google

2 февраля маркизъ Лянсдаунъ телеграфируетъ Пекинскому посланнику:

Сдѣлайте все что можете чтобы требованіе смертной казни было прямо упомянуто какъ наказаніе которому подлежатъ главные виновные.

6 февраля благородный лордъ опять настаиваетъ на смертной казни для Туана и Лана, но 7 февраля сэръ Э. Сатоу доноситъ ему что до полученія его послѣдней телеграмы Пекинскій комитетъ посланниковъ уже вручилъ китайскимъ уполномоченнымъ подписанную всѣми ноту, въ которой сказано:

Туанъ и Ланъ будутъ приговорены къ заключенію въ ожиданіи обезглавленія. Если тотчасъ же послѣ обвиненія ихъ императоръ найдетъ необходимымъ сохранить имъ жизнь, то они будутъ сосланы въ Туркестанъ гдѣ и будутъ содержаться въ заключеніи пожизненно.

Это не соотвѣтствовало желаніямъ англійскаго правительства, и на другой день сэръ Э. Сатоу телеграфируетъ что онъ предлагалъ посланникамъ сдѣлать дополнительное заявленіе въ томъ смыслѣ что въ случаѣ возвращенія Туана и Лана изъ ссылки они будутъ подвергнуты смертной казни, но на это не согласилось большинство посланниковъ, почему онъ лично заявилъ что предоставляетъ себѣ право сдѣлать такое заявленіе впослѣдствіи, при этомъ онъ признается что не ожидаетъ ничьей поддержки кромѣ германскаго и австрійскаго посланниковъ. Даже посланники японскій и италіянскій не надежны, добавилъ онъ. Такимъ образомъ Шуанъ и Ланъ остались въ живыхъ. Ли-Хунъ-Чжанъ сталъ хлопотать о помилованіи Инь-Ньена и Шао-Шу (или Фу); Шао и лично ходатайствовалъ объ этомъ передъ англійскимъ посланникомъ, но сэръ Э. Сатоу отказалъ и маркизъ Лянсдаунъ подтвердилъ его отказъ.

Однако Китайскій императоръ издалъ указъ не вполнѣ согласный съ требованіями державъ. Во-первыхъ, о возможной казни Туана и Лана ничего въ этомъ указѣ не упомянуто, а они просто ссылались въ Туркестанъ, во-вторыхъ, принцу Шуану назначено самоубійство, а не казнь, и въ-третьихъ, Инь-Ньенъ и Шао-Шу-Шіао подвергнуты заключенію въ ожиданіи казни, а не прямо обезглавлены, а Тунь-Фу-Ціанъ просто разжалованъ и ничего не упомянуто объ ожидающемъ его наказаніи болѣе строгомъ. Это возмущаетъ сэра Э. Сатоу который телеграфируетъ что 18 февраля на совѣщаніи посланниковъ онъ будетъ настаивать на примѣненіи въ точности упомянутыхъ въ нотѣ наказаній.

Дѣйствительно, 18 февраля посланники подписали колективное заявленіе въ подтвержденіе своихъ требованій о наказаніяхъ для

Digitized by Google

виновныхъ сановниковъ, и маркизъ Ляндаунъ выразилъ свое одобреніе сэру Э. Сатоу телеграмой, не смотря на то что отъ Янъ-Цзы-Цзянскихъ вице-королей, personae gratae для англійскаго правительства, поступило ходатайство о помилованіи несчастнаго Шао-Шу-Шіао который повидимому не принималъ участія въ боксерскомъ движеніи.

Тутъ начинается уже активное вмѣшательство Россіи въ вопросъ о казняхъ. 20-го февраля петербургскій посолъ телеграфируетъ маркизу Ляндауну:

Въ разговорѣ съ графомъ Ламсдорфомъ сегодня его превосходительство заговорилъ объ указахъ Китайскаго императора назначающихъ наказанія виновнымъ и о требованіяхъ иностранныхъ представителей въ Пекинѣ. Для того чтобы ничѣмъ не разстраивать концерта державъ, сказалъ онъ, русскому посланнику разрѣшено было присоединиться къ нотѣ отъ 6-го февраля, но русское правительство, исходя изъ составленнаго имъ мнѣнія о лучшемъ ходѣ переговоровъ, не можетъ присоединиться къ дальнѣйшимъ настояніямъ на смертныхъ казняхъ такъ же какъ и къ дальнѣйшимъ военнымъ дѣйствіямъ, о чемъ державы поставлены въ извѣстность. Повидимому, его превосходительство полагаетъ что незачѣмъ ставить вопросъ о дальнѣйшихъ переговорахъ въ зависимость отъ назначенія смертныхъ казней и что слѣдуетъ удовлетвориться наиболѣе строгими карами которыя императоръ въ силахъ привести въ исполненіе.

Графъ Ламсдорфъ сказалъ что въ случаѣ если другія державы найдутъ необходимымъ настаивать опять на смертныхъ казняхъ, Россія воздержится отъ этого, но онъ добавилъ что на это никоимъ образомъ не слѣдуетъ смотрѣть какъ на указаніе что Россія намѣревается отдѣлиться отъ концерта или вступить въ отдѣльные переговоры съ Китаемъ.

Однако 26-го февраля Китай уступилъ и императоръ издалъ указъ о наказаніи сановниковъ во всемъ согласный съ требованіями посланниковъ, съ тою только разницею что Инь-Ньену и Ша-Шу-Шіао вмѣсто казни назначалось самоубійство.

Донося объ этомъ сэръ Э. Сатоу выражаетъ мнѣніе что противъ этого не стоитъ спорить, такъ какъ онъ считаетъ это разногласіе „обстоятельствомъ неважнымъ“.

Дѣйствительно, требовалось только спровадить людей на тотъ свѣтъ, а какимъ путемъ это ужь былъ вопросъ второстепенный.

Но одновременно возникли новыя требованія наказаній для низшихъ чиновниковъ виновныхъ въ допущеніи убійствъ европейцевъ, и 23-го февраля сэръ Э. Сатоу телеграфируетъ что замѣчается склонность къ мягкому отношенію къ виновнымъ. Соединенные Штаты отказываются отъ дальнѣйшихъ казней, Австро-Венгрія, Германія (и ты, Брутъ!), Японія, Россія и Испанія не склонны требовать казней, такъ

Digitized by Google

что новый списокъ изъ одиннадцати именъ имъ заготовленный едва ли пройдетъ на совѣщаніи посланниковъ. На это маркизъ Ляндаунъ немедленно отвѣчаетъ: „Требуйте казней".

28-го февраля состоялось совѣщаніе, но опасенія сэра Э. Сатоу не оправдались. Протестовалъ только одинъ русскій посланникъ. Сатоу спрашиваетъ, настаивать ли ему на казняхъ? Затѣмъ въ телеграмѣ отъ 13-го марта онъ добавляетъ что по соглашенію съ германскимъ посланникомъ и съ согласія остальныхъ, кромѣ русскаго, рѣшено просить разрѣшенія обойтись безъ согласія Россіи и представить Китайцамъ требованія о новыхъ казняхъ.

Очевидно, за тринадцать дней, съ 28-го февраля, происходили переговоры, о которыхъ Синяя книга умалчиваетъ. Изъ напечатанныхъ документовъ видно только что маркизъ Ляндаунъ 13-го же марта телеграфировалъ англійскому послу въ Берлинъ что онъ поддерживаетъ взглядъ посланниковъ англійскаго и германскаго въ Пекинѣ по вопросу о требованіи казней.

18-го марта англійскій посолъ въ Вѣнѣ доноситъ что австро-венгерскій посланникъ въ Пекинѣ получилъ распоряженіе дѣйствовать въ дѣлѣ о наказаніяхъ согласно съ посланниками германскимъ и англійскимъ.

23-го марта сэръ Э. Сатоу телеграфируетъ:

Сегодня я предложилъ посланникамъ поддерживающимъ требованіе о казняхъ послать отдѣльную ноту китайскимъ уполномоченнымъ. Французское правительство еще не прислало инструкцій, но если г. Пишонъ будетъ согласенъ, то всѣ согласятся кромѣ русскаго представителя.

21-го марта сэръ Ч. Скоттъ доноситъ что „русское правительство не желаетъ участвовать въ требованіи казней, но ничего не сдѣлаетъ чтобы помѣшать исполненію этого требованія и не выйдетъ изъ концерта".

Это очевидно развязало руки Франціи и 2-го апрѣля ея представитель вмѣстѣ съ другими, кромѣ представителя Россіи, подписали отдѣльную ноту требующую новыхъ одиннадцати головъ.

Изъ Синей книги не видно приведена ли эта нота въ исполненіе, но если кровожадность Англіи удовлетворена, то по крайней мѣрѣ этой крови Россія не повинна.

Англія хвастается своей дипломатической побѣдой, но Рос справедливѣе могла бы хвалиться побѣдой нравственной. Синяя к тѣмъ же Китайцамъ докажетъ что среди иноземныхъ варваровъ хлынувшихъ на Китай для эксплоатаціи его съ помощью англійск и нѣмецкихъ культуртрегеровъ и ихъ авангарда, мнимо-христіанск

Digitized by Google

мисіонеровъ съ ихъ сентиментальною проповѣдью, одна только Россія соблюла заповѣдь „не убій“ одинаково священную для всѣхъ религій.

Если она убивала, защищаясь и отражая врага, то вызвана была на это необходимостію. Когда же необходимость миновала, когда прекратился бой, она вложила мечъ въ ножны и жизнь бывшихъ враговъ стала для нея равноцѣнною съ жизнью собственныхъ дѣтей ея.

Этотъ актъ христіанскаго человѣколюбія, надо надѣяться, больше сдѣлаетъ для распространенія христіанства въ Китаѣ чѣмъ всѣ словоизверженія мисіонеровъ проповѣдующихъ всепрощеніе и тутъ же взывающихъ о мести.

Россія умѣетъ прощать, но не знаетъ мести. Доказала она это передъ лицомъ всего міра.

Что значитъ передъ этой побѣдой истиннаго христіанства мелкое удовлетвореніе грошеваго дипломатическаго самолюбія достигнутое маркизомъ Лянсдауномъ и его кровожадными присными?

Странникъ.

Письмо изъ Босно-Герцеговины.

Мостаръ, 22 (9) августа.

I.

Бѣдная Австрія! Бѣдное окупаціонное правительство! Бѣдный г. Каллай! И нужно же было поддаться имъ на удочку честолюбиваго Мадьяра графа Юліуса Андраши и хитроумнаго Нѣмца князя Бисмарка! Русскіе проливали кровь за освобожденіе Славянъ на Балканскомъ полуостровѣ, а Австрія получила въ опеку Боснію и Герцеговину, ибо нельзя же было въ самомъ дѣлѣ отдать Боснію Сербіи, а Герцеговину Черногоріи. Съ нѣмецкой точки зрѣнія, которая преобладала на Берлинскомъ конгресѣ, полагали поймать сразу двухъ зайцевъ: съ одной стороны умалить вліяніе Россіи на Балканскомъ полуостровѣ, а съ другой перемѣстить центръ тяжести Габсбургской монархіи изъ центральной въ юго-восточную Европу для того чтобы Гогенцолернамъ было тамъ немножко вольготнѣе .. Сверхъ того князь Бисмаркъ вѣроятно уже тогда задумывалъ свой союзъ съ Австро-Венгріей налагавшій на нее тяжелую контрибуцію, и Босно-Герцеговина представляла цѣну за этотъ союзъ, которую Германія выплатила Австро-Венгріи.

Какъ бы то ни было, но Австро-Венгрія легкомысленно согласи-

Digitized by Google

лась принять осиротѣлыя турецкія провинціи на свое попеченіе. Нѣкоторые доморощенные политики вдолбили ей въ голову что эти двѣ провинціи являются для нея жизненною необходимостію, ибо онѣ-де составляютъ Hinterland къ Далматской береговой полосѣ, безъ обладанія которымъ и самой этой полосѣ грозитъ постоянная и серіозная опасность. Кромѣ того ей ставили на видъ что не даромъ же она давала у себя пріютъ и кормила около 30 тысячъ бѣжавшихъ къ ней изъ Босно-Герцеговины повстанцевъ. То что эти провинціи были отданы ей только на попеченіе безъ обозначенія срока, но во всякомъ случаѣ лишь временно, нисколько ее не смущало, ибо тѣ политики говорили ей: „Войди только, а тамъ ты укрѣпишься въ странѣ такъ что станешь ея полнымъ хозяиномъ и сможешь всякому приказу противопоставить очень реальное сопротивленіе..."

И Австрія вошла въ страну и стала съ плеча распоряжаться въ ней какъ полновластный хозяинъ, но скоро должна была разочароваться и убѣдиться что она въ странѣ не полный хозяинъ.

Послѣ умиротворенія вспыхнувшаго возстанія она стала, правда, немножко осторожнѣе и осмотрительнѣе относиться къ опекаемымъ провинціямъ, но слишкомъ много уже было напорчено чтобы можно было скоро все исправить. Окупаціонное правительство, во главѣ котораго былъ поставленъ уже тогда г. Каллай, выбивалось изъ силъ въ поискахъ за подходящимъ режимомъ. Оно продолжаетъ дѣлать это еще въ настоящее время. Но все снова и снова должно убѣдиться что, покуда само его положеніе въ странѣ является временнымъ и не прочно установленнымъ, до тѣхъ поръ и самый идеальный режимъ окажется непригоднымъ.

II.

Заведенный г. Каллаемъ въ Босніи и въ Герцеговинѣ режимъ является въ политическомъ отношеніи вполнѣ абсолютнымъ. Населеніе принимаетъ нѣкоторое участіе только въ судопроизводствѣ какъ уголовномъ, такъ и гражданскомъ, да еще въ нѣкоторыхъ отрасляхъ экономической жизни страны, во всемъ же остальномъ оно лишено всякаго вліянія на теченіе государственной жизни.

— Страна управляется въ такой же мѣрѣ абсолютно какъ Россія, сказалъ мнѣ католическій епископъ въ Мостарѣ г. Буценовичъ.

Политическихъ обществъ или союзовъ не существуетъ въ странѣ никакихъ, мѣстная печать подвержена предварительной цензурѣ очень строгой и очень тягостной. Единственный выходящій въ Мостарѣ сербскій независимый органъ *Српскій Вјестник* цензуруется въ

Сараевѣ и въ Мостарѣ, что̀ является для газеты уже крупнымъ техническимъ затрудненіемъ. Иностранныя газеты, особенно русскія и сербскія, но также нѣкоторыя хорватскія относящіяся отрицательно къ дѣятельности окупаціоннаго правительства, не имѣютъ входа въ страну. Политическія собранія безусловно запрещены. Общинная автономія существуетъ только очень ограниченная, такъ какъ самоуправленіе находится въ рукахъ главнымъ образомъ правительственныхъ людей. Въ Мостарѣ, напримѣръ, городская дума состоитъ изъ 20 гласныхъ. Изъ этого числа только одиннадцать избираетъ населеніе. Остальные же 9, въ томъ числѣ и голова (мусульманинъ) и два его товарища (одинъ православный, а другой католикъ) назначаются правительствомъ. Сверхъ того на рѣшенія городской думы имѣетъ сильное вліяніе градоначальникъ, такъ какъ эти рѣшенія получаютъ законную силу лишь послѣ подтвержденія ихъ этимъ правительственнымъ лицомъ.

Подъ такимъ же правительственнымъ надзоромъ находятся и тѣ корпораціи, въ вѣдѣніи которыхъ находится управленіе духовными имуществами, какъ напримѣръ, сербскими церковными фондами и магометанскими вакуфами.

Такимъ образомъ черезъ все управленіе страною красною нитью проходитъ принципъ что вся и все въ общественной, церковной и государственной жизни окупаціонныхъ провинцій должно быть подчинено государственной власти и ея непосредственному вліянію.

Мы послѣдніе, которые станутъ противъ этого принципа спорить. Все это было бы прекрасно, еслибы окупаціонное правительство было славянское и имѣло въ виду одни только славянскіе интересы. Къ сожалѣнію, этого про него сказать нельзя. Въ окупаціонныхъ провинціяхъ хорватскій элементъ, какъ элементъ католическій, какъ элементъ стремящійся къ осуществленію своихъ національныхъ идеаловъ черезъ Австрію и въ Австріи, является какъ таковой элементомъ чисто-правительственнымъ. При началѣ окупаціи мѣстная власть такъ прямо и ухватилась за этотъ элементъ и стала править страною въ хорватскомъ духѣ. Но это привело къ очень грустнымъ результатамъ. Сказать что возстаніе 1882 года было вызвано однимъ этимъ обстоятельствомъ было бы рискованно, но оно, несомнѣнно, было одною изъ главныхъ причинъ.

Какъ отмѣнный знатокъ сербскаго народа г. Каллай превосходно понималъ что такая политика для Босніи и Герцеговины абсолютно не годится. Перенести на эту мало-культурную почву вѣковѣчный сербо-хорватскій споръ онъ опасался. Но вмѣсто того чтобы стать между обоими этими народами (если уже угодно видѣть въ раздвоившихся вѣтвяхъ одного и того же народа два различные народа) и

принять на себя роль примирителя путемъ справедливаго удовлетворенія справедливыхъ требованій того и другаго, г. Каллай рѣшилъ отрицать существованіе въ Босно-Герцеговинѣ сербскаго и хорватскаго народовъ и, ссылаясь на существованіе тамъ не болѣе одной трети населенія магометанскаго исповѣданія, не принадлежащей ни сербской, ни хорватской народности, но, очевидно, составляющей вмѣстѣ съ православными и съ католиками обѣихъ провинцій одинъ народъ, сталъ утверждать что онъ открылъ новое славянское племя и новый славянскій языкъ, а именно спеціально босно-герцеговинскій или просто „земельный", то-есть, мѣстный. Выдумка г. Каллая или его историческое открытіе привело именно къ мелкому, но систематическому на каждомъ шагу отравленію повседневной жизни мѣстнаго христіанскаго населенія обѣихъ провинцій. Въ глазахъ мелкаго чиновника думающаго только о томъ чтобы выслужиться передъ начальствомъ уже было государственнымъ преступленіемъ употребленіе слова „сербскій" или „хорватскій". Нельзя было говорить, писать или печатать „сербскій языкъ", „хорватская литература" и т. д. Изо всѣхъ учебниковъ народныхъ школъ было изгнано всякое упоминаніе про сербскій народъ. О Россіи никто не смѣлъ сказать добраго слова, да и теперь не смѣетъ безъ риска прослыть въ глазахъ начальства отъявленнымъ бунтовщикомъ и заговорщикомъ. Точно также про Сербію, про Черногорію. Въ Мостарѣ Хорваты чуть не десять лѣтъ должны были бороться за право называть свое пѣвческое общество „хорватскимъ". А сколько силъ должны были потратить Сербы чтобы добиться права называть свои церковныя школы сербскими и вообще присовокуплять къ своимъ культурнымъ и народно-образовательнымъ учрежденіямъ эпитетъ „сербскій!"

Все это конечно мелочи. Но Господи! Изъ этихъ-то мелочей состоитъ вся наша жизнь. Сараевскій сербскій митрополитъ высокопреосвященный Николай Мандычъ несомнѣнно одинъ изъ наиболѣе благоразсудительныхъ и мирно настроенныхъ по отношенію къ окупаціонному правительству сербскихъ людей. Тѣмъ не менѣе въ разговорѣ со мною и онъ горько жаловался на невозможныя придирки со стороны подчиненнаго чиновничества подобраннаго не всегда удачно. Въ этой придирчивости и онъ склоненъ видѣть одну изъ главныхъ причинъ непримиримости со стороны нѣкоторой части с ской интелигенціи.

III.

Справедливость требуетъ замѣтить что окупаціонное прави ство, стараясь достигнуть въ національномъ отношеніи какой

Digitized by Google

стракція, не задается въ этомъ направленіи ни германизаторскими, ни мадьяризаторскими цѣлями. Внутренній языкъ правительственныхъ учрежденій и чиновниковъ, правда, нѣмецкій языкъ. Этого яко-бы требуетъ единство управленія. Но въ обращеніи съ населеніемъ въ употребленіи находится исключительно сербо-хорватскій языкъ. На этомъ языкѣ происходятъ судопренія и разбирательства во всѣхъ судебныхъ инстанціяхъ, въ административныхъ и финансовыхъ учрежденіяхъ; на этомъ языкѣ составляются всѣ рѣшенія, протоколы, опредѣленія, постановленія и прочіе письменные акты и документы. Только правительственныя объявленія вывѣшиваемыя для общаго свѣдѣнія публикуются кромѣ сербо-хорватскаго языка (кирилицей и латиницей) еще на нѣмецкомъ языкѣ, а часто также еще на турецкомъ. Это послѣднее предетавляетъ собою лойяльность которая, въ сущности, не находитъ себѣ никакого оправданія, такъ какъ и изъ магометанъ мало кто умѣетъ читать по-турецки, а еще меньше кто понимаетъ этотъ языкъ. Между тѣмъ, напримѣръ, въ Сараевѣ и въ Мостарѣ, также въ другихъ городахъ Босно-Герцеговины, всѣ названія улицъ и площадей, а также всѣ вообще публичныя надписи сдѣланы кирилицей и латиницей и еще турецкимъ шрифтомъ. Это по-нашему совершенно излишнее кокетничаніе съ магометанскимъ населеніемъ, которое окупаціонное правительство усвоило себѣ съ первыхъ шаговъ своей дѣятельности въ странѣ.

Въ результатѣ такого отношенія къ магометанамъ получилось только возрастаніе ихъ апетитовъ и ихъ требовательности. До какой несуразности дошла эта требовательность можно судить изъ того что находящаяся въ опозиціи къ окупаціонному правительству часть магометанской интелигенціи требуетъ чтобы въ магометанскихъ народныхъ школахъ было введено обязательное преподаваніе турецкаго языка. Цѣлые вѣка подъ Турціей магометанское населеніе упорно отстаивало неприкосновенность своего роднаго славянскаго языка и о турецкомъ языкѣ знать ничего не хотѣло. Только теперь при окупаціи оно вдругъ почувствовало въ своей груди необычайную нѣжность къ турецкому языку! Вотъ къ какимъ чудовищнымъ результатамъ приводитъ иногда излишняя и неумѣстная угодливость!

Преподавательскій языкъ во всѣхъ школахъ исключительно сербо-хорватскій, и нѣмецкій языкъ изучается какъ обязательный предметъ только въ среднеучебныхъ заведеніяхъ. О мадьярскомъ языкѣ нигдѣ ни малѣйшаго помина, не смотря на то что г. Каллай самъ Мадьяръ и не смотря на то что Мадьяры сильно засматриваются на окупаціонныя земли, а австрійскіе Нѣмцы настаиваютъ на томъ чтобы эти земли были присоединены къ Транслейтаніи, но отнюдь не къ

Цислейтаніи; ужь очень они боятся прибавки къ австрійскимъ Славянамъ еще 1½ миліона новыхъ Славянъ!

IV.

Религія играетъ у населенія Босно-Герцеговины необычайно важную роль, ибо по религіи оно дѣлится на три различныя, находящіяся въ антагонизмѣ части. Національное самосознаніе развито только у сербскаго, то-есть, православнаго населенія. Если вы спросите православнаго, кто ты такой? то онъ отвѣтитъ вамъ, безразлично интелигентъ или простой крестьянинъ: „Я самъ Сербинъ". Католикъ же на этотъ самый вопросъ отвѣтитъ вамъ: „Ja sam katolice", а магометанинъ: „Ja sam turcin". Объясняется національное самосознаніе присущее въ Босно-Герцеговинѣ по преимуществу однимъ лишь Сербамъ тѣмъ что сербская церковь всегда была и до сихъ поръ осталась церковью національною. Если кто говоритъ „я самъ Сербинъ", то этимъ отвѣтомъ онъ признаетъ свою принадлежность не только къ сербской національности, но и къ православной церкви. Окупаціонное правительство, какъ уже было замѣчено выше, руководится въ своихъ отношеніяхъ ко всѣмъ тремъ частямъ населенія исключительно только религіознымъ моментомъ. Поскольку населеніе допущено къ самоуправленію, къ участію въ судопроизводствѣ и т. д., правительство строго проводитъ и на выборахъ, и при назначеніи религіозное равенство. Соотвѣтственно числу населенія той или другой изъ трехъ религій избирается или назначается число православныхъ, католическихъ и магометанскихъ представителей въ то или другое учрежденіе. Тамъ, гдѣ это должно быть достигнуто путемъ выборовъ, которые происходятъ по участкамъ, то заранѣе объявляется, какое число должно быть избрано католиковъ, православныхъ и т. д.

Окупаціонное правительство, такимъ образомъ, во всѣхъ случаяхъ самоуправленія и равномѣрнаго участія населенія въ обязанностяхъ по отношенію къ государству какъ бы санкціонируетъ группировку его по религіямъ. Только въ своей школьной политикѣ правительство этого принципа не хочетъ придерживаться. Здѣсь, напротивъ, оно старается перемѣшать и сблизить между собою всѣ религіи. Всѣ правительственныя школы безъ исключенія интерконфесіональныя. Законъ Божій преподаютъ въ нихъ соотвѣтствующіе духовники за особенное вознагражденіе отъ правительства. Такіе законоучители имѣются и въ элементарныхъ школахъ, и въ средне-учебныхъ заведеніяхъ. Кромѣ того въ элементарныхъ школахъ Сербы получаютъ уро-

Digitized by Google

ники напечатанные кирилицею, тогда какъ для католиковъ и магометанъ эти учебники печатаются латиницей. Такъ какъ содержаніе учебниковъ вполнѣ одно и то же, ибо они предназначены для дѣтей однихъ классовъ, то правительство поневолѣ должно было прибѣгнуть къ фальсификаціямъ и къ недомолвкамъ. Такъ нигдѣ въ учебникахъ не упоминается, какой изучается языкъ. Говорится только о мѣстномъ языкѣ, но не упоминается ни сербскій, ни хорватскій, ни сербохорватскій, ибо ни одно изъ этихъ названій не подходитъ подъ вкусы всего населенія страны. Магометане ничего не хотятъ слышать ни о сербскомъ, ни о хорватскомъ языкахъ, Сербы не признаютъ хорватскаго, а Хорваты не признаютъ сербскаго языка. На меня и Сербы, и Хорваты обижались и строго мнѣ выговаривали, если я толковалъ съ ними о сербо-хорватскомъ языкѣ или о сербо-хорватскомъ народѣ. Каково же тутъ быть правительству?! Одинъ этотъ фактъ уже показываетъ, въ какомъ страшно затруднительномъ положеніи оно находится и какъ ложна его школьная политика при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ въ странѣ. Не мое дѣло преподавать окупаціонному правительству какіе-либо совѣты, но такъ дѣла долго идти не могутъ. Въ элементарныхъ школахъ не преподается вовсе исторія сербскаго, ни хорватскаго народа, а толкуется только про „земольскую“ исторію. Въ сербскихъ церковныхъ школахъ содержимыхъ на частныя средства церковныхъ фондовъ нѣтъ даже и учебника исторіи, и учителя преподаютъ этотъ предметъ ученикамъ наизусть и руководствуясь тайкомъ для себя изданіемъ въ Сербіи и запрещеннымъ въ Босно-Герцеговинѣ учебникомъ сербской исторіи.

Это ненормально и правительство сознаетъ эту ненормальность, но искать и найти изъ нея выходъ не рѣшается...

V.

Что касается церковнаго управленія, то государство несетъ расходы по содержанію высшаго духовенства всѣхъ трехъ религій, а также по содержанію тѣхъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ приготовляются духовники этихъ религій. Обыкновенные и чрезвычайные расходы на эти предметы равняются по бюджету суммѣ свыше 300.000 гульденовъ въ годъ.

Низшее духовенство не имѣетъ отъ правительства никакого жалованія, но получаетъ отъ него вспомоществованія, смотря по доходности прихода и по семейному положенію священника. Католическіе священники, какъ люди безсемейные, менѣе нуждаются во вспомо-

ществованіяхъ. Въ этихъ вспомоществованіяхъ священникамъ со стороны правительства опозиціонные Сербы хотятъ видѣть простой подкупъ священниковъ. Они требуютъ чтобы отпускаемыя правительствомъ на вспомоществованія деньги выдавались имъ на руки церковнымъ общинамъ и чтобы уже тѣ распредѣляли ихъ между нуждающимися священниками, съ чѣмъ правительство конечно не соглашается.

Католики не обладаютъ никакимъ церковнымъ имуществомъ и о нихъ, слѣдовательно, нечего говорить. Имъ такого имущества и не нужно, такъ какъ объ нихъ въ достаточной мѣрѣ заботится Римъ и конгрегація пропаганды. Зато магометане располагаютъ огромнымъ имуществомъ носящимъ спеціальное названіе вакуфъ. Этимъ имуществомъ управляетъ вакуфная комисія (дирекція) имѣющая еще субъ-комисію, состоящая исключительно изъ магометанъ и находящаяся подъ ближайшимъ контролемъ властей. Вакуфное имущество служитъ исключительно религіознымъ нуждамъ.

Православные Сербы не имѣютъ для удовлетворенія своихъ религіозныхъ нуждъ общаго церковнаго имущества, но каждая церковная община заботится отдѣльно для себя объ удовлетвореніи сихъ нуждъ. Въ сельскихъ общинахъ вѣдѣніе и управленіе имущественными дѣлами церкви, то-есть, завѣдываніе существующимъ имуществомъ церкви, движимымъ и недвижимымъ, а также взысканіе добровольно распредѣленнаго между собою церковнаго налога, находятся всецѣло на обязанности священника при содѣйствіи избранной комисіи изъ церковныхъ туторовъ (попечителей).

Иначе обстоятъ въ этомъ отношеніи дѣла въ городахъ. Тутъ еще задолго до окупаціи завѣдываніе и управленіе церковнымъ имуществомъ захватила въ свои руки богатая сербская свѣтская интелигенція принадлежавшая исключительно къ вліятельному купеческому сословію. Духовенство играло здѣсь только очень подчиненную роль. При турецкомъ господствѣ мѣстные митрополиты были почти исключительно Греки не понимавшіе даже языка населенія, а низшее духовенство стояло на очень низкой ступени развитія и образованія. Часто священникъ не умѣлъ даже читать и совершалъ богослуженіе по памяти, только кое-какъ и съ грѣхомъ пополамъ. Всѣ заботы о церкви, о построеніи и о содержаніи ея, о покрытіи текущихъ расходовъ на народное образованіе, на построеніе и содержаніе школъ, трудное и не всегда даже безопасное отстаиваніе интересовъ церкви и народныхъ школъ передъ турецкими властями, все это находилось исключительно въ рукахъ богатаго и вліятельнаго сербскаго купечества. Греческіе митрополиты заботились лишь о томъ чтобы всякими путями увеличивать лишь свои доходы и прибѣгали для этого ко

Digitized by Google

грубой силѣ турецкихъ властей, а нищіе и темные попы и понятія не имѣли какъ приняться за дѣло.

Такимъ образомъ городскія церковныя общины захватили еще подъ турецкимъ владычествомъ всю власть въ церковныхъ дѣлахъ въ свои руки. Онѣ совершенно игнорировали духовенство и сдѣлались вполнѣ независимыми даже отъ митрополита не умѣвшаго и не желавшаго вникать въ эти дѣла или заботиться о церковныхъ интересахъ. Этимъ путемъ создалось и въ Босно-Герцеговинѣ то положеніе, которое наблюдается въ православной церкви другихъ турецкихъ провинцій еще въ настоящее время: митрополиты не имѣвшіе въ національномъ отношеніи ничего общаго съ населеніемъ своей митрополіи были отстранены отъ всего выходящаго за предѣлы чисто духовныхъ дѣлъ, а низшее духовенство было поставлено въ зависимое отъ общины и подчиненное ей положеніе, мало чѣмъ разнившееся отъ положенія школьнаго учителя или другаго состоящаго у общины служащаго. Община стояла надъ священникомъ, который не только не предсѣдательствовалъ, но и не былъ членомъ церковнаго совѣта. Независимость общины отъ митрополита была до такой степени полная что даже самыя церкви общины считали своею частною собственностію, которою митрополитъ безъ соглашенія съ нею не можетъ распоряжаться.

Съ теченіемъ времени церковныя общины большихъ городовъ захватили въ свои руки также власть надъ меньшими сосѣдними церковными общинами и надъ имуществомъ находившихся вблизи городовъ монастырей. Такъ напримѣръ, Мостарская церковная община самостоятельно завѣдывала и управляла имуществомъ основаннаго семействомъ Милорадовичей въ 1585 г. вблизи Мостара монастыря Житомислица. Нѣсколько лѣтъ послѣ окупаціи этому воспротивился нынѣшній герцеговинскій митрополитъ высокопреосвященный Серафимъ Перовичъ и положилъ этой ненормальности предѣлъ. Это былъ первый поводъ къ возгорѣвшемуся впослѣдствіи и продолжающемуся еще нынѣ конфликту между церковными общинами Мостара и Сараева и духовенствомъ.

Но не будемъ забѣгать впередъ.

Съ момента окупаціи это положеніе вещей существенно измѣнилось. Такъ какъ сербская церковь въ Босно-Герцеговинѣ подчинена вселенскому патріархату въ Константинополѣ, то австро-венгерское правительство постаралось еще въ 1880 году установить отношенія къ патріархату въ томъ смыслѣ что по заключенной конвенціи митрополитовъ въ Босніи и въ Герцеговинѣ назначаетъ австрійскій императоръ и отнюдь не Грековъ, а мѣстныхъ уроженцевъ или Сербовъ изъ Габсбургской монархіи.

Digitized by Google

Положеніе дѣлъ измѣнилось еще въ томъ отношеніи что высшее духовенство стало вполнѣ обезпеченнымъ и значительно улучшилось матеріальное положеніе также и низшаго духовенства. Постепенно сталъ также возвышаться и образовательный уровень этого духовенства. Эти обстоятельства раньше или позже должны были привести къ конфликтамъ между свѣтскими церковными общинами и духовенствомъ начинавшимъ отстаивать и добиваться обратно отнятыхъ у него правъ. Церковныя общины въ свою очередь стали на дыбы, и возгорѣлась борьба.

Я уже сказалъ выше что началась борьба въ Мостарѣ и велась она главнымъ образомъ противъ митрополита Серафима Перовича. Теперь эта борьба перешла и въ Сараево. Ведется она со стороны общины оригинальнымъ, чтобы не употреблять болѣе рѣзкаго слова, средствомъ, а именно бойкотомъ. Недовольные обходятъ церковь и священническій домъ; они не посѣщаютъ службъ, хоронятъ своихъ мертвыхъ безъ отпѣванія, не вѣнчаются въ церкви и не крестятъ дѣтей. Ни дать, ни взять, рабочая стачка!

Въ оправданіе своихъ поступковъ недовольные выдвигаютъ противъ духовенства обвиненіе въ томъ что оно продалось правительству и стремится теперь ввести унію. Мостарскій вожакъ недовольныхъ г. Перо Шолатокъ прямо и сказалъ митрополиту Перовичу: „Ты не сербскій митрополитъ, ибо ты уніатъ!“ А между тѣмъ въ турецкія времена этотъ самый Серафимъ Перовичъ, воспитанникъ Кіевской духовной академіи, былъ однимъ изъ самыхъ популярныхъ пастырей въ Герцеговинѣ и былъ сосланъ Турціей за свои политическія убѣжденія въ Триполисъ, гдѣ онъ находился семь лѣтъ.

Въ разговорахъ со мною высокопреосвященный Перовичъ, которому теперь 79 лѣтъ отъ рода, тщательно избѣгалъ бесѣдъ на тему продолжающейся еще борьбы: ему очевидно не хотѣлось жаловаться на людскую несправедливость. Я видался съ нимъ въ теченіе недѣли, которую я провелъ въ Илиджѣ-Ганѣ, почти ежедневно. Но ни раза я отъ него не услышалъ ни одной жалобы.

Лашинъ.

Digitized by Google

Изъ текущей жизни.

Духовный или свѣтскій судъ долженъ вѣдать бракоразводныя дѣла?—Компромиссъ предложенный *Церковнымъ Вѣстникомъ* и несостоятельность его.—Работа или продовольственная ссуда?—Вольныя работы и роспуски солдатъ по домамъ.—„Умаленіе земствъ“ и „недостатки“ земскихъ оцѣночныхъ работъ.—Два слова о выигрышныхъ билетахъ.

Совершенно неожиданно, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, наша повременная печать заговорила о передачѣ бракоразводныхъ дѣлъ изъ духовнаго суда въ свѣтскій. Компанію началъ *Церковный Вѣстникъ*. Газета прежде всего думаетъ что большая гласность судопроизводства въ свѣтскомъ судѣ, большое количество участвующихъ въ немъ лицъ должны явиться задерживающими обстоятельствами для самаго начинанія бракоразводныхъ дѣлъ.

Не всякій и устремится на такой открытый судъ, участники котораго завтра же могутъ разгласить о видѣнномъ и слышанномъ. Еще стѣснительнѣе окажется подобный судъ для свидѣтелей, которые говорятъ въ настоящее время по предварительной спѣвкѣ, чтобы не стать въ противорѣчіе другъ съ другомъ. На свѣтскомъ судѣ, кромѣ судей и прокурора, самыя стороны и каждый изъ присяжныхъ засѣдателей могутъ предложить свидѣтелю вопросы не только о существѣ его показанія, что онъ видѣлъ и слышалъ, но и о томъ, можетъ ли онъ подтвердить истину своего показанія, то-есть, объ обстоятельствахъ удостовѣряющихъ что свидѣтель дѣйствительно могъ видѣть и слышать то о чемъ показываетъ.

Возлагаемыя газетою надежды на свѣтскій судъ нельзя не признать крайне преувеличенными. Бороться съ организованнымъ лжесвидѣтельствомъ безсиленъ и онъ. Вѣдь наказаніе за ложное свидѣтельство подъ присягою совершенно одинаково, будетъ ли дано показаніе въ свѣтскомъ или духовномъ судѣ. Отсюда прямой выводъ что если человѣкъ не боится клятвопреступленія въ судѣ духовномъ, то онъ не испугается его и въ судѣ свѣтскомъ. Предусмотрѣть же тѣ вопросы, которые будутъ предложены сторонами, опытному лжесвидѣтелю вовсе не трудно. Да и кто станетъ опровергать его и уличать его во лжи? Дѣйствительное нарушеніе святости брака доказать всегда очень трудно, такъ какъ публично оно не производится, а случайно открывшіяся доказательства обыкновенно бываютъ слишкомъ блѣдны и слабы. Когда же разводъ происходитъ по обоюдному согласію, когда одна сторона „беретъ вину на себя“, то между обвинителемъ и обвиняемымъ существуетъ такое трогательное единеніе что во лжи свидѣтеля уличать не только не будутъ, а напротивъ еще всѣми способами поддержатъ его показанія.

Digitized by Google

Не испугаетъ и гласность свѣтскаго суда. Прежде всего всѣ подобныя дѣла разбираются при закрытыхъ дверяхъ, печатныхъ отчетовъ о нихъ быть не можетъ, такъ чего же и бояться? Разглашенія подробностей дѣла участвующими на судѣ лицами? Но развѣ такое разглашеніе не возможно въ судѣ духовномъ? Развѣ съ подробностями дѣла тамъ не бываютъ знакомы члены консисторіи, секретари, столоначальники, ихъ помощники и писцы? Кто же мѣшаетъ имъ разгласить всѣ пикантныя подробности бракоразводнаго процеса? Законъ? Но онъ запрещаетъ это и участникамъ свѣтскаго суда. Нѣтъ, эти доводы *Церковнаго Вѣстника* носятъ чисто теоретическій характеръ и не выдерживаютъ никакой критики съ практической точки зрѣнія.

Нельзя признать основательнымъ и другой взглядъ журнала что соблазнительная сторона бракоразводнаго процеса вредно вліяетъ на участвующихъ въ немъ духовныхъ лицъ. Да развѣ этимъ же самымъ лицамъ не приходится слышать на исповѣди вещей еще болѣе ужасныхъ? Наконецъ, члены консисторій бываютъ обыкновенно людьми семейными и пожилыми.

Церковный Вѣстникъ прекрасно понимаетъ что̀ такое бракъ и говоря о передачѣ бракоразводныхъ дѣлъ свѣтскому суду онъ въ сущности хочетъ передать ему только изслѣдованіе факта нарушенія святости брака, оставляя расторженіе его за судомъ духовнымъ. Посмотримъ, къ чему это могло бы привести?

Какой свѣтскій судъ долженъ вѣдать бракоразводныя дѣла? Конечно, уголовный, а не гражданскій, такъ какъ нарушеніе святости брака есть проступокъ въ извѣстныхъ случаяхъ влекущій за собою уголовную кару. По дѣйствующимъ законамъ виновный супругъ приговаривается къ безбрачію, то-есть, теряетъ одно изъ весьма важныхъ гражданскихъ правъ, право на вступленіе въ бракъ, а дѣла сопряженныя съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ вѣдаются у насъ судомъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Но присяжные засѣдатели рѣшаютъ дѣла не на основаніи формальныхъ доказательствъ, а по совѣсти, по своему внутреннему убѣжденію. Говоря проще, бездоказательное они всегда могутъ принять за доказанное и, наоборотъ, отвергнуть фактъ вполнѣ доказанный, что̀ мы и видимъ чуть ли не ежедневно.

Въ какомъ же безвыходномъ положеніи окажется духовный судъ! Въ самомъ дѣлѣ что̀ дѣлать ему? Подвергнуть пересмотру весь процесъ и самому опредѣлить силу уликъ? Но зачѣмъ же тогда и передавать дѣла въ свѣтскій судъ? Отказаться отъ критической провѣрки данныхъ судебнаго слѣдствія и утвердить приговоръ? Но какой же честный, уважающій себя человѣкъ согласится на это? А въ сущности членамъ духовнаго суда ничего другаго и не остается.

Digitized by Google

На судебномъ слѣдствіи показанія свидѣтелей не записываются, и уловить мотивы рѣшенія дѣла присяжными засѣдателями въ томъ или иномъ смыслѣ нѣтъ рѣшительно никакой возможности. Найти выходъ изъ этого заколдованнаго круга дѣйствительно не легко.

Эту задачу рѣшаетъ газета *Россія* (№ 818) которая находитъ что съ предлагаемымъ *Церковнымъ Вѣстникомъ* порядкомъ

... можно было бы примириться лишь какъ съ временной переходной мѣрой къ передачѣ бракоразводнаго процеса свѣтскому суду. Но почему же мы не можемъ приступить къ дѣлу прямо, то-есть, теперь же передать бракоразводныя дѣла тому свѣтскому суду, который вѣдаетъ всѣ дѣла семейственныя?

Въ самомъ дѣлѣ, почему? Да потому что бракъ есть таинство, а не юридическій договоръ о взаимномъ сожительствѣ. Если мы обратимъ бракъ въ него, то церковная его форма уступитъ мѣсто формѣ гражданской; тогда нотаріусъ, мировый судья или членъ городской управы заступятъ мѣсто священника, и расторженіе брака несомнѣнно должно будетъ принадлежать свѣтскому суду, какъ принадлежитъ ему уничтоженіе всякаго нарушеннаго гражданскаго договора. Только помирится ли съ этимъ совѣсть стомиліоннаго русскаго народа?

Неурожай нынѣшняго года снова выдвинулъ вопросъ: какъ помогать нуждающимся, хлѣбными ссудами или работой? Тотъ и другой способъ помощи имѣетъ свои достоинства и свои недостатки, напоминаніе о которыхъ является далеко не лишнимъ въ настоящую минуту. Ссуда можетъ быть выдана во всякое время и во всякомъ мѣстѣ, тогда какъ устройство общественныхъ работъ возможно далеко не всегда и не во всякомъ мѣстѣ. Ссудою можетъ воспользоваться все нуждающееся населеніе: мущины, женщины и дѣти, а придумать общественныя работы для всѣхъ этихъ лицъ нѣтъ рѣшительно никакой возможности. Ссуда предполагаетъ возвратъ, слѣдовательно крестьянинъ пережившій тяжелый, неурожайный годъ въ послѣдующіе годы, вмѣсто того чтобы поправлять свое разстроенное хозяйство, долженъ будетъ выплачивать долги, что, само собою понятно, увеличенію его благоденствія содѣйствовать не будетъ.

Опытъ прежнихъ лѣтъ неопровержимо доказалъ что ссудами часто пользуются крестьяне въ нихъ вовсе не нуждающіеся, которые ни на какія общественныя работы не пойдутъ, а это сразу уменьшаетъ количество людей, которымъ нужно оказывать помощь. Какъ у имущаго, такъ и у неимущаго крестьянина легко можетъ явиться

Digitized by Google

надежда что послѣ различныхъ разсрочекъ и пересрочекъ ссуда совсѣмъ будетъ сложена, надежда, судя по примѣрамъ прошлаго, не совсѣмъ-то безосновательная. Если эта надежда не оправдается, то неисполненіе ожиданія вызоветъ недовольство въ народѣ, если же, напротивъ, она оправдается, то это будетъ пріучать народъ видѣть въ ссудахъ замаскированныя подачки, которыя благотворно на нравственную сторону пользующихся ими не повліяютъ.

Все это заставляетъ предпочесть общественныя работы выдачѣ продовольственныхъ ссудъ и стремиться къ замѣнѣ послѣднихъ первыми, насколько обстоятельства это позволятъ. Но выдвигая на первый планъ помощь населенію трудомъ, нужно прежде всего выяснить, какимъ цѣлямъ должны удовлетворять общественныя работы. Въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ тюремъ, желая вывести арестантовъ изъ состоянія полнѣйшей праздности, ихъ заставляли перетаскивать кучи ядеръ съ одного мѣста на другое. Такую форму общественныхъ работъ, конечно, никто не порекомендуетъ для мѣстностей постигнутыхъ неурожаемъ. Слѣдовательно, первое условіе которому должны удовлетворять общественныя работы сводится къ тому что онѣ должны быть производительными. Полагаемъ что эта простая азбучная истина никакихъ доказательствъ не требуетъ.

Но и производительныя общественныя работы не всѣ желательны въ одинаковой мѣрѣ. Сами эти работы являются чѣмъ-то ненормальнымъ, исключительнымъ, къ чему желательно прибѣгать какъ можно рѣже, а еще лучше и совсѣмъ не прибѣгать. Отсюда слѣдуетъ что онѣ должны быть направлены или на устраненіе причинъ вызывающихъ неурожаи, или же на созданіе такихъ условій, при которыхъ въ годы урожайные сельское хозяйство пользовалось бы такими выгодами, которыя давали бы возможность отложить лишнюю копѣйку для тяжелаго неурожайнаго времени. Эта самая симпатичная форма общественныхъ работъ, симпатичная уже потому что она сама въ себѣ уже носитъ свое уничтоженіе.

Пояснимъ свою мысль примѣрами. Укрѣпленіе овраговъ, лѣсонасажденіе въ степныхъ мѣстностяхъ, борьба съ сыпучими песками, тѣ или другія обводнительныя работы, все это до извѣстной степени ослабляетъ дѣйствіе засухъ, то-есть, причины вызвавшей появленіе общественныхъ работъ. Съ другой стороны, устройство мостовъ, гатей и вообще улучшеніе путей сообщенія удешевитъ перевозку сельско-хозяйственныхъ грузовъ, слѣдовательно создастъ въ хозяйствѣ нѣкоторый плюсъ, которымъ можетъ быть покрытъ до извѣстной степени минусъ неурожайнаго года.

Подобныя работы могутъ вестись какъ на крестьянскихъ, такъ на частновладѣльческихъ земляхъ, но само собою понятно что рас-

Digitized by Google

ходы на эти работы должны покрываться изъ различныхъ источниковъ. Въ первомъ случаѣ средства должны быть даны самими крестьянами, во второмъ владѣльцами земли. Но ни тѣ, ни другіе въ неурожайные годы средствами этими не располагаютъ, слѣдовательно они должны воспользоваться ссудами на болѣе или менѣе продолжительный срокъ. Уплата этихъ ссудъ несомнѣнно будетъ легче погашенія ссуды продовольственной, такъ какъ работы мелiоративнаго характера тѣсно связаны съ увеличеніемъ доходности земель.

Мы говоримъ что это наиболѣе симпатичная форма общественныхъ работъ, но возлагать на нее преувеличенныя надежды все же не слѣдуетъ: во-первыхъ, бо́льшая часть работъ должна упасть на зиму какъ на наиболѣе тяжелое для крестьянъ время, а во-вторыхъ, очень многія мѣры ослабляющія дѣйствіе неурожаевъ вообще и засухи въ частности при нынѣшнемъ положеніи крестьянскаго хозяйства вовсе приняты быть не могутъ. Теперь крестьянинъ по рукамъ и по ногамъ связанъ общинными порядками. Онъ долженъ начинать работы одновременно со своими сосѣдями и одновременно съ ними же кончать ихъ, такъ какъ неподчиненіе установленному порядку повело бы къ тому что или всѣ остальные крестьяне были бы стѣснены въ пастьбѣ своего скота, или же неубранное одновременно съ другими поле стало бы жертвою потравъ. И это стѣсненіе личности крестьянина въ хозяйственныхъ распоряженіяхъ красною нитью проходитъ черезъ всю его жизнь.

При всякомъ неурожаѣ у насъ поднимаются крики о необходимости широкаго сельскохозяйственнаго образованія для народа. Никто конечно не будетъ отрицать что знаніе лучше невѣжества. Но какую пользу принесутъ знанія, если отнята возможность примѣнить ихъ къ дѣлу? Крестьянинъ можетъ въ школѣ тысячу разъ убѣдиться въ пользѣ того или инаго нововведенія, но осуществить его безъ согласія цѣлой деревни онъ не можетъ. А легко ли достигнуть его?

Продовольственныя ссуды и общественныя работы хороши какъ временное и паліативное средство, но если мы хотимъ серіозно бороться съ неурожаями, то должны начать дѣло съ измѣненія всей нашей хозяйственной системы. Къ сожалѣнію, для этого у насъ еще не хватаетъ мужества.

На-дняхъ всѣ столичныя и провинціальныя газеты обошло довольно странное извѣстіе:

Въ виду жалобъ со стороны земства и частныхъ лицъ на запрещеніе отпускать нижнихъ чиновъ на вольныя лѣтнія работы, Госп-

Digitized by Google

нымъ Министерствомъ поставленъ на очередь вопросъ о пересмотрѣ существующихъ положеній о вольныхъ работахъ, причемъ предположено вольныя работы замѣнить самымъ широкимъ увольненіемъ нижнихъ чиновъ въ отпуски на родину на все необходимое для этихъ работъ время, что̀ является мѣрою необходимою какъ въ смыслѣ экономическомъ для мѣстнаго населенія, такъ и потому что при такомъ порядкѣ нижніе чины не теряютъ связи съ деревнею.

До сихъ поръ военное начальство самую нежелательную сторону вольныхъ солдатскихъ работъ видѣло въ томъ что эти работы сокращаютъ срокъ дѣйствительной службы, а стало-быть и уменьшаютъ время обученія. Далѣе указывалось что пребываніе солдатъ на вольныхъ работахъ вдали отъ начальства ослабляетъ дисциплину. Почему же отпуски на родину не будутъ имѣть всѣхъ этихъ отрицательныхъ сторонъ? Вѣдь и во время этого отпуска солдатъ будетъ вдали отъ начальническаго глаза и никакой дисциплинѣ подчиняться не станетъ. Напротивъ, такое положеніе будетъ гораздо менѣе удовлетворительнымъ чѣмъ на частныхъ работахъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ крупныхъ хозяйствахъ солдаты нанимаются не въ одиночку, а группами болѣе или менѣе значительными, въ каждой изъ такихъ группъ всегда имѣется старшій которому подчинены остальные, это подчиненіе котораго нижній чинъ не будетъ чувствовать въ отпуску и не даетъ ослабнуть дисциплинѣ. Приходится признать что съ этой точки зрѣнія отпуски не имѣютъ никакого преимущества передъ вольными работами въ мѣстахъ расположенія воинскихъ частей.

Не всякой семьѣ нуженъ солдатъ въ качествѣ работника и не всякой выгоденъ пріѣздъ его въ отпускъ. Прежде всего семья должна оплатить его путевыя издержки въ оба конца, такъ какъ съ уничтоженіемъ вольныхъ работъ собственныхъ денегъ у него не будетъ. Положимъ, горю до извѣстной степени можно пособить установленіемъ пониженныхъ тарифовъ для льготной перевозки солдатъ въ лѣтнее время. Но не слѣдуетъ забывать что такіе тарифы дѣйствительныхъ расходовъ дорогъ не покрываютъ, а потому должны быть въ той или иной формѣ разложены на тѣ же самыя крестьянскія семьи. Теперь плата за вольныя работы частью поступаетъ въ пользу самихъ солдатъ, частью идетъ въ ротныя суммы, то-есть, опять-таки для улучшенія содержанія тѣхъ же самыхъ солдатъ. При существующемъ бюджетѣ Военнаго Министерства солдатъ не можетъ обойтись безъ нѣкоторыхъ тратъ изъ своего кармана. Если онъ будетъ проводить лѣто въ своей деревнѣ, то семьѣ его придется дать ему денегъ на покрытіе подобныхъ расходовъ. Если же и этого семья не въ состояніи будетъ сдѣлать, то государство должно увеличить бюдж[illegible]ря другими словами, сдѣлать эти даянія изъ добровольныхъ [illegible]ными.

Digitized by Google

Во имя чего же нужна вся ломка установившейся системы? Чтобы укрѣпить связь солдата съ деревней, говорятъ намъ. Но, во-первыхъ, срокъ нынѣшней службы вовсе не настолько великъ чтобы онъ могъ повести къ ослабленію личныхъ связей и, во-вторыхъ, пока солдатъ не отвыкнетъ отъ сельско-хозяйственныхъ работъ, его не перестанетъ тянуть въ деревню къ привычному труду. Въ данномъ случаѣ вольныя сельско-хозяйственныя работы дадутъ тотъ же самый результатъ какъ и лѣтніе роспуски по домамъ. Но такія работы могутъ дать и еще кой-что, чего не дадутъ домашнія занятія: сельско-хозяйственныя знанія. Положимъ, далеко не все что̀ увидитъ солдатъ въ крупномъ хозяйствѣ онъ можетъ перенести въ свое собственное маленькое хозяйство, но все же нельзя отрицать и того что кой-чѣмъ онъ все же позаимствуется, кой-что перенесетъ и къ себѣ.

Какіе еще доводы приводятся у насъ противъ вольныхъ солдатскихъ работъ? Говорятъ что работы у инородцевъ и иновѣрцевъ могутъ имѣть нежелательное вліяніе на солдатъ. Можетъ-быть, въ этомъ утвержденіи и есть извѣстная доля правды. Но изъ этого можно сдѣлать только одинъ выводъ что не всякому слѣдуетъ позволять пользоваться солдатскимъ трудомъ. У насъ существуетъ, напримѣръ, законъ запрещающій Евреямъ держать прислугу изъ христіанъ, но никому конечно не придетъ въ голову издавать законъ возбраняющій всѣмъ и каждому пользоваться услугами наемныхъ людей.

Послѣдній и самый серіозный доводъ противъ вольныхъ солдатскихъ работъ сводится къ тому что онѣ роняютъ цѣну на крестьянскій трудъ и вызываютъ озлобленіе противъ солдатъ. Теоретически это совершенно вѣрно, но на практикѣ позволительно отнестись съ сильнымъ сомнѣніемъ къ этому доводу.

Составъ русской арміи въ мирное время не достигаетъ и миліона солдатъ, а населеніе Россіи давно уже превышаетъ 130 миліоновъ душъ; слѣдовательно, если распустить всю нашу армію, то и тогда количество рабочихъ рукъ увеличится едва ли на 1%, но вся армія никогда не распускается, а потому даже и такого ничтожнаго увеличенія въ дѣйствительности не бываетъ. Если изъ ста человѣкъ одинъ согласится работать за пониженную цѣну, то въ проигрышѣ останется только онъ самъ, такъ какъ принудить другихъ къ пониженію цѣнъ онъ безсиленъ, какъ безсиленъ замѣнить собою десятки необходимыхъ рабочихъ. Наконецъ, у насъ гораздо чаще слышатся жалобы на недостатокъ рабочихъ рукъ чѣмъ на дороговизну ихъ.

Вообще, весь походъ противъ вольныхъ солдатскихъ работъ носитъ какой-то кабинетный характеръ не имѣющій рѣшительно ни-

Digitized by Google

какихъ серіозныхъ основъ въ практической жизни. Въ силу этого онъ и останется безплоднымъ. Вѣроятнѣе всего что увольняемые въ отпускъ солдаты за весьма немногими исключеніями будутъ продолжать поступать на наемныя работы только не вблизи, а вдали отъ расположенія своихъ частей. Въ выигрышѣ отъ этого едва ли кто-нибудь останется. Не лучше ли не производить коренной ломки въ установившихся порядкахъ, а только ввести въ нихъ частичныя улучшенія, въ чемъ они несомнѣнно нуждаются?

Въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* появилась жалоба князя Друцкаго-Соколинскаго на угнетеніе земства. Приходитъ онъ къ удивительному открытію что—

съ тѣхъ поръ какъ по волѣ Императора Александра III руководительство въ земствѣ предоставлено дворянству, дѣятельность самаго земства постепенно все болѣе и болѣе умаляется, а въ немъ также постепенно развивается чувство самосохраненія чуть не до болѣзненности. Въ любомъ земскомъ собраніи достаточно указанія на тотъ или другой циркуляръ или только на вѣроятіе что губернаторъ не пропуститъ предполагаемаго постановленія, чтобы обсужденіе замолкло и прекратилось...

Утвержденіе это далеко несогласно съ истиною. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не послѣ кончины Императора Александра III нѣкоторымъ земствамъ понадобились напоминанія о тщетности „несбыточныхъ мечтаній?“ Развѣ большинство земствъ прекратили свою фронду противъ администраціи? Развѣ чуть ли не всѣ распоряженія губернаторовъ и даже министра Внутреннихъ Дѣлъ не обжаловаются „по принципу“ въ Сенатъ? Развѣ законъ о предѣльности земскаго обложенія не вызвалъ безконечнаго ряда ходатайствъ объ отмѣнѣ его? Развѣ такія же ходатайства не возбуждались о другихъ законахъ послѣдняго времени? Всѣ эти факты еще слишкомъ свѣжи въ памяти большинства читателей и въ угнетенное состояніе нашихъ земствъ врядъ ли кто-нибудь изъ нихъ повѣритъ.

Сами по себѣ жалобы кн. Друцкаго-Соколинскаго представляютъ мало интереса, зато безусловно интересна *цѣль*, съ которой такъ щедро разсыпаются эти жалобы:

„Угнетеніе“ земства дошло, по словамъ кн. Друцкаго-Соколинскаго, до того что

и въ порученныхъ земству оцѣночныхъ работахъ оно только старалось и старается строго держаться указанныхъ ему основаній, воздерживаясь отъ обсужденій ихъ.

Digitized by Google

Если это правда, то можно только радоваться, такъ какъ введеніе каждымъ земствомъ своихъ собственныхъ основаній создало бы неравномѣрную оцѣнку однихъ и тѣхъ же имуществъ въ различныхъ мѣстностяхъ, а слѣдовательно и неравномѣрность земскаго обложенія.

Иначе смотритъ на дѣло авторъ цитуемой статьи.

Тутъ, говоритъ онъ, крупное недоразумѣніе. Вѣрная оцѣнка недвижимыхъ имуществъ одинаково желательна какъ для правительства, такъ и для плательщиковъ всякихъ земскихъ сборовъ съ земли. Боязнь земства проявленіемъ своей инціативы ускорить свое уничтоженіе всего менѣе умѣстна въ такомъ дѣлѣ какъ оцѣнка чего бы то ни было.

Въ чемъ же, однако, должна состоять эта *вѣрная* оцѣнка?

Лежащіе на недвижимомъ имуществѣ налоги и повинности какъ случайное явленіе не могутъ вліять на коренную цѣнность и доходность земли, а потому должны быть исключены при *опредѣленіи какъ той, такъ и другой.*

Взглядъ довольно странный. Почему налоги должны быть отнесены къ случайнымъ явленіямъ? Развѣ у насъ существуютъ земства не взимающія налоговъ съ земли? Нѣтъ, такихъ земствъ у насъ не существуетъ, а слѣдовательно налоги являются не случайнымъ и исключительнымъ, а повсемѣстнымъ явленіемъ, и вычетъ ихъ изъ валовой доходности дѣло совершенно справедливое.

Большая часть мірскихъ сборовъ должна быть причислена къ административному расходу подлежащему вычету изъ валоваго дохода при выводѣ чистой доходности надѣльныхъ земель.

Мірскіе расходы — расходы сословно-крестьянскіе. Всякій землевладѣлецъ у насъ принадлежитъ къ какому-нибудь сословію и несетъ сословные расходы, для дворянъ, напримѣръ, эти расходы довольно чувствительны. Вычитать ли эти расходы также изъ чистой доходности? На этотъ вопросъ авторъ не даетъ никакого отвѣта.

Если мы дѣлимъ землю на разряды сообразно качеству почвы, никакого препятствія нѣтъ дѣлить также земли на основаніи кореннаго различія пользованія ею и полученія отъ нея дохода.

Это пожеланіе особенно характерно. Сводится оно къ тому что съ лучшихъ хозяевъ нужно брать больше, а съ худшихъ меньше, создавая такимъ образомъ преимущества для лѣности и невѣжества.

Вотъ „принципы“ оцѣнки, на которые подталкиваются земства. До сихъ поръ они держались правила брать со всѣхъ, а собранныя деньги употреблять на нужды однихъ только крестьянъ. Теперь рекомендуется еще шагъ впередъ: тратить на крестьянъ, а собирать со всѣхъ кромѣ крестьянъ.

Нельзя не отмѣтить еще одного „принципа“ проповѣдуемаго кн.

Друцкимъ-Соколинскимъ земству. Онъ въ отмѣченной статьѣ говоритъ:

Земское хозяйство, равно и государственное, отличаются отъ частнаго тѣмъ что въ нихъ доходы соразмѣряются съ расходами признанными необходимыми, тогда какъ въ послѣднемъ, по необходимости, отношеніе обратное.

Переводя эту фразу на общепонятный языкъ мы получимъ: Земство должно не расходы соразмѣрять съ доходами, а доходы съ расходами. Напримѣръ, признало земство необходимымъ въ интересахъ развитія сутяжничества завести земскую адвокатуру, увеличивай земское обложеніе. Появился у нѣсколькихъ земцевъ „литературный зудъ", заводи земскій печатный органъ и опять увеличивай обложеніе, и такъ далѣе безъ конца. Къ счастію правительство смотритъ на дѣло не такъ: вводя фиксацію земскихъ расходовъ оно тѣмъ самымъ установило принципъ что земства должны соразмѣрять расходы съ доходами, а не наоборотъ. Вѣроятно, въ силу самой простой логической послѣдовательности правительство дало бы должный отпоръ земствамъ, еслибы они вздумали въ своихъ оцѣночныхъ работахъ руководствоваться правилами преподаваемыми имъ кн. Друцкимъ-Соколинскимъ.

Крахи южныхъ банковъ и нашъ промышленный кризисъ повели къ обезцѣненію акцій даже вполнѣ надежныхъ предпріятій и къ усиленной покупкѣ болѣе цѣнныхъ государственныхъ бумагъ. Любимѣйшими изъ этихъ бумагъ у насъ безспорно являются выигрышные билеты, цѣны на которые начали подниматься со значительною быстротою. Заговорили о спекуляціи билетами и о необходимости прекратить ее.

Судя по газетнымъ извѣстіямъ средство для этого придумано довольно остроумное: предположено количество билетовъ сдѣлать постояннымъ, то-есть, билеты вышедшіе въ тиражъ замѣнять новыми въ соотвѣтствующемъ количествѣ. На первый взглядъ можетъ показаться страннымъ: зачѣмъ огородъ городить? зачѣмъ выпускать ... билеты взамѣнъ старыхъ, когда можно просто прекратить тиг послѣднихъ?

Однако, такой способъ хотя и содѣйствовалъ бы установле прочныхъ цѣнъ на выигрышные билеты, но не далъ бы н кихъ денежныхъ выгодъ нашему финансовому вѣдомству, тогда і первый способъ сулитъ довольно крупные барыши. Въ самомъ д. выходитъ въ тиражъ, положимъ, сто серій заключающихъ сто

Digitized by Google

5.000 билетовъ, за каждый изъ нихъ уплачивается Государственнымъ Банкомъ по 130 рублей. Взамѣнъ этихъ погашенныхъ билетовъ выпускается 5.000 новыхъ. По какой цѣнѣ? Конечно, не по номинальной и не по цѣнѣ погашенія, а по курсу дня, или во всякомъ случаѣ по цѣнѣ близкой къ этому курсу. Билеты перваго займа продаются теперь 451 и 452 р., выпуская ихъ по этой цѣнѣ Государственный Банкъ пріобрѣтетъ на каждомъ билетѣ 320 рублей и пріобрѣтетъ, что̀ называется, ни за что̀ и ни про что̀. Операція съ билетами втораго займа или съ закладными съ выигрышами листами Государственнаго Дворянскаго Банка будетъ конечно менѣе выгодною, но и она дастъ все же громадные барыши.

Но справедлива ли эта мѣра по отношенію къ нынѣшнимъ владѣльцамъ билетовъ? Полагаемъ что глубоко несправедлива.

Что̀ заставляло ихъ довольствоваться полученіемъ 5 рублей въ годъ на билетъ стоющій 450 или 330 рублей? Да они не получали и этой ничтожной суммы, такъ какъ бо̀льшую часть ея приходилось тратить на страховку билета; что̀ же привлекало покупателей? Надежда на выигрышъ? Но ею жили только очень легковѣрные люди. Большинство же мирилось съ бездоходностію билетовъ только въ виду постояннаго возрастанія ихъ цѣнности, при которой продажа билета по болѣе высокой цѣнѣ возмѣщала неполученные проценты. Вотъ почему всякая искусственная мѣра направленная къ пониженію ихъ цѣнности является несправедливою.

Все это сильно заставляетъ усомниться въ правдивости газетнаго слуха, тѣмъ болѣе что для прекращенія спекуляціи выигрышными билетами есть болѣе простое средство. Можно дозволить продавать ихъ съ разсрочкою платежей сберегательнымъ кассамъ, и тогда билеты размѣстятся прочно по рукамъ и не будутъ выбрасываться на биржу въ сколько-нибудь значительномъ количествѣ.

„Эта мѣра будетъ поощрять страсть къ азартной игрѣ, страсть къ легкой наживѣ“, скажутъ намъ. Но это возраженіе только фарисейство. Вѣдь терпимъ же мы тотализаторы, а они эту страсть развиваютъ въ тысячи разъ больше всякихъ лотерей.

Ѳ. Э. Ромеръ.

НЕКРОЛОГЪ.

8-го августа внезапно скончался въ Петербургѣ Ѳеодоръ Эмиліевичъ Ромеръ, многолѣтній сотрудникъ *Русскаго Вѣстника*, извѣстный писатель, публицистъ и сельскій хозяинъ.

Digitized by Google

Покойный родился въ 1838 году въ глуши Калужской губерніи и въ родной деревнѣ провелъ свою юность. Сынъ Полякa, онъ отъ матери, истинно-русской женщины, унаслѣдовалъ искреннюю любовь къ родной деревнѣ и странѣ и неизмѣнно до конца дней своихъ оставался религіознымъ, православнымъ человѣкомъ, которому было такъ близко и дорого все деревенское...

По окончаніи курса съ медалью въ Казанской гимназіи, Ѳеодоръ Эмиліевичъ поступилъ на историко-филологическій факультетъ университета св. Владиміра въ Кіевѣ. Въ 1860 году онъ окончилъ курсъ и сдавъ экзаменъ на магистра сталъ готовить дисертацію. Въ это время онъ занялся учительствомъ въ гимназіи и одновременно началъ писать блестящіе фельетоны изъ жизни мѣстнаго общества въ *Кіевлянинѣ* и первые свои опыты въ бѣлетристикѣ („M-lle Катишь“ въ *Отечественныхъ Запискахъ*). Однако, преподавательская дѣятельность не долго интересовала его: онъ бросилъ учительскую службу и уѣхалъ за-границу. Въ Италіи, преимущественно въ Неаполѣ, онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ и вернулся оттуда женатымъ человѣкомъ и уже прямо „сѣлъ на землю“ пріобрѣтя себѣ имѣніе въ Карачевскомъ уѣздѣ Орловской губерніи.

Съ тѣхъ поръ и началась любимая Ѳ.Э. Ромеромъ сельскохозяйственная дѣятельность, и въ ней вполнѣ разцвѣлъ его удивительный талантъ. Первоначально онъ дѣлилъ свое время между службой по выборамъ (мировымъ судьею и предсѣдателемъ съѣзда) и сельскимъ хозяйствомъ, а впослѣдствіи всецѣло отдался послѣднему и въ этой области достигъ такихъ громадныхъ успѣховъ, которые поражали даже спеціалистовъ и для той полосы Орловской губерніи казались невѣроятными и невозможными. Его имѣніе, дотолѣ заброшенное и бездоходное, въ нѣсколько лѣтъ хозяйства Ѳ. Э. Ромера превратилось въ цвѣтущее и образцовое во всѣхъ частяхъ своихъ. Прекрасный плодовый садъ, огромные цвѣтники съ экземплярами рѣдчайшихъ въ нашемъ климатѣ растеній, скотный дворъ и птичникъ съ невиданными въ Орловской губерніи породами домашнихъ животныхъ и птицъ дали Ѳеодору Эмиліевичу такой доходъ, о которомъ не могутъ и мечтать землевладѣльцы въ наше время постоянныхъ кризисовъ. Видя на собственномъ опытѣ огромную пользу интенсивнаго хозяйства у насъ въ Россіи, онъ такъ убѣдительно внушалъ и другимъ попробовать пойти по его слѣдамъ, и вотъ именно съ этихъ поръ, когда онъ въ печати выступилъ со своими замѣчательными статьями по сельскому хозяйству, начинается громкая извѣстность его и популярность положительно во всѣхъ кружкахъ читающей и мыслящей Россіи. Достойно особаго вниманія то обстоятельство что этому истинно-русскому человѣку отдавали дань уваженія

Digitized by Google

и такъ-называемые у насъ „либеральные“ кружки и изданія, хотя имъ и весьма больно доставалось иногда въ его писаніяхъ.

Сотрудничество Ѳеодора Эмиліевича въ *Русскомъ Вѣстникѣ* началось очень давно, еще при незабвенномъ основателѣ журнала Михаилѣ Никифоровичѣ, который напечаталъ нѣсколько стихотвореній Ромера. Съ 1896 года, когда журналъ снова вернулся въ Москву, Ѳеодоръ Эмиліевичъ уже не прерывалъ въ немъ своего сотрудничества, и даже болѣе того: все время неизмѣнно онъ оставался близкимъ, отзывчивымъ, готовымъ поддержать своимъ расположеніемъ новое дѣло. За это время огромный успѣхъ имѣли его публицистическія статьи по разнымъ современнымъ вопросамъ, какъ: о приходѣ, о земствѣ, о выборной и правительственной власти и т. п., и особенно его ежемѣсячныя статьи подъ заглавіемъ: „Сельскохозяйственное Обозрѣніе“. На нихъ обращено было вниманіе не однихъ только постоянныхъ читателей *Русскаго Вѣстника*, и прекратились онѣ лишь со дня приглашенія Ромера Министерствомъ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ въ редакторы изданій Министерства по сельскому хозяйству: *Извѣстія Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ*, *Сельское Хозяйство и Лѣсоводство* и *Земледѣльческая Газета*.

Изъ бѣлетристическихъ работъ Ѳ. Э. Ромера за это время выдѣлились романъ „Подъ разными флагами“ и повѣсть „Внѣ рамки“ оканчиваемая печатаніемъ въ этой же книгѣ журнала уже по кончинѣ ея автора.

Не касаясь множества другихъ произведеній его, стихотворныхъ, бѣлетристическихъ, публицистическихъ, критическихъ и др., которыя снискали автору вполнѣ заслуженный почетъ, нельзя обойти молчаніемъ что его здоровая и многоталантливая натура давала надежды на долгіе и также плодотворные годы жизни и дѣятельности литературной и сельскохозяйственной. Провидѣніе судило иначе, и этого рѣдкаго человѣка уже нѣтъ между нами, и его кипучая, жизнерадостная работа прекратилась навсегда...

Sit tibi terra levis!

Книги поступившія въ редакцію „Русскаго Вѣстника“ въ августѣ.

Прялка тумановъ. Посмертные разказы *Жоржа Роденбаха*. Переводъ М. Веселовской со вступительной статьей Юрія Веселовскаго. М. 1901.

Digitized by Google

Смерть идетъ! Освобожденіе русскимъ отрядомъ епископа, 23 священниковъ и 3000 христіанъ Восточной Монголіи въ послѣднюю Китайскую войну. *Ю. Л. Ельцъ*. Изданіе 2-е. М. 1901.

Люди и нравы Дальняго Востока. Отъ Владивостока до Хабаровска. Путевой дневникъ. *Г. Т. Мурова*. 1901.

Призваніе женщины въ школѣ и въ обществѣ. М. 1901. Изданіе *К. П. Побѣдоносцева*.

Сборникъ статей и записокъ по вопросамъ народнаго образованія. *Б. М. Юзефовичъ*. Кіевъ. 1901.

Въ защиту „штатскаго ребенка". Защищенные рейды и... твердая „исходная точка" улучшенныхъ „парусныхъ" судовъ. Разнородный матеріалъ для „воспитательной" реформы. Прибавленіе къ брошюрѣ „Современная школа и семья и ихъ послѣдствія". Барона *К. В. Каульбарса*. Кронштадтъ. 1901.

Историческій очеркъ развитія желѣзныхъ дорогъ въ Россіи съ ихъ основанія по 1897 г. включительно. Историческій очеркъ разныхъ отраслей желѣзнодорожнаго дѣла и развитія финансово-экономической стороны желѣзныхъ дорогъ въ Россіи по 1897 г. включительно. Составленъ съ Высочайшаго соизволенія по распоряженію министра Путей Сообщенія дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя М. И. Хилкова подъ редакціей инженера тайнаго совѣтника В. М. Верховскаго. СПБ. 1901.

Сенатскій архивъ. IX. Протоколы Правительствующаго Сената 1753—1756 гг. СПБ. Сенатская Типографія. 1901.

Обзоръ дѣятельности Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ за седьмой годъ его существованія (30 марта 1900—30 марта 1901 года). СПБ. 1901.

Отзывы о результатахъ введенія казенной продажи питей поступившіе въ Министерство Финансовъ отъ начальниковъ губерній и другихъ лицъ. СПБ 1901.

Теорія желѣзнодорожныхъ тарифовъ. Задачи управленія, принципы построенія и примѣненія, формы и виды тарифовъ. *К. Я. Загорскій*. СПБ. 1901.

Министерство Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ. Департаментъ Земледѣлія. По вопросу о мѣрахъ борьбы съ луговымъ мотылькомъ. *А. А. Силантьева*. СПБ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine of five cents a day is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

Digitized by Google

Widener Library
3 2044 099 715 781